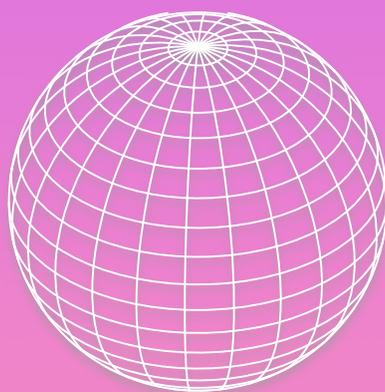

Министерство образования и науки РФ
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

МАТЕРИАЛЫ

XII Межвузовской научно-практической
конференции с международным участием

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

17-18 апреля 2023 года

Санкт-Петербург
2023

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова (Ленина)

Гуманитарный факультет

МАТЕРИАЛЫ

ХII Межвузовской научно-практической
конференции с международным участием

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

17 – 18 АПРЕЛЯ 2023 ГОДА

Санкт-Петербург
2023

УДК 81
ББК Ш10я43

Материалы Двенадцатой межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 17 – 18 апреля 2023 года. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023. 312 с.

ISBN 978-5-7629-3172-4

Организатор конференции

КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
им. В. И. Ульянова (Ленина)
(ИНЯЗ)

Состав оргкомитета

Председатель оргкомитета:

Тупик Виктор Анатольевич,
Проректор СПбГЭТУ «ЛЭТИ» по научной работе, д-р техн. наук, профессор

Заместители председателя оргкомитета:

Гигаури Нина Константиновна
канд. техн. наук
декан Гуманитарного факультета

Шумков Андрей Арнольдович
д-р филол. наук
заведующий каф. ИНЯЗ

Шульженко Татьяна Владимировна
доцент каф. ИНЯЗ
зам. зав. каф. ИНЯЗ по учебной работе
руководитель направления
«Лингвистика»

Преображенская Ольга Алексеевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Журавлёва Ольга Михайловна,
канд. ист. наук
доцент каф. ИНЯЗ
зам. зав. каф. ИНЯЗ по научной работе

Степанова Наталия Валентиновна
канд. филол. наук
профессор каф. ИНЯЗ

Члены оргкомитета:

Беседина Елена Ивановна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Кузьмич Ирина Васильевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Рамантова Ольга Вячеславовна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Тихонова Елена Сергеевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Ульяницкая Любовь Александровна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Флакман Мария Алексеевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Алексеевко Евгения Сергеевна
ст. преподаватель каф. ИНЯЗ

Кабанова Наталья Александровна
ст. преподаватель каф. ИНЯЗ

Якубенко Елена Геннадьевна,
ст. преподаватель каф. ИНЯЗ

Курганская Екатерина Владимировна
ассистент каф. ИНЯЗ

Мальшева Валерия Николаевна
ассистент каф. ИНЯЗ

MINISTRY FOR EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

ST. PETERSBURG ELECTROTECHNICAL UNIVERSITY
“LETI”

Faculty of Humanities

PROCEEDINGS

of the XII National University Conference
with International Guests

CURRENT ISSUES IN LINGUISTICS

APRIL 17 –18, 2023

Saint Petersburg
2023

УДК 81
ББК III10я43

Proceedings of the XII National University Conference with International Guests ‘Current Issues in Linguistics’, Saint Petersburg, April 17 –18, 2023. ETU Publishing house, Saint Petersburg, 2023. 312 p.

ISBN 978-5-7629-3172-4

Conference Organizers:

FOREIGN LANGUAGES DEPT.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

Organizing Committee

Chair of the Organizing Committee:

Victor Tupik

Vice-Rector of St. Petersburg Electrotechnical University “LETI” for Research,
Doctor of Engineering Science, Professor

Vice-chairs of the Organizing Committee:

Nina Gigauri

PhD, Dean of the Faculty
of Humanities

Andrey Shumkov

Doctor of Linguistics
Head of Foreign Languages
Dept.

Tatiana Shulzhenko

Associate Prof.
Deputy Head of Foreign
Languages Dept.

Olga Preobrazhenskaya

PhD, Associate Prof.

Olga Zhuravleva,

PhD, Associate Prof.
Deputy Head of Foreign
Languages Dept.

Nataliia Stepanova

PhD, Prof. of Foreign
Languages Dept.

Members

of the Organizing Committee:

Elena Besedina

PhD, Associate Prof.

Maria Flaxman

PhD, Associate Prof.

Irina Kuzmich

PhD, Associate Prof.

Olga Ramantova

PhD, Associate Prof.

Elena Tikhonova

PhD, Associate Prof.

Lyubov Ulyanitskaya

PhD, Associate Prof.

Evgeniia Alekseenko

Senior Lecturer

Nataliia Kabanova

Senior Lecturer

Elena Yakubenko

Senior Lecturer

Ekaterina Kurganskaya

Teaching Assistant

Valeria Malysheva

Teaching Assistant

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ; ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА	9
Алексеевко Е. С. Отечественные и зарубежные лингвисты XIX–XX веков о феномене словообразования	9
Богданов Б. С. Нормандское завоевание Англии как катализатор кельтского субстрата в английском языке	16
Войченко Н. В. Об этимологической связи «доброты» и «красоты» в русском, английском и немецком языках.....	23
Окина Н. П. Приёмы создания комического в частушках	29
Пальчёнкова Е. Д., Маслова А. Ю. Фразеологизмы с компонентом «ветер» / «ветар» в русском и сербском языках.....	34
Тихонова Е. С. О тенденциях сочетаемости эпитетов с существительными в Старшей Ливонской рифмованной хронике	42
ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА; ПРАГМАТИКА И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА.....	50
Грейдина Н.Л. The foreign policy image of the country as a cognitive phenomenon (based on the English language)	50
Иконникова Я. А. Морфологический анализ английских неологизмов в интернет-дискурсе..	55
Курганская Е. В. Определение характеристик токсичного пользователя в социальных сетях	61
Лисневская А. В. Языковые средства выражения абьюза в драматическом телесериале “Euphoria”	66
Лунева Е. Ю. Прецедентность в петербургских текстах Серебряного века: на материале творчества Г. В. Иванова	72

Матвеева В. Н., Степанова Н. В. Проблемы адаптации феминистской лексики в современном русском медиадискурсе	77
Никифорова А. В. Языковая репрезентация проблемы сохранения морских экосистем в англоязычном медийном дискурсе	85
Новожилова А. А., Солнцева Е. С. Социальные эвфемизмы в экономическом дискурсе	91
Павленко Е. А., Куралева Т. В. Дискурсивные функции и словообразовательные модели молодежного сленга в современном английском диалоге (на примере сложных существительных)	97
Рамантова О. В., Степанова Н. В. Метафорическая репрезентация миграции в медиаполитическом дискурсе	102
Ровинская Ю.В.. To the problem of the Olympics-2022 image mediatization specificity	110
Сигаева М. С. Концептуальная метафора в интернет-мемах о науке	115
Ткачева А. Н. Фасцинативные приёмы в рекламных слоганах кандидатов в президенты Франции	122
Хлопонина К. Д. Скрытые смыслы в психологическом триллере Гая Ричи “Revolver”	127
Чупахина А. О. Эмотивность зрительного восприятия художника в тексте интервью	134
Щербак Н. Ф. Концепты современного художественного дискурса (на примере дзен-буддийских рассказов Сэлинджера)	139
Языкова Ю. Трансформации конфликтного речевого поведения: сопоставительный анализ литературного произведения и его экранизации	149
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНТАКТОЛОГИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ; ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	155
Глыбовская Д. А. Антропонимы и их апелляция в английском языке	155
Дёмин Г. А. Заемствованные английские слова в текстах песен русскоязычных исполнителей на примере творчества групп Би-2 и ДДТ	161

Денисова Н. В., Кованова Е. А. Шипперинг как лингвокогнитивный феномен: английские онимы-бленды в блогосфере.....	171
Журавлева О. М. Общие черты культуры народов Приневья и их проявление в современной этнической песне.....	177
Костецкая Ю. С. Речевое поведение современных индийцев-билингвов в условиях спонтанной речи	184
Маркелов А. С. Особенности компьютерно-игрового дискурса в русском и английском языках.....	188
Мельникова В. Д. Некоторые особенности языковой ситуации в Канаде	193
Пак Д. А. Словообразовательные модели айнского языка на примере глагола.....	198
Преображенская О. А. Фрагмент финской языковой картины мира	204
Теплыгина И. М. Анализ тематической группы «общежитие кампуса» университетов ИТМО и МПТ	208
Шугайло И. В. Знание иностранного языка как элемент безопасности на море и в воздухе ..	215
ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	221
Ворошникова М. В., Беседина Е. И. Звукоизобразительные глаголы движения в переводах Т. Славниковой ..	221
Заложных О. В., Степанова Н. В. Использование переводческих стратегий при адаптации кинотекста на примере сериала «Гравити фолз».....	227
Сапронова Л. А. Стратегии перевода имен персонажей в романе Джоанн Харрис “Gentlemen and Players”	233
Синицкая Е. Ю. Стилистические трансформации при локализации культурно-маркированной лексики в компьютерных играх	238
Теллинен В. В., Кузьмич И. В. Перевод настольных ролевых игр – кто на новенького?	246
Щелконогова Е. А. Анализ проблем языковой интерференции (на примере перевода фильмов с английского языка на русский язык)	251

ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	259
Мальшева В. Н. Семантическая аффилиация и звукоизобразительный статус фонестем <i>br-</i> и <i>cr-</i> английского языка	259
Пруцких Т. А. Фразеологизмы китайского языка с пейоративным значением (фоносемантический аспект)	267
Репина Д. Ю., Беседина Е. И. Звукоизобразительная лексика в романе Дж. К. Роулинг “Career of Evil”	275
Седёлкина Ю. Г., Ван М. Ономатопея в американском художественном тексте	281
Флакман М. А. Звукоизобразительная лексика в «Этимологическом словаре латинского языка»: предварительные замечания	290
ТЕРМИНОЛОГИЯ БИОИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ: МЕДИЦИНА, ФАРМАКОЛОГИЯ, ИНЖЕНЕРНОЕ ДЕЛО	298
Бузи Д. Проблемы терминологии и корпусное исследование терминов в сфере авиационной промышленности	298
Стогова Е. В., Горская С. О. Стратегии перевода терминов в области медицины и фармакологии (на материале английского и русского языков)	305

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ; ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-112

Е. С. Алексеенко

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

alekseenko.eugenia@gmail.com

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИНГВИСТЫ XIX–XX ВЕКОВ О ФЕНОМЕНЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются предпосылки возникновения словообразования как самостоятельной научной дисциплины, освещаются основные вопросы его становления и развития. Дается краткий обзор важнейших событий и работ, оказавших огромное влияние на эволюцию исследований в рассматриваемой области языкознания.

Английский язык, история языкознания, концепции словообразования, немецкий язык, русский язык

Начиная с древних времён люди задавались вопросом о происхождении и формировании слов, о связях, существующих между ними, о принципах, реализуемых в процессе номинации. Однако долгое время исследователи не считали, что вопросы, относящиеся к современному словообразованию, должны изучаться отдельным разделом языкознания. Так, например, описываемая Ч. П. Мейсоном (1820 – 1900) в «Английской грамматике» этимология по факту занимается вопросами исключительно словообразовательного толка. Исследователь пишет о делении слов на два класса: первичные (primary) и вторичные (secondary) или производные (derivative). Примерами первых служат те слова, которые нельзя разложить на более простые составляющие: *man, horse, run*. Вторичные же слова представляют собой комбинацию значимых частей. Процесс их образования может идти по пути композиции (composition) или деривации (derivation) [Коровушкин, с. 102]. Мейсон был не единственным учёным, который проводил подобные исследования в рамках давно сложившихся разделов языкознания. В рамках этой статьи предпринята попытка проанализировать основные труды в области словообразования XIX–XX вв. и охарактеризовать процесс эволюции представлений о словообразовании и его месте среди других лингвистических дисциплин.

Разработанная Я. Гриммом (1785 – 1863) концепция словообразования заложила основы для описания специфики словообразования, в первую очередь в немецком языке. В «Немецкой грамматике» (1819) Гримм различает первичную и вторичную номинацию, рассматривая среди прочего вопросы словопроизводства (*Ableitung*) и словосложения (*Zusammensetzung*). Особенно важно, что исследователь разграничивает словопроизводство и словосложение от словоизменения, то есть проводит грань между современными словообразованием, в центре внимания которого находится образование новых слов, и морфологией, изучающей образование форм слов. Романтическая концепция происхождения языка, предложенная немецким лингвистом, интересна тем, что она дана в словообразовательных терминах. «История индоевропейского языка, как она может быть воссоздана из материала различных индоевропейских языков, по мнению Я. Гримма, показывает смену двух процессов: первый процесс – возникновение флексии из соединения частей слов и второй – распадение флексии» [Амирова, с.254]. Гримм предложил выделить три этапа развития языка: 1. создание корней и слов; 2. расцвет законченной в своём совершенстве флексии; 3. стремление к ясности мысли и, как следствие, отказ от флексии [Шулежкова, с. 51].

Вслед за Я. Гриммом идеи о принципиальном различии словообразования и словоизменения придерживались и другие немецкие лингвисты: О. Бехагель, В. Вильманс, Г. Паульс, Ф. Клуге, В. Хенцен, тем самым подготавливая почву для становления словообразования как отдельного направления лингвистических исследований.

Немецкий лингвист К. Ф. Беккер (1755 – 1849) считал словообразование разделом этимологии. Свои основные идеи он изложил в работе «Немецкое словообразование или органическое развитие немецкого языка в процессе деривации» (1824) [Коровушкин, с. 100].

Беккер рассматривает звукообразование в качестве части словообразования в широком смысле, указывая на то, что непроизводные в настоящий момент слова были в своё время произведены из звуков, поэтому на ранних этапах словообразование представляло собой звукообразование. В узком же смысле собственно словообразование является процессом создания производных слов из теперь непроизводных, первичных словообразовательных единиц без участия звукообразования. Идеи Беккера о создании непроизводных слов восходят к идеям Панини: Беккер выделяет в качестве основы 12 первообразных глагольных корней, возникших на этапе звукообразования, дальнейшее возникновение слов осуществляется в процессе словообразовательной деятельности (деривации) [Коровушкин, с. 100–101].

Первым документальным упоминанием словообразования в качестве самостоятельного раздела можно считать работу Второго отделения Императорской Академии наук «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1852), поскольку в ней вопросам словопроизведения посвящена отдельная часть. Слово здесь (как и когда-то у В. Гумбольдта) рассматривается в качестве «меры умственного развития», это воплощение мысли, *продолжающееся* развитие *внутренней* потребности. Процесс словообразования, именуемого здесь словосоставлением, понимается как «выражение органически развитого различия понятий», и сущность этого различия заключается не в соединении извне двух понятий и слов, но в их внутреннем слиянии в органическое единство. Важно, что в этом труде процесс образования новых слов и форм слов рассматриваются как два различных процесса (т. е. предпринята попытка разграничения словообразования и морфологии) [Давыдов, 1852].

Отдельную главу, посвящённую словообразованию, находим и у В. Я. Стоюнина (1826 – 1888) в его «Высшем курсе русской грамматики». Базовые представления о словообразовании у него мало отличаются от идей его современников. Прочно укореняется представление о двух основных типах слов: те, что не могут быть разделены на более простые элементы (по Стоюнину, коренные или первообразные слова, например *волк*, *рука*), и слова, получающие какие-то дополнительные в той или иной мере самостоятельные элементы (в терминах Стоюнина это производные слова, например *волчонок*, *ручонка*). Учёный пишет и о составных словах, т. е. тех, что получены путём соединения двух самостоятельных лексических единиц, при этом он различает собственное и несобственное сложение слов. Первый тип связан с добавлением соединительного *о* или *е*, например, *земледелие* или *самолюбие*, второй же, соответственно, обходится без них, например, *жар-птица*, *Царь-град* [Коровушкин, 2002].

Ф. И. Буслаев (1818 – 1898) рассматривает процессы «словопроизводства» (словообразование) и «словоизменения» (склонение и спряжение) в рамках того, что исследователь сам (по аналогии с предшественниками) называет этимологией. Важно, что учёный рассматривает то, что в последствии будет названо словообразовательными моделями, отмечая, что процесс образования новых слов может сопровождаться вставками, уподоблением звуков или их сокращением. Пишет Буслаев и о классификации слов, с точки зрения словообразования, выделяя:

- 1) простые слова, состоящие из корня окончания (*вода*, *падать*);
- 2) сложные слова, состоящие из двух или нескольких слов (*водопад*):
 - 2.1) «слова с приставками» (*неизречённый*);
 - 2.2) «настоящие сложные слова» (*честолюбие*) [Буслаев, 1959].

В. А. Богородицкий (1857 – 1941) описывал словопроизводство с психолого-морфологических позиций, утверждая, что слова – это комплексы или сочетания звуков, которые ассоциируются с их значением. «Центром тяжести» в слове является корень, к которому могут присоединяться аффиксы (суффиксы и приставки), изменяющие или уточняющие значение корня, все вместе они составляют тему или основу, выражающую идею, заключённую в корне и уточнённую или усложнённую аффиксами. Исследователь полагал, что словообразование должно заниматься морфемами, которые позволят образовать новое собственное значение слова. Все слова Богородицкий делит на корневые или первообразные и производные. В первых основа совпадает с корнем (например, *вода*), вторые же получают «усложнение» в виде суффикса или приставки (например, *водичка*). Богородицкий писал также о производящих и производных словах (вторые образованы от первых). Сложение признаётся частным случаем словопроизводства, при этом второй элемент сложного слова может быть упрощён, превратившись в суффикс, в качестве примеров Богородицкий приводит уже ставшие суффиксами и утратившими «знаменательность» элементы типа *-haft* или *-bar* (*fabelhaft, lesbar*) в немецком языке и *-видный* (*стекловидный*) в русском [Коровушкин, с. 114–115].

Огромный вклад в развитие отечественной науки о языке А. А. Потебни (1835 – 1891), в частности в лексикологию и словообразование. Трактую слово как единство внешней формы (звуки) и внутренней (понятие и значение), лингвист выделяет в нём корень и тему (или основу), которые характеризуются знаменательностью [Потебня, 1958]. Процесс образования слова Потебня рассматривает как переход от простого отражения чувства в звуке к осознанию звука, а затем к осознанию содержания мысли в звуке благодаря его пониманию другими [Коровушкин, с. 112].

Вслед за Потебней М. М. Покровский (1869 – 1942) писал о том, что семантические изменения слов зачастую можно объяснить законами эволюции словообразовательных категорий. Покровский стремился также определить закономерности развития значений слов, относящихся к одному словообразовательному типу. Морфологические связи между словообразовательными категориями влияют на ход, направление и пределы изменения семантического значения слов. Важно, однако, отметить, что такие обобщающие выводы Покровский делает без опоры на конкретный языковой материал и по этой причине носят абстрактный лексико-морфологический характер [Виноградов, 1977].

В начале XX века всё чаще лингвисты разграничивают словообразование и словоизменение. Среди этих учёных можно отметить В. К. Поржезинского

(1870 – 1929), писавшего в работе «Введение в языковедение» (1907), что «словообразовательные формы принадлежат словам, как знакам отдельных предметов мысли и обозначают различия в последних» [цит. по Коровушкин, с. 117]. Простые слова могут представлять собой либо собственно основу (например, *зверь*), либо сочетание корня и аффикса (например, *красенький*). Сложные же слова, описывающие сложные по сущности своей явления и предметы, образуются путём сложения. При этом части сложного слова могут или представлять собой сочетание двух простых слов и демонстрировать отношение одного объекта к другому (например, *паровоз*), или находится в отношениях зависимости одного от другого (например, *длинноногий*).

Понятие производности оказывается разработано Поржезинским гораздо подробнее, чем у его предшественников. Выделяя в качестве словообразовательных элементов основу, аффикс и корень, исследователь подчёркивает, что первая при этом может быть производной и непроизводной. Непроизводные основы представляют собой неделимое далее до других известных основ и аффиксов сочетание основы и аффикса. Такие основы Поржезинский называет первообразными или корнями слов. Производные же основы могут быть сведены до более простых основы и аффикса [Коровушкин, с. 117].

Как два принципиально разных явления анализирует словообразование и словоизменение и Д. Н. Ушаков (1873 – 1942). В качестве словообразовательных единиц он рассматривает аффиксы и основы. Аффиксы он классифицирует в зависимости от их положения в слове и выделяет, соответственно, суффиксы или «подставки», присоединяемые к основе сзади, префиксы или «представки», занимающие место перед основой, и инфиксы, включённые внутрь основы. Слова Ушаков традиционно делит на простые и непростые, которые можно получить путём сочетания (*неправда*), соединения основ (*пароход*), повторения (*синий-синий*) [Коровушкин, с. 119].

Интересна классификация слов, с точки зрения их формы, академика Л. В. Щербы (1880 – 1944). Он различал слова, хранящиеся в нашей памяти, и слова, существующие только в речи, которые, по его мнению, не входят в репертуар языковой системы [Алпатов, с. 240]. Иначе говоря, слова, образованные «по случаю», не по системным правилам (например, *шлемоблещущий*), или слова сложносоставные (например, *русско-французский*) Щерба выносит за рамки системы языка, относя их исключительно к речи.

Значительное влияние на развитие словообразования оказали работы Г. О. Винокура (1896 – 1947), в частности, его статья «Заметки по русскому словообразованию» (1946). Именно в ней были впервые разграничены словообразовательный и этимологический анализ и обозначены принципы деления слов на морфемы. Многие современные положения теории словообразования были выдвинуты и сформулированы именно Винокуром, его именем был назван критерий, позволяющий выявить производящую основу для данного производного, он же ввёл такие понятия, как «связанные основы», «потенциальные слова», «морфологическая структура слова» [Словообразование].

Ученик Л. В. Щербы, представитель второго поколения Петербургской (Ленинградской) лингвистической школы В. В. Виноградов (1895–1969) указывал на невозможность создания истории русского языка без изучения словообразования [Ордаханова, 2015]. Виноградов «исследовал системные связи словообразования с лексикой и грамматикой, анализировал многообразие факторов, влияющих на словопроизводство, впервые дал системную классификацию действующих в современном русском языке способов словообразования, подразделяя их на морфологические, морфолого-синтаксические, синтаксические, лексико-синтаксические, лексико-семантические и характеризуя их с точки зрения продуктивности» [Словообразование].

Значительный вклад в изучение и описание словообразовательных процессов, в частности немецкого языка, внесли М. Д. Степанова и В. Фляйшер, утверждающие, что словообразование должно иметь статус самостоятельной дисциплины. 60-е гг. XX в. ознаменованы публикацией одного из основополагающих написанных на немецком трудов, посвящённого целостному описанию словообразовательной системы немецкого языка – „*Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*“ В. Фляйшера.

Идеи Винокура и Виноградова продолжили развивать Н. М. Шанский (1922 – 2005), который уточнил некоторые понятия и подробно описал разнообразные словообразовательные явления (например, редеривацию, декорелляцию), а позже, уже в 80-е годы, ученица Виноградова Е. А. Земская (1926 – 2012), автор специального курса по словообразованию в МГУ и посвящённого словообразованию раздела учебника «Современный русский язык».

Новые аспекты изучения словообразования можно найти в трудах профессора И. Г. Милославского (род. 1938), который сформулировал правила, позволяющие «понимать членимые русские слова и образовывать новые слова от данных по заданному семантическому различию» [Словообразование].

В настоящий момент учёные, занимающиеся вопросами словообразования, уделяют значительное внимание когнитивным, номинативным и коммуникативным аспектам, а также морфологии. Ведущими лингвистами в этой области являются Е. В. Клобуков, О. В. Кукушкина, Е. В. Петрухина, Е. С. Кубрякова.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М. История лингвистических учений: учебное пособие. – М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2005. – 368 с.
- Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. История языкознания: учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 673 с.
- Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 626 с.
- Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 317 с.
- Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук [Электронный ресурс] URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003572272/ (дата обращения: 15.03.2023).
- Коровушкин В. П. Дериватологическая мысль в истории языкознания. Конспект лекций по спецкурсу: учебное пособие. – Череповец, ЧГУ, 2002. – 142 с.
- Ордаханова А. Б. История разработки способов словообразования. Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2015. т. 143, № 3.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2 [Электронный ресурс] URL: http://elib.gnpbu.ru/text/potebnya_iz-zapisok-po-russkoj-grammatike_t1-2_1958/go,516;fs,0/ (дата обращения: 15.03.2023).
- Словообразование. Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс] URL: https://www.philol.msu.ru/~ruslang/about/history/?page=ist_slob (дата обращения: 15.03.2023).
- Шулежкова С.Г. История лингвистических учений: учебное пособие для студентов филологических факультетов. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 400 с.

Alekseenko, E. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

LINGUISTS OF XIX-XX CENTURIES ON THE PHENOMENON OF WORD FORMATION

The article discusses the prerequisites for the emergence of word formation studies as an independent scientific discipline and discusses the main issues of its development. A brief overview of the most important events and works that have had a huge impact on the evolution of research in the area of linguistics under consideration is given.

History of linguistics, German, history of linguistics, English, Russian, word formation approaches

УДК 81-112.2

Б. С. Богданов

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ludwiggg45@gmail.com

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ КАК КАТАЛИЗАТОР КЕЛЬТСКОГО СУБСТРАТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В докладе рассматривается роль Нормандского завоевания Англии в 1066 году в активизации кельтских заимствований в английском языке. Проведено сравнение английских и валлийских грамматических конструкций. В результате сравнения обнаружены определённые сходства в образовании времён в английском и валлийском языках.

Английский язык, валлийский язык, категория времени, кельтский субстрат, Нормандское завоевание Англии.

Небольшое количество исторических событий может похвастаться тем, что в одночасье определили развитие языка на столетия вперёд. Как правило, к таким событиям причисляются всякого рода завоевания, политические катаклизмы или гибель государств. Но даже в результате масштабного завоевания в языке обычно остаётся существенный пласт заимствований, грамматика и синтаксис реже затрагиваются подобными переменами. Однако, в истории средневековой Европы была битва, определившая эволюцию целого языка. Последовательность политических и культурных преобразований, вызванных поражением англосаксонского войска в битве при Гастингсе 14 октября 1066 года, выделила английский язык из ряда родственных ему западногерманских языков: подвергся серьёзным изменениям не только его лексический состав, но также синтаксис и грамматика.

Лингвистами всегда отмечалось обилие различных иноязычных влияний в английском языке: французских, латинских, скандинавских. Все они объясняются перипетиями английской истории, характер этих заимствований хорошо изучен [Большая российская энциклопедия. 11.02.2023]. Тем не менее, в истории английского языка существует целый пласт, до сих пор остающийся малоизученным, несмотря на ту значимую роль, которую его изучение может сыграть в описании ранней истории английского языка, а именно, кельтский субстрат. Именно изучение самой возможности существования влияний такого рода позволит объяснить присущие только английскому языку

грамматические особенности, такие как времена группы Continuous (длительного времени), употребление глагола to do, занимательную диалектную особенность, известную как northern subject rule, а также многие другие.

Ключевым же фактором в распространении кельтского субстрата, а также прочих иноязычных влияний, является нормандское завоевание Англии. Нормандские завоеватели, уничтожив традиционное англосаксонское общество, культуру высших слоёв, позволили выйти на первый план как кельтским заимствованиям (прежде ассоциировавшимися с низшими слоями общества), так и скандинавским. Для того, чтобы понять масштаб перемен, произошедших с английским языком в то время, необходимо вкратце рассмотреть историю заселения Англии в раннее средневековье.

Интересующий автора период времени охватывает промежуток с 410 года (последние римские войска покидают Британию) по 1066 год (нормандское завоевание) [Большая российская энциклопедия. 11.02.2023]. Важность этого периода для исследователя английского языка заключается в том, что именно в этот промежуток времени вошли в контакт этносы, языки которых больше всего повлияли на развитие современного английского языка: англосаксонский, древнескандинавский, французский и различные кельтские наречия.

В силу скудности тех источников, что находятся в распоряжении учёных, точно не установлено, когда англосаксонские племена начали колонизацию Британии. Ориентируясь на данные хроник, историки предлагают дату – 449 год [Morris, 2021, с. 29]. Археологи предполагают, что этот процесс начался несколько ранее – в 430 году [Morris, 2021, с. 31]. Тем не менее, следует относиться с долей скептицизма к этим датам, так как учёные не располагают достаточным количеством достоверных источников. До сих пор остаётся неизвестным характер взаимоотношений между англосаксонскими колонизаторами и кельтско-римским населением Британии. Историки не обладают достоверными сведениями о численности населения этой провинции, степени её романизации, распространении автохтонных кельтских языков, а также судьбе населения римской Британии после эвакуации легионов [Morris, 2021, с. 21].

На протяжении второй половины V века происходит переселение англосаксонских племён. Уже в VI веке появляются первые англосаксонские королевства - Кент, Суссекс, Уэссекс, Эссекс, Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия [Большая российская энциклопедия. 11.02.2023]. В дошедших до нас хрониках – среди них хроники Беды Достопочтенного (VIII век), «История англичан» Генри из Хантингдона (XII век), а также «Англосаксонская хроника», написанная в годы правления Альфреда Великого (IX век) – названия этих

королевств встречаются чаще всего. Точное число англосаксонских государственных образований разнится от хроники к хронике [Morris, 2021, с. 46].

Ко второй половине VII века большая часть англосаксонских правителей приняли христианство [Morris, 2021, с. 61]. Встроившись, таким образом, в раннефеодальную структуру Европы, эти королевства стали развивать подобие государственных институтов, их правители начали основывать династии и заботиться о мирной передаче власти. Первым королевством, применившим эти практики, была Мерсия и её правитель Оффа (? – 796 г.) [Morris, 2021, с. 129]. В начале следующего века на политическую арену Англии вышло королевство, которому предстояло сыграть решающую роль в объединении англосаксов в единое государство – Уэссекс. Единственное, что мешало этому процессу – это нашествия викингов. Начиная с первого набега на монастырь в Линдисфарне в 793 году, скандинавы непрерывно совершали грабительские набеги на Британию в течение следующих двух столетий [Morris, 2021, с. 157]. Королевства, расположенные на севере Англии, такие как Нортумбрия, пали в результате захватнических набегов северян и внутренних раздоров. Единственным королевством, сумевшим давать отпор захватчикам на протяжении IX века был Уэссекс. Более того, Мерсия и Нортумбрия стали активно колонизироваться переселенцами из Скандинавии.

В Уэссексе же в годы правления короля Альфреда Великого (849 – 899 г.) прикладывались большие усилия по укреплению англосаксонской культуры, что, в условиях непрекращающихся попыток викингов подчинить себе их страну, являлось жизненно важным [Большая российская энциклопедия. 11.02.2023]. На англосаксонский переводились латинские тексты религиозного и философского характера. В сохранившихся текстах той поры ещё не отражаются ни скандинавские, ни возможные кельтские влияния. Это обстоятельство объясняется тем, что грамотность в Раннее Средневековье была привилегией аристократии и духовенства, следовательно, в этих манускриптах не запечатлена речь всех остальных сословий.

Большинство историков XIX века полагало, вслед за Бедой и другими хронистами, что не покорившиеся власти германцев кельтские племена переселились на территории современного Уэльса и Корнуолла, а также колонизировали территорию современной Бретани [McWhorter, 2008, с. 23]. Оставшихся кельтов либо обратили в рабство, либо убили. Однако, многими современными учёными возможность такого геноцида ставится под сомнение. Так, американский лингвист и политолог Дж. Макуортер обращает внимание на то, что англосаксы не могли физически истреблять целые народы [McWhorter, 2008, с. 23]. Более того, результаты археологических

и генетических исследований подтверждают факт мирного сосуществования кельтов и англосаксов [McWhorter, 2008, с. 24].

Следует уточнить, что смешение между этносами скорее всего происходило в низших слоях англосаксонского общества, аристократия оставалась преимущественно германской [McWhorter, 2008, с. 24]. Так что все лингвистические процессы, происходившие в ходе ассимиляции кельтов колонизаторами, остались незадокументированными.

Не стоит забывать и скандинавских колонизаторов, постепенно заселявших северную часть Англии, а также часть Мерсии и бывшего королевства Восточной Англии. Вожди викингов применяли более агрессивную тактику при покорении этих территорий, следовательно, существенная часть их населения либо погибла, либо была обращена в рабство, либо переселилась на непокорённые северными территориями. На протяжении двух столетий, прошедших с первого набега на Линдисфарн, языковая ситуация в Англии постоянно менялась: с одной стороны, происходило смешение родственных скандинавских и англосаксонских наречий, с другой – ассимиляция кельтов также вносила изменения в древнеанглийский язык.

Ключевым фактором в активизации и закреплении этих языковых перемен стало первое падение англосаксонского королевства в 1016 году [Morris, 2021, с. 301]. После того, как их королевство было подчинено Кнудом, королём датчан, Уэссекская династия отправилась в изгнание. Вызванные этим политические и династические неурядицы привели к кризису 1066 года, когда герцог Нормандии Вильгельм заявил о своих претензиях на Английский трон. В результате непродолжительной войны Вильгельм был провозглашён королём [Большая российская энциклопедия. 11.02.2023]. Англосаксонский мир был практически уничтожен.

И действительно, слова о крахе англосаксонского мира являются не просто преувеличением: высшие слои англосаксонского общества были практически полностью уничтожены в первые после завоевания годы [Morris, 2021, с. 352]. Духовенство стало большей частью нормандским, церкви перестраивались, чтобы их внешнее обличье соответствовало архитектурным стандартам завоевателей [Morris, 2021, с. 354]. Нормандский диалект французского языка стал государственным языком. Главным следствием этих перемен являлось понижение социального статуса англосаксонского языка. Теперь его носители в основном были крестьянами или городскими низами. Принимая во внимание этническую неоднородность этих низов (скандинавы, кельты, англосаксы) в условиях отсутствия какого-либо официального статуса у древнеанглийского языка все инородные заимствования и влияния становились всё более заметными.

Произошедшие социальные изменения отразились на лексике древнеанглийского языка. Слова, связанные с жизнью высших слоёв населения, политикой, юриспруденцией и т. д. заменялись соответствующими терминами из французского языка. Например, *money, treasury, exchequer, commerce, finance, tax, judge, jury, attorney, court* [Oxford Learner's Dictionaries, 11.02.2023]. Но в лексический состав древнеанглийского вошли также заимствования, которые, возможно, отражают не только социальные перемены, но и широкие изменения этнического состава жителей Англии. Множество географических терминов, таких, как *river, forest, mountain, lake* и т. д. тоже являются французскими заимствованиями [Oxford Learner's Dictionaries, 11.02.2023]. Даже если древнеанглийский стал языком исключительно низших слоёв населения, маловероятно, что англосаксонские крестьяне стали бы отказываться от исконных терминов, обозначающих обыденные для них объекты.

Косвенно существенные изменения этнического состава английских низших сословий подтверждает и характер заимствований из древнескандинавского: *anger, are, birth, both, bull* и т.д. [Oxford Learner's Dictionaries, 11.02.2023]. Вся эта лексика связана с повседневной жизнью, в том числе и крестьян. Такое проникновение иностранной лексики в древнеанглийский язык может свидетельствовать только о том, что значительная часть населения Англии была смешенного англо-скандинавского происхождения, именно этот факт объясняет ту лёгкость, с которой древнеанглийская лексика, связанная с повседневностью, была замещена древнескандинавскими и французскими аналогами.

Тем не менее, выше много упоминались и кельтское влияние. В лексике современного английского языка лингвисты находят крайне небольшое число кельтских заимствований. В основном, это топонимы. Однако, многими лингвистами выделяется несколько грамматических конструкций в английском языке, не имеющих аналогов в иных западногерманских языках: употребление глагола *to do* в вопросительных и отрицательных предложениях, употребление времён группы Continuous [McWhorter, 2008, с. 15]. Более того, в ряде северных диалектов английского языка также распространена грамматическая конструкция под названием Northern subject rule, которая тоже предположительно имеет кельтское происхождение. Ниже будут рассмотрены времена группы Continuous.

От западногерманских языков, как, впрочем, и от других европейских языков, английский отличается необычным способом образования настоящего времени. Простое настоящее время – Present Simple – является настоящим

только условно, так как используется для выражения абстрактных ситуаций, действий, повторяющихся на регулярной основе. Для описания действия, совершаемого в настоящий момент, англичане используют Present Continuous (настоящее длительное время). В других западногерманских языках такая дихотомия отсутствует. Разумеется, в немецком языке есть конструкция, при помощи которой можно подчеркнуть сиюминутность какого-либо действия: *Ich bin am schreiben* («я пишу сейчас») [McWhorter, 2008, с. 31]. Также в нидерландском используют сходную конструкцию: *Ik ben aan het schrijven* («я пишу сейчас») [McWhorter, 2008, с. 31]. Аналогичная конструкция была и в древнеанглийском. Но это в большей степени эмфатическая конструкция, она не употребляется аналогично английскому Present Continuous. Это означает, что настоящее время в английском выражается прежде всего при помощи Present Continuous, а не Present Simple.

Сходным с Present Continuous образом настоящее время образуется в валлийском языке, а именно, при помощи глагола *bod* («быть»), предлога *yn* («в») и глагольного имени [McWhorter, 2008, с. 17]:

- Mae Mair yn canu – is Mary in singing (в валлийском глагол ставится в начале предложения). «Мэри поёт». Глагол *canu* значит «петь»;
- Mae hi'n bump oed – is she 5 years old. «Ей пять лет»;
- Mae hi'n mynd i'r theatr – is she going to the theatre. «Она идёт в театр»;
- Bachgen yn darllen llyfr – is boy reading a book. «Мальчик читает книгу»;
- Mae nhw'n gwenu – are they smiling. «Они улыбаются».

Сходная конструкция наблюдалась и в вымершем корнском языке [McWhorter, 2008, с. 18]:

- Yma hi ow prena hy losow – is she at buying her vegetables. «Она покупает овощи»;
- Yma hi ow kortos y'n gegin – is that she at wait in the kitchen. «Она ждёт на кухне».

Английский язык является единственным германским языком, где для обозначения действия, совершаемого в настоящий момент, используются подобные конструкции. Хотя в немецком и нидерландском языках и существуют эмфатические конструкции, они не применяются повсеместно, как в английском. В других западногерманских языках грамматически не выражено английское противопоставление Present Simple / Present Continuous.

Однако в древнеанглийском была ещё одна конструкция для обозначения действия, совершаемого в настоящий момент. К глаголу добавлялось окончание причастия I *-ende*. Например, предложение *I was following* в древнеанглийском звучало следующим образом: *Ic was fylgende* [McWhorter, 2008, с. 34].

Со временем это окончание перестало употребляться, будучи заменённым на окончание *-ing*. Но также и не употребляется конструкция *I was on hunting*, аналоги которой существуют в нидерландском и немецком языках, где вместо герундия употребляется субстантивированный инфинитив. Эволюцию английского настоящего времени в Present Continuous можно объяснить только кельтским субстратом [McWhorter, 2008, с. 42]. Степень его влияния, тем не менее, спорна: наиболее радикальное предположение заключается в том, что Present Continuous представляет собой кальку с аналогичной кельтской конструкции. Кроме того, можно предположить, что в ходе ассимиляции кельтского населения англосаксами, кельтская и германская конструкция смешались, породив со временем такое разнообразие настоящих времён в современном английском языке.

В заключение, необходимо повторно подчеркнуть, что настолько быстрая ассимиляция кельтских и других иноязычных грамматических и синтаксических конструкций в английском языке стала возможна только по причине нормандского завоевания Англии. Вызванные этим вторжением политические, социальные и культурные перемены высвободили эти заимствования из речи низших сословий и сделали их языковой нормой.

ЛИТЕРАТУРА

- Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/1821700 (дата обращения: 11.02.2023).
- McWhorter J. *Our magnificent bastard tongue*. Нью-Йорк: Gotham books, 2008.
- Morris M. *The Anglo-Saxons: A History of the Beginnings of England*. Нью-Йорк: Pegasus Books, Ltd., 2021.
- Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 11.02.2023).

Bogdanov, B. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

THE NORMAN CONQUEST OF ENGLAND AS A CATALYST FOR THE CELTIC SUBSTRATUM IN THE ENGLISH LANGUAGE

The study aims at discussing the role of the Norman conquest of England in 1066 in the activation of Celtic borrowings in the English language. The comparative analysis of English and Welsh grammatical structures was performed. The results of the analysis allowed the author to conclude that there are certain similarities between tense formation in English and Welsh.

Category of tense, Celtic substratum, English, Norman Conquest of England, Welsh.

УДК 811

Н. В. Войченко

Московский педагогический государственный университет,

ORCID 0009-0000-0806-1869

nv.voichenko@mpgu.su

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗИ «ДОБРОТЫ» И «КРАСОТЫ» В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Статья представляет собой сопоставительное этимологическое исследование русских слов «доброта» и «красота» и их эквивалентов в английском и немецком языках. Обоснована важность изучения «буквальных смыслов» для когнитивных исследований. Результаты анализа позволили автору выявить типологические и контрастивные особенности философски нагруженных понятий в трех языках.

Сопоставительное языкознание, этимология, типологическая аналогия, контрастивная лингвистика, концептуальный анализ, «доброта», «красота».

Слова «доброта» и «красота», обладающие высокой степенью абстрактности и экспрессивности, обнаруживают непосредственную семантическую связь в этимологическом словаре О. Н. Трубачева, в котором *красота* включается в определение *доброты* [Трубачев, 1978, Вып. 5, с. 43]. Анализ «внутренней формы» раскрывает интересные глубинные связи между этими философски нагруженными понятиями не только в русском, но и в английском и немецком языках.

Образование русских слов «доброта» и «красота» идентично: обе единицы являются производными с суффиксом *-ota* от основ **dobrь* [Трубачев, 1978, Вып. 5, с. 46] и **krasa* [Трубачев, 1985, Вып. 12, с. 101].

Праславянский корень **dobrь* представляется продолжением индоевропейского **dhabhro* как производного с суффиксом *-ro* от глагольной основы **dhabh* «уместный, подходящий, хороший» [Трубачев, 1978, Вып. 5, с. 46].

Наиболее распространенным немецким эквивалентом *доброты* является *die Güte* «добро, благо» с сужением значения до «дружелюбно-снисходительное отношение» (*'freundlich-nachsichtige Einstellung gegenüber jemandem'*) [DUDEN]. Этимоны английского *goodness* «доброта» (*'kindness, generosity'*) и немецкого *die Güte* восходят к германской основе *gut* со значением «подходящий» (англ. *'fitting'*; нем. *'für etwas günstig'*), которую обычно связывают с индоевропейским корнем **gadh-* «объединять, соответствовать» (*'vereinigen, eng verbunden sein, zusammenpassen'*) и сравнивают с древнеиндийским **gadhyah* «то, что является подходящим» (*'was man gerne festhaelt'*), литовским *gudyti* «лечить» и русским *годный* [Маковский, 2004, с. 197].

Однако в русском языке *добрый* оказывается также связанным с общеславянской основой **doba* «пора, время», поэтому чаще всего трактуется как «соответствующий поре, своевременный». Через категорию времени «внутренняя форма» русского слова «доброта», с одной стороны, обнаруживает тесную связь с природой и мирозданием, а с другой стороны, задает своеобразные границы длительности и назначению человеческого бытия. Этот дуализм находит подтверждение и в других родственных словах из индоевропейских языков, например, в литовском *dabà* «природа, свойство, характер» и латышском *daba* «вид, способ, характер» [Фасмер, 1986, т. 1, с. 520].

Значение «природа, характер» обнаруживаем и в английском прилагательном *kind* «добрый» (*'having a friendly, benevolent, or considerate disposition'*) как конверсии одноименного существительного (*'nature, character'*) [OED]. Интересно, что в английском этимологическом словаре конца XIX в. основным значением *kind* является *'natural, loving'* «природный, любящий» [Skeat, 1882, с. 315].

С одной стороны, этимологом *kind* является афетическая форма существительного **i-cunde* со значением «природа» (*'nature, essence'*). С другой стороны, *kind* представляется производным от германской основы *kin* «раса, род» способом чередования корневых гласных древнегерманского **kunjom* со значением «порождать» (*'to produce, engender'*). Обратим внимание также на связь существительного *kindness* «доброта» с древнеанглийским *gescyndnes* в значении «поколение, нация» (*'generation, nation'*) [OED].

В своей внутренней форме английское слово *'kindness'* сближается с русским «красота» посредством значения «производить, порождать». Славянское **krasa* имеет признаки типичного индоевропейского отглагольного имени с долгим (продленным) корневым гласным *-a-* (**o*), построенного на базе глаголов **kresati* и **kresiti* с корневым *-e-*. В свою очередь славянское **kresati* как продолжение индоевропейского **kre-s-* соотносится с латинскими *creo* «создавать, творить, производить» и *cresco* «расти». Семантически **krasa* убедительно реконструируется как «цвет жизни», откуда затем развиваются значения «красный цвет, румянец (лица)», «цветение, цвет (растений)» и наиболее общее «красота» [Трубачев, 1985, Вып. 12, с. 96–97].

Тем не менее, раннее происхождение основы **krasa* не противоречит идее о метафорическом способе формирования и обновления однокоренных слов, современное значение которых аккумулирует довольно разнообразные предшествующие смыслы: «благообразный», «цветущий, зрелый», «яркий, красочный», «приятный», «хороший, подходящий», «правильный», «чистый, мытый», «крепкий, сильный, мощный» [Трубачев, 1985, Вып. 12, с. 95].

Неслучайным представляется пересечение оттенков значения слова «красивый» как «цветущий, зрелый» со значением этимона **doba* «пора, время», а также совпадение значений «подходящий, годный» в обеих единицах. Данные семы объединяют не только русские слова «красота» и «добродота», но становятся примером из области типологической аналогии, проявляя себя и в английском *beautiful* как «пригодный» (*'fit, suitable'*) и «соответствующий времени года» (*'seasonable'*).

Английское слово *'beauty'* имеет историю двойного заимствования. Старофранцузская основа *beau* (ранее *'bel, beal, bial'*) соотносится с латинским *bellus* «прекрасный» (*'fine, fair'*) [Skeat, 1882, с. 56]. Тем не менее, пройдя путь словообразовательной и фонетической адаптации, в среднеанглийском языке слово не стало активным, а возродилось снова лишь благодаря современному французскому языку [OED]. Отметим происхождение русского и английского эквивалентов «красоты» от латинских основ *creo* «создавать, творить» и *bellus* «прекрасный», связанных с процессом творения (в антропологическом плане с искусством, в религиозном смысле – с Высшим Началом).

В самом общем смысле английские единицы лексико-семантического поля *'Beautiful'* характеризуют объект как обладающий «хорошей формой и внешностью» (*'of good form, shape, appearance'*). При этом в большинстве случаев *beautiful* выражает одобрение или восхищение другого свойства и употребляется в значениях «хороший», «сезонный», «приятный», «радостный», «вежливый», «подходящий», «пригодный», «опытный», «яркий», «чистый» (*'good, seasonable, pleasant, gay, courteous, fit, suitable, skilful, bright, neat'*) [Buck, 1988, с. 1191].

Немецкое слово *schön* также признается единицей вторичной номинации, в которой трудно проследить преемственность формирования современного значения «красивый» [Kluge, 1891, с. 320]. Тем не менее, изучение исторических соответствий представляет интерес для концептуального анализа. С одной стороны, нем. *schön* соотносится с индоевропейскими корнями **skeu-* 'vorauf achten, beobachten, schauen' «наблюдать, смотреть» и **keu* 'brennen, leuchten' «гнать» и считается связанным с почитанием огня. К этому же корню относится и немецкое *schon* «уже» и английское *sheen* «блеск». Упоминание огня характерно и для описания этимологии русского *красивый* в его связи с индоевропейским корнем **kres* «высекать огонь» [Маковский, 2004, с. 449]. С другой стороны, на немецкое *schön* оказывает влияние тевтонский корень *skau* «смотреть», подразумевающий готскую основу **skauns* «форма». Отметим, что готский корень присутствует в родственных словах, связанных с Высшим Началом, таких как *gu paskaunei* «форма Бога» и *ibnaskauns* «похожий внешне на кого-либо» [Kluge, 1891, с. 320].

Вслед за Л. Н. Гумилевым и С. Ю. Степановым, мы изучаем историю концептов культуры как их преемственность, поскольку сами концепты состоят из преемственных пластов [Степанов, 2001, с. 56]. В «пассивном» (историческом) слое изучаемых нами единиц находим эту преемственность в «Повести временных лет», где в слове «добрый» зафиксировано значение «красивый»: *«В лето 6463. Иде Ольга въ Греки и приде к Цесарюграду. И бе тогда цесарь Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И видевъ ю добру суцю лицем и смыслену велми, и удивися цесарь разуму ея, беседова к ней и рекъ ей: «Подобна еси царствовати в городе семь с нами»* [Повесть временных лет, 2013, с. 35].

Нельзя не заметить сильный христианский контекст данного отрывка: красота внешняя («*добру лицем*») неразрывно сопровождается красотой внутренней («*смыслену*», «*разуму*»). Далее в тексте после принятия Ольгой крещения снова упоминается единство духовной и телесной красоты: *«Просвещена же бывши, радовашеся душею и теломъ»* [Повесть временных лет, 2013, с. 35].

Позднее в русском языке наблюдается разграничение доброты и красоты: первое как бы остается уделом человека, в то время как второе в своем высшем значении характеризует Божественное Начало. Ф. М. Достоевский пишет: «Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». При этом грех представляется чем-то, противостоящим красоте, полюсом, ей противоположным, потому что он утверждает «себя как себя», без своего отношения к «другому», то есть к Богу и ко всему творению [Шпидлик, 2014, с. 91]. Таким образом, «доброта» как «добродушие, доброжелательство, склонность к добру» [Даль, 2000] остается в человеке как некоторое подобие, образ Божественной Красоты.

Подтверждение этому находим и в историческом толковании слова «Добротолубие», которым названы сборники аскетических произведений. Как пишет П. Флоренский, это вовсе не «добротолубие» в современном смысле слова: «Доброта тут берется в древнем, общем значении, означающем скорее красоту, нежели моральное совершенство, и добротолубие значит красотолубие. Да и в самом деле, аскетика создает не “доброто” человека, а прекрасного, и отличительная особенность святых подвижников – вовсе не их “доброта”, которая бывает и у плотских людей, даже у весьма грешных, а красота духовная, ослепительная красота лучезарной, светоносной личности, дебелиму и плотскому человеку никак недоступная. Прекраснее же Христа, – Единого безгрешного – ничего нет» [Флоренский, 1914, с. 99].

Семантическая близость слов «красота» и «доброта» в христианском прочтении подтверждается и данными словаря В. Даля: «В высшем значении добр один Господь, благ, милосерд без меры; доброта эта приемлется каждым, по мере стремления его к добру» [Даль, 2000]. При этом в английском языке *добрый* в высшем нравственном

значении есть *good* ('*virtuous with regard to character, disposition, or conduct*'), поэтому данная единица зафиксирована как эпитет Бога начиная с древнеанглийских текстов ('*as an epithet of God, designating divine perfection generally, or with particular reference to God's benevolence*'), например, в «Католических гомилиях» Эльфрика Грамматика: '*Peahhwæðere wile se **gooda** God þæt we hine georne biddon*' [OED].

Этимологически значение русского слова «красота» представляется переосмысленным, то есть его экспрессивность приводит к неизбежному стиранию и обновлению лексической единицы. Тем не менее, наиболее правдоподобной представляется родство основы **krasa* со словенским **groza* и возможность развития значения от «страшный, грозный», что не противоречит нашему представлению о внутренней связи красоты с Высшим Началом. Интересно, что исследователи индоевропейского **grog* (**gorg*) в качестве примера приводят словенское *grozav* не только в значении «вызывающий ужас» (нем. *schreckenerregend*), но и «красивый» (нем. *schon*, а также аналогичное франц. *formidable*) [Трубачев, 1985, Вып. 12, с. 96].

Несмотря на то, что славянское **krasa* может быть признано «праславянской инновацией», не имеющей прямых соответствий в других индоевропейских языках [Трубачев, 1985, Вып. 12, с. 95], универсальный характер философски нагруженных понятий влияет на глубинные смыслы, проявляющиеся при анализе внутренней формы русских, английских и немецких слов.

Проведенное нами исследование выявило связь между этимонами слов «доброта», 'goodness', 'die Güte' в значении «подходящий». Английская единица 'kindness' обнаружила семантическую близость с русским словом «красота» благодаря латинским этимонам, связанным с процессом творчества. *Красивый* как «цветущий, находящийся в лучшей поре» нашел отклик в общеславянской основе **doba* и английском *beautiful*. Немецкое *schön* оказалось связанным с русской *красотой* благодаря идее «Высшей формы».

Преемственность изучаемых концептов в «активном» (новейшем) слое широко известна благодаря книге академика Д. С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном», в которой автор пишет не только о национальной, но и всеобщей человеческой преемственности: «По моему глубокому убеждению, добро и красота едины для всех народов. Едины – в двух смыслах: правда и красота – вечные спутники, они едины между собой и одинаковы для всех народов» [Лихачев, 2022, с. 8]. Письма автора расположены в определенном порядке: сначала он пишет о смысле жизни и красоте поведения, а потом переходит к красоте окружающего мира и той, что открывается нам в произведениях искусства, ведь для восприятия красоты окружающего человек должен быть сам глубок и душевно красив [Лихачев, 2022, с. 10–11].

Как показали результаты нашего этимологического исследования, «душевно красив» в прагматическом русском смысле значит «добр», таким образом, перефразируя Ф. М. Достоевского, можно сказать, что «доброта спасет мир». Изучение философски нагруженных понятий в русском, английском и немецком языках представляется нам перспективным в рамках дальнейших контрастивных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 2000.
- Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 288 с.
- Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале культуры. М.: Изд-во «Азбуковник», 2004. 630 с.
- Повесть временных лет. Летопись Нестора: Русская классная библиотека. Москва: Книга по Требованию, 2013. – 222 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2001.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987.
- Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – Москва, 1914. – 809 с.
- Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. М.: Дарь, 2014. 464 с.
- Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд // Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1-15. М.: Издательство «Наука», 1974–1988.
- Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. 1518 p.
- DUDEN Deutsches Universal-Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения 19.02.2023).
- Kluge F. An Etymological Dictionary of the German Language. London: George Bell & Sons, 1891.
- Oxford English Dictionary, Third Edition. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения 16.02.2023).
- Skeat W. W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford: At the Clarendon Press, 1882. 801 p.

Voichenko, N. V.

Moscow State Pedagogical University

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE WORDS 'KINDNESS' AND 'BEAUTY' IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

The article presents a comparative linguistic analysis of the words 'kindness' and 'beauty' in the Russian, English and German languages. It proves the importance of the inner word forms for the cognitive studies. The research results discover some typological and contrastive language features of the philosophical notions in three languages.

Comparative linguistics, etymology, typological analogy, contrastive research, conceptual analysis, 'kindness', 'beauty'

УДК 81.008

Н. П. Окина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

nataliaokina@gmail.com

ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ЧАСТУШКАХ

В статье на примере вологодских частушек рассматриваются приёмы и средства, создающие комический эффект. Анализ фактического материала позволил автору высказать предположение о возможной природе комического в исследуемом жанре народной песни, а также сделать вывод о том, что наряду с изобразительными средствами языка в частушках встречаются необычные рифмы и просторечия.

Вологодская частушка, жанр народной песни, прием комического, средства выразительности

В силу многогранности и сложности, понятие «комическое» не имеет однозначного определения. Не существует и чётких и всеобъемлющих классификаций приёмов создания комического, потому следует принять как данность, что комическое – это то, что порождает юмор и сатиру. Сложность представляет тот факт, что, согласно Аристотелю, всё на свете можно рассматривать или комически, или серьёзно. Следовательно, комическое, как и другие подобные феномены, не бывает универсальным, а потому способно вместить в себя все виды смешного: от сарказма до пародии, в чём и заключается его уникальность.

Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, слово «комическое» происходит из лат. *cōmicus* от греч. *κωμικός*, которое в свою очередь является производным от *κῶμος* «веселое гулянье» [Этимологический онлайн-словарь]. Суть этих гуляний заключалась в совершении жертвоприношение – трагедии – в честь Диониса, бога виноделия, вдохновения и религиозного экстаза, а также покровителя театра и сатиров. После этого греки устраивали маскарады, поэтические состязания и пиры, то есть комедию. В то же время принято считать, что частушки изначально были перепевками свадебных песен и куплетами собственного сочинения, исполнявшимися преимущественно на гуляньях [Нечаева, с. 2]. В. В. Колесов отмечал, что для русского человека существует смех вопреки, а не по причине, как противодействие невзгодам и тяготам [Колесов, с. 339]. С учетом этом

представляется возможным предположить, что природа античной комедии и русских народных частушек в определенном смысле схожа, хотя это утверждение не лежит на поверхности. Тем не менее, возникшие в первую очередь как психологический приём, чтобы справиться с бедами, оба явления служат тем же целям, что и смех в целом: социализация, развлечение и снятие напряжения [Вержинская, с. 3]. Безусловно, не все частушки весёлые и смешные и полны комизма, многие из них отражают горе и другие негативные эмоции сочинителя, но это лишь подчёркивает их изначальную цель и определенной степени подтверждает универсальность комического [Мартин, с. 24].

Частушки представляют собой фольклорный жанр, включающий в себя короткие рифмованные куплеты из четырёх, реже – восьми, строк, исполняющиеся друг за другом под повторяющуюся музыку. Некоторые исследователи предпринимали попытки классифицировать или описать приёмы создания комического, и хотя в первую очередь ими являются такие средства языковой выразительности как эпитет, метафора, гипербола, литота, метонимия, сравнение и некоторые другие [Цикушева, с. 1], анализ эмпирического материала с очевидностью показал, что исследуемом жанре чаще всего встречается гипербола, т. е. чрезмерное преувеличение:

<i>Ой, спасибо гармонисту,</i>	<i>Гармонисту за работу</i>
<i>Ой, спасибо много раз.</i>	<i>Тыщу двести пятьдесят,</i>
<i>Одеяло, покрывало,</i>	<i>Три козы, четыре курицы</i>
<i>Да жениться сорок раз!</i>	<i>И восемь поросят</i>

Рифма в частушках встречается самая разнообразная [Вологодские частушки..., с. 19]. Общепринято считать, что классическая частушка, как правило, слагается четырёхстопным хореем. Данное утверждение отсылает к теории о том, что данный жанр формировался под влиянием классической поэзии. Тем не менее, автором настоящего исследования было отмечено, что не во всех строфах соблюдается размер и должная рифма, что приводит к большому количеству окказионализмов, которые непривычным звучанием и порой трудным выговором намекают на неграмотность сочинителя и, соответственно, приносят эффект комичности:

<i>Бригадирова жена</i>	<i>Надоели эти ели,</i>
<i>Не рабатывала,</i>	<i>Ели суковатые.</i>
<i>Каждый день трудовень</i>	<i>Надоели твои речи,</i>
<i>Выхохатывала.</i>	<i>Речи вертоватые.</i>

К следующему часто используемому средству относится олицетворение, граничащее с абсурдом. Абсурд очень яркий и эффективный приём создания комического, который часто применяется или сам по себе, или в сочетании с привычными средствами языковой выразительности. Приведенные ниже примеры относятся ко второму случаю. Созданные исключительно ради потехи, они рассказывают не о людях, а о животных и природе, чтобы всем слушателям было еще смешнее:

<i>На болоте, на снегу</i>	<i>Табуретки напились,</i>
<i>Укусил комар блоху.</i>	<i>Стулики шатаются.</i>
<i>Сидит заяц на березе</i>	<i>Помёла песенки поют,</i>
<i>Умирает со смеху.</i>	<i>Ухваты обнимаются.</i>

Сравнение также нередко используется в частушках, повествующих как об историях забавных, так и трагических:

*Было, милый поцелует —
Губы сладкие, как мёд.
А тепере поцелует —
Как лягушка мордой ткнет.*

В последнем примере фигурирует разговорное «тепере», что может указывать на происхождение автора, то есть является регионализмом, единицей местной разговорной речи.

Выше уже упоминалось о просторечности авторских окказионализмов. В приведенном случае окказинализмы были лишь коннотацией, но существуют куплеты, в которых комический эффект строится целиком или по большей части на такого рода словах:

<i>Изменил да и подходит:</i>	<i>Я стояла на мосту,</i>
<i>«Каково гуляете?»</i>	<i>О перила тёрлась.</i>
<i>Вам какого чорта надо,</i>	<i>Подмигнула одному,</i>
<i>Что вы проверяете?</i>	<i>Семеро припёрлось!</i>

Философ Б. Дземидок отмечает использование следующих приёмов: видоизменение и деформация явлений; неожиданные эффекты; несоразмерность в отношениях и между явлениями; мнимое объединение абсолютно разнородных явлений: создание явлений, которые по существу или по видимости отклоняются от логической или праксеологической нормы [Дземидок, с. 66]. Представляется, что некоторые вышеприведенные примеры анализируемого материала можно вписать в данную классификацию: к примеру, олицетворение и абсурд есть ни что иное, как неожиданное

сочетание жанра и языкового средства [Сафонова, 2013]. Данная классификация выстроена таким образом, что позволяет распределить по категориям почти все частушки, в частности те, к которым не относятся приёмы, которые описаны выше. Очевидно, что в исследуемых примерах комический эффект создаётся за счёт сочетания понятий, уместность которых под вопросом. Возможно дело заключается в культурно-историческом контексте или диалектизмах, но однозначно утверждать нельзя. Скорее всего ключевым в этих строфах является тот неожиданный эффект, который и имел в виду Б. Дземидок. Можно предположить, что сочинители создавали произведения сиюмоментно, не вкладывая какого-то особого смысла в рифмы и сравнения (которые при анализе могут показаться вполне подходящими), имея целью лишь повеселить и рассмешить народ. Однако, если обратиться к истории возникновения частушек, это несоответствие перестаёт быть релевантным, поскольку спетые на праздниках эти строки, безусловно, не могут не вызвать бурю эмоций:

<i>Все ребята, как ребята,</i>	<i>Я ни тятькина,</i>
<i>Только я, как пузырек,</i>	<i>Да я не мамкина,</i>
<i>Завалился раз в канаву,</i>	<i>Я на улице росла,</i>
<i>Даже трактор не берет.</i>	<i>Меня курица снесла.</i>

Подобные образцы жанра заставляют задаться вопросом: можно ли утверждать, что, как и в случае шутками «для своих», контекст частушек также добавляет им комического? Обширность материала дает основания предполагать, что подобное вероятно имело место, но из-за огромного разнообразия тем и их релевантности для широкой публики (как, например, архетипический образ тёщи, схожий во многих культурах) многие частушки сохранили актуальность, потому либо не «зависят» больше от контекста, либо удачно «встроились» в новый.

Е. А Шмелева и А. Д. Шмелев в исследовании русского анекдота пришли к выводу об отсутствии средств создания комического эффекта, характерных исключительно для одного жанра: они, скорее, одинаковы для шутки, частушки и других [Шмелева, с. 12]. Более того, можно предположить, что подобные средства и в других лингвокультурах не отличаются от вышеописанных. Безусловно, комическое – неотъемлемая часть любого языка и картины мира любой нации, и подобные утверждения наводят на мысль об универсальности описываемых приёмов, из чего следует, что с большой долей вероятности можно обнаружить все перечисленные способы создания комического эффекта, в том числе и те, что формально присущи другим жанрам комического.

ЛИТЕРАТУРА

- Вержинская И. В. Юмор: история и классификация понятия // Вестник ЧелГУ. 2011. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yumor-istoriya-i-klassifikatsiya-ponyatiya> (дата обращения: 18.03.2023).
- Вологодские частушки, пословицы, поговорки / Сост.-ред. и авт. вступ. ст. С. В. Викулов. – Вологда: Обл. кн. ред., 1957. – 206 с.
- Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. – 223 с.
- Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 619 с.
- Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/> (дата обращения: 18.03.2023).
- Мартин Р. Психология юмора: учебное пособие: перевод с английского. М.: Питер, 2009. – 478 с.
- Нечаева Т.В., Сизова Т.Ф. Частушка как наиболее устойчивый жанр русского фольклора в условиях полиэтнической среды (на материале частушек, собранных в г. Чугучак, округа Синьцзян, КНР) // МНКО. 2019. №2 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastushka-kak-naibolee-ustoychivyy-zhanr-russkogo-folklor-a-v-usloviyah-polietnicheskoy-sredy-na-materiale-chastushek-sobrannyh-v-g> (дата обращения: 19.03.2023).
- Сафонова Е. В. Формы, средства и приёмы создания комического в литературе / Е. В. Сафонова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2013. – № 5 (52). – С. 474-478. – URL: <https://moluch.ru/archive/52/6970/> (дата обращения: 18.03.2023).
- Цикушева И. В. Лингвистические средства создания комического эффекта в сказках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-sredstva-sozdaniya-komicheskogo-effekta-v-skazkah> (дата обращения: 12.03.2023).
- Шмелева Е. Я. Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 143 с.
- Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 18.03.2023).

Okina, N. P.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

MEANS FOR CREATING COMIC EFFECT IN CHASTUSHKAS

The article studies the techniques and means that accounts the comic effect of chastushkas, Russian folk couplets, the empirical material being Vologda chastushkas. The author of the study puts forward a hypothesis about possible nature of the comic in chastushkas. The analysis reveals that along with the means of linguistic expressiveness chastushkas demon-strate unusual rhymes and vernacular vocabulary.

Comic effect, folk song genre, means of expression, Vologda chastushka

УДК 81'373:811.161:811.163.41

Е. Д. Пальчёнкова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
ekaterinapalchyonkova@yandex.ru

А. Ю. Маслова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
ORCID.org/0000-0002-9367-1473
al_mas@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ВЕТЕР» / «ВЕТАР» В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются фразеологизмы с компонентом «ветер» / «ветар» в русском и сербском языках в сопоставительном аспекте, выявляются фразеологические эквиваленты и аналоги, репрезентирующие поведение, состояние, черты характера человека, жизненные обстоятельства. Дается лингвокультурологический комментарий.

Фразеологизм, ветер, аналоги, эквиваленты, русский язык, сербский язык

Фразеологические единицы (далее ФЕ), наряду с пословицами и поговорками, образуют ту область, где культура и язык соприкасаются наиболее близко. По мнению В. А. Масловой, «культурная информация хранится во внутренней форме фразеологических единиц, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит» [Маслова, 2001, с. 82].

Важное значение в вербализации фразеологического образа имеет компонентный состав ФЕ. Как отмечает Р. Х. Хайруллина, «именно компоненты становятся своеобразными маркерами того смысла, на базе которого формируется актуальное значение фразеологизма и который отражает особенности национального миропонимания» [Хайруллина, 2015, с. 6129].

В разных языках широко представлены ФЕ с компонентами, номинирующими природные явления, в частности ветер. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные на материале, например, английского [Фёдорова, 2011], китайского [Яньчунь, 2010], татарского [Ермакова, 2020], турецкого [Сарач, 2014] языков. Поскольку фразеологизмы играют значимую роль в репрезентации языковой картины мира и трансляции

национального мировидения, а компонент *ветер*, по мнению Х. Сарача, соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры [Сарач, 2014], представляет интерес рассмотреть ФЕ с компонентом *ветер* и на материале родственных русского и сербского языков в сопоставительном аспекте.

Источником фактического материала послужили фразеологические словари русского и сербского языков, научные публикации сербских исследователей [Фёдоров, 1997; Трофимкина, 2005; Менац, 1979; Миленкович, 2006; Петровић, 2013].

Представления о ветре отражают особенности деятельности человека. «Ветер, относящийся к метеорологическим понятиям, <...> тесно связан с жизнью человека. Он имеет отношение как к материальной, так и к духовной культуре человека. Всё это, естественно, выражается в языке и речи», – отмечает Лю Яньчунь [Яньчунь, 2010, с. 49]. Как и другие стихии, ветер мог быть злым и добрым, разрушительным или полезным для человека. Поэтому и ФЕ с компонентом *ветер* в обоих языках могут иметь положительную и отрицательную коннотацию.

Негативный семантический оттенок ФЕ объясняется народными представлениями славянских народов о ветре как о некой демонической силе. В труде Н. И. Толстого находим: «Ветер, согласно многим народным поверьям, является феноменом, таящим в себе свойства демонического бытия. По славянским верованиям, «Ветер» обитает в местах далеких, таинственных и недостижимых» [Толстой, 1995, с. 86]. Отсюда следует репрезентация отрицательных явлений, событий, характеристик человека, его жизнедеятельности.

Генетическое родство русского и сербского языков поддерживается и сходством образов, наблюдаемых в основе ФЕ. Рассмотрим ряд выявленных семантических групп: события, особенности человека, качества характера, поведение человека, деятельность человека.

1. События.

В обоих языках представлены ФЕ, фиксирующие бесследное исчезновение объекта, однако в русском языке семантический спектр ФЕ с таким значением шире. Сербскому фразеологизму *отићи у ветар* [Трофимкина, 2005, с. 30] – ‘исчезнуть, пропасть без следа’ соответствует русский фразеологизм *ищи (свищи) ветра в поле* [Фёдоров, 1997, с. 285] – ‘что-либо или кто-либо бесследно исчезли’. Компонент *ищи (свищи)* отсылает непосредственно к славянской мифологии, в которой образ ветра персонифицирован, и считается, что ветер можно вызывать пением или свистом. Судя по данным фразеологического словаря А. И. Фёдорова,

идентичная по структуре ФЕ *догоняй ветра в поле* в большей степени актуализирует сему безвозвратности утраченного – ‘не вернёшь обратно, не найдёшь’ [Фёдоров, 1997, с. 207]; ФЕ *как (словно, точно) ветром сдуло* подчеркивает внезапность действия – ‘о внезапном исчезновении кого-, чего-л.’ [Словарь, 1999, с. 158].

2. Особенности человека (его характера, мыслительной деятельности и др.)

Непосредственно мыслительную деятельность человека представляет ФЕ *извадити из ветра* – ‘придумать’ [Миленковић, 2006, с. 57], которая не имеет аналога в русском языке. Именно компонент *ветер* указывает на отсутствие реальных оснований, буквальный перевод «вынуть, извлечь из ветра» фактически означает ‘из ничего’.

Опосредованно к этой семантической группе можно отнести ФЕ, которые обусловлены метафорическим переносом, основанном на буквальном понимании ветра как движения потока воздуха, знании направления этого движения и возможности быстрой его смены. Мыслительная деятельность репрезентируется в обоих языках как умение понять, в каком направлении развиваются какие-либо дела, обстоятельства, от кого исходит что-либо [Словарь, 1999, с. 158], на что или на кого ориентироваться в своих действиях, поступках [Фёдоров, 1997, с. 73] – ФЕ *откуда ветер дует*. В сербском языке также представлены ФЕ, репрезентирующие изменения, которые происходят в человеке в связи с изменением его взглядов, моральных качеств, поведения, что обусловлено приспособлением к обстоятельствам с целью получения личной выгоды: *за (сваким) ветром, према (по) ветру (окретати се, обртати и сл.; управљати се, повијати се и сл.), како ветар дува, ићи према ветру, окретати се (повијати се, појавити се, ићи) како вјетар пуше* [Петровић, 2013].

Сему беспринципной смены своих взглядов, убеждений, приспособление к обстоятельствам в русском языке актуализирует ФЕ *держатъ нос по ветру* [Словарь, 1999, с. 158]. Данный фразеологизм пришёл из речи моряков (изначально – нос судна), когда нужно было учитывать направление ветра при движении парусных судов, что еще раз свидетельствует о переосмыслении непосредственной связи природного явления и жизнедеятельности человека. Аналогами данного фразеологизма в сербском языке выступают ФЕ *окретати кабаницу, капут по (према) ветру* (букв. «повернуть пальто по ветру»; *кабаница* – «старинная крестьянская верхняя одежда из грубого сукна с капюшоном» [Трофимкина, 2005, с. 83]). Как отмечает С. Петрович, подобное значение ФЕ эксплицирует непоследовательность, утрату достоинства и нравственное падение человека [Петровић, 2013, с. 656].

2.1. Качества характера человека.

С непостоянством, изменчивостью воздушной стихии связаны качественные характеристики человека. И в русском, и в сербском языках в первую очередь отражается легкомысленность человека, например, посредством частичных фразеологических эквивалентов *ветер в голове (гуляет)* – ‘о легкомысленном, ветреном, несерьёзном человеке’ [Фёдоров, 1997, с. 72] и *имати луди ветар у глави* – ‘быть неразумным, нерассудительным легкомысленным’ [Трофимкина, 2005, с. 29]. Переносное значение компонента *гулять* в варианте русской ФЕ – ‘быть в движении, перемещаться в разных направлениях (обычно на широком, свободном пространстве)’ и компонент *луди* в значении ‘сильный, сумасшедший’ в сербской ФЕ подчеркивают высокую степень выраженности этого признака. Как отмечает Д. Мршевич Радович, фразеологизм *имати луди (дивљи) ветар у глави* родился из древних представлений о том, что алы (духи несчастья) появляются в виде снежных вихрей, которые могут свести человека с ума; прилагательное *луди* указывает на помутнение рассудка вследствие сильных эмоций, как правило, злобы [Мршевић Радовић, 2008].

В обоих языках представлены и другие ФЕ с соматизмом *голова*. Логика формирования семантики аналогична в обоих языках, поскольку ветер, наполнение ветром фиксируется именно в органе, в котором находится мозг, управляющий физическими и психическими процессами. Несерьёзного, легкомысленного человека в русском языке обозначают ФЕ *с ветерком в голове, ветренная голова* [Фёдоров, 1997, с. 73]; аналогично в сербском языке ФЕ *глава пуна ветра* [Петровић, 2013, с. 654]. Интересно наблюдение С. Петровиц о том, что компонент *ветер* придает противоположное значение прилагательному *пуни (полный)*, обозначая, по сути, пустую голову, неумного человека [Петровић, 2013].

Процессуальные фразеологические эквиваленты в сопоставляемых языках (*жить*) *на ветер* и *у ветар живети* обозначают легкомысленный, беззаботный образ жизни. Однако словарь А. И. Фёдорова в русском языке указывает на устаревшее значение данной ФЕ [Фёдоров, 1997, с. 73]; также с пометой устар. в русском языке фиксируется фразеологизм *на взвей ветер* – ‘не вдумываясь в сущность дела; легкомысленно, попусту’ [Фёдоров, 1997, с. 73].

3. Поведение человека.

Семантическую группу, характеризующую поведение человека, также представляют ФЕ, актуализирующую сему легкомысленности. Например, в русском языке *ветер на уме* – ‘о легкомысленном поведении, несерьёзном

отношении к делу, обязанностям’ [Фёдоров, 1997, с. 72]. В обоих языках значение легкомысленного поведения выражается через отношение к деньгам: *бросать (или кидать, швырять и т. п.) на ветер деньги, богатство* – ‘тратить безрассудно, попусту; расточать зря’ [Фёдоров, 1997, с. 53; Словарь, 1999, с. 158]; *трошити, траћити, просипати у ветар* – ‘тратить зря’, *отићи у ветар* – ‘легкомысленно потратить’ [Петровић, 2013, с. 654]. Обратим внимание, что в русском языке конкретизируется объект нерачительного отношения – деньги, богатство, – чего нет в сербских фразеологизмах. С. Петровић отмечает, что данные ФЕ характеризуют поведение человека не только по отношению к деньгам, но и в целом указывают на такие его черты, как безрассудность, несерьезность [Петровић, 2013].

Более конкретно легкомысленное отношение к деньгам отражают ФЕ, фиксирующие результат такого поведения: в русском языке *ветер в карманах (гуляет)*, в сербском языке – *пун ветра (цеп, тоболац, кеса, новчаник)*. И если компоненты *полный карман* (и в русском, и в сербском языках), *колчан, сумка, кошелёк* (в сербских ФЕ) символизируют достаток и богатство, то в сочетании с компонентом *ветер/ ветар* актуализируется противоположное значение – пустой (см. глава *пуна ветра*).

В сербском языке безрассудность поведения характеризуется и ФЕ, выражающими сильные эмоции человека вплоть до безумства: *ударити у махнити ветар* [Трофимкина, 2005, с. 30] – ‘вести себя безрассудно, утратить здравый смысл’; *ударити у махнити ветар, у смућене ветрове* – ‘рассердиться, взбеситься’ [Петровић, 2013, с. 651]. Метафорический перенос осуществляется по признаку стихийности явлений: неконтролируемость ветра сопоставляется с возникновением сильных эмоций.

Семантические эквиваленты (один из вариантов) и аналоги представляют упрямое поведение человека: *плевать против ветра и уз ветар ићи (пљувати)* – ‘из упрямства поступать во вред себе’ [Трофимкина, 2005, с. 30].

Речевое поведение как необдуманное, когда говорят без пользы, зря, представлено полными фразеологическими эквивалентами: *бросать слова на ветер* и *(брбљати, говорити) бацати речи у ветар* [Петровић, 2013, с. 655; Менац, 1979, с. 93]; *говорить (или болтать) на ветер и у ветар (говорити, рећи)* [Трофимкина, 2005, с. 30].

По мнению С. Петровић, ФЕ *јадати се у ветар* – ‘жаловаться, плакаться безучастно’ – имеет особо экспрессивный характер, поскольку человек не находит сочувствия, должного внимания, хотя ощущает сильную потребность выговориться, излить свои чувства. Исследователь считает, что

данный фразеологизм вполне может характеризовать состояние одиночества [Петровић, 2013].

Отметим, что в сербском языке выделяется группа ФЕ, характеризующих поведение человека по отношению к другому человеку. ФЕ обозначают негативное воздействие, например отругать, напугать кого-либо, вселить в него страх, обратить в бегство, избить. Таким значением обладают сербские ФЕ *бити лист на вјетру* и *дати ветра некое* [Петровић, 2013, с. 656]. В русском языке ФЕ с такой семантикой не выявлены.

4. Деятельность человека.

Характеристика деятельности человека, представленная ФЕ с компонентом *ветер/ ветар* тоже имеет отрицательный характер. Ключевым семантическим компонентом в обоих языках является значение бесполезности или праздности. Значение ‘бездельничать’ имеют частичные эквиваленты: устар. *гонять ветер* [Фёдоров, 1997, с. 155] и *капом ветар гонити (терати)* [Трофимкина, 2005, с. 29]. Интересно, что формальный сербский эквивалент *гонити (јурити) ветар* имеет отличное значение от русского фразеологизма – ‘напрасно, впустую делать что-нибудь, заниматься бесполезной, бессмысленной работой’ [Трофимкина, 2005, с. 29]. Семантическим аналогом выступает ФЕ *у ветар нуцати, бацати* – ‘выполнять напрасную, бесцельную, необдуманную работу’ [Петровић, 2013, с. 655].

Характеристики пребывания человека в каком-либо состоянии посредством рассматриваемых ФЕ актуализируют семы одиночества: как *ветер* в поле – ‘совершенно один, без семьи, без близких’ [Фёдоров, 1997, с. 72]; неуверенности, беспомощности: *држати се зубима за ветар* [Петровић, 2013, с. 655].

Состояние физической дрожи обозначает сербская ФЕ *трести се као трска на вјетру* [Петровић, 2013, с. 657].

Сопоставительный анализ фактического материала позволил в обоих языках выявить семантические группы, в которых ФЕ с компонентом *ветер/ ветар* нейтральны в отношении оценки. Они констатируют признак высокой скорости какого-либо действия, движения по сходству со скоростью ветра. В русском языке ФЕ *с ветерком* – ‘быстро, с большой скоростью’ [Фёдоров, 1997, с. 73] и более конкретизировано *ветер* в ушах свистит – ‘о быстром беге, езде (на лошади, велосипеде и т.п.)’ [Фёдоров, 1997, с. 72]; в сербском языке в самой структуре ФЕ эксплицировано сравнение с ветром: *пожурити као вихор (ветар)* – ‘очень быстро’ [Менац, 1979, с. 93], *као ветар (отићи, одјурити, нестати и др.), прелетети као ветар*, а также со значением

быстрого движения употребляются ФЕ *дати петама ветра* и *кику на ветар пуштити* [Петровић, 2013, с. 657].

Сема неожиданного, непредвиденного движения актуализируется через признак неконтролируемости воздушной стихии в частичных фразеологических эквивалентах. Русская ФЕ семантически ориентирована акцентировать внимание на причине, по которой кто-либо неожиданно появился: *каким ветром занесло* – ‘по какой причине кто-либо появился где-либо’ или на выражении удивления по поводу неожиданного появления – *какими ветрами* [Фёдоров, 1997, с. 72]; в сербском фразеологизме актуализируется сема случайности, неожиданности сложившихся обстоятельств: *ветар га (нас, и др.) донео (донесе)* [Петровић, 2013, с. 649].

Таким образом, в сопоставляемых языках ФЕ с компонентом *ветер/ветар* имеют, как правило, отрицательную коннотацию и репрезентируют негативную характеристику поведения, состояния, качественных признаков человека, жизненных обстоятельств, что во многом объясняется общностью славянской мифологии и культурного кода для родственных народов. Тем не менее специфика восприятия образа ветра отражена в языковой картине мира русского и сербского народов, что выражено, в частности, уникальными ФЕ, не имеющими аналогов в сопоставляемых языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Ермакова Е. Н., Покушева М. Е. Фразеологизмы с компонентом «ветер» в русском и татарском языках: лингвокультурологический комментарий // SCIENCE AND EDUCATION: PROBLEMS AND INNOVATIONS. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 214 – 216.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001.
- Менац А. Русско-хорватский или сербский фразеологический словарь. В 2 ч. Ч. 1. Загреб: Школска книга, 1979.
- Сарач Х. Коды культуры как одно из основных понятий лингвокультурологии (на материале фразеологизмов с компонентом «камень» и «ветер» в русском и турецком языках) // Международный журнал гуманитарных наук «Ulakbilge». 2014. № 3 (3). С. 81 – 97.
- Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1 / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 16.03.2023).
- Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Издательство «Индрик», 1995.
- Трофимкина О. И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь. М.: Восток-Запад, 2005.
- Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. Т. 1. М.: Цитадель, 1997.

- Фёдорова К. Л. Фразеологизмы с компонентами-метеонимами «Ветер»/ «Wind», «Снег»/ «Snow» в русском и английском языках // Вестник Курганского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Курган, 2011. Вып. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizmy-s-komponentami-meteonimami-veter-wind-sneg-snow-v-russkom-i-angliyskom-yazykah> (дата обращения: 16.03.2023).
- Хайруллина Р. Х. Фразеологический образ: ментальная природа и языковое выражение // Фундаментальные исследования. М., 2015. № 2 (27). С. 6129 – 6132. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38633> (дата обращения: 19.03.2023).
- Яньчунь Лю. Концепт ветер в русском и китайском языках (в лексическом и фразеологическом аспектах) // Наука и современность. Новосибирск, 2010. №. 5. С. 48 – 52.
- Миленковић Т. Идиоми у српском језику. Алексинац: Ателье 63, 2006.
- Мршевић Радовић Д. Фразеологија и национална култура. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2008.
- Петровић С. Значења и употреба фразеологизама који садрже лексему ветар // Хуманизација универзитета. Ниш, 2013. Књ. 1. С. 648–662.
- Штрбац Г. Фразеологија о човеку и човек у фразеологији. Нови Сад: Филозофски факултет, 2018.

Palchenkova, E.D.; Maslova, A.Y.

National Research Mordovia State University

**PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH THE COMPONENT «ВЕТЕР» / «ВЕТАР»
IN RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGES**

The article considers phraseological units with the component "ветер" / "ветар" in Russian and Serbian languages in a comparative aspect, detects phraseological equivalents and analogues representing behavior, state, character traits of a person, life circumstances. A linguo-cultural commentary is given.

A phraseological unit, wind, analogues, equivalents, Russian language, Serbian language

УДК 811.112.2'04:929.713

Е. С. Тихонова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000-0001-8301-1028

middjungards@gmail.com

О ТЕНДЕНЦИЯХ СОЧЕТАЕМОСТИ ЭПИТЕТОВ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКЕ

Статья посвящена употреблению в «Старшей Ливонской рифмованной хронике» наименований лиц – участников Балтийского крестового похода – с украшающими эпитетами. Данные существительные и их эпитеты рассматриваются с точки зрения их частотности, сочетаемости и представленности в той или иной ситуационной модели.

Средневерхненемецкий, Старшая Ливонская рифмованная хроника, Немецкий орден, украшающие эпитеты, историческая прагматика

Настоящее исследование является продолжением изучения существительных с украшающими эпитетами в Старшей Ливонской рифмованной хронике – стихотворном памятнике объёмом 12017 строк, посвящённом деятельности Немецкого ордена в Прибалтике и составленном в конце XIII в. на восточнореднемецком диалекте [Arnold, 2010, S. 855].

Хроника написана под значительным влиянием куртуазного эпоса, что сказалось на её поэтике. Это выражается, в частности, в обилии разного рода устойчивых словосочетаний (далее – УС), в том числе, существительных с украшающими эпитетами [Arnold, 2010, S. 860]. Как отмечает А. Мюррей, их многочисленность не в последнюю очередь объясняется тем, что они представляют собой формульные прагматические положительные или отрицательные маркеры, которые позволяли лучше понять посыл Хроники рыцарям, которые и были её целевой аудиторией [Murray, 2019, p. 11].

В статье проводится исследование закономерностей сочетаемости с эпитетами существительных, обозначающих разного рода лиц. В силу специфики исследуемого произведения, с точки зрения семантики в основном это – наименования участников Балтийского крестового похода, в т. ч. обозначения группы лиц – войска, а также наименования должностей или титулов.

В тексте Хроники можно выделить несколько ситуационных моделей – «находящихся в эпизодической памяти когнитивных репрезентаций ситуаций,

которые описываются в дискурсах» [Ван Дейк, 2000, с. 103]: «характеристика персонажа», «описание сражения», «результаты сражения», «начало пути», «подготовка похода», «прибытие в конечный пункт», «совет», «отправка послов» и «описание замка», а также не задействованные в предыдущем исследовании модели «приём гостей», «агитация», «огорчение», «описание врагов» и «описание похода». Для их выявления важна семантика глаголов-сказуемых и ближайшее контекстуальное окружение, т. о. получались отрезки длиной в 10 – 25 строк.

1. Наименования участников Балтийского крестового похода.

Наиболее частотным в данной группе является существительное *brûder* «брат» (21 пример), а наиболее частотным эпитетом – *risch* «быстрый», но также встречаются *wîs* «мудрый» и *gût* «славный». Именно с эпитетом *wîs* данная лексема появляется в модели «совет» (1) и в прямой речи, содержащей агитацию или призыв. Однако больше всего примеров представлено в моделях «подготовка похода» и «отправка послов» (2):

(1) *Der schal quam ubir al die lant. // die wîsen brûdere al zû hant // quâmen dô zû râte.* (739 – 741) Слух пошёл по всем землям. Мудрые братья тут же собрались на совет.

(2) *im was volkes âne zal // mit manchem rischen brûdere komen, // als ich vur wâr hân vernomen.* (6652 – 54) К нему прибыло народу без числа с многими быстрыми братьями, как я взаправду слышал.

Вторая по частоте лексема – *gast* (14 примеров). Следует различать два значения *gast*: «гость, чужак» и «воин, крестоносец» [Müller, 1990]. В первом значении можно на основании наличия в ближайшем окружении глаголов *entfangen* и *pflügen* «принимать» выделить модель «приём гостей», причём существительное часто выступает в устойчивом сравнении *als man werde/liebe geste sol* «как пристало [принимать] достойных/дорогих гостей». Также в данной модели представлены существительные близкой семантики *vrunt* «друг» и *pilgerîn* «паломник».

(3) *nichtes nicht wart dô gespart, // er pflac ir lieplîch und wol // als man werder geste sol.* (5440 – 42) Там ничего не жалели, он принимал их любезно и славно, как пристало [принимать] достойных гостей.

В значении «воин, паломник» лексема *gast* представлена в примере (4) в модели «описание сражения». Кроме того, данная лексема представлена в модели «прибытие в конечный пункт». В этом значении данное существительное также синонимично лексеме *pilgerîn* (8 примеров), которая, в свою очередь, встречается в описании сражения, прибытия, совета, похода или результата сражения:

(4) *die brûdere jageten in nâch // zû Kretênen in die veste. // die ernsthaften geste // ir wirte slûgen sie alle tôt.* (7044 – 47) Братья погнались за ними до крепости Кретинген. Серьезные паломники убили всех её хозяев.

2. Собираательные наименования по религиозному признаку. Лексема *cristenheit* «христиане» (8 примеров) 6 раз независимо от контекста употребляется вместе с эпитетом *rein* «чистый». В двух примерах представлен эпитет *arm* «бедный» – в ситуациях, в которых христиане терпят какой-то ущерб (5). Также на основании глаголов с соответственной семантикой *leit sîn* + генитив или *tu(w)en* «печалить» выделяется модель «огорчение», при этом может описываться деятельность язычников (6):

(5) *grozen roub sie nâmen // ûf die armen cristenheit.* (1566 – 67) Они взяли большую добычу у бедных христиан.

(6) *in was dô von hertzen leit, // daz die reine cristenheit // in irme lande hatte behalt.* (6113 – 15) Им было искренне жаль, что чистые христиане закрепились в их стране.

Выбор эпитета при лексемах *heide/heidenschaft* «язычник» (14 примеров) также осуществляется независимо от ситуационной модели: эпитеты с положительной и отрицательной семантикой встречаются в общей сложности одинаковое число раз.

К. Клявиньш отмечал, что Хроника, повествуя о противостоянии не язычников и христиан, но братьев Немецкого ордена и их врагов, многое взяла от германского эпоса, в т. ч. представление о том, что для обеих этих групп важнейшими ценностями являются доблесть и храбрость [Kļaviņš, 2006, p. 267]. Также и М. Нееке указывает, что описание братьев Ордена и язычников часто невозможно отличить, вплоть до того, что братьям приписываются языческие обычаи [Neecke, 2007, S. 87]. У. Арнольд, напротив, характеризовал образ «благородного язычника» как рыцарскую черту [Arnold, 2000, S. 857]. М. Фишер также отмечает «рыцарское уважение» к боевым качествам противника [Fischer, 1991, p. 182 – 183].

Следует отметить, что из всех рассмотренных существительных только *heide* сочетается с эпитетом *balt*, и УС *manchen heiden balt* (7) идёт два раза подряд, как и УС *heiden gar/wol vermezzen* (8). Вероятно, в первом случае могло сыграть свою роль фонетическое и графическое сходство лексем *heiden* и *helden*: последнее регулярно имеет при себе определение *balt*:

(7) *sie vûrten manchen heiden balt // uber die Dune mit gewalt.* (11111 – 12) Они перевели через Даугаву много отважных язычников с войском.

Как отдельную модель можно выделить описание врагов, в котором часто представлено УС с глаголом *nennen* «называть» в пассиве *X sint sie genant*, а также указывается место проживания характеризуемых язычников:

(8) *die Dune ein wazzer ist genant, // des vluz gêet von Rûzen lant, // dar ûffe wâren gesezzen // heiden gar vormezzen, // Liwen wâren sie genant. // daz stôzet an der Sêlen lant. // daz was ein heidenschaft vil sûr, // sie waren der Rûzen nâkebûr.*

(139 – 147) Одна река называется Даугава, которая течёт из земли русских, над ней сидели храбрые язычники, они назывались ливы. Она упирается в землю селов. Это были очень злые язычники, они были соседями русских.

3. Этнонимы представлены лексемами *Kûren* «куроны», *Rûzen* «русские», *Lettowen* «литовцы», *Semegallen* «земгалы», *Sâmen* «жемайты» и *Eisten* «эстонцы». Как и в случае с лексемами *heide/heidenschaft* «язычники», эпитеты могут носить как положительный, так и отрицательный характер. Выбор эпитета при этнониме зависит в т. ч. от отношения автора к этим конкретным людям. Эпитеты практически не повторяются за исключением *bôse, sûr* «злой» и *ûz erwelt* «избранный». Последний эпитет, широко представленный при существительных-обозначениях воина, практически не встречается в рассмотренном материале. Можно предположить, что он зарезервирован за более «героической» лексикой и является, т. о., поэтизмом:

(9) *der kunic Dimitre was ein helt, // vumf tusent Rûzen ûz erwelt // mit den begreif er dô die wer.* (7637 – 39) Князь Дмитрий был герой, с ними он атаковал защиту.

Этнонимы встречаются в моделях «подготовка похода», «огорчение», «описание сражения», «начало пути», «прибытие», «совет», «описание похода» и «результаты сражения», т. е. они не привязаны к какой-то одной ситуации. Однако этноним с эпитетом ни разу не представлен в модели «описание врагов».

4. Наименования должностей или титулов. В эту группу входят лексемы *meister* «магистр» (15 примеров), *kunic* «король» (4 примера), *bischof* «епископ» (2 примера), *prîster* «священник» (2 примера), а также представленные одним примером каждая *kummentûr* «комтур», *bôte* «посол» и *legat* «легат».

Существительное «магистр» является наиболее частотным из них и регулярно вводит прямую речь. Как отмечал П. Экке, при описании советов и собраний в диалогах магистр противопоставляется прочим братьям и комтурам: в отличие от всех остальных, представленных как некая безымянная общность, «хор», магистр всегда назван по имени [Еске, 1910, S. 53].

В абсолютном большинстве примеров данная лексема имеет при себе эпитет *gût* «добрый, славный» (10). Ему также может сопутствовать эпитет *tugende vol* «полный добродетели»:

(10) *der gûte meister Volkewîn bat // die pilgerîme ubir al, // sô sie den grôzen glocken schal // driestunt vernêmen, // daz sie zû velde quêmen.* (1008 – 12) Добрый магистр Фольквин попросил пилигримов повсюду, чтобы они, когда услышат, что большой колокол прозвонил трижды, пришли на поле.

Лексема *meister* встречается в моделях «результат сражения», «характеристика персонажа», «огорчение», «агитация», «начало пути», «совет», т. е. почти во всех, но нельзя сказать, что какая-то одна модель является для него наиболее характерной.

Существительные *prîster* (2 примера) и *bischof* (2 примера) также сочетаются с эпитетом *gût*, последняя – почти всегда с именем собственным:

(11) *daz leit vil kummerlîchen trûc // der gûte bischof Albrecht.* (808 – 809) Это горе очень тяжело переносил добрый епископ Альбрехт.

Лексемой *kunic* с эпитетом в Хронике обозначаются исключительно языческие вожди и русские князья. В двух примерах эпитетом является *rîch* «богатый»:

(12) *dô sie quâmen in daz lant, // man toufte und wîhete zû hant // den rîchen kunic Myndowen // und Marthen sîne vrowen.* (3559 – 62) Когда они прибыли в ту страну, тут же окрестили и помазали богатого короля Миндовга и его жену Марту.

5. Неконкретизированное обозначение «человек» или «люди».

Лексема *man* (37 примеров) в 14 примерах сочетается с эпитетом *risch* «быстрый» и в 6 – с *wîs* «мудрый». Она также представлена в нескольких моделях: «прибытие», описание и результат сражения, «подготовка похода», «характеристика персонажа», «начало пути», «отправка послов», «описание врагов» и похода. С одной стороны, многие из этих ситуаций – динамичные, с другой, она достаточно значительным числом примеров задействована в характеристике персонажа.

Man функционирует в нескольких УС. При положительной характеристике персонажей представлена УС *X was ein wîser man* (13). В моделях «описание похода» и «описание сражения» встречается УС *slûgen manchen rischen man* (14):

(13) *der meister was ein wîse man, // er greif sîn ding menlîchen an // unde legete hûte vor daz lant.* (6601 – 03) Магистр был мудрым человеком, он мужественно взялся за дело и установил наблюдение за страной.

(14) *sie slûgen manchen rischen man, // daz er ach und owê rief.* (671 – 673) Они убили многих быстрых мужей, так что они кричали «Ах!» и «Увы!»

Лексема *lûte* «люди» (13 примеров) в 5 случаях имеет при себе определение *die besten* «лучшие», и 2 примерами представлены эпитеты *gût* «добрые», *risch* и *rasch* «быстрые». Распределение по отдельным моделям, как и в случае с другими существительными, довольно равномерное.

В 6 примерах в моделях «подготовка похода» или «начало пути» данное существительное входит в УС *zû sich (ûz) lâs* «выбрал/призвал к себе», причём в 4 случаях – с эпитетом *die besten*:

(15) *die besten lûte er zû sich las, // waz ir zû Doblênen was.* (9045 – 46)

Он призвал к себе лучших людей, сколько их было в Добеле.

6. Обозначение группы людей – войска

Лексема *schar* «отряд» (39 примеров) является самой частотной в рассматриваемом материале. Она представлена в моделях «подготовка похода», «описание похода», «прибытие» и «характеристика персонажа». Примечательно, что в описании сражения *schar* с эпитетом не засвидетельствована.

Самыми употребительными эпитетами, встречающимися с данным существительным, являются *stoltz* «гордый» (8 примеров) (16), *êrlîch* «честный» (6 примеров), *risch* «быстрый» (5 примеров) и *gevûge* «подходящий; небольшой» (3 примера):

(16) *die brûdere mit vil stoltzer schar // quâmen dem meister dô.* (3276 – 77)

Братья с весьма гордым отрядом пришли тогда к магистру.

Лексема *her* «войско» (9 примеров) представлена в моделях «подготовка похода», «прибытие», «описание похода», «сражение», «начало пути». Почти все эпитеты представлены одним примером.

При описании войска братьев с лексемами *schar* и *her* сочетаются эпитеты, принадлежащие к семантическому полю куртуазности: *hovelîch* «куртуазный», *wunneclîch* «блаженный, благословенный» и *ritterlîch* «рыцарский». Кроме того, существительные *schar* (17) и *her* с эпитетом встречаются в дативе с предлогом *mit* и глаголом передвижения, при этом в случае с последним существительным два из этих примеров расположены подряд и отличаются только эпитетом:

(17) *des kuniges man quâmen dar // mit einer hovelîchen schar* (2081 – 82)

Люди короля прибыли туда с куртуазным отрядом. Епископ Герман был этому рад.

7. Выводы. В некоторых случаях наблюдаются тенденции употребления эпитетов с существительными, но не прослеживается никаких закономерностей внутри отдельных ситуационных моделей.

Так, существительные *man* «человек, муж» и *brûder* «брат» достаточно регулярно сочетаются с эпитетами *risch* «быстрый» и *wîs* «мудрый»; *meister* «магистр», *bischof* «епископ» и *prîster* «священник» – с эпитетом *gût* «добрый» в препозиции, *cristenheit* «христиане» – с *rein*, *lûte* «люди» – с *die besten* «лучшие», а *schar* «отряд» – с эпитетами *stoltz* «гордый», *êrlîch* «честный» и *risch* «быстрый».

В общей сложности, больше всего примеров представлено в модели «подготовка похода» (40 примеров), несколько меньше – в модели «прибытие» (26 примеров). На третьем месте находится модель «описание похода» (19 примеров). Кроме единичных случаев нельзя утверждать, что для какой-то одной модели характерны определённые существительные с эпитетами: исключениями являются модель «приём гостей» с эпитетом *werde* «достойный» при существительных *gast*, *vrun*t и *pilgerin*, а также модель «описание врагов» с эпитетом *sûr* «злой» в постпозиции.

Такой результат отчасти объясняется тем, что почти все рассмотренные лексемы представлены недостаточным количеством примеров, чтобы можно было бы проследить какие-либо закономерности. Однако такие лексемы как *schar*, *man* и *brûder*, засвидетельствованные в нескольких десятках реализаций, также не обнаруживают закреплённости за какой-либо одной ситуацией.

Судя по тому, что в большинстве случаев проследить тенденции не удаётся, рассмотренные существительные в значительной мере являются контекстуальными синонимами и могут быть взаимозаменяемы. То же касается и эпитетов: нельзя не отметить фонетическое и графическое сходство эпитетов *rasch*, *risch* и *rîch* (а для первых двух – также и семантическое).

Следует отметить, что некоторые существительные с эпитетами регулярно встречаются в составе УС, таких как *X was ein wîser man*, *slûgen manchen rischen man*, *zû sich (ûz) lâs*, а также *X sint sie genant*. Это говорит о том, что автор Хроники активно пользовался существительными с эпитетами как стилистическим средством, а именно как готовыми элементами, из которых можно конструировать поэтический текст, принадлежащий к т. наз. орденской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

- Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
- Arnold U. Livländische Reimchronik // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Hrsg. v. W. Stammer et al. Band 5. Berlin/New York: De Gruyter, 2010. Sp. 855 – 862.
- Ecke P. Die Livländische Reimchronik. Inaug.-Diss. Greifswald: Hans Adler, 1910. 60 S.
- Fischer M. “Di Himels Rote”: The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 525). Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991. 255 S.
- Kļaviņš K. The Ideology of Christianity and Pagan Practice among the Teutonic Knights: The Case of the Baltic Region // Journal of Baltic Studies, 37:3 (2006), pp. 260 – 276.
- Müller W. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1990. 4 Bde. // Mittelhochdeutsche Wörterbücher im Verbund. URL: www.woerterbuchnetz.de/BMZ/GAST (дата обращения: 18.03.2023).

Murray A. V. Formulaic Language in the Livonian Rhymed Chronicle: Set Phrases and Discourse Markers in Middle High German History Writing // *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*. 2019. 79 (1). Pp. 86 – 105.

Neecke M. Das 13. Jahrhundert // Feistner E., Neecke M., Vollmann-Profe G. *Krieg im Visier. Biblepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung*. Tübingen: Max Niemeyer, 2007. S. 97 – 105.

Tikhonova, E. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

ON THE TENDENCIES OF EPITHETS’ COMPATIBILITY WITH NOUNS IN THE LIVONIAN RHYMED CHRONICLE

The article considers the usage of nouns denoting participants of the Baltic crusade with epitheta ornantia in the Livonian Rhymed Chronicle. Frequency and variability of these lexemes and their epitheta, as well as their presence in a certain situational model are analyzed.

Middle High German, Livonian Rhymed Chronicle, Teutonic Order, epitheta ornantia, variation

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА; ПРАГМАТИКА И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'33

N. L. Greidina

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
greidina@yahoo.com

THE FOREIGN POLICY IMAGE OF THE COUNTRY AS A COGNITIVE PHENOMENON (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

The research is devoted to the consideration of topical issues characterized by interdisciplinary status. The subject of the study is related to the cognitive construction and interpretation of the country image in the foreign policy arena. The solution of the research goal is achieved through the use of comprehensive methodology based on a linguocognitive approach to both the process of creating the country image and its interpretation. The research material is media texts published by the US media. The novelty of the research is determined by the development of algorithmization process of transformation of an image-construct into an image-interpretant. The conclusion of the research work is related to the determination of the interpretative tone of the country image on the foreign policy vector of its implementation.

Political communication, linguocognitive approach, algorithmization of the country image, image constituents, image-construct, image-interpretant, US media, interpretative tone

Globalization of the system of international relations has become a source of increasing interdependence and interaction of countries in a single global space. One of the signs of these complex processes is political branding, the formation of the country's media environment by manipulating the consciousness of the masses.

Interpretation of these processes is carried out within the framework of a methodological principle based on a linguistic turn in the culture study. This correlates with a change in the principles of research objects consideration. Accordingly, reality is studied as a text, and discursive practice becomes the main object not only of linguistic, but also of political analysis.

The political field of communication takes the form of a single complex of linguistic codes perceived at the level of a polysense structure. At the same time,

the process and the result of understanding manifest themselves in interpretation, the object of which becomes the image.

This practice is based on a comprehensive methodology, taking into account the linguocognitive approach to both the process of creating the image of the country and its interpretation.

The research material is a complex of media texts in the information and analytical field of the US media.

One should bear in mind that consideration of the country image in the context of the present international arena is associated with the period of posthistory due to the completion of history as a linear event [Baudrillard, 2021, p. 76] and the shift of focus to interpretative pluralism. The latter turns out to be a way out from the situation of the end of history – against the background of the absence of objective cause and event relations [Baudrillard, 2021, p. 83].

Globalization of various aspects of life has an impact on the scientific environment, in which, as a result of translation practice based on latinisation, the use of the concept "image" turns into the concept "brand".

Despite the fact that these concepts are not synonymous due to perceived semantic differences in the context of their spontaneity or purposeful constructibility [Graver, 2012, p. 38] (for example, the image is associated with the independence of the established ideas about its perception, in contrast to the brand – as artificially created representations), in this research study they do not explicate oppositions.

A number of researchers [Filatova, 2014, p. 316; Krivonosov, 2019, p. 38; Shishkina, 2021, p. 93], recognizing the differentiation of the analyzed concepts and attaching to the brand the position of a purposefully created image with singling out value characteristics in order to provide emotional and psychological impact on the target public, identify it with the concept "image".

Other researchers [Petrova, 2018, p. 37; Olshansky, 2019, p. 38] associate the brand as an imaginary image in the mind of the perceiving audience in contrast to the image.

Accordingly, the introduction of the concept "image" into the framework of the research stimulates its interpretation as one of the reflection forms of an object or phenomenon in consciousness.

In some studies [Turgaev, Khrenov, 2021, p. 68], the image of the country is described in the categories of modeling a complex of images (its constituent regions, intellectual and political elites, political parties, leadership), national self-identification, implemented policies in various spheres (economic, social, cultural).

In the course of this scientific study, the image of the country is considered at the level of its media type, which is purposefully created by mass media on the basis of a number of interconnected manipulative technologies [Greidina, 2019, p. 28].

It is advisable to introduce the concepts of the image-construct and the image-interpretant. Thus, the concept of the image-construct is formulated by us as the image formed during the transition from theoretical and empirical knowledge to conceptual one, i.e., the image constructed in anticipation of a contextual object interpretation.

We introduce the concept of the image-interpretant as the image that allows us to interpret the conceptual relationship between the contextual sign being comprehended and its basic object by influencing the consciousness and subconscious of the perceiver.

The process of linguocognitive interpretation allows the algorithmization of the transformation of the image-construct into the image-interpretant.

Accordingly, the image of Russia as a source of threat and aggression [Greidina, 2023, p. 68] created by the US media is an image-construct for the internal audience of the USA and an image-interpretant for the external audience of Russia:

"Russia threatens to kick out US journalists unless US treats Russian media better" [Folkenflik, 2022, p. 3],

"Stop Russia nuclear threat" [Faulconbridge, 2022, p. 16],

"Russian aggression against Ukraine" [Stimner, 2022, p. 8],

"Russia's war of aggression against Ukraine" [Trestminck, 2022, p. 8].

As a result of such algorithmization, a logical-connotative setting is formed that allows us to come to the spectrum of essential analysis and interpretative tone.

The essential analysis testifies in favour of considering the war in Ukraine not as a collapse of Ukrainian-Russian relations and the crisis of American-Russian relations, but as a civilizational turning point, when in the context of the posthistoric period, international relations give way to post-international politics.

Despite the attempts of the US Administration to present the war in Ukraine as a geopolitical crisis, it is difficult to refute the civilizational essence of this military confrontation.

It is necessary to analyze the interpretative tone as a component of the image of Russia formed by the US media. In this regard, it is important to state that 89% out of the total number of publications for the period 2022-2023 reflect a negative foreign policy image of the country.

Table 1.**Media tone of the image of Russia**

Tone	USA media
Positive	2%
Negative	89%
Neutral	9%

The interpretative tone of the foreign policy image of Russia in the US media for the period 2022-2023 reflected a negative vector of its development. This is confirmed not only by individual authors' articles in the US media, but also by the editorial opinion of the media.

Despite the attempt of US media representatives to reflect the negative vector in the broadcast of the foreign policy image of Russia as a fear of the aggressive, militant course of the country, this fact is associated with their conscious and subconscious fear of the process and result of the struggle of civilizational values within the framework of the above-mentioned turning point.

It is important to note that the values of Western civilization have outlived themselves. It is self-evident that the liberal idea is turning into an absolutism of connivance, the rule of law opens the way to legalized impunity, traditional values are being replaced by the freedom of same-sex marriage.

In this regard, the US media, following the thought of R. Rorty, in practice demonstrate the trend reflecting that "the truth is created rather than found" [Rorty, 2018, p. 76].

Thus, the foreign policy image of the country turns from a soft force of cultural hegemony into a hard force of its political domination.

BIBLIOGRAPHY

- Baudrillard J. K. In the shadow of the silent majorities, or, the end of the social. N.Y.: Appleton, 2021. 389 p.
- Faulconbridge G. T. Stop Russia nuclear threat // *The Atlantic*. 2022. October. PP. 16.
- Filatova O. N. Semiotika stilya // *Vestnik Universiteta*. 2014. №11. S. 314–317.
- Folkenflik D. P. Russia threatens to kick out US journalists unless US treats Russian media better // *The Washington Post*. 2022. November 16. P. 3.
- Graver A. A. Obraz, imidzh i brend strany: ponyatiya i napravleniya issledovaniya // *Vestnik Tomsk. gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2012. №3 (19). S. 29–45.
- Greidina N. L. Konfliktnaya i fejkovaya informaciya v amerikanskom politicheskom diskurse // *NIR. Sovremennaya kommunikativistika*. 2019. №6. S. 28–33.

- Greidina N. L. Nation image and brand in the English-language political communication context (based on the media discourse) // Information-Communication-Society. St. Petersburg, 2023. P. 66–71.
- Krivososov A. D. Osnovy` teorii svyazej s obshhestvennost`yu. SPb.: Piter, 2019. 386 s.
- Ol`shanskij D. V. Politicheskij PR. M.: Flinta, 2019. 318 s.
- Petrova E. A. Imidzhelogiya: problemnoe pole i napravleniya issledovaniya // PR v obrazovanii. 2018. № 1. S.36–38.
- Rorty R. M. Philosophy as Cultural Politics: Philosophical Papers. New York: Cambridge University Press, 2018. 196 p.
- Shishkina M. A. Pablik rilejshnz v kontekste social`nogo upravleniya. M.: AST, 2021. 389 s.
- Stepin V. S., Guseinov A. A., Semigin G. Yu. Novaya filosofskaya e`nciklopediya. M.: My`sl`, 2018. 498 s.
- Stimner J. P. Russian aggression against Ukraine // The New Yorker. 2022. December 11. P. 8.
- Trestminck P. T. Russia's war of aggression against Ukraine // The Wall Street Journal. 2022. November 19. P. 8.
- Turgaev A. S., Xrenov A. E. Politologiya v sxemax i kommentariyax. M.: Planeta, 2021. 369 s.

Грейдина Н. Л.

Дипломатическая академия МИД России

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СТРАНЫ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Научное исследование посвящено рассмотрению актуальных проблем, характеризующихся междисциплинарным статусом. Предмет исследования связан с когнитивным конструированием и интерпретацией образа страны на внешнеполитической арене. Решение исследовательской цели достигается посредством использования комплексной методологии на основе лингвокогнитивного подхода как к процессу создания образа страны, так и его интерпретации. Материалом исследования служат медийные тексты, опубликованные СМИ США. Новизна исследования определяется разработкой процесса алгоритмизации трансформации образа-конструкта в образ-интерпретант. Вывод исследовательской работы связан с установлением интерпретационной тональности образа страны на внешнеполитическом векторе его реализации.

Политическая коммуникация, лингвокогнитивный подход, алгоритмизация образа страны, конститuentы образа, образ-конструкт, образ-интерпретант, СМИ США, интерпретационная тональность

УДК 811.111

Я. А. Иконникова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

janaikonnikova@yandex.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена анализу английских неологизмов в рамках интернет-дискурса и исследованию причин использования определенных способов словообразования. В работе проводится морфологический анализ неологизмов, представлен контекстуальный перевод выбранных слов и выражений. Стремление людей к краткому и быстрому изложению информации путем использования неологизмов рассматривается как одна из основных причин появления неологизмов в сфере онлайн-коммуникации.

Неологизмы, интернет-дискурс, морфология, онлайн-коммуникация, образование слов

Появление интернета спровоцировало настоящую эволюцию языка, благодаря которой коммуникация достигла нового уровня. Развитие языка никогда не было таким быстрым, как сейчас. Человечество быстро приспособилось к изменениям, привыкнув к молниеносной передаче информации. Технологическое развитие – толчок к коммуникации людей из разных точек мира, используя так называемую интернет-коммуникацию. Подобные преобразования в жизни человечества привело к созданию новых слов, новых терминов.

Неологизм, как сейчас принято называть новые слова и словообразования, впервые появилось в 1772 как «новаторская практика в языке, использование старых слов, приобретение старыми словами новых значений» от французского *néologisme* «неологизм», что, в свою очередь, было образованно от двух греческих слов: *neo* «новый» и *logos* «слово». До расширения своего значения слово «неологизм» обозначало любые заимствования из другого языка. Позже необходимость в закреплении понятия «неологизм» стала явной, и различные лингвисты занялись этим.

Так, О. С. Ахманова в своем словаре определяет неологизмы как «слово или оборот, созданные для обозначения нового и прежде неизвестного предмета или для выражения нового понятия», но это не единственное определение, что дает О. С. Ахманова. Неологизм – новое слово или выражение, не получившее прав гражданства в общенародном языке и потому

воспринимающееся как принадлежащее к особому, нередко сниженному стилю речи. [Ахманова, 2004, с. 261].

В слове, претендующем на неологизм, должна ощущаться коннотация новизны, которая впоследствии утрачивается, и слово перестает быть «новым». Е. В. Сенько связывает новизну с критерием времени. По ее мнению, все инновации, в состав которых входят и неологизмы, отличает «своеобразная маркированность временем, что вызывает некоторую необычность, свежесть на фоне обычных языковых форм, малоизвестность или вовсе неизвестность в широком употреблении» [Сенько, 1995, с. 22]. Скорость коммуникации между людьми благодаря интернету заставляет неологизмы терять свою актуальность за рекордно короткий промежуток времени. Однако, это дает возможность старым словам вновь занять первое место в рейтинге самых часто используемых слов благодаря приобретению нового значения.

Самый начальный процесс создания неологизмов возможно наблюдать именно в морфологии слов. У неологизмов есть определенные механизмы построения: аффиксация, словосложение, аббревиация, сокращения, конверсия, акронимы. Интересный факт, что наиболее частыми способами образования неологизмов считаются те, что делают слова короче, обрезают существующие слова – сокращения, аббревиатуры и акронимы [Shahlee, Mustaffa, 2019, с. 2]. Морфологические процессы изменяют значения и грамматические функции новых слов.

Для разных языков существуют различные классификации словообразования неологизмов, в английском языке используются такие приемы, как сокращения, словосложение, аффиксация, конверсия, аббревиация и акронимы [Попова, 2005, с. 30-35].

Сокращение – способ, при котором происходит усечение существующих слов фонетически путем опущения его части: *telephone* – *phone* «телефон». Сокращенные единицы можно разделить на слова с сокращением первой части слова и слова с сокращением второй части слова.

Словосложение – словообразование путем соединения частей двух отдельных слов, чтобы образовать единое фонетическое слово, которое выражает одну идею или концепцию: *infodemic* – *information* «информация» и *pandemic* «пандемический». Словосложение может происходить с глаголами, прилагательными, но большинство словосложений относится к существительным.

Аффиксация – способ образования слов с помощью аффиксов, то есть присоединение аффиксов к корню или основе слова: *cyberspace*

«киберпространство» – *cyber* и *space*. Присоединение приставок к корням и основам слова – префиксация. Присоединение суффиксов к корням и основам – суффиксация или постфиксация.

Конверсия – переход слова из одной лексической категории к другой без изменений в форме слова: *Google – to google* «гуглить».

Аббревиация – способ образования слова путем усечения слов, входящих в исходное словосочетание или из усеченных компонентов исходного сложного слова: *MIA – missing in action* «пропавший без вести».

Акронимы – слова, созданные из начальных букв слов некоторой фразы: *UFO – an unidentified flying object* «НЛО – неопознанный летающий объект».

Это самые часто используемые способы словообразования неологизмов.

В данной статье собраны неологизмы из таких социальных сетей, как Facebook, Instagram, Twitter, WhatsApp, Telegram. Сферы их образования различные, внимание на этом не зафиксировано. Правописание примеров, взятых на просторах интернета, сохранено.

1. *to Meghan Markle/to meghanmarkle*

С легкостью покинуть токсичную среду ради своего психологического благополучия. Данный неологизм распространился в социальной сети Twitter после скандала с участием британской королевской семьи. Образованно от имени Меган Маркл – жены принца Гарри. Способ образования – конверсия (от существительного к глаголу).

My ex-boyfriend was toxic af so I decided to meghanmarkle «Мой бывший был таким токсичным, что я решила бросить его без сожалений» [Twitter].

2. *Normcore*

Свободный стиль одежды. Стиль одежды, включающий в себя свободные джинсы и футболку оверсайз. Предпочтителен людьми, которые хотят быть незаметными на публике, чтобы не привлекать внимание людей. Образованно словосложением *normal* «обычный» и *core* «основа».

Mr. Autumn Man lmao. And yes I unironically love the normcore style «Мистер Осень лмао. И да, я неиронично люблю свободный стиль» [Twitter].

3. *BLM (Black lives matter)*

Общественное движение, выступающее против расизма и насилия в отношении чернокожих, в особенности против полицейского насилия. Способ образования неологизма – акроним.

"NY Times Can't Figure out Reason for 'Rapid Decline' in Support for BLM Last Year" It's a mystery I tell you! Who knew that burning and looting would be so unpopular? «NY Times не может объяснить причину резкого снижения

популярности движения BLM в прошлом году» Говорю же, мистика! Кто ж знал, что поджоги и грабежи будут настолько непопулярными?» [Twitter].

4. *Janxiety*

Существительное, обозначающее чувство беспокойства и тревожности, которое часто ощущают люди в начале нового года. Способ образования – словосложение *january* «январь» и *anxiety* «тревожность, беспокойство».

If your inability to take the baby steps to work on a resolution is getting to you, you might be suffering from janxiety! «Если вас преследует невозможность вернуться к работе, может быть, вы страдаете январской хандрой!» [Twitter].

5. *To stan*

Данный глагол обозначает «обожать, восхищаться, быть повернутым на ком-либо». Чаще всего относится к сфере фильмов, музыки, игр, так называемых «фандомов». Способ словообразования – словосложение слов *stalker* «сталкер» и *fan* «фанат». В русском языке существует перевод, появившийся путем транскрипции – «стэнить».

I don't think anybody realizes chan minho and jisung are my skz biases because i tweet about everybody so much? but biases also mean very little to me when I'm stanning a group, i almost always stan every member equally «Я не думаю, что люди осознают, насколько сильно я стэню Чана, Минхо и Джисона из скз, потому что я твичу очень много о них? Но биасы значат не так много в случае, когда я стэню всю группу, я почти всегда стэню всех участников группы в равной степени» [Twitter].

6. *Byesexual*

Человек, у которого давно не было партнера. Данный неологизм быстро набрал популярность в связи с ростом заинтересованности в теме самоопределения как личности. Способ словообразования – словосложение *bye* «пока» и *sexual* «сексуал».

My girl born after 1993 all she know is mcdonald, charge they phone, hot chip lie and be byesexual, but at least she can cook «Моя девочка родилась после 1993 и все, что она знает – это макдональдс, зарядить телефон, острые чипсы и как быть байсексуальной, но, по крайней мере, она умеет готовить» [Twitter].

7. *POV*

Point of view «точка зрения». Данный неологизм обозначает собой метку, которая значит репрезентацию определенной ситуации, то есть «представьте, что...». Способ словообразования – акроним *Point of view* «точка зрения».

#POV: Chaeryeong as a timid student who makes everyone shocked by her sudden appearance on prom night with her glamorous and stunning outfits and get new title as the queen of prom night «Представьте, что Чэрен как та самая робкая ученица, которая шокировала всех своим внезапным появлением на выпускном бале в шикарном платье, завоевав титул королевы выпускного» [Tik Tok].

8. *Goblin mode*

«Режим гоблина». Тип поведения, при котором человек потворствует своим желаниям, ленится, выбирает свой личный комфорт и не стремится соответствовать ожиданиям общества. Способ словообразования – словосложение.

People are embracing their inner goblin, and voters choosing 'goblin mode' as the Word of the Year tells us the concept is likely here to stay «Люди принимают своего внутреннего гоблина и выбирают «режим гоблина», так как слово года говорит нам о том, что оно останется здесь надолго» [Twitter].

9. *Sharent*

Данный неологизм означает родителя, который постоянно находится в сети и рассказывает обо всем, что касается его ребенка. Способ словообразования – словосложение *share* «делиться» и *parent* «родитель».

The 'sharent' trap – should you ever put your children on social media? «Ловушка 'шэрента' – Делились ли вы когда-нибудь контентом о своих детях в социальных сетях?» [The Guardian].

10. *Permacrisis*

Длительный период нестабильности и отсутствие ощущения безопасности. Данный неологизм появился в 2022 году в связи с политической ситуацией в мире и ростом стоимости проживания. Способ образования – словосложение *permanent* «постоянный» *crisis* «кризис».

My generation is trapped in a permacrisis, with no obvious way out «Мое поколение в ловушке пермакризиса без возможности выбраться» [Twitter].

В рамках исследования было проанализировано 50 неологизмов. Основными словообразовательными способами при появлении неологизмов являются словосложение (64%), аббревиация (16%) и акронимия (16%). Онлайн-коммуникация позволяет новым словам появляться и исчезать с немыслимой скоростью. На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что люди стремятся к быстрой коммуникации без потери значения слова, тем самым провоцируя появление новых. На это влияет скорость общения, ежесекундный обмен информацией, ограниченное

количество символов в сообщении или посте, а также нежелание людей читать тексты большого объёма.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004.
- Попова Т.В. Неология и неография современного русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2005.
- Сенько Е.В. Инновации в современном русском языке. – Владикавказ: Изд-во «Ир» 1995.
- Shahlee, Sakina, Rosniah Mustaffa. Neologisms in Social Networking among Youths". *Toryish International Journal of Multidisciplinary (TIJM)*, 2019.
- The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/may/24/sharent-trap-should-parents-put-their-children-on-social-media-instagram> (дата обращения 18.03.2023).
- Tik Tok URL: <https://www.tiktok.com/ru-RU> (дата обращения 17.03.2023).
- Twitter URL: <https://www.twitter.com/home> (дата обращения 18.03.2023).

IKONNIKOVA, Y. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF ENGLISH NEOLOGISMS IN THE INTERNET DISCOURSE

The article is devoted to the analysis of English neologisms within the Internet discourse and the studies the reasons for the use of certain word-formation models. Linguistic research is based on the method of continuous sampling by which the choice of neologisms was made. The paper provides a morphological analysis and contextual translation of selected words and expressions. The author also considers the reasons for the appearance of neologisms in the field of online communication and the desire of people to briefly and quickly present information through the use of neologisms.

Neologisms, internet discourse, morphology, online communication, word formation

УДК 81'42:004.738.5

Е. В. Курганская

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ленина,

katrinkurg26@gmail.com

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ТОКСИЧНОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В статье исследуется феномен токсичности в интернет-дискурсе. Анализируются коммуникативные ситуации токсичного характера в социальных сетях. Выявлены основные речевые и поведенческие характеристики токсичного пользователя.

Интернет-дискурс, социальные сети, онлайн-коммуникация, токсичность

Цифровая эпоха, в которую живет современное общество, определяет не только наш образ жизни и мышления, но и взаимодействие с другими индивидами. Все больше людей предпочитают реальному общению виртуальное, что определяет актуальность интернет-дискурса, в рамках которого происходит общение между пользователями.

Несмотря на очевидные преимущества общения в социальных сетях (возможность коммуникации на расстоянии, поиск новых знакомств и интересов, доступные медиа-развлечения и др.), любой пользователь рано или поздно сталкивается и с негативными последствиями общения онлайн. К ним относятся:

- уязвимость личной информации, которая в результате «слива» может быть использована нежелательными лицами;
- всплывающие рекламные окна, которые не всегда можно нейтрализовать;
- вытеснение реального общения виртуальным;
- девиантное поведение, а именно работа мошенников, хакерство, троллинг, диффамация;
- социальное давление и критика.

В последнее время одной из наиболее острых проблем общения в социальных сетях стала токсичность некоторых пользователей. Еще в 2018 г. слово '*toxic*' («токсичный») стало словом года по версии Оксфордского словаря, но уже спустя несколько лет закрепилось и в русской речи. В психологии нет официального определения слова «токсичность», но оно

широко распространилось в интернет-дискурсе и даже быту. «Он какой-то токсичный», «ну ты и токсик» – довольно часто можно засвидетельствовать такого рода реплики и в живом, и в виртуальном общении. Первоначально токсичными называли отношения: на работе, в кругу друзей, семьи или между партнерами. Основным критерием токсичных отношений считался дискомфорт, который был вызван общением с тем или иным человеком. Однако в последнее время эта характеристика стала чаще приписываться отдельной личности.

Почему о токсичности стали говорить сейчас? На самом деле того, кого сейчас называют токсичным, раньше можно было бы назвать манипулятором: он не считается с мнением других людей и использует методы насильственного влияния на эмоции коммуникативных партнеров. Вероятно, слово «манипулятор» звучит слишком громко в рамках бытового общения, а вот коннотативное значение сочетания «токсичный человек» может казаться не таким отрицательным. И все же сравнение с ядовитыми веществами сохраняет посыл, согласно которому контакт с человеком является нежелательным и даже вредным.

Феномен токсичного пользователя в социальных сетях – одна из проблем современного онлайн-общения. В виртуальной среде характеристики такого собеседника не отличаются от перечисленных выше, но коммуникативная среда несколько иная. В социальной сети противостоять такому пользователю сложнее, т.к. нет прямого контакта с ним, однако можно нажать кнопку «Пожаловаться» и выбрать причину, например, «Спам» или «Насилие и вражда».

Рассмотрим несколько коммуникативных ситуаций (оригинальная орфография сохранена), где один из собеседников (C1) указывает на токсичность второго (C2):

Ситуация 1. Коммуникативная ситуация на геймерском форуме [Ответ на пост пользователя kekW].

C1: Rocket League, скачал игру сразу 29 уровень и профи, вещи в инвентарь после игр не приходят, что делать?

p.s. за день до этого взял у друга Steam Sharing чтобы посмотреть что да как в игре, подскажите, пожалуйста, как начать всё абсолютно сначала

C2: У вас проблемы с клиентом Steam? Нет. У вас проблемы с Steam Family Sharing? Нет. Вам было лень потратить 10 секунд времени и удалить сохранения. Каким образом эта проблема связана со Steam?

C1: ну ты и токсичный, ты бы проявлял свое чсв в другом месте, а тут помогал бы людям, да некоторые из них пишут не там где нужно, но ведь

можно одним постом ответить что делать, а не писать что ты не там смотришь/спрашиваешь и прочую лабуду

В этой ситуации первый собеседник (С1) называет второго (С2) токсичным, потому что его запрос на получение помощи не только не выполнен, но и получает отрицательную реакцию в виде насмешки и упрёка. Таким образом, токсичным могут назвать человека, который критикует других и насмехается над их чувствами.

Ситуация 2. Обсуждение под постом о выходе новой игры [Комментарий на стене 'Steam'].

*С1: Очередное пиксельное г**** для детишек, которые хотят быть взрослыми*

С2: что ты делаешь в паблике интернет магазина видео-игр с таким отношением?

С1: Играю в форзу и лупхиро

С2: ну ты и токсичный. Буэ.

Лучше буду чувствовать себя "взрослым" чем играть в форзу и лупхиро и вести себя как 12 летний школяр.

Здесь токсичным называют человека, который оскорбляет продукт (новая игра Teenage Mutant Ninja Turtles: Shredder's Revenge), его чувства не объективны, а фразы не аргументированы. Таких пользователей, которым свойственен негативизм, довольно много, а их критика часто вызывает ответную агрессию, поэтому их можно назвать «распылителями токсичности». Интересно, что часто упоминания о токсичности пользователя встречаются именно в чатах геймеров, что неудивительно – эта субкультура принесла в лексикон современного человека довольно много англицизмов (*баг, скилл, читерить, нуб, афк, кк, ачивка* и др.).

Ситуация 3. Пост о переводе картинка-гайда по вышедшей игре [Комментарий на стене 'Triplewipe/ Destiny 2'].

*С1: *эмодзи, которому плохо**

С2: может тебе лицо разбить? М, солнышко? Не слышу

С1: тебе самому лицо прикрыть не помешало бы

С2: ничеси токсик

*С1: *оскорбительная картинка с матами**

С2: ясно, я понял, ты недоразвитый, прости куда деньги на лечение скидывать?

В этом диалоге агрессию второго коммуниканта вызвало не только пренебрежение трудом переводчиков, но и использование медиа-инструментов (эмодзи и картинка-оскорбление). Он был возмущен

отсутствием аргументации и неуважением к нему, как собеседнику, так как второй участник диалога даже не удостоил его словесным общением. Интересна и отсылка к формулировке мема «ну ты и токсик», которая могла бы обладать смягчающим эффектом, если бы пользователь не прибегнул к угрозам в предыдущей реплике.

Ситуация 4. Обсуждение разоблачающей статьи о работе санитаров и оказании медицинской помощи [Ответ на пост пользователя DELETED].

С1: капец ты токсичный. кстати ещё и балабол: в одном своем посте ты рассказываешь как тебе в ниву въехали и ты правды не нашел. А в предыдущем рассказываешь как продавал эту ниву с маленьким пробегом без ДТП по твоим словам)))

С2: У меня было две нивы. Темно синяя и серебристая. Серебристую я и продавал с небольшим пробегом и без ДТП. А въехали в синюю. Могу выложить фотки обоих в качестве пруфов.

Так, что балабол это ты.)))

Если тебе нравится, что тебе лапшу вешают, это твое право. Ты вот кстати кто по специальности?

С1: Да хрен с ними с нивами.

Его минусуют, ему объясняют, но он упорно продолжает попытки разоблачить и всем доказать, специально подписался и т.д. Если бы ты был умным, а не просто душным, то прочитав предыдущие посты данного автора, узнал бы, что он до того, как полностью ослеп, когда-то давно работал санитаром. И пишет про свою работу в далёкие времена, в которых ты возможно и не жил, а может под стол пешком ходил.

В последней ситуации собеседник (С1) определяет информацию, предоставляемую автором поста (С2), как заведомо ложную и предоставляет один аргумент, апеллируя к его предыдущему посту. Автор предоставляет аргументы против, объясняя собеседнику его ошибку. И все же первый собеседник продолжает распаляться и критиковать своего собеседника, переходя на личные оскорбления – все равно он прав. Несмотря на то, что именно этот пользователь первым употребил лексему «токсичный», в конце диалога токсичными чертами обладает именно обвинитель.

Исходя из найденных примеров, можно попробовать составить речевой портрет токсичного пользователя:

- использование риторического вопроса и мгновенный ответ на него;
- применение лексем и оборотов с негативной коннотацией («недоразвитый», «балабол», «душный», «минусовать», «лапшу вешать», «буэ», ругательства);

- употребление медиа-инструментов для выражения критики и принижения других пользователей (эмодзи, оскорбительные картинки);
- обвинение других в токсичности («капец ты токсичный», «ничеси токсик», «ты душный»).

Поведение токсичного пользователя можно характеризовать следующим образом:

- говорит только о своих переживаниях и пренебрегает чувствами других;
- не слушает и не слышит своего собеседника;
- часто критикует остальных, но никогда – себя;
- любит сплетничать;
- постоянно жалуется на жизнь, работу, других людей;
- легко становится агрессивным;
- любит приукрашивать свои истории;
- считает себя всегда правым, последнее слово всегда за ним;
- стремится контролировать других.

На основании выделенных особенностей можно исследовать феномен токсичности дальше и предложить механизмы выявления токсичных пользователей, что и станет материалом для дальнейших исследований по этой теме.

ЛИТЕРАТУРА

- Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи, 2019. № 1 (21).
Комментарий на стене 'Steam'. URL: https://vk.com/wall-116122860_586839 (дата обращения: 20.03.2023).
Комментарий на стене 'Triplewipe/ Destiny 2'. URL: https://vk.com/wall-100460387_231359 (дата обращения: 20.03.2023).
Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: ВГПУ, «Перемена», 2009.
Ответ на пост пользователя DELETED. URL: https://pikabu.ru/story/otvet_na_post_suitsid_ra_di_lyubvi_8441384#comments (дата обращения: 20.03.2023).
Ответ на пост пользователя kek. URL: <https://steamcommunity.com/discussions/forum/26/2741975115079275973/?l=dutch#c2741975115079300783> (дата обращения: 19.03.2023).
Русанов Е. К. Интернет-дискурс в дискурсивной парадигме // Гуманитарные юридические исследования, 2016. № 1.
Ушаков А. А. Интернет-дискурс как особый тип речи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2010. № 4.
Юртаева Е. С. Характеристики виртуальной языковой личности в коммуникативном пространстве Интернет-дискурса // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации, 2016.

Kurganskaia, E. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

katrinkurg26@gmail.com

TOXIC USER CHARACTERISTICS DETERMINATION IN SOCIAL NETWORKS

The phenomenon of toxicity in Internet discourse is investigated. Communicative situations of a toxic nature in social networks are analyzed. Toxic user's speech and behavioral characteristics are detected.

Internet discourse, social networks, online communication, toxicity

УДК 811.111-26

А. В. Лисневская

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Alexandra.Lisnevskaya@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АБЬЮЗА В ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕЛЕСЕРИАЛЕ "EUPHORIA"

Доклад посвящен изучению специфики языковой репрезентации физического и психологического насилия на материале американского подросткового драматического телесериала "Euphoria" («Эйфория», 2019). В ходе лингвистического анализа исследуется речь главных персонажей и выявляются языковые средства и приемы, отражающие проявление персонажами абьюза и их одновременную борьбу с ним. Делается вывод о выражении проблематики абьюза на лексическом, синтаксическом, стилистическом и грамматическом языковых уровнях.

Абьюз, кинематограф, оксюморон, антитеза, императив, "Euphoria"

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, кинематограф в настоящее время активно развивается, и за последние несколько десятилетий кино проникло во все сферы человеческой жизни. Это не только способ образования и развлечения, а также возможность транслировать определённые культурные ценности и обратить внимание людей на острые социальные проблемы. Во-вторых, недостаточно изученный потенциал всего комплекса языковых средств, с помощью которых

выражается проблематика абьюза, представляет особый интерес для лингвистических и междисциплинарных исследований.

Материалом для лингвистического анализа послужил американский подростковый драматический телесериал “Euphoria” («Эйфория» 2019).

Необходимо отметить, что кинематограф стал неотъемлемой частью жизни многих людей. И в современное время он играет более значительную роль, чем простое развитие технологий и экономики. Его можно классифицировать как социальный институт, поскольку художественные картины влияют на жизнь общества. С помощью зрительных стимуляций фильмы вызывают широкий диапазон эмоциональных состояний и мыслей у человека, которые в последствие отражаются в его деятельности. Кино формирует сознание, закладывает определенные взгляды и ценности. В связи с этим многие режиссеры стали использовать кинематограф с целью отразить ключевые проблемы современного общества, такие как социальное неравенство, коррупцию, религиозные и гендерные проблемы, культурные стереотипы, а также привлечь к ним внимание большего числа людей. Часто героями современных фильмов и сериалов становится молодежь, поскольку именно проблематика новых поколений, позволяет режиссерам показать на экране самые актуальные и сложные аспекты современного общества.

Одной из самых острых социальных проблем настоящего времени является абюз. Е. Р Шестопалова под домашним насилием обозначает умышленные повторяющиеся действия физического, сексуального, психологического или экономического воздействия одного человека по отношению к другому с целью сохранения власти или удовлетворения своих потребностей [Шестопалова, 2012]. Абюз проявляется посредством жестокости, оскорбления, унижения чести и достоинства, причинения физического вреда [Зайцева, с. 78–82; Битти, 2021].

Абюз является излюбленной темой режиссеров и сценаристов разных стран, поскольку проблема насилия в отношениях может затронуть любого человека, вне зависимости от его гендера, возраста, социальной роли, уровня дохода. Именно эта тема является одной из главных в подростковом драматическом телесериале “Euphoria” («Эйфория»), вышедшим в открытый доступ 16 июня 2019 года. Режиссеры проекта, Сэм Левинсон, Пиппа Бьянко, Августин Фриззелл и Дженнифер Моррисон, с помощью женских и мужских персонажей раскрыли проблематику абьюза и указали на высокую социальную значимость данного вопроса.

Центральными персонажами сериала, раскрывающими проблему абюзивных отношений, являются двое подростков, Нейт Джейкобс и Мэдди Перес. Нейт – красавец, капитан футбольной команды, ребенок из счастливой

и благополучной на первый взгляд семьи. Однако детство героя прошло в строгости и страхе перед отцом, который неоднократно проявлял жестокость и требовал лучшего. Такое воспитание сделало из Нейта самоуверенного павлина, за маской которого скрывается нарциссическая личность и множество детских травм. Мэдди Перес – самая красивая и популярная девушка в школе, чирлидерша. Многие хотят быть ей, однако за картинкой идеальной жизни прячется жертва ошибочного воспитания. Девочка выросла в небогатой семье, где отец пьет, а мать водит ее по конкурсам-красоты. С помощью побед на соревнованиях Мэдди осознала силу своей внешности и, прибегая к манипуляциям, стала воплощать мечту о роскошной жизни в реальность.

Со стороны их пара кажется крепкой, а любовь выглядит яркой. Однако их безумные и прекрасные на первый взгляд отношения скрывают опыт тяжелого детства, психологические травмы и различные формы абьюза.

Со стороны отношения Нейта и Мэдди выглядят идеальными, однако, за красивой картинкой скрываются абьюзивные отношения, в которых партнеры удовлетворяют свои потребности и показывают последствия детских травм. Абьюз во всех своих проявлениях в разной мере актуализируется в речи персонажей и поэтому доступен для лингвистического анализа. Основные результаты исследования заключаются в следующем.

Интересно отметить, что широкая проблематика абьюза, переживание насилия, его проявление и его серьезные последствия, отражены режиссерами в самом названии сериала с помощью применения стилистического приема **оксюморона**: речь идет о трудности распознать насилие со стороны своего партнера, поскольку при эмоциональных качелях жертва больше внимания уделяет моментам мнимого счастья, нежели проблемам в отношениях. Таким образом, противопоставляются языковые значения *euphoria* и *abuse*.

I. Тема физического и эмоционального насилия, а также выражение отношения к нему отражены, в первую очередь, на лексическом языковом уровне с помощью *глагольных предикатов* (здесь и далее приводятся примеры по [Euphoria/Эйфория]): 1. *Глагольные предикаты, репрезентирующие действия абьюзера*: “I’m just trying to *get back* at my really shitty ex-boyfriend”, “I *grabbed* her by the arm to *drag* her away. I didn’t *choke* her”, “You know when somebody just constantly *criticizes* like everything about you”, “He is the guy who *assaulted* me the night of the carnival”, “You want my advice? You *fuck* her like the wh*re she is, you *kick* her *ass* to the curb”, “I’m the boyfriend of the girl that you *raped* on Saturday night”, “I’m not gonna let you f*cking *embarrass* me”. В данных случаях поведение абьюзера, как парня, так и девушки, показывает причинение психологической и физической боли человеку.

2. *Глагольные предикаты, выражающие просьбу жертвы в разговоре с абьюзером*: “*Let me talk*”, “*Maddy, stop*”, “*Could you stop being such a f*cking s*nt and just come dance with me, please?*”. Таким образом, партнер пытается прекратить эмоциональное насилие со стороны абьюзера при помощи слов. Просьбу говорящий выражает восходящей интонацией и использованием вводного слова «пожалуйста» и модального глагола *could*.

3. *Глагольные предикаты, выражающие приказ абьюзера и его желание подчинить жертву*: “*Get home, get changed, and come back looking like a person!*”, “*Let’s go. Get up. Maddy, get up. Just get up*”, “*Shut the f*ck up!*”. “*Get your f*cking finger out of my face!*”. Так, приказ озвучивается нисходящей интонацией и наиболее частотными формами выражения указаний является конструкция *get* + Participle II и фразовые глаголы с *get*. Так, говорящий демонстрирует особую жестокость в момент приказа.

Психологическое состояние жертвы абьюза актуализируется в речи с помощью *адъективных средств*. Данные языковые значения отражают тревогу, злость, гнев и подавленное состояние, которое испытывает человек, подвергшийся насилию: “*You’re abusive, psychopathic*”, “*It’s not good for us*”, “*Mostly you’re despicable*”, “*It was literally the lowest point in my life, so, yeah*”, “*Her and I don’t have the healthiest relationships*”. Оценочные адъективные предикаты показывают, что жертва насилия прямо сообщает свое негативное мнение об абьюзере и о том, что с ним связано.

Переживание психологического и физического абьюза репрезентируется *субстантивными значениями*, семантика которых актуализируется посредством ругательств, вульгаризмов и эвфемизмов: “*Yeah, that’s real classy, you f*cking wh*re*”, “*He is not a loser, he is a dick*”, “*There is no bruising on my neck*”.

II. Психологическое состояние жертвы насилия разных форм может быть выражено и на синтаксическом уровне, например, с помощью *вопросительных конструкций* в речи, в которых наиболее частотным является вопросительное слово *why*: “*Why do you always do this to me?*”, “*Why are you dressed like a hooker?*”, “*Yo, this isn’t a f*cking joke, okay?*”, “*Why are you being like this?*”, “*How many reasons could there be?*”. Таким способом Мэдди и Нейт показывают переживание абьюза, ищут причины происходящего.

Нередко жертва, включая себя в ситуацию абьюза, применяет в своей речи *восклицательные конструкции*: “*Get the f*ck out of here! Get the f*ck out of the kitchen! F*ck!*”, “*I’m not lying!*”, “*No, you’re not pressing charges!*”. Такая эмоциональность высказываний свидетельствует о сильных чувствах, которые вызывает внутренняя борьба с разными формами насилия.

III. На стилистическом языковом уровне отражение абьюзивных отношений осуществляется с помощью *антитезы*: “I’m just saying love is a million things. Sometimes it feels good, sometimes it doesn’t”, “I f*cking love you. I really f*cking hate you”, “Could you stop being such a f*cking c*nt and just come dance with me, please?”. Жертва насилия испытывает абсолютно противоположные чувства и эмоции в отношениях, что говорит об их нестабильности.

Экспрессивный синтаксис отражает напряженность общения в ситуации абьюза: “Maddy, stop. Talking. Stop talking”. Через прием парцелляции выражается особая тревожность и попытка контролировать себя в конфликтной ситуации.

С помощью *лексических повторов* абьюзер делает свою речь более убедительной, так ему легче воздействовать на жертву: “I’m sorry I got so angry at you before. I am sorry. I love you. Maddy, I love you”, “Keep talking. Come on, keep talking. Keep talking. Huh?”.

IV. Отражение общего ментального состояния жертвы абьюза актуализируется и на грамматическом языковом уровне:

Категория настоящего времени указывает на переживание абьюза в момент речи: “I don’t believe you”, “I’m fine” “Yeah, I’m not supposed to be here right now, because I’m dressed like a hooker, but I just wanted to say congratulations”, “I’d tell you, but I don’t even f*cking trust you anymore”.

Результат регулярного психологического и физического насилия выражен глагольными предикатами в форме *прошедшего времени*: “Nate’s just like totally ruined my confidence”, “I’m f*cking done with you!”. Прошедшее время особенно ярко подчеркивает негативный эффект пережитого абьюза.

Категория будущего времени отражает психологические проблемы, имеющиеся у абьюзера, и является выражением агрессии и насилия: “If anyone ever tried to hurt you, I’d kill them”, “I’m gonna hurt you”, «I’d f*cking kill him”.

Способ проявления абьюза демонстрируется посредством *императива*: “Get the f*ck out of here! Get the f*ck out of the kitchen! F*ck!”, “Get home, get changed, and come back looking like a person!”. Предложения в повелительном наклонении показывают желание человека контролировать и подчинять своего партнера, что является признаком абьюза.

С помощью *дейксиса 1 лица единственного числа* девушка эксплицирует себя как объект абьюзивных действий: “None of you like me”, “Most of the time I really hate the way you make me feel”, “It feels good to know that there’s one person in this f*cked-up world who has my back”. Это показывает, что героиня видит себя объектом насильственных действий.

Использование *Я-конструкций* обоими партнерами подчеркивает их проявление эгоизма в сторону девушки/парня, желание говорить и удовлетворять исключительно собственные потребности: “Look, *I’m going through a lot of shit right now. I need... I just... I need you to promise me that you’re not gonna tell a soul*”, “The one thing *I know is that Nate loves me no matter what*”.

Частотное применение в речи *отрицательных конструкций*: “Meaning, like, we *shouldn’t be together*”, “It’s *not good for us*”, “Her and *I don’t have the healthiest relationship*”. Эти выражения демонстрируют, что в глубине души оба партнера понимают, что их отношения причиняют им вред.

Использование *сравнительной степени имен прилагательных* показывает эмоциональное насилие над человеком: “Yeah, but dead or alive, he’d still have a *bigger dick than you*”. Так, Мэдди унижает мужское достоинство Нейта и сравнивает его с другим мужчиной.

Исследование речи главных персонажей американского драматического телесериала “Euphoria” («Эйфория» 2019 г.) позволило сделать следующий вывод. Тема абьюза актуализируется на всех языковых уровнях, а именно на лексическом, синтаксическом, стилистическом и грамматическом. Наиболее частотными оказались средства языка, относящиеся к лексическому и грамматическому уровням.

ЛИТЕРАТУРА

- Битти М. Спасать или спастись? Как избавиться от желания постоянно опекать других и начать думать о себе / М. Битти. Пер. с англ. Э. И. Мельник, Бомбора, 2021.
- Зайцева С. С. Абьюзивные отношения в молодежной среде / С. С. Зайцева, С. А. Самохина, В. В. Зубков. // Юный ученый. – 2021. – № 11 (52). – С. 78–82.
- Шестопалова Е. Р. Особенности правового регулирования криминогенной виктимности женщин и профилактика семейного насилия // Административное и муниципальное право. – 2012. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-21225 (дата обращения: 10.03.2023).
- Euphoria/Эйфория // URL: <http://euphoria-serial.online/sezon-1/4-1-sezon-1-serija-pilot.html> (дата обращения 08.03.2023).

Lisnevskaya, A. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING ABUSE IN MODERN CINEMATOGRAPHY

The report is devoted to the study of the specifics of linguistic representation of physical and psychological violence on the material of the American teen drama television series "Euphoria" ("Euphoria", 2019). The linguistic analysis examines the speech of the main characters and

identifies linguistic means and techniques that reflect the manifestation of the abuse by the heroes and their simultaneous struggle with it. The conclusion is made about the expression of the problematic of the abuse at the lexical, syntactic, stylistic and grammatical language levels.

Abuse, cinematography, oxymoron, antithesis, imperative, "Euphoria"

УДК 81.22

Е. Ю. Лунева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
elizaveta1luneva@gmail.com*

**ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В ПЕТЕРБУРГСКИХ ТЕКСТАХ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА
Г. В. ИВАНОВА**

В настоящей статье исследуется такой лингвистический феномен, как прецедентность, и рассматривается термин «Петербургский текст». Анализируются и классифицируются прецедентные феномены, выделенные в творчестве поэта Серебряного века Г. В. Иванова. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что основными источниками прецедентных феноменов в исследуемых Петербургских текстах являются события и имена внетекстового мира: русская культура, история, петербургская архитектура и реалии, с помощью которых автор апеллирует к общезначимым для русского читателя социокультурным ценностям.

Прецедентность, классификация прецедентных феноменов, Петербургский текст, Серебряный век, поэзия Г. В. Иванова

Проблема соотношения и взаимодействия языка и культуры остаётся актуальной в современной лингвистике. В качестве отрасли языкознания, изучающей непосредственную взаимосвязь языка и культуры, значительный интерес для исследователей представляет лингвокультурология [Тер-Минасова, 2000]. Особое место среди лингвокультурологических исследований занимают прецедентные феномены (ПФ) [Хузин, 2020].

Основоположником теории прецедентности по праву считается Ю. Н. Караулов [Ахмедова, 2015]. Именно Ю. Н. Караулов впервые ввёл понятие «прецедентный текст» (ПТ), под которым исследователь понимает тексты, значимые для той или иной личности в познавательном

и эмоциональном аспектах, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в речи данной языковой личности [Караулов, 2010].

В. В. Красных в своём труде экстраполирует дефиницию на прецедентные феномены в целом, а также уточняет данное понятие [Красных, 2002]. Исследовательница относит к ПФ:

1) Хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеющие минимизированный инвариант его восприятия);

2) Актуальные в когнитивном плане;

3) Обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества (однако апелляция к ПФ может и не быть частотной, но все равно она будет понятна собеседнику без пояснительных комментариев и расшифровок) [Красных, 2002, с. 44–45].

Е. А. Нахимова, в свою очередь, несколько критикует формулировку определения, предложенную В. В. Красных, а именно, исследовательница ставит под сомнение высказывание, что прецедентными считаются феномены «известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества» [Нахимова, 2007]. В своём труде В. В. Красных приводит примеры ПФ, которые по мнению Е. А. Нахимовой навряд ли знают и понимают абсолютно «все наши соотечественники» (например, такие прецедентные ситуации, как *Ходынка* или *Семибоярщина*, и такие прецедентные имена, как *майор Пронин*, *Растиньяк* и т.д.). Поэтому Е. А. Нахимова предлагает использовать выражение «значительная часть» вместо слов «все» и «большинство» [Нахимова, 2007].

Выделяются следующие признаки ПФ: инвариантность, эталонность, воспроизводимость, клишированность, аксиологическая маркированность [Гудков, 1999]. Исследователи В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и Д. Б. Багаева подразделяют ПФ на прецедентные имена (ПИ), прецедентные высказывания (ПВ), прецедентные тексты (ПТ) и прецедентные ситуации (ПС) [Неговора, Щитова, 2020]. Прецедентным именем считается индивидуальное имя, которое связано с известным текстом, как правило, прецедентным (*Печорин*, *Теркин*), или с прецедентной ситуацией (*Иван Сусанин*) [Красных, 2002, с. 48]. Атрибутами ПИ могут быть детали одежды или особенности внешности, по которым можно идентифицировать денотат [Красных, 2002]. ПВ – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная

и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу». Под ПС лингвисты понимают «эталонную», «идеальную» ситуацию, связанную с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу. ПТ – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. К ПТ В. В. Красных относит произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и др. [Красных, 2002, с. 47–48].

Также ПФ могут быть вербальными (вербальные единицы, тексты как результаты речемыслительной деятельности) и невербальными (произведения живописи, музыки, архитектуры и других искусств). Вербальными ПФ являются прецедентное имя и прецедентное высказывание, а к вербализуемым ПФ относится прецедентная ситуация и прецедентный текст [Красных, 2002].

Термин «Петербургский текст» был впервые введен лингвистом В. Н. Топоровым [Ранчин]. Исследователь считает, что, как и любой город, Петербург имеет свой «язык»: он разговаривает с нами своими улицами, площадями, памятниками, людьми, историей и может рассматриваться как гетерогенный текст, «на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [Топоров, 2003, с. 22]. Под Петербургским текстом исследователь понимает «синтетический свертхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели». Петербургский текст зародился в 20 – 30-е гг. XIX в. благодаря А. С. Пушкину («Пиковая дама», «Медный всадник»), а также Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевскому и многим другим [Топоров, 2003]. Писатели, не забывая об эмпирии и реалиях Петербурга, смогли рассмотреть и отобразить «сверхэмпирическое», относящееся к сути города [Топоров, 2003].

В настоящем исследовании было рассмотрено творчество Г. В. Иванова. Исследовательским материалом послужило собрание сочинений Г. В. Иванова [1993] общим объемом 656 с. Всего было отобрано 23 стихотворения, относящихся к Петербургскому тексту. В ходе исследования было выделено 57 ПФ, среди которых 46 прецедентных имён, 5 прецедентных ситуаций, 3 прецедентных высказывания и 3 прецедентных текста. Среди ПИ были выделены следующие подгруппы:

1) Имена исторических лиц (9): *Петр Первый, Елизавета Петровна, О. Судейкина, А. Ахматова, Паллада* (имеется в виду П. О. Богданова-Бельская – русская поэтесса, «светская львица» Серебряного века), *Саломея* (С. Н. Андроникова – одна из самых примечательных женщин Серебряного

века), *А. С. Пушкин, Павел Первый, Н. Н. Врангель* (русский историк искусства из дворянского рода Врангелей);

2) Мифологические персонажи (в т.ч. библейские) (5): *Мать Божья, Спаситель, Муза, Диана, Сирена*;

3) Топонимы (30): *Летний сад, Дворцовая площадь, Нева, Адмиралтейство, Зимний дворец, Александровская колонна, Альпы, Чертов мост, Успенское кладбище, Волковское кладбище, Исаакиевский собор, Инженерный замок* (ныне Михайловский дворец) и др.;

4) Фитоним (1): *Адмиралтейский тополь*;

5) Геортоним (1): *Пасха*.

Были обнаружены некоторые атрибуты ПИ, а именно, известно, что Петр Первый часто ходил с тростью, и об этом говорят данные строки: *Своей дубинкой суковатой // Стуча, проходит Петр*. Также Г. В. Иванов упоминает характерную внешность Павла Первого, а именно курносое лицо: *Курносое лицо сквозь частый снег мелькнуло*, а, например, Н. Н. Врангель носил монокль: *А третье – совершенный Врангель, // Моноклем округливший глаз*.

К прецедентным можно отнести следующие ситуации:

1) Переход русских войск под командованием А. В. Суворова из Северной Италии в Швейцарию через Альпы, во время которого был перейден Чертов мост, представляющий собой узкую каменную арку длиной в 20 м, перекинутую через реку Ройс на высоте 22 – 23 м. Актуализация данной ПС производится через ПИ *Альпы* и *Чертов мост*: *Передо мной во мгле всплывают // Провалы Альп и Чертов мост*;

2) Боксерское восстание в Китае (Ихэтуаньское восстание): *Китайские драконы над Невой // Раскрыли пасти в ярости безвредной – // Вы, слышавшие грохот пушек медных // И поражаемых боксеров вой*;

3) Последняя дуэль и смерть А. С. Пушкина: *И над Невой закат не догорал, // И Пушкин на снегу не умирал*;

4) Смерть Г. Е. Распутина, которого после огнестрельных ранений скинули с моста в прорубь Невы: *На Успенском или Волковом, // Под песочком Голодая, // На ступенях Исаакия // Или в прорубь на Неве*;

5) Ссылка в Сибирь как уголовное наказание: *Он знал, что каждый день летят фельдъегеря // В морозную Сибирь, где звон над рудниками*.

Также в творчестве Г. В. Иванова можно выделить некоторые ПВ:

1) *На Сенной мороз и солнце* (данное словосочетание *мороз и солнце* является отсылкой к стихотворению А. С. Пушкина «Зимнее утро»);

2) *И жизнь по-новому светла, // А в бледном небе ясно блещет // Адмиралтейская игла* (здесь однозначно прослеживается отсылка к строкам

«...и светла Адмиралтейская игла», и, изначально такое название Адмиралтейского шпиля было придумано именно А. С. Пушкиным в поэме «Медный всадник»);

3) *Люблю узор твоей решетки, // Гранита блеск и чугуна* (в данном примере также прослеживается структура строк поэмы «Медный всадник»).

К ПТ были отнесены поэма «Медный всадник» и стихотворение «Зимнее утро» А. С. Пушкина, а также легенда о том, как Артемида-Диана убила стрелой Тития (*Прекрасная охотница Диана // Опять вступает на осенний путь, <...> Я сяду на скамейку близ Невы, // И в сердце мне печальная богиня // Пошлет стрелу с блестящей тетивы*).

Таким образом, в своём творчестве Г. В. Иванов использовал прецедентные феномены, преимущественно принадлежащие к русской культуре, истории, петербургской архитектуре и реалиям, т.е. к событиям и именам внетекстового мира, с помощью которых автор обращается к первостепенным и общезначимым ценностям русских читателей. В меньшей степени источником ПФ послужила литература, а именно произведения А. С. Пушкина, которые считаются «ядерными», а также религия и мифология. Исследование ПФ позволяет говорить и о языковой личности поэта, которого отличает высокий уровень владения русским языком и образцовая речевая культура.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедова С. Н. Феномен прецедентности в современных лингвистических исследованиях // *Филология и литературоведение*. 2015. № 2. URL: <https://philology.snauka.ru/2015/02/1186> (дата обращения: 16.02.2023).
- Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации // *Dissercat*. URL: <https://www.dissercat.com/content/pretsedentnyye-fenomeny-v-yazykovom-soznanii-i-mezhkulturnoi-kommunikatsii> (дата обращения: 25.02.2023).
- Иванов Г. В. *Собрание сочинений*. В 3-х т. Т. 1. Стихотворения. М.: «Согласие», 1993.
- Неговора Н. А., Щитова Н. Г. Особенности классификации прецедентных феноменов // *Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова*. №1, 2020.
- Караулов Ю. Н. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- Красных В. В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций*. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации // *Русский филологический портал*. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm> (дата обращения: 20.02.2023).
- Ранчин А. М. Петербургский текст В. Топорова // *Издательский дом «Первое сентября»*. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200701615> (дата обращения: 01.03.2022).
- Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово, 2000.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб: «Искусство – СПб». 2003.

Хузин И. Р., Гильфанова Г. Т., Салимзанова Д. А., Вильданова Э. М. Прецедентные тексты как лингвокультурные компоненты коммуникации // Глобальный научный потенциал. № 1(106), 2020.

Luneva, E. Y.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

THE PRECEDENT PHENOMENA IN THE PETERSBURG TEXTS OF THE SILVER AGE: BASED ON THE POETRY OF G. V. IVANOV

The present article deals with such linguistic phenomenon as precedent phenomena and it examines the term "Petersburg text". The precedent phenomena found in the poetry of the Silver Age author G. V. Ivanov is analyzed and classified in this paper. The research results show that such non-textual events and names as Russian culture, history, as well as the architecture and the realities of Saint Petersburg are the main sources of the precedent phenomena in the analyzed Petersburg texts. These precedent phenomena sources allow the author to appeal to the significant sociocultural values of Russian readers.

Precedent phenomena, precedent phenomena classification, the Petersburg text, Silver Age, poetry of G. V. Ivanov

УДК 81`42

В. Н. Матвеева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0001-6696-3836

09082000@list.ru

Н. В. Степанова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0002-0920-753X

nathalie.tresjolie@icloud.com

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ФЕМИНИСТСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования лексических единиц, используемых феминистским сообществом в российском медиадискурсивном пространстве. Актуальность избранной темы заключается в необходимости изучения процессов освоения заимствованной лексики русским языком, в частности языком СМИ. По результатам исследования, большая часть лексем не имеет односложного

соответствия в русском языке. Некоторые языковые единицы могут быть переданы при помощи соответствия в языке перевода, однако часто транскрибированный вариант исходной лексемы является более нейтральным и уместным. Более того, транскрибированное заимствование может обладать большей словообразовательной продуктивностью, чем односложное соответствие.

Языковые заимствования, корпусная лингвистика, феминизм, медиадискурс

Ключевым понятием для современной речевой практики является языковая мода, подразумевающая активное употребление заимствованных лексем [Сидакова, 2016, с. 112]. Одним из наиболее ярких проявлений данного явления может послужить язык СМИ, дискурс которых характеризуется наиболее актуальной лексикой, номинирующей ключевые понятия современности [Попова, 2019, с. 227]. Таким образом, медиадискурс является ценным языковым материалом для изучения особенностей адаптации и функционирования языковых заимствований, вкраплений и неологизмов.

Важно понимать, что каждая заимствованная лексема проходит несколько стадий адаптации, прежде чем войти в устойчивое употребление носителями языка. Поэтапная схема освоения заимствованного слова принимающим языком была описана Л. П. Крысиным:

1. употребление заимствованной лексемы в исконной фонетической и грамматической форме в качестве вкрапления;
2. адаптация заимствованной лексемы к орфографическим и грамматическим нормам принимающего языка с сохранением оттенка чужеродности;
3. применение лексемы только в конкретных коммуникативных ситуациях и высказываниях при отсутствии ее чужеродности;
4. утрата заимствованной лексемой жанрово-стилистических, контекстуальных и социальных ограничений;
5. фиксация лексемы в словарях и полное её приобщение к лексико-семантической системе языка [Крысин].

Транскрибирование и транслитерация не являются единственными способами передачи заимствованной лексики в принимающем языке: в зависимости от коммуникативной задачи текста переводчик может сделать выбор в пользу собственно перевода, к основным способам которого можно отнести поиск подходящего эквивалента в языке принимающей культуры, калькирование, пояснительный, описательный, контекстуальный перевод и др. [Гейко, 2018, с. 64]

Материалом настоящего исследования послужили статьи, опубликованные в таких Интернет-изданиях, как «Журнал Театр. [Краткий словарь феминизма. Версия журнала «Театр»]» (от 25 июля 2019 г.), «The Voice Mag [«Скажи что-нибудь по-феминистски»: словарь терминов от Екатерины Поповой]» (от 24 ноября 2022 г.), «Мел [12 слов и выражений из словаря феминизма, значения которых вы могли не знать]» (от 7 марта 2021 г.), а также «Российское феминистское объединение «ОНА [Словарь терминов, используемых феминистками]» (дата публикации не уточняется) общим объёмом 29 страниц. По результатам использования метода сплошной выборки было отобрано 58 лексических единиц. Наиболее частотные единицы были исследованы на материале текстов Национального корпуса русского языка с привлечением метода контекстуального анализа.

В качестве конкретных единиц исследования были отобраны лексемы, число вхождений которых составляет как минимум три источника. По результатам данного этапа был составлен список наиболее частотных языковых единиц: *виктимблейминг*, *газлайтинг*, *менсплейнинг* – 4 вхождения; *абьюз*, *бодипозитив*, *мизогиния*, *объективация*, *слатшейминг*, *сталкинг*, *стеклянный потолок*, *харассмент* – 3 вхождения. Следует отметить, что все исходные единицы активно используются носителями английского языка и зафиксированы в таких онлайн-словарях, как “Cambridge Dictionary [Cambridge Dictionary]”, “Macmillan Dictionary [Macmillan Dictionary]”, а также “Collins Dictionary [Collins Dictionary]”.

По способу передачи в принимающем языке перечисленные единицы можно разделить на три категории:

1. Транскрибированные лексемы;
2. лексемы, переданные при помощи однозначного соответствия;
3. лексемы, переданные посредством калькирования.

К транскрибированным заимствованиям можно отнести такие лексемы, как *абьюз*, *бодипозитив*, *виктимблейминг*, *газлайтинг*, *менсплейнинг*, *слатшейминг*, *сталкинг*, *харассмент*. Транскрипция является наиболее частотным способом передачи заимствованных лексем в принимающем языке. Опираясь на этапы освоения заимствований, выделенные Л. П. Крысиным, можно сказать, что данные единицы находятся на стадии адаптации к орфографическим и грамматическим нормам принимающего языка, сохраняя при этом оттенок чужеродности. Подтверждением может послужить тот факт, что приведённые лексемы уже активно используются в СМИ (здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка):

«Мы возмущены тем, что об этих поступках так долго молчали. Возмущены «газлайтингом», – написала актриса...»

«Потому что в ваших вопросах часто сквозит надстройка сверху и менсплейнинг.»

«Вы сами когда-нибудь становились жертвой кибербуллинга или слатшейминга?»

Отдельно следует рассмотреть единицы *абьюз*, *сталкинг* и *харассмент*, которые могут быть переведены при помощи однозначного соответствия, однако передаются посредством транскрибирования. В двух из трех определений единицы *абьюз*, приведённых в исследуемом материале, фигурирует слово *насилие* [Краткий словарь феминизма. Версия журнала «Театр»; Словарь терминов, используемых феминистками], что ставит под сомнение целесообразность использования заимствования. Однако данная единица обладает большим словообразовательным потенциалом: в Национальном корпусе русского языка уже зафиксированы производные *абьюзер* (17 вхождений) и *абьюзивный* (12 вхождений):

«Если говорить о работе непосредственно с абьюзерами, я считаю, что это очень важное направление, и если мы хотим жить в мире, где насилия нет или на него плохо реагируют и смотрят, то нужно работать и с мужчинами, и с женщинами.»

«Эту часть сценарист Олег Маловичко придумал, «вдохновившись» собственными воспоминаниями об абьюзивном детстве.»

Соответствующие производные от лексемы *насилие*, такие как *насильник* и *насильственный*, обладают более узкой семантикой и имеют выраженный эмоциональный компонент, в то время как единицы *абьюзер* и *абьюзивный* воспринимаются носителями русского языка как более нейтральные.

Подобная ситуация наблюдается и в случае лексемы *сталкинг* и её производных *сталкер*, *сталкерить* и русскоязычными соответствиями *преследование*, *преследователь* и *преследовать*:

«Сталкерить – следить за кем-либо, избегая личного контакта. Пример: Мне кажется, Дима меня сталкерит.»

«Многие из тех, кто общался со мной, знают, что я никогда не вёл себя как преследователь, агрессивно и непристойно», – подчеркнул певец.»

Особого внимания заслуживает неологизм *харассмент*, который в 2017 г. оказался на втором месте рейтинга главных русских слов, составленного экспертным советом при Центре творческого развития русского языка [Юрова, 2018, с. 204]. Тонкости использования данной языковой единицы были подробно описаны П. Р. Палажченко, который разграничил

понятия *домогательство* или *преследование* и *харассмент* [Палажченко, 2010, с. 105]. Согласно автору, перевод лексемы зависит от характера действий, номинируемых данной единицей: если речь идёт о таких поступках, словах или жестах, которые точно будут восприняты как оскорбительные, уместно использовать русские эквиваленты *преследование* или *домогательство*, однако для описания спорных и неоднозначных ситуаций правильнее будет использовать транскрибированную лексему *харассмент*, отличающуюся довольно размытой семантикой и «иностранным» звучанием [Палажченко, 2010, с. 106]:

«Кириакос отметил, что сейчас также ведутся разговоры и о том, чтобы ввести наказание за харассмент в словесном и текстовом формате».

От анализа транскрибированных заимствований следует перейти к рассмотрению единиц, переданных при помощи однозначного соответствия, а именно лексем *мизогиния* и *объективация*. Языковая единица *мизогиния* имеет древнегреческое происхождение и может быть переведена как *женоненавистничество*. Тем не менее, заимствованный термин воспринимается носителями языка как менее «громоздкий» и имеет большой словообразовательный потенциал: формы *мизогин*, *мизогинка*, *мизогинист*, *мизогинный*, *мизогинистичный*, *мизогинический* зафиксированы в Национальном корпусе русского языка:

«Его поведение было мизогинным, грубым и крайне оскорбительным», считает он».

Значение языковой единицы *объективация* приводится в Толковом словаре Д. Н. Ушакова: *«превращение ощущений, субъективных содержаний сознания в самостоятельные, независимо от сознания существующие сущности (филос.); воплощение, выражение чего-нибудь в какой-нибудь объективной, доступной восприятию форме (книжн.) [Ушаков]»* Таким образом, речь идёт не о заимствовании слова, а о приобретении дополнительного значения, о чём писал М. А. Кронгауз [Кронгауз, 2007, с. 14], поэтому единица *объективация* не воспринимается носителями русского языка как чужеродная.

Также для передачи заимствованной лексики может использоваться калькирование: коллокация *стеклянный потолок* представляет собой кальку от английского выражения *glass ceiling*, используемого для описания профессиональных препятствий, связанных с принадлежностью к женскому полу:

«Но он упирается в «стеклянный потолок»: в тех сферах, где образование связано с непосредственным доступом к материальным благам, гендерная дистанция остаётся очень большой – в пользу мужского пола».

Следует отметить, что в большинстве примеров, приведённых в Национальном корпусе русского языка, данное выражение графически выделено кавычками, что несвойственно для других рассматриваемых единиц:

«У нас есть «стеклянный потолок» в профессии – это категория должностей, на которые женщины не попадают.»

«Другой отмечает, что в случае победы на выборах нынешняя первая леди сломает сразу два «стеклянных потолка», ведь она станет первой темнокожей женщиной-президентом.»

Графическое обособление единицы при помощи кавычек может говорить о том, что, несмотря на выбор калькирования в качестве способа передачи в принимающем языке, данное выражение осознаётся носителями русского языка как заимствованное и оттенок чужеродности при его использовании сохраняется.

Таким образом, основным способом передачи лексики англоязычного феминистского дискурса на русский язык является транскрибирование, использование которого можно наблюдать на примере таких лексем, как *виктимблейминг, газлайтинг, менсплейнинг, абьюз, бодипозитив, слатшейминг, сталкинг, харассмент*. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что данные единицы находятся на этапе адаптации к орфографическим и грамматическим нормам русского языка: оттенок чужеродности при их использовании все ещё сохраняется, однако они склоняются согласно нормам русского языка и обладают словообразовательным потенциалом. В случае с лексемами *абьюз, сталкинг* и *харассмент* можно наблюдать контекстуальную множественность перевода: в ряде случаев они могут быть переведены как *насилие, преследование* и *домогательства*. Остальные транскрибированные единицы не имеют односложных соответствий в русском языке.

Устойчивое соответствие в рамках языковой пары русский-английский имеют лексемы *объективация* и *мизогиния*. В случае с единицей *объективация*, следует отметить, что расширение её семантики представляет собой пример параллельного приращения значений как в английском, так и в русском языках. Лексема *мизогиния*, этимологически восходящая к древнегреческому языку, упоминается в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А. Н. Чудинова [Чудинов], датированного 1910 г., что позволяет говорить о полном приобщении данной языковой

единицы к лексикосемантической системе языка. Следует отметить, что лексеме *мизогиния* отдаётся предпочтение перед единицей *женоненавистничество* в силу большей словообразовательной продуктивности и благозвучности.

Также можно наблюдать использование калькирования: так, например, словосочетание *стеклянный потолок* является калькой от английского *glass ceiling*. Исходная единица не имеет односложного устойчивого соответствия в русском языке; графическое выделение кальки кавычками позволяет говорить о сохранении оттенка чужеродности при её использовании.

Вопрос о дальнейшей судьбе языковых заимствований, функционирующих в рамках современного российского медиадискурса, и их адаптации остаётся открытым. Транскрибирование как основной способ передачи феминистской лексики отражает низкую степень адаптации языковых единиц к принимающему языку, однако их словообразовательный потенциал и активное использование производных лексем в СМИ является свидетельством их жизнеспособности и позволяет спрогнозировать дальнейшую адаптацию. Таким образом, медиадискурс является не только основным источником языковых заимствований, но и ценным материалом для исследования тенденций развития современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- 12 слов и выражений из словаря феминизма, значения которых вы могли не знать // Мел.
URL: https://mel.fm/gramotnost/chto-eto-znachit/1897206-feminism_dictionary (дата обращения: 16.03.2023).
- Гейко Н. Р. Неологизмы в общественно-политической лексике (переводческий аспект) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. №3. С. 64-68.
- Краткий словарь феминизма. Версия журнала «Театр» // Журнал Театр.
URL: <https://oteatre.info/kratkij-slovar-feminizma-versiya-zhurnala-teatr/> (дата обращения: 16.03.2023).
- Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2007. 232 с.
- Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова // Грамота.ру.
URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/triash/28_773 (дата обращения: 16.03.2023).
- Палажченко М. Ю. О некоторых способах и особенностях перевода политкорректной лексики // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2010. №1. С. 103–112.
- Попова Л. А. Ключевые слова современности: особенности функционирования // Вестник Башкирского университета. 2019. №1. С. 225–228.
- Сидакова Н. В. Употребление иностранных слов в русском языке: логика речи или дань моде? // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. №4. С. 111–114.

- «Скажи что-нибудь по-феминистски»: словарь терминов от Екатерины Поповой // The Voice Mag. URL: <https://www.thevoicemag.ru/social/world/skazhi-chto-nibud-po-feministski-slovar-terminov-ot-ekateriny-popovoy/> (дата обращения: 16.03.2023).
- Словарь терминов, используемых феминистками // РФО «ОНА». URL: <https://ona.org.ru/glossary> (дата обращения: 16.03.2023).
- Ушаков Д. Н. ОБЪЕКТИВАЦИЯ // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/897166> (дата обращения: 16.03.2023).
- Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов // Наука. Искусство. Величие. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-204-3.htm#zag-16434> (дата обращения: 16.03.2023).
- Юрова Т. А. Лексические новообразования в СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №12. С. 202–205.
- Cambridge Dictionary // Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения: 22.03.2023).
- Collins Dictionary // Collins Online Dictionary | Definitions, Thesaurus and Translations. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 22.03.2023).
- Macmillan Dictionary // Macmillan Dictionary | Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 22.03.2023).

Matveeva, V. N., Stepanova, N. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

PROBLEMS OF ADAPTING FEMINIST VOCABULARY WITHIN THE MODERN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

The article examines the functioning features of lexical units used by the feminist community in the Russian media discourse space. The importance of the chosen topic is determined by the need to study the processes of adapting borrowed vocabulary to the norms of the Russian mass media language. According to the results of the study, most of the lexemes do not have a one-word correspondence in the Russian language. Some language units can be translated by fixed correspondences in the target language; however the transcribed version of the original lexeme can be more neutral and suitable. Moreover, transcribed borrowing may have greater word-formation productivity than a one-word correspondence.

Language borrowings, corpus linguistics, feminism, media discourse

УДК 811.111

А. В. Никифорова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)

valnik2710@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ МОРСКИХ ЭКОСИСТЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается языковая репрезентация проблемы сохранения морских экосистем в экологических статьях на английском языке. Исследуется актуализация персуазивной, аргументативной, оценочной, референциальной стратегий и соответствующих тактик посредством различных языковых средств и приемов в англоязычном медийном дискурсе. Результаты исследования позволяют сделать вывод о доминировании персуазивной и аргументативной стратегий.

Медийный дискурс, медиатекст, экологическая статья, Интернет-СМИ, лингвопрагматика, интертекстуальность, стратегии

В современном мире ключевую роль в распространении информации играют средства массовой информации. В последние десятилетия наибольшую популярность у массовой аудитории приобретают Интернет-издания, освещающие широкий круг вопросов. Экологическая повестка является одним из наиболее актуальных медиатопиков: она затрагивает глобальные, региональные и локальные проблемы антропогенного влияния на окружающую среду. Поэтому представляет интерес рассмотрение языковой составляющей экологических медиатекстов в Интернет-СМИ в тесной взаимосвязи с их прагматической составляющей.

Сегодня одной из наиболее динамично развивающихся сфер функционирования языка СМИ является медийный дискурс. Исследования данного типа дискурса проводятся в рамках новой дисциплины – медиалингвистики, которая возникла на стыке лингвистики и медиалогии в 70-е гг. XX века и занимается изучением вопросов функционирования языка в сфере массовой коммуникации [Добросклонская, 2008]. В отечественной лингвистике исследованием медиадискурса занимается Т. Г. Добросклонская [2008], Н. А. Кузьмина [2011], Н. В. Чичерина [2007] и др., а в зарубежной

лингвистике – Тейн ван Дейк [Teun A. van Dijk, 1989], Джон Корнер [John Corner, 1998].

Единицей исследования в медийном дискурсе является медиатекст, который обладает функциональной направленностью, особенностями на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях [Добросклонская, 2008, с. 36]. Одним из устойчивых медиатопиков в современных СМИ является коммуникация на экологические темы. Изучением репрезентации экологического дискурса в англоязычных СМИ занимается Е. В. Иванова [2007], А. В. Зайцева [2015]. Актуальность данного исследования обусловлена малоизученностью экологического медийного дискурса в аспекте лингвопрагматики.

Настоящее исследование было проведено на материале 30 онлайн-публикаций по тематике *проблема сохранения морских экосистем*, взятых из онлайн-версий газет *the Washington Post*, *the Guardian*, *the Independent*, *the USA Today* с целью лингвопрагматического описания и анализа англоязычного медийного экологического дискурса.

С точки зрения языкового наполнения представляет интерес использование языковых единиц, участвующих в реализации стратегий и тактик в англоязычном медийном дискурсе. Наиболее часто используемыми стратегиями в данном типе дискурса являются *персуазивная, аргументативная, оценочная и референциальная стратегии*. Несмотря на то, что стратегии и тактики не всегда легко делимы и часто служат выполнению общей коммуникативной цели, выделение стратегий по отдельности целесообразно с позиций лингвистического анализа. Ниже представлены результаты анализа способов и средств реализации стратегий в англоязычном медийном дискурсе.

1) **Персуазивная стратегия** актуализируется в экологических медиатекстах посредством различных тактик и приемов. В англоязычном медиадискурсе нередко используется *тактика положительной характеристики «своего» и дискредитации «чужого»*. В статье “Great Bear Sea: vast new marine zone a ‘mindset shift’ for conservation” из *the Guardian* опосредовано противопоставляется позиция коренных жителей и властей по вопросу сохранения Большого медвежьего моря. Автор придерживается позиции коренных жителей и приводит их мнение посредством прямой цитации: “We waited too long for the government or industry, or even activists, to solve our problems for us. If governments want to wax poetic about ocean protection, climate change and reconciliation, you’re going to have to dance with us, instead of making us dance for you,” he said. [the Guardian]. Кроме того, в данном случае

используется тактика скрытой угрозы, которая направлена на манипулирование сознанием читателя. В цитате употреблена идиома *dance to one's tune* – «плясать под чью-либо дудку» [the Free Dictionary], посредством которой осуществляется воздействие на читателя. Тем не менее, автор статьи выражает надежду на улучшение ситуации: *Political and Indigenous leaders hope to replicate success of British Columbia's Great Bear Rainforest conservation area*. В конце статьи конфликт двух мнений служит нивелированию оппозиции «свой-чужой».

2) **Аргументативная стратегия** актуализируется в экологических медиатекстах в основном посредством тактики информирования. В статьях активно используется широко известная специальная и общенаучная терминология: *The crash of starfish populations is poised to make climate change even worse for other creatures on Earth by upending ecosystems that are home to hundreds of other species and crucial for keeping CO2 out of the atmosphere* [the Washington Post]. Активное использование терминологии в экологических медиатекстах свидетельствует о высоком уровне грамотности англоязычных читателей. Для придания информации достоверного характера используются ссылки на авторитетные источники, особенно в заголовках: *'Rapid' and 'unprecedented' rise in ocean plastic reported since 2005, new study suggests* [the USA Today]. Однако данные ссылки не конкретизированы.

С точки зрения интертекстуальных отсылок представляет интерес активное использование имен собственных и числительных. Так, эффективным способом воздействия на читателя выступает тактика цитирования, посредством которой осуществляется апелляция к авторитетным источникам информации – официальным лицам, ученым, предпринимателям и т.д.: *"It is crucial for addressing the triple planetary crisis of climate change, biodiversity loss and pollution"*, Stéphane Dujarric, spokesman for the U.N. secretary general, said in a statement after the agreement [the Washington Post].

Для подтверждения изложенной информации в экологических медиатекстах приводятся количественные данные. Речь идет об использовании тактики верификации: *Oceans provide 17% of the production of global animal protein and hold 97% of all Earth's water. Almost 90% of global trade is conducted on sea routes* [the USA Today].

Таким образом, персуазивная и аргументативная стратегии обладают наибольшей воздействующей силой. Помимо вышеописанных тактик, данные стратегии реализуются посредством стилистических приемов:

Пример	Средства выразительности
Parker said <i>a clam, like a tree</i> , lays down annual growth bands, alternating bands of light on its shell [the USA Today]	сравнение
<i>International waters today are a Wild West of sorts</i> , with little to no policing [the Washington Post]	метафора, разговорная идиома
What happens on the high seas will no longer be <i>out of sight, out of mind</i> [the Guardian]	пословица
“The drop in the productivity over these 20 years is profound,” said William Balch, a senior research scientist. “ <i>And that has large ramifications to what can grow here. The health of the ecosystem, the productivity of the ecosystem.</i> ” [the Independent]	парцелляция
Maybe this disease, they began to think, isn’t caused by an infectious agent? [the Washington Post]	риторический вопрос

3) **Оценочная стратегия** в экологических медиатекстах направлена на воздействие на эмоции читателя посредством оценки того или иного экологического события. Тактика оценки нередко актуализуется путем использования оценочной лексики. В статье оценка дается не напрямую автором, а посредством цитации авторитетных источников: Conservation groups are “*disappointed*” at the Government’s decision to designate only three of the five suggested highly protected marine areas [the Independent].

В некоторых случаях автор статьи дает эксплицитную оценку значимому событию, как, например, подписанию Соглашения по Договору об открытом море ООН, над которым в течение нескольких лет работали ученые и политики: United Nations members gather Monday in New York to resume efforts to forge a *long-awaited* and *elusive* treaty to safeguard the world’s marine biodiversity [the Independent].

4) **Референциальная стратегия** реализуется при помощи тактики предыстории, рассказывающей о событиях, которые предваряют основное повествование. Так, статья “The race to stop starfish from melting into goo”, взятая из the Washington Post, начинается со следующей иллюстрации: In an

old industrial warehouse, Tiffany Rudek leaned into a chest-high tank. Using a laminated card, she gently pried a red-speckled sea star from the enclosure's bright blue walls [the Washington Post]. Речь идет об исследовательнице, открывшей способ лечить морских звезд. Таким образом, в тексте возникает межличностное взаимодействие автора, читателя и героя повествования.

В рамках данной стратегии также актуализируется тактика напоминания о событиях прошлого, которая непосредственно направлена на побуждение читателей на совершение социальных действий по сохранению морских экосистем и улучшению экологической обстановки в целом: In the wild, the sunflower star is vanishing from the wasting syndrome. Over 5 billion have died since 2013. <...> With the population down over 90 percent, the International Union for Conservation of Nature declared the species critically endangered in 2020 [the Independent].

Как известно, в экологическом медиадискурсе популярны метафоры, сопоставляющие негативные природные явления с врагами человечества. В результате анализа медиатекстов была выявлена когнитивная метафора *Climate Change is an Adversary*. Данная метафора способствует формированию образа процесса изменения климата в качестве врага, с которым человек постоянно борется: State wildlife officials and scientists have suggested moving a portion of some species *struggling with climate change* [the Guardian]. При этом морские экосистемы выступают как союзники человека: “*The ocean is also – physically – our biggest ally in the fight against climate change,*” said Hubbard of the High Seas Alliance [the Washington Post]. Когнитивная метафора *Climate Change is an Adversary* указывает на неотложный характер решения проблемы климатических изменений.

Таким образом, в ходе проведенного лингвистического анализа было установлено, что в репрезентации проблемы сохранения морских экосистем участвуют различные языковые средства, реализуемые с помощью персуазивной, аргументативной, оценочной, референциальной стратегий и соответствующих им тактик. В экологических статьях отмечается существенное доминирование персуазивной и аргументативной стратегий, которые актуализируются посредством языковых средств на различных уровнях, активно воздействуя на разум и эмоции читателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / Т. А. ван Дейк; составление В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.

- Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь. - М.: Флинта: Наука, 2008. – 263 с.
- Зайцева А. В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: дисс. ... к. филол. н. Смоленск, 2015. – 253 с.
- Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. - 219 с.
- Кузьмина Н. А. Современный медиатекст: учеб. пособие. – Омск, 2011. – 409 с.
- Чичерина Н. В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №47. – С. 159 – 166.
- Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 13 марта 2023).
- Corner J. The Scope of Media Linguistics // BAAL Newsletter. 1998. – P. 188.
- The Free Dictionary // URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 9 марта 2023).
- The Guardian // URL: <https://www.theguardian.com/international/> (дата обращения: 7 марта 2023).
- The Independent // URL: <https://www.independent.co.uk/> (дата обращения: 10 марта 2023).
- The USA Today // URL: <https://www.usatoday.com> (дата обращения: 8 марта 2023).
- The Washington Post // URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 9 марта 2023).

Nikiforova, A. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF MARINE ECOSYSTEMS CONSERVATION PROBLEM IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

The linguistic representation of marine ecosystems conservation problem is considered in English environmental articles. The actualization of persuasive, argumentative, estimative, referential strategies and corresponding tactics through various linguistic methods and means is analyzed in English media discourse. The results of the study lead to a conclusion about dominance of persuasive and argumentative strategies.

Media discourse, media text, environmental article, Internet mass-media, linguo-pragmatics, intertextuality, strategies

УДК 81`42

А. А. Новожилова

Санкт-Петербургский государственный университет,
alexandranek@mail.ru

Е. С. Солнцева

Санкт-Петербургский государственный университет,
ORCID 0000-0002-7147-1569
e.solntseva@spbu.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается эвфемизация как одна из характерных черт экономического дискурса английского языка. Особое внимание уделяется социальным эвфемизмам: их видам, специфике и причинам использования. В качестве основного результата исследования было выделено три группы социальных эвфемизмов, активно используемых в ряде современных англоязычных медиа экономической тематики: BBC, The New York Times, Forbes, Reuters.

Эвфемизация, социальный эвфемизм, экономический дискурс, английский язык, медиа

Эвфемизмы представляют собой важное явление как в лингвистике, так и в других гуманитарных науках. Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, под этим термином понимается эмоционально нейтральное слово или выражение, которое употребляется вместо синонимичных слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми, нетактичными [Ярцева, 2002]. Создатель одного из самых известных в Британии словарей эвфемизмов Р. Холдер приводит такое определение: ‘euphemism means the use of a mild or vague or periphrastic expression as a substitute for blunt precision or disagreeable use’ (эвфемизм служит мягкой, нечеткой заменой грубых или неприятных слов и выражений – перевод Новожиловой А. А.), добавляя при этом, что эвфемизм придает неточность смыслу заменяемого слова, добавляет некую туманность [Holder, 2002, с.6].

И хотя из определений эвфемизмов видна основная цель их использования, тем не менее, представляется важным перечислить все цели эвфемизации речи, важные для понимания употребления социальных эвфемизмов в экономическом дискурсе:

1) стремление избежать коммуникативных конфликтов, неудач и коммуникативного дискомфорта. Цель употребления эвфемизмов в этом

случае – заменить неподходящие по каким-либо причинам слова или выражения, которые могут задеть чувства собеседника, и, как следствие, привести к коммуникативным недоразумениям;

2) стремление завуалировать суть дела, замаскировать ее. Данную цель чаще всего преследуют для того, чтобы скрыть или отвести внимание от каких-то явлений, процессов, фактов, которые не должны быть напрямую доступны определенному кругу лиц или широкой общественности [Крысин, 1994];

3) стремление смягчить непристойность. Связано с культурным мироощущением человека, с нормами и правилами конкретного общества. Эвфемизмы в данной случае заменяют неподходящие слова на более мягкие, нейтральные [Кану, 1960].

Под дискурсом в данной работе подразумевается «...связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Ярцева, 2002]. В данной работе основное внимание уделяется экономическому дискурсу, который является «совокупностью речевых актов в сфере экономики, а также созданные профессионалами, неспециалистами и журналистами устные и письменные тексты или их фрагменты, которые отображают реалии экономического мира» [Евтушина, 2014].

Помимо типичных характеристик экономического дискурса (политическая корректность, использование аббревиаций, экономических терминов, экономических метафор и пр.), многие исследователи схожи во мнении о том, что эвфемия – еще одна его неотъемлемая черта [Бушев 2013; Мыркин 1976; Ширяева 2006]. Автор данной работы считает, что особую роль играют социальные эвфемизмы, т.е. эвфемизмы, использующиеся по отношению к людям. Цель данной работы – дать подробное описание такому типу эвфемизмов, привести их классификацию, причины использования и показать тенденции употребления такого рода эвфемизмов в современном экономическом дискурсе на примере статей на экономическую тематику из британских и американских новостных сайтов: BBC, The New York Times, Forbes, The Daily Telegraph, Reuters, CNN.

Социальные эвфемизмы – нейтральные слова или выражения, употребляющиеся для описания людей и их состояний вместо других, неподходящих по различным причинам слов или выражений. К социальным эвфемизмам можно отнести три основные тематические группы:

- 1) физические и умственные способности человека;
- 2) экономические трудности, бедность и нищета;
- 3) этническая и национальная принадлежность.

Рассмотрим эти группы более подробно. По результатам исследования методом сплошной выборки в анализируемом материале эвфемизмы, описывающие физические и умственные способности человека стали самой многочисленной группой социальных эвфемизмов. Это объясняется, прежде всего, широким спектром вопросов, связанных со здоровьем и внешностью людей. Тенденция такова, что авторы статей избегают прямого называния физических недостатков, болезней, ограниченных способностей людей для избегания излишнего акцентирования внимания на проблемах. Социальные эвфемизмы, описывающие физические и умственные способности человека, чрезвычайно разнообразны. Среди них есть уже стандартные и широко используемые слова и фразы, например:

- *patients* вместо прямого называния людей с каким-либо диагнозом, например, *diabetics* (*Drug giant Eli Lilly has announced a \$35 (£30) cap on the monthly costs patients face for insulin in the US*) [BBC News, 2023];
- *older adults* (*F.D.A. Panel Recommends 2 R.S.V. Vaccines for Older Adults*) [The New York Times, 2023];
- *disabled* (*The cuts are also likely to disproportionately affect vulnerable populations like Black and Latino families, older adults and the disabled, said Eric Mitchell, the president of the Alliance to End Hunger*) [The New York Times, 2023].

На базе уже устоявшихся эвфемизмов могут появиться новые эвфемизмы-словосочетания:

- *disability-friendly collection* (*Tommy Hilfiger's disability-friendly collection includes adaptive features like...*) [Forbes, 2023].

В некоторых эвфемизмах акцент смещается с человека на предмет, которым он будет пользоваться, что помогает избежать коммуникативного дискомфорта, и, опять же, сместить акцент с физического недостатка человека на непосредственную тему статьи:

- *wheel-chair-friendly* (*ASOS first created a wheelchair-friendly jumpsuit back in 2018*) [Forbes, 2023];
- *with a hearing aid* (*ASOS was praised for showcasing a model with a hearing aid in an earring ad campaign*) [Forbes, 2023];
- *hands-free sneakers* (*Nike's Go FlyEase shoe, released this past April, marks the first hands-free sneaker ever made*) [Forbes, 2023];

- *adaptive clothing (But the entry of adaptive clothing into the fashion mainstream has not been without its issues)* [Forbes, 2023];

При описании размера одежды и фигуры авторы тоже используют эвфемизмы чтобы избежать появления негативных эмоций у читателя и, соответственно, негативной реакции по отношению к источнику. Интересно, что эвфемизации подлежат не только отрицательные по мнению общества явления, но и положительные, чтобы не было противопоставления нормальный (хороший)/ненормальный (плохой). Таковы, например, эвфемизмы *able bodies u straight sizes* в предложении '*But in a retail landscape that favors able bodies and straight sizes, it can be even more challenging to shop for someone who requires adaptive clothing or a plus size*' [Forbes, 2023]. Избежать подобного противопоставления помогает и другой эвфемизм, например, объединяющий все типы фигур – *diverse bodies* (*We were selling accessible underwear for diverse bodies...*) [Forbes, 2023].

Второй по объему группой стали эвфемизмы, описывающие экономические трудности, бедность и нищету. В 2023 году это особенно актуально, что объясняется последствиями коронавируса и мировыми экономическими кризисами. Так, авторы статей избегают слов, которые напрямую называют неблагоприятное экономическое состояние граждан и могут увеличить тревожность населения. На смену слову *poor* традиционно приходят следующие эвфемизмы:

- *low-income (Tens of millions of low-income families are set to lose additional food stamp benefits on Wednesday)* [The New York Times, 2023];
- *in financial difficulty (We removed regulatory barriers ... for firms to support borrowers in financial difficulty and the fair treatment of vulnerable customers)* [BBC News, 2023];
- *with low-paid jobs (His parents supported the family with low-paid jobs)* [BBC News, 2023];

Наблюдается много эвфемизмов, описывающих трудности населения в покупке продуктов питания и оплате коммунальных услуг, например:

- *be food insecure (10.5 percent of Americans reported be-ing food insecure in 2019)* [The New York Times, 2023];
- *thrifty shoppers (Walmart offers affordable Easter meals to lure thrifty shoppers)* [Reuters, 2023];
- *vulnerable customers (Business Secretary Grant Shapps warned he would "name and shame" suppliers who were doing "nowhere near enough" for vulnerable customers)* [BBC News, 2023];

- *vulnerable households (Energy suppliers should stop forcing vulnerable households on to prepayment meters)* [BBC News, 2023];

Последней по количеству обнаруженных эвфемизмов стала группа, описывающая этническую и национальную принадлежность. И хотя прямое название той или иной национальности встречается довольно часто, эвфемизмы тоже присутствуют. Их основная цель – объединение разных групп населения в одну, например:

- *vulnerable populations (The cuts are also likely to disproportionately affect vulnerable populations like Black and Latino families, older adults and the disabled, said Eric Mitchell, the president of the Alliance to End Hunger)* [The New York Times, 2023];
- *queer and marginalized backgrounds (The line is inspired by the work of artists, typically from queer and marginalized backgrounds)* [Forbes, 2023];
- *people of marginalized identities (Mohammadian is one of several designers at the helm of a growing movement of smaller, adaptive apparel brands who are “getting it right” by using their clothing to empower and unite people of marginalized identities)* [Forbes, 2023];

Довольно устоявшимися и часто встречающимися эвфемизмами, описывающими цвет кожи, являются:

1) *Be of color (The Queen Collective is a signature talent and content development initiative showcasing a collection of short films told by women)* [Forbes, 2023];

2) *Non-white skin (Why is it harder to diagnose disorders on non-white skin?)* [BBC News, 2023].

Таким образом, говоря об экономическом дискурсе и о лексических особенностях написания новостных статей на экономическую тематику в британских и американских источниках, нельзя не заметить важность социальных эвфемизмов. Наравне с устоявшимися эвфемизмами создаются новые, авторские, что говорит об их актуальности. Знание специфики употребления социальных эвфемизмов необходимо людям многих профессий, в частности тем, кто работает в сфере экономики, поскольку их деятельность так или иначе связана с обществом и средствами массовой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Бушев А. Б. Языковые особенности экономического дискурса // Вестник ЧелГУ. 2013. №37 (328). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-ekonomicheskogo-diskursa> (дата обращения: 03.10.2022).

- Евтушина Т. А., Ковальская Н. А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник ЧелГУ. 2014. №6 (335). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-diskurs-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 27.06.2022).
- Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. – Берлин, 1994, № 1-2. – С. 28–49 // Phology.ru Русский филологический портал – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm> (дата обращения: 17.06.2022).
- Мыркин В. Я. Текст, подтекст и контекст. Москва, издательство «Наука», 1976. – С. 86–94 URL: <https://vja.ruslang.ru/archive/1976-2.pdf> (дата обращения: 02.06.2022).
- Ширяева Т. А. Когнитивная модель делового дискурса: Монография. Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2006. 256 с.
- Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / 2-е изд., доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.: табл. – Указ.: с. 627–707. – ISBN 5-85270-239-0 URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 17.06.2022).
- BBC News (business). URL: <https://www.bbc.com/news/business> (дата обращения: 01.03.2023).
- Forbes. URL: <https://www.forbes.com/?sh=42f7127b2254> (дата обращения: 01.03.2023).
- Holder, R. W. How not to say what you mean: a dictionary of euphemisms / Oxford University Press, 2002. – 500 p. ISBN 0-19-860402-5 URL: https://tipk.kg/wp-content/uploads/sites/432/2021/05/holder-r.w.-how-not-to-say-what-you-mean_-a-dictionary-of-euphemisms.pdf (дата обращения: 17.06.2022).
- Kany, Ch. E. American-Spanish Euphemisms. Univ. of California Press, 1960. URL: <https://archive.org/details/americanspanishe00kany/page/n13/mode/2up> (дата обращения: 17.06.2022).
- Reuters (business). URL: <https://www.reuters.com/business/> (дата обращения: 01.03.2023).
- The New York Times (business). URL: <https://www.nytimes.com/section/business> (дата обращения 01.03.2023).

Novozhilova, A. A.; Solntseva, E. S.

Saint Petersburg State University

SOCIAL EUPHEMISMS IN ECONOMIC DISCOURSE

The article considers euphemization as one of the main features of the economic discourse of the English language. Special attention is paid to social euphemisms: their types, specifics and reasons for use. As the main result of the study, we identified three groups of social euphemisms, which are actively used in a number of modern English economic resources: BBC, The New York Times, Forbes, Reuters.

Euphemization, social euphemism, economic discourse, English, media

УДК 81-23

Е. А. Павленко

Санкт-Петербургский государственный университет,

ORCID: 0000-0001-7276-1448

e.a.pavlenko@spbu.ru

Т. В. Куралева

Санкт-Петербургский государственный университет,

ORCID 0000-0003-3738-9198

t.kuraleva@spbu.ru

**ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
МОДЕЛИ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ДИАЛОГЕ
(НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)**

В статье рассматриваются наиболее продуктивные модели сленговых единиц, образованных способом словосложения, и особенности их функционирования в диалогическом дискурсе. Среди основных функций выделяются номинативная, экспрессивная, фатическая, конкретизирующая и функция компрессии информации.

Диалогический дискурс, сленг, словообразование, сложные слова, словосложение

Молодежный сленг – особенная культура поколения, связанная с множеством факторов (выход фильма, компьютерной игры, запуск сериала, книги или комикса, высказывание популярной публичной персоны, слово из песни, актуальная тема в социальных сетях и т.д.). Сленг постоянно претерпевает изменения и непосредственно связан с общественно-возрастной категорией, в которой используется. Сленг крайне часто употребляется в молодежной речи, являясь способом отделения молодого поколения от более старшего. Сленг делает речь более краткой и более экспрессивной. Молодое поколение изобретает новые фразы, с целью сделать свою речь оригинальной и понятной лишь своему окружению.

Как известно, вся лексика языка подразделяется на литературную и нелитературную. Литературная лексика включает в себя книжные слова, стандартные разговорные слова и нейтральные слова. Оказавшись в неофициальной обстановке, человек прибегает к иным речевым средствам, таким как сленгизмы, в том числе. В. А. Хомяков определяет сленг, как относительно устойчивый для определенного периода, широко

употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [Хомяков, 1971, с. 33]. По мнению лингвиста, сленг отражает процесс развития культуры народа, фиксирует и передает от поколения к поколению культурные установки и стереотипы.

Ученые часто подчеркивают в сленге такую особенность, как юмористичность. Так, Ю. М. Скребнев отмечает, что сленг включает в себя общепонятные и широкоупотребительные слова и выражения юмористического характера, которые намеренно используются как заменители обычных литературных слов [Скребнев, 1960, с. 51]. Нельзя не привести и определение Дж. Гриноу и Дж Киттриджа, которые обозначили сленг как «язык – бродягу, который слоняется в окрестностях литературной речи и постоянно старается пробить себе дорогу в самое изысканное общество» [Kittredge, 2019, с. 42].

Можно сделать вывод, что, при всей популярности явления, учёные до сих пор не пришли к единой трактовке термина «сленг». Сленг, по мнению многих исследователей, является вторичным образованием, адаптирующим к своим нуждам заимствованные единицы.

В настоящей статье будут рассмотрены особенности функционирования сленговых единиц, образованных по модели словосложения, в диалогическом дискурсе.

Начнем с рассмотрения словообразовательных моделей сленгизмов, образованных по типу словосложение. По справедливому замечанию Е. А. Василевской, «в тех языках, где словосложение имеется, оно является могучим средством пополнения и совершенствования грамматического строя языка» [Василевская, 1962, с. 137]. Под словосложением мы вслед за А. Н. Мороховским будем понимать «во-первых, только сложение таких слов, из которых, по крайней мере, одно является знаменательным, и, во-вторых, будем считать, что сложное слово представляет собой сочетание двух словообразовательных единиц» [Мороховский, 1979, с. 117].

Результатом процесса словосложения является сложное слово. Лингвистическая литература изобилует дефинициями сложного слова. Так, А. И. Смирницкий [Смирницкий, 2008, с. 25] выделяет слова простые, слова производные и слова сложные, в основу которых входит две или большее количество корневых морфем. И. В. Арнольд указывает, что сложным словом

называется объединение двух, или, реже, трех основ, функционирующее как одно целое и выделяющееся в составе предложения как особая лексическая единица благодаря своей цельнооформленности [Арнольд, 1959, с. 85].

Существует огромное количество классификаций сложных слов по различным принципам. В данной работе мы бы хотели уделить внимание функциональной классификации.

Среди сленговых единиц, наиболее часто встречаются составные существительные (compound noun). Рассмотрим несколько типов.

1). Первый тип образуется по модели «существительное + существительное». Между компонентами существует атрибутивная связь, первый компонент определяет второй. Это наиболее продуктивная модель в современном английском языке [Word Spy]:

Jailbait – «девушка до 18 лет, отношения с которой могут закончиться тюрьмой» (a young woman, or young women collectively, considered in sexual terms but under the age of consent.).

2). Второй тип также образуется по модели «существительное + существительное», однако, имеет другую иную связь между компонентами. Второй элемент расширяет сферу лексемы, а первый – ограничивает [Word Spy]:

Airhead – «пустоголовый» (a mindless or stupid person).

3) Третий тип образуется по модели «герундий+существительное». По данной модели образуется большое количество слов, в которых второй компонент обозначает предмет, а первый характеризует его с точки зрения действия, для выполнения которого предназначен данный предмет [Urban Dictionary]:

Sleeping-bag – «наркотик» (a soporific drug in the form of a pill; percocet and Xanax).

4) Четвертый тип образуется по модели «глагол+существительное», также относится к эндоцентрическому способу словосложения [Urban Dictionary]:

Callgirl – «девушка по вызову» (a female prostitute who accepts appointments by phone).

Стоит отметить, что в английском также есть существительное «callboy», образованное точно таким же образом, однако употребляется оно намного реже.

5) Пятый тип образуется по модели «прилагательное+существительное» [Urban Dictionary]:

Madhouse – «дурдом» (a place where there is no order and control, a mental hospital).

Интересно отметить, что в данном случае, как и в русском языке, слово может обозначать как больницу для психически нездоровых людей, так и ситуацию, в которой всё вышло из-под контроля.

б) Также достаточно продуктивной является модель, по которой сложные существительные образуются от глаголов с наречиями или предлогами [Word Spy]:

Knockout – сногшибательно-выглядящий человек (a person or thing that looks, sounds, etc. extremely attractive).

7) Малой продуктивностью обладают модели: «местоимение + местоимение» и «местоимение+существительное» [Word Spy]:

He-she- «трансгендер» (a gender undefinable person)

She-man- «мужеподобная женщина» (a woman having distinct characteristics of a human male)

Такая незначительная продуктивность коррелирует с продуктивностью словообразовательных моделей и в литературном языке.

В целом, нельзя не отметить, что несмотря на очевидные особенности сленга, с точки зрения словообразования самой популярной моделью является модель «существительное + существительное», которая широко распространена и в обычной речи.

Далее, рассмотрим примеры употребления сленгизмов, образованных по модели словосложения, в диалогическом дискурсе и отметим их основные функции. В качестве источника материала был взят корпус скриптов к фильмам, являющийся подкорпусом Корпуса американского варианта английского языка [The Movies Corpus]. Приведем примеры основных функций:

1). Номинативная функция: *I get it. You think I'm just some dizzy airhead that don't know nothing.*

2). Экспрессивная функция: *You. I'm calling you an airhead.*

3). Фатическая функция: *Wow, Bessie. You're a knockout.*

4). Функция компрессии информации: *I just couldn't get out of bed. It's been a madhouse all morning.*

5). Конкретизирующая функция: *You should have seen that airport. What a madhouse.*

Также отметим, что сленг, помимо всего прочего, выполняет идентификационную функцию, т.е. является маркером «своего» и «чужого». Как отмечает Н. Д. Матарыкина, сленг помогает маркировать определенную социальную группу.

В завершение отметим, что сленг всегда обновляется, он не остается постоянным. Со сменой одного модного явления другим старые слова

забываются, им на смену приходят другие. Этот процесс проходит очень стремительно, особенно если речь идет про молодежный сленг – по понятным причинам. Также подчеркнем, что в диалогическом дискурсе сленг выполняет ряд функций, определяемых семантикой и экспрессивным потенциалом конкретных языковых единиц. В связи с этим всестороннее изучение сленга необходимо для разъяснений и рекомендаций по поводу использования и перевода сленгизмов в живой речи молодёжи.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Флинта, 2012. – 376 с.
- Василевская Е. А. Словообразование в русском языке. – М., 1962. – 132 с.
- Матарыкина Н.Д. Неологизмы немецкого молодежного сленга на рубеже XX – XXI веков: дис. канд. филол. наук. М., 2005. – 216 с.
- Мороховский А. Н. Слово и предложение в истории английского языка. – Киев, 1979. – 216 с.
- Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка. Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР (Ленинградское отделение), 1960. – 175 с.
- Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий, М.: Московский гос. Ун-т, 1998. – 260 с.
- Хомяков В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1971. – 104 с.
- Kittredge G. L., Greenough J. B. Words and Their Ways in English Speech. Wentworth Press, 2016. – 460 с.
- Movies Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/movies/> (дата обращения: 06.01.2023).
- Urban Dictionary: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 06.01.2023).
- Word Spy: URL: <https://www.wordspy.com/> (дата обращения: 06.01.2023).

Pavlenko, E. A.; Kuraleva, T. V.

Saint Petersburg State University

DISCOURSE FUNCTIONS AND WORD FORMATION PATTERNS OF YOUTH SLANG IN MODERN ENGLISH DIALOGUE (THE CASE OF COMPOUND NOUNS)

The paper describes productive patterns of slang units formed by nominal composition. The authors focus on the specific features of nominal composition and discourse functions of slang. The paper concludes that the linguistic units in question perform a variety of functions including nominative, emphatic, phatic, specifying and information compression function.

Dialogue discourse, slang, word formation, compound nouns, nominal composition.

УДК 811.111

О. В. Рамантова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0002-7235-4057

ms.ramantova@mail.ru

Н. В. Степанова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0002-0920-753X

nathalie.tresjolie@icloud.com

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИГРАЦИИ В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В докладе анализируются метафорические модели концепта MIGRATION на материале миграционного медиаполитического дискурса с применением методов корпусной лингвистики; исследуются языковые экспликации концепта и предлагается фреймовая организация выявленных метафор. Результаты прагмакоммуникативного анализа позволяют сделать вывод об имплементации коммуникативной стратегии оценочного информирования и стратегии дискредитации в медиаполитических текстах миграционной направленности.

Концептуальная метафора, концепт, медиаполитический дискурс, миграционный дискурс, фрейм, AntConc, MetaNet

На протяжении последних десятилетий интерес лингвистов к когнитивным исследованиям непрерывно растет. Когнитивный подход к изучению дискурса позволяет рассматривать как собственно лингвистический, так и лингвокогнитивный план дискурса, выявляя таким образом доминантные дискурсообразующие концепты, фреймы и концептуальные метафоры. Пристальное внимание, уделяемое исследователями когнитивной метафоре, вслед за фундаментальными работами Дж. Лакоффа и Ж. Фоконье [1993; 2008], отражает роль метафоры в медиаполитическом, академическом, рекламном и других типах дискурса как инструмента воздействия на аудиторию и как средства реализации авторского замысла.

Цель доклада заключается в выявлении метафорических моделей как способа концептуально-метафорической репрезентации миграционной

ситуации в мире, а также в описании роли когнитивной метафоры в актуализации коммуникативных стратегий в миграционном медиаполитическом дискурсе с применением корпусного менеджера AntConc и метафорического репозитория MetaNet [Metaphor Repository MetaNet]. Электронный ресурс MetaNet представляет собой хранилище данных, в которое помещаются примеры метафорических употреблений, и находится на стадии разработки. В настоящее время уже реализован ряд электронных ресурсов метафорики, преимущественно англоязычных. Материал исследования представлен англоязычными медиаполитическими текстами миграционной тематики [Al Jazeera; CNN; The Economist; The Guardian; The Washington Post; The White House] 2019 – 2023 гг., актуализирующими остросоциальный характер миграционного дискурса, который, в свою очередь, выступает идеологическим конструктом отношения к мигрантам в обществе [Степанова, 2021(а), с. 103–117].

Актуальность исследования обусловлена не только важной социальной и политической проблематикой, но и недостаточной репрезентативностью концепта MIGRATION в сборниках метафор. В связи с этим выявление “миграционных” метафор как механизма конструирования в сознании общей политической ситуации в мире способствует более глубокому осмыслению происходящих социокультурных и политических процессов.

Отбор метафор осуществлялся посредством поиска слов-репрезентантов концепта MIGRATION: *migration, migrant, immigration, flow, refugee, asylum, border*. Метафоры были рассмотрены при помощи инструментария Теории концептуальной интеграции [Степанова, 2021 (б), с. 28–29]. Обнаруженные метафоры и их фреймы были исследованы посредством репозитория MetaNet. Была проведена верификация выявленных метафорических моделей с учетом иерархических отношений между метафорами и фреймами. Далее был проведен интерпретативный прагматистический анализ контекстов с целью выявления коммуникативных стратегий, актуализируемых посредством выявленных метафор.

В ходе исследования было выявлено 7 наиболее актуальных метафор, репрезентирующих миграцию: *migration is a disease; migration system is a mechanism; migration is dangerous water; migration is an earthquake; migration is a boiler; migration crisis is a beverage*. Анализ обнаруженных метафор осуществлялся в соответствии со следующими этапами [Скрынникова, 2019]: 1. определение фреймов при помощи репозитория MetaNet с установлением иерархических отношений; 2. выявление метафорических инференций;

3. выявление коммуникативной стратегии, реализации которой способствует данная метафора в медиаполитическом миграционном дискурсе.

Наиболее репрезентативной для феномена миграции по-прежнему остается природоморфная метафора MIGRATION IS DANGEROUS WATER. Тем не менее, в репозитории не отражена ее метафорическая иерархия. В семантической структуре данной метафоры можно выделить фреймы *fluid motion*, *danger*, *natural disaster*. Еще одним релевантным фреймом можно считать фрейм *pursue*, поскольку он объективируется языковыми значениями семантического пространства концепта MIGRATION. Фрейм *fluid motion* является наиболее разработанным, поскольку выступает в качестве источника для нескольких метафор; он же зафиксирован как частный случай фрейма *motion* и соотносится с фреймом *liquid*. “Образный” компонент метафоры *danger* соотносится с релевантным в данном случае фреймом *risky situation*.

Релевантными для данного метафорического употребления языковыми значениями являются *flow*, *overflow*, *flood*, *influx*, *stream*, *pour*, *surge*, *levels*, *tide*, *wave*, *ebbs*, *crash*. Метафорические употребления: 1) Europe now also faces rapidly rising new “waves” of undocumented asylum seekers [The Guardian]; 2) The first wave of indirect war victims is *crashing* towards Europe and will almost certainly be followed by more, larger waves [The Guardian]; 3) ...on Italy’s tiny Lampedusa island... some 3,000 newly arrived migrants *overflowed* from a shelter meant to hold less than 350 [The Washington Post]; 4) Republican leaders have seized on the topic of migration as an election issue, specifically at the southern border where numbers have reached record *levels* [Al Jazeera]; 5) In the last week, Fox News’s Sean Hannity has asserted the “biggest super-spreader” is immigrants *streaming* over the southern border rather than the lack of vaccinations [The Guardian].

Концептуальное смешение ментальных пространств можно представить следующим образом:

MIGRATION – DANGEROUS WATER

collective movement – large-scale range

destructive process (ruining economic and social life of a host country citizens)

– destructive process (ruining infrastructure and causing casualties)

cause of destruction (sudden arrival of too many migrants) – cause of destruction (sudden arrival of big water)

Метафорические инференции: natural disasters are difficult to control; nobody can escape the consequences; there are always victims; natural disasters like floods often cause serious problems; man is weak and can’t withstand the power of nature.

Данная метафора выступает как инструмент имплементации стратегии оценочного информирования и стратегии дискредитации и получает множественное воплощение в медиаполитических текстах миграционной направленности.

Фреймовая организация артефактной метафоры MIGRATION SYSTEM IS A MECHANISM включает в себя фрейм-источник *machine* (который восходит к фрейму *control* и далее к фрейму *complex process*) и фрейм *fixing*. Фрейм *machine* выступает как источник для метафоры INSTITUTION IS A MACHINE, восходящей к глубинной метафоре INSTITUTION IS A COMPLEX PHYSICAL OBJECT. Таким образом, выявленную метафору можно отнести к уровню *specific*. Фрейм *fixing* является источником для метафоры SOLVING A PROBLEM IS FIXING A BROKEN OBJECT, которая может считаться сопряженной метафорой для метафоры MIGRATION SYSTEM IS A MECHANISM.

Контекст метафорического употребления включает в себя языковые значения *handle, fix, broken, failures, put a brake on, fractured, damaged*: 1) The United States agreed Monday to train members of a Guatemalan task force responsible for protecting the country's borders and *putting a brake on* uncontrolled migration [Daily Mail Online]; 2). These appalling *failures* have occurred not because there are too many migrants, but because the government *has broken* its own asylum system [The Guardian]; 3) Kamala Harris last year acknowledged in an ABC interview that the US immigration system overall is “*deeply broken*” [The Guardian]. Элементами концептуального смешения ментальных пространств для данной метафоры являются:

MIGRATION SYSTEM – MECHANISM

manmade design

structure

legislation – operating instruction

authorities/ administration (executives) – operator

needs control and check – needs regular maintenance

system failures

too many immigrants are difficult to control and they become dangerous – dangerous if uncontrolled

Метафорические инференции: *mechanism must be controlled; a failure of a mechanism may cause a system crisis; one has to take urgent and cruel measures to prevent an accident.*

Прагмакоммуникативный анализ контекста в случае анализируемого метафорического употребления позволяет говорить об имплементации стратегии оценочного информирования и стратегии дискредитации.

Следующая регулярно воспроизводимая в медиатекстах миграционной направленности метафора MIGRATION IS AN EARTHQUAKE структурирована фреймом *Natural disaster*, который, в свою очередь, является частным случаем фрейма *Destroying*. Выявленная метафора пока не зафиксирована в репозитории, не имеет иерархических связей с другими метафорами и может быть отнесена к уровню *specific*. Метафорическое употребление включает в себя языковое значение *epicenter*: 1) *nearly 7,000 immigrants who tested positive for Covid-19 have passed through a Texas city that has become the epicenter of the illegal immigration surge [The Guardian]*; 2) *In Arizona, the epicenter of the US's immigration wars [The Guardian]*. Концептуальное смешение ментальных пространств можно представить следующим образом:

MIGRATION – EARTHQUAKE

Collective movement large-scale range

Destructive process (shaking life of another country) – Destructive process (the shaking of the Earth surface)

Cause of destruction (sudden arrival of too many migrants) – cause of destruction (sudden release of too much energy)

destroyed / harmed entity (integration difficulties) – destroyed /harmed entity (destruction of infrastructure, casualties)

Метафорические инференции: *earthquakes are a natural disaster, and one can't control the event; natural disasters are difficult to predict; epicenter of an earthquake is the source of danger, so you have to avoid it.*

Метафора MIGRATION IS AN EARTHQUAKE способствует актуализации стратегии оценочного информирования и формирует представление о миграционном движении как о достаточно опасном и непредсказуемом событии, которое может повлечь серьезные последствия для принимающей нации.

Немногочисленные языковые экспликации имеет тем не менее актуальная метафора MIGRATION IS A BOILER, в структуре которой можно выделить фреймы *heating fluid, social problem, fluid containment*. При этом фрейм *Heating fluid* является фреймом-источником и для метафоры ANGER IS THE HEAT OF FLUID IN A CONTAINER, восходящей к метафорам ANGER IS HEAT и ANGER IS PRESSURE IN A CONTAINER, которые далее ведут к глубинной метафоре EMOTIONAL INTENSITY IS TEMPERATURE.

Еще одной базовой метафорой можно считать BODY IS A CONTAINER FOR EMOTIONS. Метафорический каскад выявленной метафоры позволяет высветить наиболее ключевой образный компонент метафоры.

Таким образом, выявленная метафора может относиться к уровню *specific*. Метафорическое употребление представлено языковыми значениями *heated, boil*: 1) Why are migrants in small boats a *heated* issue in the UK? [The Washington Post]; 2) Immigration *boiled* over last week [The Washington Post]. Сеть концептуального смещения ментальных пространств может быть образована элементами:

MIGRATION – BOILER

immigrants gather themselves in groups/ crowds substance is saturated in a zone

group/ crowd has limits – boiler is a confined space (container)

self-gathered crowd is chaos – hot liquid is chaotic movement of particles

the number of immigrants must be controlled – boiling liquid needs regulation

immigrants tend to express anger, not reserve it boiling liquid tends to escape

crowd is a source of physical harm – hot and boiling liquid is always harmful

Метафорические инференции: boiling liquid is dangerous, thus one have to avoid hot objects; malfunctioning of a boiler may cause an explosion or a serious system failure; proper functioning of a boiler must be monitored to prevent casualties; hot liquid boiling is already a dangerous situation and one shouldn't do anything to worsen it.

Имплементируемая выявленной метафорой стратегия может быть описана как стратегия оценочного информирования.

Гастрономическая антропоморфная метафорическая модель представлена метафорой MIGRATION CRISIS IS A BEVERAGE, в качестве фрейма-источника для которой может быть предложен фрейм-источник *Drink/ Beverage/ Brew*. Выявленная метафора не имеет иерархических связей в репозитории и поэтому может быть помещена в категорию *specific*. Метафорическое употребление актуализируется языковым значением *brew*: A new migration crisis is *brewing* in Europe [The Economist]. Сеть концептуального смещения ментальных пространств включает в себя следующие элементы:

MIGRATION CRISIS – BEVERAGE (TEA)

centered in a specific area – is made within a container/confined space

has peak point – has readiness condition

gets stronger – gets stronger

needs urgent measures – has time constraints

takes time to arise – takes time to get prepared

has certain assumptions – has certain ingredients (receipt)

manmade origin – manmade origin

Метафорические инференции: one should mind the timing of brewing so as not to overdo; the more time passes, the stronger the drink is getting.

Прагмакоммуникативный контекст метафорических употреблений в данном случае позволяет говорить о функции оценочного информирования выявленной метафоры.

За период 2019 – 2023 гг. выявлены и другие “миграционные” метафоры: *Migration is a journey to imaginary world; Illegal immigration is act of love; US immigration system is a ship; Immigration system is fabric; Migration is a pathway; Migration is mass of policies.*

Проведенное исследование позволяет сделать следующие *выводы*. *Во-первых*, концептуальная метафора в медиаполитическом миграционном дискурсе позволяет осмыслить комплексные, неоднозначные явления и ситуации и способствует формированию политической картины мира. *Во-вторых*, метафорическое переосмысление значимых социальных и политических процессов позволяет выявить тенденции развития внеязыковой ситуации: в настоящее время внимание медиаресурсов обращено на стихийность и болезненность миграционных процессов, при этом фактор человеческой враждебности и агрессии выражен в метафорическом употреблении в меньшей степени. Развитие получают и новые метафоры, отражающие все возрастающее внимание мировой общественности к последствиям миграции, правовому несовершенству миграционных органов, этической стороне вопроса. *В-третьих*, исследование метафоры как инструмента воздействия в медиаполитическом миграционном дискурсе позволяет говорить об имплементации стратегии оценочного информирования и стратегии дискредитации.

Перспективы дальнейших исследований концептуальной «миграционной» метафоры видятся в лингвистическом анализе более масштабных корпусов текстов миграционной направленности на материале нескольких языков с целью выявления новых метафорических употреблений и последующего создания репозитория «миграционных» метафор.

ЛИТЕРАТУРА

Скрынникова И. В. Кросслингвистический репозиторий политических метафор: структура и проблемы методологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019, Vol. 18 № 2. с. 128–145. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.12>

- Степанова Н. В. Метафорическая репрезентация миграционного кризиса как природного явления водной стихии (на материале англоязычных медиатекстов) // Дискурс. 2021;7(3), с. 103–117.
- Степанова Н. В. Перспективы критических исследований различных типов дискурса. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021. 201 с.
- Al Jazeera .URL: <http://www.aljazeera.com> (дата обращения: 25.02.2023).
- CNN. (Cable News Network) URL: <http://www.cnn.com> (дата обращения: 01.03.2023).
- Daily Mail Online URL: <http://www.dailymail.co.uk> (дата обращения: 05.03.2023).
- Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities, Basic Books. 2008.
- Lakoff G. Metaphor and Thought. Second edition. Cambridge Univ. Press, 1993. 681 pp.
- The Economist. URL: <http://www.economist.com> (дата обращения: 01.03.2023).
- The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com> (дата обращения: 05.02.2023).
- The Washington Post. URL: <http://www.washingtonpost.com> (дата обращения: 02.03.2023).
- The White House. URL: <http://www.whitehouse.gov> (дата обращения: 05.03.2023).
- Metaphor Repository MetaNet. URL: <https://metaphor.icsi.berkeley.edu/pub/> (дата обращения: 01.03.2023).

Ramantova, O. V; Stepanova, N. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

METAPHORICAL REPRESENTATION OF MIGRATION IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

The report discusses metaphorical models of migration in the English language political media discourse. The study reveals language explications of MIGRATION concept, as well as relative cognitive metaphors and their frame structure, the frames being extracted from Metanet metaphor repository. The results allow to conclude that the migration cognitive metaphors contribute to the implementation of evaluation informing strategy and discrediting strategy.

Cognitive metaphor, concept, frame, MetaNet, metaphor repository, political media discourse

УДК 070.1

Yu. V. Rovinskaya

Russian State University for the Humanities

rovinskayajuliana@mail.ru

TO THE PROBLEM OF THE OLYMPICS-2022 IMAGE MEDIATIZATION SPECIFICITY

The research is focused on consideration of issues of sports activities reflection in the media plane. The subject of the research is devoted to the creation and perception of the 2022 Olympics image within the framework of the Russian media cross-section. The set goals and objectives are solved basing on methodological symbiosis, covering both methods of linguistic and cognitive analyses. The research practice is based on the material of media speech samples of the Match TV Channel. The scientific novelty of the presented research consists in constructing a model of a sporting event interpretation in the context of its mediatization. The conclusions of the research allow us to determine the Olympics-2022 mediatized image through the methods of its speech implementation.

Media image, Olympics-2022, media discourse, media speech patterns, linguocognitive analysis, event interpretation model, sports media communication, mass media

At the present stage, Olympic activities have become an integral part of the social plane of communication. Due to the wide interest of the public at the international level in this area, the process of mediatization of sports in general and the Olympic movement in particular is being updated.

The mediatization of the Olympic movement contributes to the formation of a significant share of news and entertainment media content. One of the process results is sport's acquisition of political colouristics.

The issues of interaction between information and media have been raised in various studies. Thus, the importance of this connection was pointed out by J. P. Baudrillard [Baudrillard, 2021, p. 83], putting forward the thesis that it is information that mediates reality and re-creates it, since without information mediation there is no measure of reality.

In scientific discourse, the combination of phenomena associated with the increasing role of media and digital technologies is referred to as the category of mediatization, which has many definitions.

Having appeared in the 1990s at the terminological level, mediatization is widely used in a number of studies [Rogozin, 2001; Zemlyanova, 2002; Kirillova, 2019], based on the definition of J. B. Thompson [Thompson, 2018, p. 39], using the analyzed phenomenon in order to indicate the importance of media

as institutionally organized structures that transmit not just information, but elements of the culture itself that forms modern society.

There are several research approaches to understanding mediatization. According to S. P. Hjarvard [Hjarvard, 2019, p. 86], mediatization is a two-way social process through which society is saturated with mass media to such an extent that the media can be considered only in the context of public institutions. By themselves, media technologies are not the cause of socio-cultural dynamics, but the immersion of a person in the information flow, provided that certain social, political, economic, cultural realities are formed with the help of new technologies, gives a powerful impetus to influence public consciousness [Hjarvard, 2019, p. 93].

V. P. Schulz [Schulz, 2022, p. 69] proposed a different approach to understanding mediatization. The researcher identified four types of processes that modify social communication – expansion, substitution, unification, adaptation. As an example, V. P. Schulz cites social media, which today successfully perform a communicative function along with information and entertainment (which was originally a privilege of the media) [Schulz, 2022, p. 79].

This study uses an approach in which mediatization is viewed through the prism of political communication. In particular, supporting T. K. Sasinska-Klas [Sasinska-Klas, 2021, p. 163], it is advisable to consider the communication channel used by a person as the primary source of obtaining knowledge about reality, and the media as an intermediary channel transforming society into a media community through its mediatization.

The most relevant interpretation of this category is the definition of F. S. Krotz [Krotz, 2019, p. 38], who characterizes mediatization as a meta-process of universal scale along with globalization.

The significance of the mediatization process is also described in detail in the work of N. T. Couldry and A. K. Hepp [Couldry, Hepp, 2018, p. 67], in which the authors postulate the idea of a deep mediatization of modern social life, and the construction of social reality itself occurs with the help of technologically mediated communication processes – its media form.

In general, mediatization of sports is the process of creating audiovisual information about people's competitive sports activities for the purpose of subsequent broadcast to mass audiences and consists in influencing the audience's thinking of real sports practices media images, created through the synergetic interaction of content producers.

The mediatized space is a public sphere, therefore it acts as a factor of political influence.

This process is of particular importance in the framework of the Olympic Games, when non-political phenomena acquire the status of landmark events for the consolidation or division of countries and peoples.

Analyzing the process of mediatization of the Olympics-2022 image, it should be noted that it is carried out on the basis of a special perception of political power. The latter gains strength in the context of symbolic monopoly as the ability to realize oneself through joint thinking and collective action. At the same time, the Olympics-2022 image is associated with the historical, continuous in a temporal sense, formation of the image of the host country of the Games (i.e. China) in the world public consciousness on the basis of personal impressions, information from documentary sources, the opinions of journalists expressed in the media. In turn, the Olympics-2022 media image covers the ideas about the object in the system of public opinion and perception, which are formed by the mass media.

Mediatization of the Olympics-2022 image is achieved by a complex of means of both verbal and nonverbal nature. The latter should include a number of components, including visual, taste, sound, tactile.

The mediatization process of the Olympics-2022 image is structured on the material of the Match TV Channel [www.matchtv.ru] which is a Russian federal sports TV channel that began broadcasting in 2015 and became the most quoted [Mkrtchyan, 2022, p. 79] media during the Olympics-2022.

The ratio of these components [Rovinskaya, 2022, p. 68] within the nonverbal component in the mediatization process of the Olympics-2022 image is reflected in Table 1.

Table 1.

Structural and component analysis of the Olympics-2022 image

Image components	Components number	Components number in percentage terms (%)
Visual image	32	61,54
Taste image	12	23,077
Sound image	5	9,62
Tactile image	3	5,77

The mediatized image of the Olympics-2022 on the material of the Match TV Channel is represented by 52 components. The structural and component constituents of the Olympics-2022 image are indicated in descending order. Out of the selected components of the Olympics-2022 mediatized image, the visual image is dominant, which covers 32 components (61.54%) of the total number of components.

Examples of the visual component of the Olympics-2022 image are the following: the opening ceremony of the Games, the closing ceremony of the Games, the mascot of the 2022 Winter Olympic Games in Beijing – panda Bing Dun Dun, Olympic emblem, COVID-19 prevention activities, sports complexes, Olympic Park, thousands of athletes, thousands of spectators, National Stadium in Beijing, Beijing State Sports Palace, Beijing Capital Sports Palace, National Biathlon Centre in Zhangjiakou, National Ski Centre in Zhangjiakou, National Ski Centre in Yanqing, Wukesong Arena in Haidian (Beijing), National Skating Oval in Beijing, Big Air Shougang Springboard in Beijing, National Ski Jumping Centre in Zhangjiakou, Genting Snow Park in Zhangjiakou, Wanlong in Zhangjiakou, Taiwu in Zhangjiakou, National Bobsleigh Centre in Yanqing, Beijing National Swimming Complex in Beijing, Olympic medals, Olympic awards, bouquets to prize winners, Olympic rings, volunteers, Olympic flame, mobile application, fireworks.

The taste image of the Olympics-2022 is represented by the following components: Doshirak, boiled eggs, rice, tangerines, dumplings, burgers, French fries, chicken, pasta, miso soup, Peking duck.

The sound image of the Olympics-2022 consists of the following positions: "Together for a shared future" (slogan), "Bridgestone is the official tire of the Olympic Games", Olympic anthem, applause, Olympic oath.

The tactile image of the Olympics-2022 is manifested in the following components: frost, cold, continental climate.

Thus, mediatization of the Olympics-2022 image is aimed at switching attention from the production of the event and its coverage to the ways of forming its perception. In turn, the structural and component analysis contributes to understanding of this process and its interpretation. This confirms the further development of the tendency to consolidate the status of the image characterized by the greatest significance in modern media reality.

BIBLIOGRAPHY

- Baudrillard J. P. Simulacra and simulation. N.Y.: Appleton, 2021. 286 p.
- Couldry N. T., Hepp A. K. The mediated construction of reality. Cambridge, UK: Polity Press, 2018. 196 p.
- Hjarvard S. P. The mediatization of society: a theory of the media as agents of social and cultural change // Nordicom Review. 2019. Vol. 18. No. 1. P. 83–98.
- Kirillova N. B. Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu. M.: Akademicheskij proekt, 2019. 396 s.
- Krotz F. S. Mediatization: concept, changes, consequences. New York: Peter Lang, 2019. 326 p.
- Mkrtchyan T. Yu. Rechevy'e osnovy`e sportivnoj tele- i radiozhurnalistiki. M.: AST, 2022. 126 s.

Oficial'nyj sajt telekanala «Match TV». URL: www.matchtv.ru

Rogozina I. V. Media-kartina mira // Yazyk'ovoe by'tie cheloveka i etnosa. 2001. № 3. S. 137–141.

Rovinskaya Yu. V. Obraz Olimpiady-2022: konceptologicheskij podhod (na materiale telekanala «Match TV») // NIR. Sovremennaya kommunikativistika. 2022. № 5. S. 67–74.

Sasinska-Klas T. K. Mediatization of the public sphere // Journal of Communication. 2021. Vol. 6. P. 162–175.

Schulz W. P. Reconstructing mediatization as an analytical concept // European Journal of Communication. 2022. Vol. 16. P. 67–83.

Thompson J. B. The media and modernity: a social theory of the media. Stanford: University Press, 2018. 328 p.

Zemlyanova L. M. Mediatizaciya kul'tury` i komparativizm v sovremennoj kommunikativistike // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2002. № 5. S. 83–97.

Ровинская, Ю. В.

Российский государственный гуманитарный университет

К ВОПРОСУ СПЕЦИФИКИ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБРАЗА ОЛИМПИАДЫ-2022

Исследование ориентировано на рассмотрение вопросов отражения спортивной деятельности в медийной плоскости. Предмет исследовательской работы посвящен созданию и восприятию образа Олимпиады-2022 в рамках российского медийного среза. Поставленные цели и задачи решаются с опорой на методологический симбиоз, охватывающий как методы лингвистического анализа, так и когнитивного. Исследовательская практика основана на материале медийных речевых образцов телеканала «Матч ТВ». Научная новизна представленного исследования состоит в построении модели интерпретации спортивного события в контексте его медиатизации. Выводы научной работы позволяют определить медиатизированный образ Олимпиады-2022 посредством способов его речевой реализации.

Медиаобраз, Олимпиада-2022, медийный дискурс, медийные речевые образцы, лингвокогнитивный анализ, модель интерпретации события, спортивная медийная коммуникация, средства массовой информации

УДК: 811.11

М. С. Сигаева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0009-0006-4520-6055

mssigaeva@etu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ О НАУКЕ

В докладе рассматривается репрезентация концептуальной метафоры в интернет-мемах о науке и научном сообществе. Описывается понятие интернет-мема как коммуникативной единицы. В ходе исследования было установлено, что в мемах реализуются метафорические проекции, включающие в себя вербальный и невербальный (иконический) компоненты. Метафорические модели в мемах отражают актуальные проблемы, с которыми сталкиваются представители научного сообщества.

Метафора, когнитивная лингвистика, теория концептуальной метафоры, интернет-коммуникация, интернет-мем, метафоризация, интернет-дискурс

Метафора и способы ее функционирования давно представляют интерес для междисциплинарных научных исследований. С одной стороны метафора представляет собой языковую единицу номинации и переноса значения, с другой воплощает в себе способ мышления и формирования знаний о мире. Метафора как средство художественной выразительности для придания образности объекту известна со времен Аристотеля как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [Аристотель, 2022, с 170.]. На протяжении долгого времени данное понимание этого явления оставалось господствующим.

В XIX веке интерес к осмыслению метафоры выходит за рамки поэзии и риторики, превращаясь в предмет дальнейших лингвистических исследований. Однако по словам Дж. Лакоффа, в то время «метафора традиционно рассматривалась как периферийный концепт» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 24]. В результате целого ряда междисциплинарных исследований в области психологии, философии и антропологии к 70-м годам XX века в лингвистике окончательно формируется когнитивный подход, и именно он приходит на смену традиционному пониманию метафоры. Краеугольным камнем в новой парадигме, несомненно, стала публикация монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», которая положила начало всестороннему развитию теории когнитивной

метафоры и коренным образом изменила наш взгляд на функционирование данного явления в языке.

По определению авторов книги, «суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25]. Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа основана на выделении двух концептуальных явлений: области источника (source domain) и области цели (target domain), между которыми происходит метафорическая проекция (image mapping). Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название «концептуальных метафор» [Лакофф, Джонсон., 2004, с. 11]. Как правило область источника, которая «представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире» представляет собой выбор из небольшого количества базовых областей, таких как *пространство (space)* *a central idea, сила (force), зрение (vision), вкус (taste)* и т. д. Соответствующими им областями цели являются *важность (importance), соревнование (competition), логика (logic), эмоции (emotions)* [Лакофф, Джонсон, с. 11]. Благодаря исследованиям и дальнейшей систематизации языковых единиц Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, был сделан вывод о том, что метафора – это в первую очередь результат мышления, воспроизводимый в дальнейшем в речи или письме. Позже появились новые теории и концепции, которые значительно расширили когнитивный взгляд на метафору.

Согласно Дж. Лакоффу и Д. Джонсону «большая часть нашей обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична» [Лакофф., Джонсон., 2004, с. 25]. В связи с этим несомненный интерес представляет функционирование метафоры в интернет-дискурсе – одной из самых динамично развивающихся областей современной дискурсологии. Важной и репрезентативной составляющей онлайн-коммуникации в настоящее время является интернет-мем. Термин «мем» впервые был представлен в 1976 году профессором Р. Докинсом в книге «Эгоистичный ген» и описан как «некая единица, способная передаваться от одного мозга к другому» [Докинс, 2013, с. 161]. Р. Докинс утверждает, что «примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки, и выражения» [Докинс, 2013, с. 158]. Опираясь на терминологический аппарат биологии можно утверждать, что мемы, подобно живым организмам, способны изменять свою форму, свободно размножаться и, при необходимости, быстро адаптироваться. Именно этот процесс наблюдается в интернет-пространстве в случае с популярными мемами, идея которых понятна большому количеству адресатов.

Появление мемов – это логичное продолжение традиции комикса, являющегося хорошим примером объединения графического изображения и текста. В отличие от комикса, мем может существовать и быть верно интерпретирован без текстовой составляющей, при наличии лишь визуального наполнения. Мемы представляют собой главным образом вторичные, то есть пересмотренные эпизоды из существующих объектов. Клиповое мышление как основная характеристика современного общества является одной из главных причин столь быстрого развития данного феномена. Важным фактором популяризации мема как нового способа коммуникации представляется переход семантических конструкций или семантических шаблонов в семиотическое пространство. Интернет-мемы, несомненно, являются новой и весьма прогрессивной формой межкультурной коммуникации: с их помощью можно узнать этноспецифичные особенности культуры, проанализировать авто- и гетеро-стереотипы, увидеть унификацию тех или иных ценностей.

Мем – это форма коммуникации, которая в общем смысле понимается как «процесс передачи информации от одного человека к другому по разным каналам связи» [Тема: Коммуникация в современном мире]. Любая коммуникация, даже самая «обыденная» ее форма подразумевает использование метафоричных высказываний. В данном докладе рассматривается функционирование концептуальной метафоры в интернет-мемах, объективирующих научную сферу, а именно научное сообщество, экспериментальную деятельность, научные дисциплины и межличностные отношения между участниками данной сферы. Предпринимается попытка выявить концептуальные метафорические модели в мемах, отобранных путем сплошной выборки. В ходе обзора были проанализированы 90 интернет-мемов, в 50 из них были выделены метафоры, отображающие восприятие науки и функционирование научного сообщества. Для определения концептуальных метафор используется когнитивно-дискурсивный анализ в контексте Теории концептуальной метафоры.

Научный дискурс является достаточно абстрактной областью, где используются разнообразные метафорические концепты. Рассмотрим метафору SCIENTIFIC DISCIPLINES ARE AREAS, в рамках которой научные дисциплины концептуализируются как области в пространстве. Областью источником, т.е. более конкретным понятием, в терминах которого говорится о науке, здесь является SPACE, областью цели является SCIENCE. Между ними существуют метафорические проекции (mappings), которые можно изобразить следующим образом: *область – дисциплина (area – discipline); быть на одном уровне – соответствовать (being in line with – to correspond),*

пересекать границы – менять дисциплины (*moving across boundaries – changing disciplines*), открытие новой территории – научное открытие (*discovery of new territory – scientific discovery*)

[A course in Cognitive Linguistics: Metaphor].

Репрезентация данной метафоры обнаруживается в 10 мемах, отобранных для доклада. Важно подчеркнуть, что одной из особенностей интернет-мема является использование схожей или повторяющейся текстовой структуры в разных графических образах. В связи с этим, целесообразно выделять и анализировать определенные паттерны для иллюстрации данной метафоры. Число мемов, где используются определенные шаблоны, значительно превышает отобранный материал.

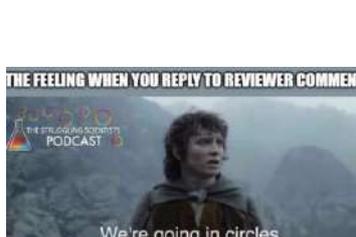

Рисунок 1

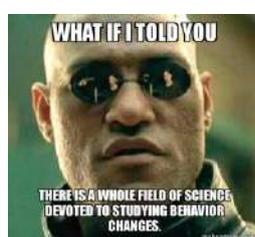

Рисунок 2

Рисунок 3

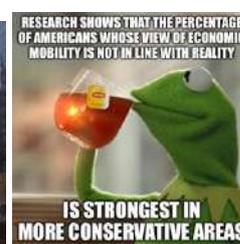

Рисунок 4

[The Struggling Scientist Podcast]

На рисунках 1 – 4 можно увидеть такие примеры как *field*, *field research*, *go in circles*, *in line with*, т.е. ученый *работает в области науки*, или, если исследователь неоднократно повторяет схожие действия без особого результата, он *ходит по кругу*; в контексте разговора о соответствии чего-либо, используются такие выражения как *сообразно*, *на одном уровне с чем-либо*. Рассмотрим подробнее рисунок 1, где «источник» – герой трилогии «Властелин колец» Фродо, задачей которого было дойти до Роковой горы, проецируется на «цель», т.е. исследователя в поисках истины. Запутанность пути и трудности, с которыми герою приходится справляться на пути, метафорически проецируются на общение ученого с рецензентами, что иногда подразумевает «хождение по кругу».

Ни одна научная дисциплина не может обойтись без построения, выдвижения и защиты теорий. Для репрезентации представлений о теоретической составляющей научной жизни используется метафора THEORIES (AND ARGUMENTS) ARE BUILDINGS. По словам Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «мы имеем возможность использовать выражения «выстраивать», «основание» из области Строения/Buildings для обсуждения соответствующих концептов в области, которая определяется метафорами Теории/Theories» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 89]. Данная метафора может быть проиллюстрирована следующими примерами:

Рисунок 5

Рисунок 6

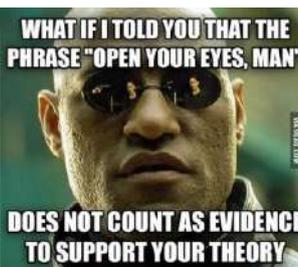

Рисунок 7

Рисунок 8

[Cultures. Science].

В 15 интернет-мемах используются выражения: *shake the foundation of theories, the gravity of this situation; it's in shambles, support your theory, a well-structured argument, lay foundations for modern theory*. Рассмотрим рисунок 6, где изображены герои популярного мультсериала Gravity falls. Первый компонент метафоры – «источник» выражена в образе героев сериала, любознательной семьи, увлеченной решением головоломок. Второй компонент – «цель» представлена словом *researchers*. В результате метафорической проекции, рождается метафора *исследователи – люди, увлеченные разгадками тайн*. Данный пример представляет интерес как репрезентация двух метафорических структур в одном меме. Второй метафорической проекцией является представление *учебного заведения (where they did there PhD)* (цель) как *руин (in shambles)* (источник), вероятнее всего подразумевая, что учебного заведения находится в упадке.

Любую научную теорию обычно предваряет революционная идея, в связи с чем целесообразно рассмотреть концептуальную метафору IDEAS ARE FOOD, которая может быть проиллюстрирована следующими выражениями (7 мемов): *half-baked incoherent theories, sink your teeth into, idea brewing, put ideas on the table*. Идеи, стратегии, предметы научного исследования метафорически представлены как еда, в которую можно вонзить зубы.

Рисунок 9

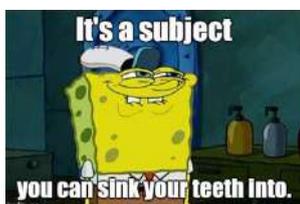

Рисунок 10

Рисунок 11

Рисунок 12

[The future of AI]

Анализ мемов на научную тему показал, что одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются все, кто связан с исследовательской работой, является задача преодоления себя, а также борьба с внешними обстоятельствами, которые могут помешать в достижении поставленной цели. Обнаруженные примеры

(18 мемов) имплицитно, что трудности, преодолеваемые аспирантами, включают в себя необходимость ответов на письма, значительное количество научных статей, в потоке которых можно утонуть. *Struggling to answer emails, drown a Phd student, defense date*. Завершение диссертации и ее успешное представление выражается лексемой *защита (defense)*. Данный аспект научной жизни имплицитно выражается в метафоре SCIENTIFIC RESEARCH IS FIGHT:

Рисунок 13

Рисунок 14

Рисунок 15

Рисунок 16

Рисунок 17

[Science class is where we struggle].

Для ряда мемов, иллюстрирующих рассматриваемую метафору, характерно использование текстовой составляющей для выражения одной части идеи и графического изображения для второй. Сама метафора, будучи выраженной максимально очевидным невербальным способом, в данном случае формируется в сознании адресата в ясный и понятный образ. Особенно часто данный прием используется в случаях, где речь идет о выполнении работы в срок, научных спорах и выборе между малооплачиваемой научной карьерой и прибыльной работой в индустрии. Данные метафоры относятся к образным метафорам, где вместо семантического образа объекта области источник представлен графический образ. Дж. Лакофф обращается к рассмотрению образной метафоры (Image metaphor) в более поздних работах, утверждая, что «образные метафоры очень распространены, и воспринимаются по большей части бессознательно» [Metaphor and symbolic activity, 2 (3), 1987, Lawrence Erlbaum Associates, Inc. с. 219222].

Таким образом, в ходе проведенного исследования были проанализированы и систематизированы интернет-мемы, репрезентирующие метафорические проекции, где структурой целью являются SCIENTIFIC DISCIPLINES, THEORIES, IDEAS, SCIENTIFIC RESEARCH. Анализ частотности употребления показал, что метафора SCIENTIFIC RESEARCH IS FIGHT является доминантной. Было выявлено, что основные характеристики данной метафоры включают в себя более частую, чем в остальных примерах, замену вербальной составляющей на невербальную (графическую). Данная закономерность объясняется особенностью мема как коммуникативной единицы, которая включает в себя объединение семантического и семиотического компонентов. Метафорические модели в интернет-мемах отображают наиболее актуальные

проблемы, встающие перед представителями научного сообщества. Усиление выразительности используемой метафоры достигается за счет использования иконических образов киногероев в структуре источник. В заключение следует отметить, что метафорический потенциал интернет-мемов как семантико-семиотических единиц интернет-дискурса является перспективным направлением для применения теории концептуальной метафоры.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель: Поэтика. Риторика. Пер. с древнегреческого В. Аппельрота, Н. Платоновой. Санкт-Петербург: Азбука, 2022.
- Докинз, Р. Эгоистичный ген. Пер. с англ. Н. Фоминой. Москва: АСТ:CORPUS. 2013.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем/пер. с англ.; под ред. с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Тема: Коммуникация в современном мире. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/philology/russianlang1> (дата обращения: 19.03. 2023).
- A course in Cognitive Linguistics: Metaphor. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=R0BYLpwSM6E&t=439s> (дата обращения: 12.03.2023).
- Cultures. Science. URL: <https://knowyourmeme.com/m/cultures/science> (дата обращения: 7.03.2023)
- Metaphor and symbolic activity, 2 (3), Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1987.
- Science class is where we struggle. URL: <https://www.memedroid.com/memes/detail/2688007/Science-class-is-where-we-struggle> (дата обращения: 19.03.2023).
- The Struggling Scientist Podcast. URL: <https://ru.pinterest.com/pin/10627792120390199887110> (дата обращения: 17.03.2023).
- The future of AI. URL: <https://makeameme.org/meme/thefutureofea95c338c/> (дата обращения: 19.03.2023).

Sigaeva, M. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

CONCEPTUAL METAPHOR IN INTERNET MEMES ABOUT SCIENCE

The paper considers the representation of the conceptual metaphor in Internet memes about science and the scientific community. The concept of the Internet meme as a communicative unit is described. During the investigation, it was discovered that metaphorical mappings including verbal and non-verbal (iconic) components are realized in memes. Metaphorical models in memes reflect the actual problems faced by representatives of the scientific community.

Metaphor, cognitive linguistics, theory of conceptual metaphor, Internet communication, Internet Meme, metaphorization, Internet discourse

УДК 372.881.11

А. Н. Ткачева

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

ORCID 0000-0002-1316-1247

Tkatcheva-Ann@yandex.ru

ФАСЦИНАТИВНЫЕ ПРИЁМЫ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ ФРАНЦИИ

Статья описывает лингвистические приёмы фасцинации, используемые в рекламных слоганах кандидатов в президенты Франции. Языковая игра и побудительные конструкции являются самыми популярными фасцинативными приёмами в слоганах французских политиков. Языковая игра создаёт комический эффект и привлекает избирателей необходимостью декодирования и интерпретации авторской задумки. Побудительные конструкции передают сильные эмоции участников выборов, устанавливают психологический контакт с избирателями. Выразительные языковые средства влияют на электоральное поведение и выбор избирателей.

Фасцинативный приём, рекламный слоган, языковая игра, побудительная конструкция, психологический контакт, электоральное поведение

Самой высокой должностью во Франции (Французской республике) является президент, которого избирают на пять лет всенародным и тайным голосованием. За каждым кандидатом на должность президента Франции стоят разные взгляды и интересы определённой части общества. На протяжении всего процесса выборов президента в публичном пространстве обсуждаются многочисленные острые общественные проблемы.

Агитационная работа участников президентских кампаний состоит из многочисленных дебатов, интервью, выступлений, телевизионных рекламных роликов, встреч с электоратом. Немаловажную роль в выборах играют рекламные афиши и листовки со слоганами, размещаемые на баннерах, в газетах, журналах и раздаваемые в печатном виде помощниками кандидатов. Рекламный слоган психологически воздействует на сознание избирателей и имеет своей основной целью превращение людей в сторонников того или иного кандидата.

Эволюция политической рекламы тесно связана с эволюцией восприятия информации современных людей [Жолос, Дасуев, 2022, с. 62]. Современная реклама ориентирована на аудиторию «с фрагментированным, эмоционально-образным мышлением», поэтому в «рекламном сообщении обрезаются все

лишнее и остается только главный поверхностный образ» [Кузьмин, 2019, с. 29]. По этой причине наблюдается тенденция к созданию предвыборных слоганов, построенных не на рациональном, а на чисто эмоциональном восприятии.

Для эффективного воздействия на сознание потенциальных избирателей политикам приходится использовать различные средства речевой выразительности. Президентские выборы во Франции называют «гонкой» или «погоней» за слоганами (*'la chasse' / 'la course aux slogans'*). Считается, что «чем звучнее, креативнее и убедительней будет рекламный лозунг, тем больше шансов у кандидата собрать голоса избирателей» [Крючкина, 2017, с. 64–65].

В конкурентной борьбе за голоса избирателей все чаще используются приёмы фасцинации. Фасцинация представляет собой воздействие с целью интенсификации восприятия и освоения информации [Омельченко, 2013, с. 93]. Цель фасцинации – повлиять на поведение, сознание, подсознание реципиентов через их эмоциональную сферу. Разнообразные приёмы фасцинации (вербальные, звуковые, поведенческие, изобразительные) широко применяются в рекламе, средствах массовой информации, кинопроизведениях, педагогической и политической коммуникации и т.д. [Ткачева, 2021, с. 470]. Фасцинация «обуславливает креативность авторов текстов, представление информации в оригинальной форме, декодирование которой требует времени и усилий, что стимулирует интерес к информации и коммуникации» [Абрамова, 2019, с. 969].

В данной работе будут описаны самые популярные фасцинативные приёмы языкового уровня, применённые в слоганах претендентов на должность президента Франции избирательных кампаний XXI века (2002 г., 2007 г., 2012 г., 2017 г., 2022 г.). Было изучено 93 слогана первого и второго туров выборов [Verdier, 2017]. Некоторые кандидаты в своей агитации использовали несколько слоганов.

Императивные конструкции

Самым частотным приёмом воздействия на избирателей в слоганах французских политиков являются повелительные конструкции. Слоганы с императивами призывают, требуют, предлагают:

- *Osons la famille, refusons la pauvreté* (Christine Boutin, 2002) («Отважмся на семью, откажемся от бедности»);

- *Libérons-nous de l'occupation financière* (Jacques Cheminade, 2017) («Освободимся от финансовой оккупации»).

- *Ensemble, changeons d'avenir* (Anne Hidalgo, 2022) («Изменим будущее вместе»).

Директивность придаёт посланиям особую энергетику. Глаголы могут употребляться как в форме 1 лица множественного числа, так и в форме 2 лица множественного числа:

- *Votez Le Pen* (Jean-Marie Le Pen, 2007) («Голосуйте за Ле Пен»);
- *Prenez le pouvoir* (Jean-Luc Mélenchon, 2012) («Возьмите власть»).

Слоганы с инфинитивами, хотя в них и отсутствует прямое обращение к народу, тоже становятся экспрессивными и эмоционально-воздействующими, потому что передают пожелания и призывы:

- *Présider autrement une France plus juste* (Lionel Jospin, 2002) («Подругому возглавить более справедливую Францию»);
- *Pour faire enfin bouger la France* (Alain Madelin, 2002) («Чтобы наконец заставить Францию сдвинуться с места»);
- *Faire battre le cœur de la France* (Benoît Hamon, 2017) («Заставить биться сердце Франции»);
- *Choisir la France* (Marine Le Pen, 2017) («Выбрать Францию»).

Обобщенные требования политиков не содержат конкретных социальнополитических заявлений и носят абстрактный характер. Иногда кандидаты призывают к свободе, единству, порядку:

- *Réunir la France* (Anne Hidalgo, 2022) («Объединить Францию»);
- *Remettre la France en ordre (en 5 ans)* (Marine Le Pen, 2017) («Привести Францию в порядок (за 5 лет)»);
- *Choisir la liberté* (Nicolas Dupont-Aignan, 2022) («Выбрать свободу»).

К повелительным конструкциям также можно отнести устойчивое сочетание (восклицание), выражающее одобрение, пожелание процветания, успеха:

- *Vive la Vie, Vive la République et Vive la France* (Jean-Marie Le Pen, 2007) («Да здравствует жизнь, да здравствует Республика и да здравствует Франция»).

Директивы с восклицательным знаком привлекательны своей формой и выигрышно отличаются от стилистически нейтральных посланий. Восклицательный знак усиливает воздействие на адресатов:

- *Debout la France!* (Benoît Hamon, 2017) («Вставай, Франция!»);
- *En marche, la France!* (Emmanuel Macron, 2017) («Вперёд, Франция!»).

Итак, повелительные конструкции в рекламных политических посланиях к французскому народу выражают требования, пожелания, сильные эмоции кандидатов на пост президента страны. Слоганы с директивами содержат мало информации относительно политических взглядов и идеологии участников избирательного процесса. Основное назначение экспрессивно-эмоциональных слоганов – установить психологический контакт с избирателями, вызвать

эмоциональный отклик у потенциальных избирателей и повлиять на их электоральный выбор.

Языковая игра и юмор

Языковая игра в слогане является креативным, нестандартным, оригинальным приёмом, позволяющим вызвать интерес избирателей. Реципиенты имеют возможность самостоятельно расшифровать заложенный авторами смысл. Языковая игра, как правило, служит средством создания юмористического эффекта, чем также усиливает привлекательность слогана.

Жозе Бове, французский фермер и общественный деятель, в возрасте 53 лет объявил о своём участии в президентских выборах во Франции в 2007 году. Он представил французскому народу два слогана:

- *Ah si j'osais Bové* (José Bové, 2007) («Ах, если бы я осмелился, Бове»);
- *Osez Bové* (José Bové, 2007) («Дерзайте, Бове»).

Словосочетание ‘j’osais’ и имя ‘José’ звучат одинаково и интересно обыгрываются в предвыборных посланиях кандидата. Игра слов и юмор делают слоганы уникальными, комическими.

Марин Ле Пен, лидер партии «Национальное объединение», представила на выборах 2022 года несколько слоганов. Девиз *La France qu'on M!* (Marine Le Pen, 2022) («Франция, которую мы любим») полностью совпадает с названием песни современного французского певца регги камерунского происхождения ‘Pablo Master’ (настоящее имя ‘Achille Bisseck Paul’). В песне *La France qu'on M!* из альбома “Sang & Crimes”, вышедшего в 2017 году, критически оцениваются возможности и положение иммигрантов во французском обществе. В песне звучит фраза *Où est passée la France qu'on aime?* («Куда делась Франция, которую мы любим?»). Марин Ле Пен в своей предвыборной программе 2022 года предлагала самые жёсткие политические меры против иммиграции, которая, по её словам, представляет угрозу для французской культуры. Политик взяла название песни иммигранта в качестве своего слогана, обыграв его и вложив в него свой смысл.

Другое послание Марин Ле Пен было ещё более простым и лаконичным: *M. la France* (Marine Le Pen, 2022) («М. Франция»). В слогане буква *M* творчески и нестандартно используется. Слоган фиксирует внимание читателей, языковая игра придает слогану дополнительную экспрессию.

В президентских выборах 2017 года участвовал Франсуа Асселино, основатель партии «Народный республиканский союз» (“Union populaire républicaine”). Основной целью партии и деятельности Франсуа Асселино был выход Франции из Европейского союза. В избирательную кампанию политик вышел со слоганом *Le candidat de Frexit* (François Asselineau, 2017) («Кандидат

от Фрекзита»). Термин 'Frexit' был придуман по аналогии с термином 'Brexit', означающим выход Великобритании из Европейского союза. Термин 'Frexit', введенный Франсуа Асселино, понравился французам, запомнился, стал частью языковой среды.

Языковая игра и комизм в слоганах веселят, забавляют, фиксируют внимание, вызывают интенсивные эмоции с целью программирования электорального выбора граждан.

Заключение

Итак, в агитационных предвыборных слоганах избирательных кампаний на должность президента Франции используются лингвистические фасцинативные приёмы. В качестве приёмов фасцинации чаще всего применяются такие естественно-языковые средства, как языковая игра и императивные конструкции. Глаголы в повелительном наклонении выражают пожелания, требования, эмоции участников президентских выборов с целью задеть чувства избирателей. Пожелания и требования носят абстрактный характер, слоганы политически безыдейны. Инфинитивы также используются в функции повелительного наклонения и выражают пожелания и повеления. Языковая игра развлекает избирателей. Слоганы с директивами и игрой слов экспрессивны, выразительны. Они вызывают у реципиентов чувство эмоционального сопричастия, что влияет на их электоральный выбор.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова И. Фасцинативные приёмы в текстах языкового ландшафта // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 4. С. 961–973.
- Жолос Л. М., Дасуев М. Л. Особенности рекламного текста и рекламного слогана в современном английском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 94. № 5. С. 61–65.
- Крючкина Ю. К. Особенности современных слоганов кандидатов в президенты в российской и французской политической рекламе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (772). С. 64–68.
- Кузьмин В. В., Обидина Ю. С. Реклама как элемент клиповой культуры информационного общества // *Juvenis Scientia*. 2019. № 7. С. 28–30.
- Омельченко Е. В. Фасцинативные средства и приёмы в коммуникации // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2013. Т. 7. № 2. С. 93–95.
- Ткачева А. Н. Вербальные приёмы фасцинации во французских кинотекстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 2. С. 470–474.
- Verdier L. Présidentielle : vous souvenez-vous de leurs slogans ? // *Challenges, l'actualité de l'économie*, ~~Challenges, l'actualité de l'économie.~~ 2017. URL: https://www.challenges.fr/election-presidentielle-2017/presidentielle-vous-souvenez-vous-de-leurs-slogans-et-de-leurs-affiches_313758 (дата обращения: 18.03.2023).

Tkacheva, A. N.

Saint-Petersbourg State Institute of Film and Television

FASCINATION DEVICES IN CANDIDATES ADVERTISING SLOGANS FOR THE FRENCH PRESIDENCY

The article describes the linguistic devices of fascination used in the advertising slogans for the French presidency. Language game, incentive constructions are the most popular fascinate devices of the French politicians slogans. Language game creates a comic effect and attracts voters through the need for decoding and interpretation the author's idea. Incentive constructions convey emotions of election participants, establish psychological contact with voters. Language expressive means influence the voters electoral behavior and choice.

Fascination device, advertising slogan, language game, incentive construction, psychological contact, electoral behavior

УДК 81'42

К. Д. Хлопонина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)

kdkhloponina@stud.eltech.ru

СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ТРИЛЛЕРЕ ГАЯ РИЧИ “REVOLVER”

Доклад посвящён дискурс-анализу скрытых смыслов, составляющих идейную концепцию психологического триллера Гая Ричи «Revolver». Исследуются языковые средства и приёмы, актуализирующие имплицитную информацию в кинодискурсе. Результаты исследования позволяют сделать вывод об актуализации идейной концепции фильма посредством внутренних диалогов, наполненных прецедентными высказываниями и аллюзиями на библейские тексты, а также с помощью развёрнутой метафоры, языковой игры и устойчивых языковых выражений.

Гай Ричи, “Revolver”, кинодискурс, интертекстуальность, библейские смыслы, прецедентный текст, развернутая метафора, языковая игра

Многие исследования современной лингвистики строятся на понятии дискурса, основанного на влиянии экстралингвистических и коммуникативных факторов, заложенных адресантом. Дискурс многозначен и многолик, что объясняет его сосуществование в рамках разных видов,

например, кинодискурса. В лингвистическом аспекте кинодискурс наделён креолизованной составляющей, а именно наличием аудиального и визуального контекстов, влияющих на передачу денотативного и коннотативного значения лексем. Учёные определяют кинодискурс как динамический процесс, обладающий свойствами связности, смысловой завершённости, адресантности, интертекстуальности, контекстуальности, иконичности и индексальности [Лавриненко, 2011; Слышкин, 2004].

Одной из составных частей кинодискурса выделяется подтекст, или скрытый смысл, рассматриваемый как прагмалингвистическое имплицитное явление, реализация которого происходит посредством особого набора языковых средств. В лингвистике термин «подтекст» подразумевает многомерность смысла фразы или текста. Эта та имплицитная информация, которая скрыта, не всегда явна реципиенту и нередко требует фоновых знаний, а также понимания экстралингвистических и культурных реалий.

Методы исследования, необходимые для тщательного разбора скрытых смыслов фильма “*Revolver*”, включают в себя методы прагмалингвистического и дискурсивного анализа. Киносюжет британского режиссёра представляет собой запутанную головоломку в виде метафорического образа шахматной игры, где всё происходящее является уловкой, мошенничеством. В основе кинопроизведения лежит философская идея о том, как происходит разрешение внутренних конфликтов личности, что значительно отличает данное кинопроизведение от других культовых работ Гая Ричи: “*Revolver*” являет собой новый этап в его творчестве, но тем не менее уникальный почерк британского режиссёра прослеживается через оригинальные сплетения иронии и жестокости. Основные результаты исследования заключаются в следующем (здесь и далее приведены примеры – [«Револьвер»]).

Психологический метод Гая Ричи основан на внутреннем диалоге главного героя Джейка Грина. *Аутокоммуникация* разворачивается с целью выявления поведенческих мотивов, мыслей и эмоционального состояния. Так, например, в диалоге Джейка Грина с собственным эго актуализируются значения *addiction*, *approval junkies*, символизирующие сущность социальных отношений: *We share an addiction. We're approval junkies. We're all in it for the slap on the back and the gold watch. The "hip, hip, hoo-fucking-rah." Look at the clever boy with the badge, polishing his trophy. Shine on, you crazy diamond. Cos we're just monkeys wrapped in suits, begging for the approval of others. If we knew this, we wouldn't do this. Someone is hiding it from us. And if you had a second chance, you would ask... Why?*

Основной компонент ментального пространства фильма «*Revolver*» составляют прецедентные тексты, транслирующие его идейную концепцию: внутренние диалоги персонажей изобилуют символами прецедентных феноменов, о чём свидетельствует, например, реминисценция на высказывание из произведения художественной литературы: *But you gave them an offer they couldn't refuse* известное как *I'm gonna make him an offer he can't refuse* – цитата из романа *The Godfather* (1969) американского писателя Марио Пьюзо, по мотивам которого Фрэнсис Форд Коппола снял одноимённую криминальную драму в 1972 году.

Присутствуют интертекстуальные отсылки и к фундаментальным источникам для раскрытия глубинного смысла психологического триллера: *Rule number one. You can only get smarter by playing a smarter opponent. – Fundamentals of Chess, 1883.* Данное высказывание указывает на то, что человек способен развиваться, соревнуясь только с более умными противниками. Эта аналогия наблюдается тогда, когда Ави обыгрывает Джейка в шахматной партии, наставляя его таким способом стать умнее, чтобы превзойти Сэма Голда, воплощаемого короля, самую ценную шахматную фигуру.

Смысл следующей отсылки заключается в том, что давление и контроль раскрывают весь потенциал противника, заставляя незамедлительно реагировать на определённые ходы, что может затуманить разум и дать другому преимущество. Важно быть последовательным в своей собственной игре и проявлении агрессии, чтобы создавать собственные сценарии, которые способны контролировать и на которых можно учиться: *Rule number two. The more sophisticated the game, the more sophisticated the opponent. If the opponent is very good, he will place his victim inside an environment he can control. – Fundamentals of Chess, 1883.*

Целесообразно отметить, что, например, правила «Бойцовского клуба» могут быть адаптированы к правилам игры в шахматы, поскольку отсылают реципиента к известному американскому фильму Дэвида Финчера *Fight Club* (1999), снятому по мотивам одноимённого романа Чака Паланика. Главный герой фильма так же, как и Мистер Грин, борется с самим собой.

Другой пример содержит историю трёх Эдди, которые были замешаны в денежных махинациях Грина и защищали его любой ценой, так как получали хорошую прибыль: *Nobody kills a man who's going to make him money.* В лексеме *investment* закодированы людские пороки, в частности алчность, способная поработить человека, что и произошло с тремя Эдди. Они настолько заврались, защищая личного *golden goose*, что, когда Грин

исчез с украденными деньгами, никто не верил их словам даже под жестокими пытками: *First rule of business, protect your investment. – Etiquette of the Banker, 1775.*

Ещё два прецедентных высказывания объясняют действия Ави и Зака, которые пытаются донести до Джейка мысль о том, что его главным внутренним противником является не Мака, а Сэм Голд. И только после того, как Грину удаётся одолеть свои внутренние терзания и перейти на новый уровень мышления, он становится свободным и обретает силу над своим эго: *The greatest enemy will hide in the last place you would ever look. – Julius Cesar, 75 BC; There is no avoiding war, it can only be postponed to the advantage of your enemy. – Niccolo Machiavelli, 1502.*

Языковой спецификой кинопроизведения являются и случаи наименования культурных реалий именами собственными. Последние обретают значимые коннотации и имплицитные смыслы и вызывают определённые когнитивные ассоциации и психоэмоциональные реакции. Ономастические реалии, обозначаемые именами собственными, раскрывают характерные для определённой страны культурные черты, предметы, понятия и события.

Главной фигурой фильма “Revolver” является Джейк Грин (*Jake Green*), фамилия которого имеет имплицитную интерпретацию цветовой символики в мистическом еврейском учении – «каббала». Зелёный (англ. *green*) – это «знак» обретения власти над своим «я», ощущение внутренней силы, что содействует управлению эго-состояниями личности.

Зак и Ави (*Zach* и *Avi*) являются «ангелами-хранителями» Джейка, а их имена имеют следующую религиозную экспликацию: Ави – сокращённое от Авраама, Зак – от Исаака (Ицхака) и Джейк – от Иакова. Вместе с этим нередко в репликах героев упоминается священное число «три», имеющее обоснование, как три – символ полноты, три религии, три отца (Авраам, Исаак (Ицхак), Иаков) и самое важное событие для христиан – воскресение Иисуса Христа: *Congratulations, Mr. Green. It's past **the third day** and you have risen; You will die **within three days** from a very unpleasant ailment that contaminates your blood and organs; You have **three hours** to decide. After that, you will be beyond our help.*

Ещё один ключевой персонаж кинопроизведения предстаёт в лице Дороти Мака (*Dorothy Macha*): библейское имя древнегреческого происхождения *Dorothy* имеет значение *gift of God*. В данном случае сила коррелирует с человеческой слабостью в попытках контролировать эго и в то

же время преследовать эфемерное ощущение счастья. А именно это полагается даром «возможности».

Одним из самых таинственных героев фильма считается Сэм Голд (*Sam Gold*). Согласно каббалистическому представлению золотой (англ. *gold*) рассматривается как цвет божественного озарения, ассоциирующийся с идолом золотого тельца, которому поклонялись как воплощению самого Бога: *Do you know who Sam Gold is, Mr. Green? You should, because he knows who you are. The Gold, Sam Gold. Mr. Clandestine. Mr. Ambiguous. Mr. Mystery. He's all up here, pretending to be you. No-one sees Gold, but Gold sees everything. You're in a game, Jake. You're in the game. Everyone's in his game, and nobody knows it. And all of this, this is his world. He owns it. He controls it.* Дьявол в образе золотого тельца передаёт западную систему ценностей, в которой материальная составляющая имеет наибольший вес. Персонажи приходят в ужас от упоминания невидимого мистера Голда, который олицетворяет один из человеческих пороков – жадность: *And I know nothing hurts more than humiliation and a little money loss.*

Если детальнее анализировать образы вышеупомянутых персонажей, можно проследить противопоставление Запада и Востока, где Голд представляет западные устои, а Ави и Зак воплощают в своих персонажах восточные с их пренебрежением к материальным ценностям и отказом от эго, точнее выход за его пределы.

Важно упомянуть и помощницу Голда *Лили Волкер (Lily Walker)*, фамилия которой, согласно Библии, подразумевает то, что люди являются *walkers*, т. е. ходящие во свете или во тьме. Связь с библейской интерпретацией её фамилии подтверждается в сцене, где она спрашивает мистера Маку о том, чтобы «пройтись», что также является игрой слов: *I'm Miss Walker. I work for Mr. Gold. Do you mind if we walk?*

Таким образом, имена собственные во многом реализуют идейную концепцию британского режиссёра как с точки зрения интертекстуальности, так и с точки зрения языковой игры.

Художественный образ героев раскрывается посредством и выразительных средств языка. Стилистические приёмы способствуют формированию концепции языковой личности персонажей, репрезентируемой синтезом психологического и лингвистического знания. В конкретном случае её комплекующими становятся развёрнутая метафора, языковая игра, устойчивые выражения, идиомы, фразеологизмы.

Значение *revolver* в названии фильма образовано от глагола *revolve*, который определяется как *to move in a circle or a curve around a central point*

[The Cambridge Dictionary Online]. Целесообразно предположить, что название фильма репрезентирует заложенную автором развёрнутую метафору, подразумевающую личностный рост, духовную эволюцию персонажей. Это подкрепляется и тем, что центральная идея картины заключается в концепции *game*, в которой находится главный герой фильма. Авторская концепция имеет цикличную форму, т. е. Джейк Грин позволяет обманывать себя, играть со своим разумом до тех пор, пока он не осознает, что всё происходящее это *con*. А правила игры в шахматы сопоставимы с правилами всех разводов, что, прослеживается в высказывании с наличием языковой игры: *It's a dangerous combination, chess and cons*.

В высказывании мистера Маки *Very skillful Mr. Green, you pawn your talents very well* заложена языковая игра с лексемой *pawn*: Грин воспринимает своего соперника как пешку, воплощение фигурки на шахматной доске, которую можно устранить, не прилагая особых усилий – таким способом Маки насмехается над Грином.

В одном из внутренних диалогов Джейка задействован метафоричный и символический образ змея, опоясывающего весь мир, для описания истинной сущности Голда: *The word "snake" springs to mind. Don't knock it. You only get smarter by playing a snake. The bigger the trick and older the trick, the easier it is to pull*. Таким образом, концепт-метафора «змея» порождает или подразумевает авторский взгляд о конкретном герое.

Вместе с тем применяются стилистические приёмы, в число которых входят следующие лексические средства выразительности:

Нарастание: *The only reason you suffer the shitty boss, **the blood, the sweat and the tears***;

Противопоставление: ***The more power** you think you have in Gold's world, **the less power** you have in the real world; Don't try to **make sense** out of it, not now, **cos it doesn't make sense***;

Гипербола: *I told myself if this is my last round, they'll have to **tear me out, piece by piece**, but this I can't take*;

Анафора: ***Maybe I am being conned, maybe I am being fooled***;

Оксюморон: *You've got **a big mouth on a small head**, sunshine*.

Проведённое исследование знаковой работы Гая Ричи «Revolver» позволяет сделать следующие *выводы*. Основу психологического метода Гая Ричи составляет внутренний диалог главного героя, насыщенный прецедентными высказываниями и аллюзиями на библейские тексты. Изречения Юлия Цезаря, Никколо Макиавелли и реминисценции на фундаментальные труды «Основы шахмат» и «Этикет банкира» являются

прецедентными текстами и раскрывают глубинные смыслы фильма, в названии которого заявлена развёрнутая метафора, которая также раскрывает режиссёрский замысел. Особую функцию в выражении интертекстуальных связей и языковой игры выполняют имена собственные. Языковой стиль кинопроизведения актуализируются посредством таких приемов, как анафора, нарастание, противопоставление, гипербола, оксюморон. Таким образом, вышеперечисленные языковые средства и приёмы актуализируют особый лингвопрагматический потенциал психологического триллера “Revolver”.

ЛИТЕРАТУРА

- Лавриненко И. Н. Стратегии и тактики мены коммуникативных ролей в современном англоязычном кинодискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2011.
- Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.
- «Револьвер» (“Revolver”, 2005, реж. Гай Ричи). URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/18973> (дата обращения: 03.03.2023).
- The Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus.]. URL: <https://dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 10.03.2023).

Khloponina, K. D.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

UNDERNEATH MEANINGS IN GUY RITCHIE'S PSYCHOLOGICAL THRILLER “REVOLVER”

The report is devoted to the discourse analysis of the underneath meanings that make up the ideological concept of Guy Ritchie's psychological thriller "Revolver". The linguistic means and techniques that actualize implicit information in the film discourse are investigated. The results of the study allow us to conclude about the ideological concept of the film. The concept is primarily actualized through internal dialogues filled with precedent precedent-related situations and allusions to biblical texts, and with the help of sustained metaphor, word play and stable expressions.

Guy Ritchie, “Revolver”, discourse analysis, film discourse, intertextuality, biblical meanings, precedent-related situation, word play, metaphor

УДК 80/81; 811.111

А. О. Чупахина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

alexandra.chupakhina@mail.ru

ЭМОТИВНОСТЬ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖНИКА В ТЕКСТЕ ИНТЕРВЬЮ

В статье рассматриваются языковые средства репрезентации эмоционального состояния художника в момент зрительного восприятия. На материале текстов интервью с британским художником в рамках комплексного лингвокогнитивного подхода выявляется эмоциональная доминанта, сопровождающая перцептивное событие, а также анализируются ее отличительные характеристики. Установлено, что важной особенностью творческого восприятия окружающего мира художником является эмоциональная маркированность, объективируемая на вербальном уровне преимущественно лексическими средствами.

Эмоции, зрительное восприятие, перцептивный процесс, эмоциональная доминанта, субъект восприятия

Известно, что восприятие является, с одной стороны, психическим явлением, репрезентирующим для субъекта восприятия действительность через органы чувств, а с другой стороны – это динамичный процесс развития чувственного образа [Барабанщиков, 1990]. При рассмотрении вопроса восприятия мира художником, мы в первую очередь обращаемся к зрительному восприятию. Для художника зрительное восприятие – это не просто способ взаимодействия с окружающим миром, это намеренный, осознаваемый процесс включения в наблюдаемую реальность. Зрительное восприятие является связующим звеном между художником и окружающей средой, воспринимаемые элементы которой представляют собой основу для формирования художественных образов.

Перцептивный процесс обусловлен состоянием субъекта восприятия, а именно его установками, потребностями мотивами и эмоциональными переживаниями [Барабанщиков, 1990]. Особый интерес представляет собой языковая репрезентация эмоциональных состояний, сопровождающих зрительное восприятие художника в момент формирования чувственного,

а впоследствии художественного образа, который находит свое воплощение в произведении искусства.

Прежде чем приступить к анализу следует разграничить понятия «эмоциональность» и «эмотивность». В. И. Шаховский рассматривает эмоциональность как качество языковой личности, а эмотивность как характеристику языка [Шаховский, 2016]. Л. А. Пиотровская разделяет это мнение и определяет эмотивность как свойство языковых единиц, передающих эмоциональное отношение субъекта к объекту [Пиотровская, 1993]. Категория эмотивности объективируется в речи на фонологическом, лексико-семантическом, грамматическом и синтаксическом уровнях языка. Существуют разные способы номинации, вербального выражения и описания эмоций, поэтому при анализе эмоционального состояния субъекта, репрезентированного в речи, необходимо опираться на тип ситуации, поскольку в таком случае это «позволяет рассматривать в одном ряду такие высказывания, как *He was afraid of the dog/ When he saw the dog, he ran away*» [Шаховский, 2016, с. 22].

О. Е. Филимонова считает, что на фонологическом уровне эмоциональное состояние репрезентируется интонацией, на лексическом уровне – лексемами с эмотивным значением, на уровне предложений – эмотивными структурами и эллиптическими конструкциями, а на уровне текста с помощью структурно-семантической организации выражений и лингвостилистической выразительности. При этом отмечается, что лексические единицы, которые в своей семантике не содержат эмотивной коннотации, могут репрезентировать эмотивную ситуацию в зависимости от контекста, в котором происходит коммуникативный акт [Филимонова, 2007]. Языковая репрезентация эмоций невозможна без оценки, поскольку эмоции традиционно классифицируются на положительные и отрицательные, что отражается в лексической системе языка как в области номинации эмоций (любовь-ненависть), так и в области их выражения (прекрасный-безобразный) [Шаховский, 2016].

Материалом для анализа стали тексты интервью, посвященные жизни и деятельности современного британского художника Дэвида Хокни. Поскольку художник преимущественно занимается живописью, природа для него является важным индивидуальным концептом, тесно связанным с его творческим опытом. По словам Ю. В. Степанова «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий» [Степанов, 2001, с. 43]. Восприятие природы во всем ее многообразии является для мастера основой для формирования художественных образов:

The first time I did stay, I then realised how beautiful the winter was; it was not black and white, it was not grey, sometimes there was more colour than the summer. I mean you've got to look – most people are not looking. I love looking, I get intense pleasure from my eyes [Artists & Illustrators].

Ситуация восприятия репрезентируется говорящим, с одной стороны, эксплицитно предикатом *look*, а с другой – имплицитно, путем репрезентации в речи наблюдаемых явлений окружающей действительности, а именно использованием лексем, объективирующих цвет (*it was not black and white, not grey, there was more colour*). Субъект восприятия, художник, представлен в интервью эксплицитно местоимением *I*. Эмоциональное состояние в момент перцептивного события маркируется лексемами с положительным эмотивным значением, которое можно охарактеризовать как «удовольствие» (*love looking; get intense pleasure*). Употребление предиката *love*, вместе с герундием *looking*, а также словосочетания *get pleasure* с глаголом, функционирующем в форме *Present Simple*, свидетельствует о том, что художник получает удовольствие от зрительного процесса вообще, а не в конкретно рассматриваемой ситуации. Использование прилагательного *intense* усиливает семантику существительного *pleasure*, что указывает на глубину и силу эмоционального состояния. Говорящий также использует прилагательное *beautiful*, объективирующее эстетическое удовольствие, испытываемое в момент перцептивного события.

Here at the beach I am between two great forces, the mountains and the sea. The mountains were made by a great force of nature, a thrusting force, which calmed in time, leaving them here, grand and peaceful. While below the other thrust continues, the endless movement of the sea. These forces are presented, I think, in the paintings. They are also quite sexual [Taschen, 2021, с. 296].

В рассматриваемом примере зрительное восприятие репрезентируется художником имплицитно в предложении, объективирующем денотативную ситуацию перцепции и перечислением зрительно-фиксируемых объектов окружающей действительности *the mountains and the sea*. Эмотивность перцептивного процесса представлена прилагательными *great, thrusting, grand, peaceful, sexual* и существительным *force*. Эмоциональное состояние, которое вызывает у художника объект восприятия, связано с ощущением расслабления и покоя (*which calmed; peaceful*), и с восхищением силой и красотой природы (*great forces, thrusting force, grand*). Вместе с тем интересно обратить внимание на то, что для субъекта восприятия перцептивный процесс связан с эмоциональным состоянием сексуального

удовольствия, что объективируется на вербальном уровне в предложении *They are also quite sexual*.

В следующем фрагменте Дэвид Хокни так же связывает удовольствие от фокусного, внимательного и целенаправленного восприятия с сексуальным удовольствием:

GIs in Vietnam talked about 'eye-fucks'. They were aware that when they were on the move they had to keep their eyes intensely looking for a tiny quiver in a little leaf over there or over there, taking in as much as they could. It might have been the only time in their lives when they looked with that intensity. I loved the term 'eye-fuck': it's a way of saying the eye is having an extreme enjoyment [Gayford, 2016, с. 86].

В приведенном примере ситуация зрительного восприятия представлена глагольными словосочетаниями с перцептивным значением *keep their eyes, look with intensity*. В примерах, рассмотренных выше, субъектом восприятия выступал сам художник, однако в данном фрагменте имеет место исключительно репрезентация зрительного восприятия, сопровождающаяся эмотивными лексическими единицами *eye-fuck, love, enjoyment*.

Если обратиться к дефиниции словаря сленга *Green's Dictionary of Slang*, то можно обнаружить, что используемая художником сленговая лексическая единица, содержит такие семантические элементы значения как *stare pointedly and lustfully, sexual overtones, challenging aggressiveness* [J. Green], то есть в своем прямом значении термин преимущественно актуализирует эмоциональное состояние сексуального возбуждения, похоти и агрессии, что носит негативную коннотацию. Но художник использует ее в положительном контексте и соотносит с эмоциональным состоянием удовольствия от наблюдения, что маркируется на вербальном уровне существительным *enjoyment* и интенсификатором *extreme*, указывающие на степень эмоционального переживания. Вместе с тем говорящий обращается к приему «олицетворение», и наделяет глаза человеческой способностью испытывать состояние наслаждения от процесса зрительного восприятия *the eye is having an extreme enjoyment*.

На наш взгляд такой семантический сдвиг в личном концептуальном пространстве художника может быть связан с тем, что для мастера процесс внимательного и осознаваемого зрительного включения в окружающую действительность связан в основном с положительными эмоциями, которые в ряде случаев имеют высокую степень интенсивности.

I've always had intense pleasure from looking. <...> In a car, I always want to seat in the front for the same reason, because it is such a pleasure. Early on,

I realized that not everybody gets that. Indeed, I've come to think that most people just scan the ground in front of them. As long as that's clear and they can move forward, they don't bother about anything more. Looking is a very positive act. You have to do it deliberately [Gayford, 2016, c. 86].

В данном примере ситуация зрительного восприятия репрезентируется герундием *looking*. Для характеристики перцептивного процесса других людей говорящий использует предикаты *scan, don't bother*, которые репрезентируют эмоциональное состояние равнодушия. Наличие фраз *most people just, about anything more*, модального глагола *have to* и наречия *deliberately* свидетельствует о высокой степени эмотивности суждения художника с точки зрения оценочности, поскольку с одной стороны говорящий порицает безразличное, бездумное «сканирование» окружающей реальности (*people just scan the ground*), а с другой – считает правильным фокусное внимание в момент зрительного восприятия (*have to do it deliberately*). Вместе с тем, художник объективирует на вербальном уровне свое эмоциональное состояние удовольствия и наслаждения эмотивным существительным *pleasure* и субстантивным словосочетанием *positive act*. Говорящий склонен выразить свои эмоции очень ярко и использует интенсификаторы *intense, always, such, very*. Таким образом, художник противопоставляет свое эмоционально маркированное восприятие природы нейтральному, и даже равнодушному восприятию других людей.

Проведенный анализ текстов интервью позволяет заключить, что важной характеристикой зрительного восприятия художником является эмоциональная маркированность. Эмоциональной доминантой перцептивного события выступают эмоции восхищения и удовольствия от внимательного и фокусного наблюдения окружающей реальности. На языковом уровне эмоциональное состояние художника преимущественно представлено лексическими единицами с эмотивным значением, субстантивными и глагольными словосочетаниями, а глубина переживаемых эмоций объективируется говорящим с помощью эмотивных интенсификаторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Барабанщиков В. А. Динамика зрительного восприятия. – М.: Наука, 1990. – 240 с.
- Пиотровская Л. А. Эмоциональность как языковая категория// Вестник СПбГУ. Серия 2: История. Языкознание. Литературоведение. СПб, 1993. С. 41–47.
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской литературы. М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
- Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 448 с.

Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 128 с.

Artists & Illustrators: An interview with David Hockney
URL: <https://www.artistsandillustrators.co.uk/news/an-interview-with-david-hockney/>
(дата обращения 17.03.2023).

David Hockney – A Chronology. Edited by David Hockney and Hans Werner Holzwarth. Bosnia-Herzegovina: TASCHEN GmbH, 2021.

Gayford M. A Bigger Message: Conversations with David Hockney. London: Thames and Hudson Ltd, 2016.

Green's Dictionary of Slang URL: <https://greensdictofslang.com/entry/j26xqky> (дата обращения 17.03.2023).

Chupakhina, A. O.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

THE EMOTIONAL ASPECT OF THE ARTIST'S VISUAL PERCEPTION

The linguistic means of representation of the artist's emotional state at the moment of visual perception are considered. Based on the texts of interviews with a British artist in the framework of the complex linguistic and cognitive approach the dominant emotion that accompanies the perceptual event is revealed and its distinctive characteristics are analyzed. It was found that an important feature of the creative perception process of the artist is emotional marking, represented at the verbal level mainly by lexical means.

Emotions, visual perception, perceptual process, emotional dominance, subject of perception

УДК 83. 41

Н. Ф. Щербак

Санкт-Петербургский государственный университет
alpha-12@yandex; n.sherbak@spbu.ru

КОНЦЕПТЫ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ДЗЕН-БУДДИЙСКИХ РАССКАЗОВ СЭЛИНДЖЕРА)

В докладе рассматриваются основные концепты современного нарратива, основанные на философских работах Жюль Делеза и Феликса Гваттари. Теоретической базой данного исследования становятся концепты шизоанализа, различия и повторения, ризомы, детерриторизации. Данные концепты определяют характеристики современных нарративов, в которых могут быть сознательно нарушены причинно-следственные связи, наблюдается эффект «статического повторения» (сюжетов, мотивов, фигур, и т.д.),

реализуются возможности шизо-анализа (в форме различных нарративных проекций. Дзен-буддийские рассказы Сэлинджера представляют собой пример посттравматического синдрома, воплощенного в тексте как средство компенсации, в процессе которого вырабатывается собственный авторский стиль.

Шизоанализ, различие и повторение, ризома, посттравматический синдром

«Перед самой войной с эскимосами» входит в цикл «9 рассказов», которые строятся по принципу нарушения привычной схемы причинно-следственных связей. Результаты известного анализа рассказов Сэлинджера И. Л. Галинской показывают, что основой цикла является дзэнский коан «Одна рука», который, среди прочих загадок-коанов, был выработан дзэнскими проповедниками с целью пробуждения в учениках интуиции, перехода от формально-логического мышления к поэтически-ассоциативному. По мнению исследователя, объединяя девять рассказов в одну книгу, Сэлинджер обобщенно воспроизводит эмоциональный, психический, духовный строй человеческого индивида, отражая основную гамму людских настроений, переживаний, страстей, то есть уподобляет произведение искусства органической природе (а в терминах древнеиндийской философии – «девятивратному граду») [Галинская, 1986]. Некоторые критики усматривают в рассказах лишь «историю неизбывного отчаяния», «мучительных духовных тупиках, которыми полна жизнь современной Америки» [Славенски, 2010, с.299]. Древнеиндийская трактовка намного более продуктивна, так как указывает, прежде всего, на структурную особенность прозы Сэлинджера, предпочтение им зеркально-изоморфной формы, сопоставление несопоставимых событий, уподобление художественного произведения природе и естественным законам, неподвластным человеческому познанию [Галинская, 1986].

Как отмечает У. Эко, «для философии дзэн характерна принципиально антиинтеллектуалистская позиция, решительное принятие жизни во всей ее непосредственности, без какого-либо стремления привнести в нее какие-то объяснения, которые сделали бы ее косной и попросту убили бы ее, не давая нам возможности постичь ее в ее свободном течении, в ее позитивной прерывности» [5, с. 241].

Действие рассказа «Перед самой войной с эскимосами» происходит в мае 1945 г., сразу после окончания войны. Джинни с недовольством сообщает своей знакомой Селине, что она не хочет больше оплачивать такси самостоятельно. Селина возражает, ссылаясь на то, что она частенько приносит теннисные мячи. Джинни настаивает на денежной компенсации.

Следующая сцена разыгрывается в гостиной. Джинни разговаривает с Фрэнклином, который с детства страдает болезнью сердца. В армии он не служил, все военные годы работал на авиационном заводе. Теперь родители хотят, чтобы сын завершил образование, но сам он считает, что возвращаться в колледж ему уже поздно. Полагая, что девушка после тенниса проголодалась, Фрэнклин, уходя из гостиной, дает ей сэндвич с курицей. Когда же Селина спустя какое-то время приносит деньги, Джинни отказывается их брать под предлогом того, что Селина приносила на тренировку мячи, не требуя никакой компенсации.

По словам И. Галинской «поэтическое настроение рассказа – сострадание: «скрытый смысл чувствуется непосредственно одновременно с буквальным». Исследователь также отмечает, что прием параллелизма прост: в гостиной, в промежутке между возвращением Селины и уходом Фрэнклина, появляется приятель последнего Эрик, который в ожидании товарища рассказывает Джинни о бездомном писателе, которого он, пожалев, приютил у себя и познакомил с нужными людьми. А кончилось все тем, что новый друг обокрал своего благодетеля и скрылся. Суть параллели в том, что движение чувств у Джинни к Селине и Фрэнклину идет от обиды к состраданию, а во вставном эпизоде чувства движутся в обратном порядке – от сострадания к обиде» [Галинская, 1986].

На наш взгляд, структура данного рассказа намного более показательна и вовсе не столь проста. Неслучайно, фактически интуитивно Дж. Брайн пишет об образе Христа в лице Франклина [6], а К. Славенски акцентирует, что это «экзистенциальный по сути рассказ, посвященный спасению Джинни Мэннокс от одолевшего ее отчуждения», который «можно рассматривать как притчу, в которой отражены духовные искания автора, ищущего избавления от депрессии», «первый за три года рассказ Сэлинджера, в котором главный герой меняется в лучшую сторону» [Славенски, 2010, с. 200].

Символика и семантика зеркала подробно исследовалась. Для Бахтина зеркало является способом самопознания героя через свое отражение [Бахтин, 2002]. Другие исследователи рассматривают зеркало как границу между «своим»-«чужим», «живым»-«мертвым» мирами, «внешним»-«внутренним» [Вулис, 2002]. Организация художественных произведений В. Набокова, например, часто рассматривается как основанная на идее двоемирия, на противопоставлении взаимоотражающих миров [Заболотная, 2003]. Зеркало, таким образом, в художественных произведениях обозначает и образ-предмет, и прием, и симметричность композиции. Если для одних авторов постмодернистов, например, для Набокова, в большей степени характерен

принцип зеркальности или «палиндрома» на уровне семантики и композиционной организации, то есть бесконечная игра звуков, однокоренных «слов-кентавров», при которой возникает эффект «семантических качелей» (одновременная актуализация ряда смыслов); со-существование нескольких топосов, несопоставимых миров [Лаврова, Щербак, 2015], то для Сэлинджера подобная зеркальная изоморфность лежит в основе композиции и, что наиболее отчетливо отличает его прозу, проявляется на уровне как семантики (часто фоно-семантики), так и на синтаксическом, прагматическом уровнях.

Следует отметить, что особо релевантным для нашего анализа является положение известного теоретика постмодернизма Ж. Делеза в отношении оппозиции «различие-повторение». «Различие и повторение» провозглашает критику «репрезентации» – традиционного философского знания, основанного на наличии познаваемого объекта, но не способного воспринимать мир в его потоке и становлении. Задачами Ж. Делеза были, среди прочих, а) выход за пределы репрезентации; б) утверждение понятия различия без традиционных тождества, отрицания, оппозиции и противоречия; в) открытие нового позитивного понятия повторения как повторения различия [Делез]. Делез разрабатывал метафизику, в которой **множественность** заменяла субстанцию, **событие** – сущность, а **виртуальное** – возможное. Различие актуализируется в сериях повторений и определяется ими: повторение есть различающее изменение серий, не повторение одного и того же (x, x, x...), а серия различий (x', x'', x'''...) [Williams, 2012]. Повторение для себя есть повторение, утверждение и воспроизводство различия, возвращение различающего генетического условия в реальном опыте. Повторение не может быть объяснено через репрезентацию, оно есть повторение для себя [Hughes, 2009], [Deleuze, 1985]. Подобная трактовка различия-повторения реализуется Делезом и в других работах. Так философ обращает внимание на образ-кристалл (кристалл-время) [Deleuze, 1985]. Как отмечал Ф. Зурабишвили, понятие кристалла является перекрестьем и синтезом всех понятий делёзовской философии [Zourabichvili, 2003]. Актуальный образ становится виртуальным, отсылается прочь, невидимый, тусклый, мрачный, как кристалл, едва выкопанный из земли» [Zourabichvili, 2003, с. 95]. Кристалл – выражение, идущее от зеркала (прозрачного) к зародышу. «Это одно и то же круговращение, которое проходит через три фигуры, актуальное и виртуальное, прозрачное и непрозрачное, зародыш и среда [Zourabichvili, 2003, с. 100]. Сходной функцией является и образ мембраны, которая ставит под вопрос биполярную

модель «внутреннее – внешнее», замещает ее топологическим отношением, где каждая точка технической и жизненной среды соответствует самой себе и любой другой точке этих сред. Мембрана представляет собой также точку разделения времени, место, где разделяются прошлое и будущее [Simondon, 2005], [Сколин].

Данные положения, на наш взгляд, крайне важны при анализе прозы Сэлинджера. В рассказе «Перед самой войной с эскимосами» в равной степени присутствует мотивы «обиды» или «сострадания», отмеченные И. Галинской, как и отсутствуют. Нет в нем и особого динамизма в развитии отношения главных героев к ситуации, кроме неожиданного решения Джинни не брать деньги. Что же есть? Присутствует, на наш взгляд, бесконечное множество зеркальных повторов, которые создают «кристаллическую форму», которая в силу своей структуры стремится к центру. Центром является дом Селены, куда героиня Джинни, в результате длительных переговоров, и стремится прийти вновь, задавая вопрос в конце рассказа *I'll call you later!* («так я попозже позвоню тебе?»). В этом доме и происходит встреча, актуализируются виртуальные и актуальные миры. Холод отчуждения, свойственный героям, вернее жизненными ситуациями, на которые они жалуются («подруга не платит деньги» – жалоба Джинни, «мать больна» – жалоба Селины, «знакомый обманул» – жалоба Эрика, «до крови поранил палец» – жалоба Фрэнклина) как будто и удерживает рассказ в его кристаллической структуре.

Помимо вышеперечисленного параллелизма на уровне композиции, в рассказе присутствует мастерски написанные диалоги, которые, при ближайшем рассмотрении, оказываются примечательным с точки зрения повторов в рамках самого диалога, например, в первом из них присутствуют многочисленные эхо элементы. Обратимся к тексту, сделав оговорку что под эхо элементами в данной статье мы понимаем переспросы типа *what?* (имеющие в английском языке контактно-образующую функцию), эхо-вопросы типа *can't it wait* (подразумевающие, что говорящий услышит утвердительный ответ и т. д):

Обращение: “*Hey, Selena*”: . . . **Переспрос. Жалоба:** “*What? I can't find the cover to my racket!*” *she moaned.* **Уточнение (ответ на жалобу), снова обращение:** “*You put it in your pocket,*” *Ginnie said.* “*Hey, listen-*”. **Благодарность:** “*Oh, God! You've saved my life!*” **Снова Обращение:** “*Listen,*” *said Ginnie, who wanted no part of Selena's gratitude.* **Снова Переспрос:** “*What?*” **Снова Жалоба:** “*I don't feel like getting stuck for the whole cab fare again today,*” *she said.* “*I'm no millionaire, ya know.*” **Эхо вопрос: скрытое утверждение, оправдание,**

снова ответ на жалобу: *"Don't I always pay half?" she asked innocently. Утверждение, Снова жалоба (обрыв фразы):* *"Your father makes them or something," she said. "They don't cost you anything. I have to pay for every single little--" [Salinger].*

В русском переводе: – *Слушай, Селина... – Что? – Никак не найду чехла от ракетки! – проняла она. – Он у тебя в кармане, – сказала Джинни. – Эй, послушай-ка... – О, господи! Ты спасла мне жизнь! – Слушай, – повторила Джинни, не желавшая от Селины никакой благодарности за что бы там ни было. – Ну что? – Мне это не светит – опять выкладывать все деньги за такси одной, – объявила Джинни. – Я, знаешь ли, не миллионерша. – Но ведь я всегда плачу половину, скажешь нет? – спросила она самым невинным тоном. – Нет, – отрезала Джинни. – Ты заплатила половину в первую субботу, где-то в начале прошлого месяца. А с тех пор – ни разу. Я не хочу зажиматься, но, по правде говоря, мне выдают всего четыре пятьдесят в неделю. И из них я должна [Сэлинджер].*

Первый диалог между героинями сплошь состоит из зеркальных повторов, синтаксических и прагматических (вопрос-ответ, вопрос-ответ; обращение – переспрос, жалоба, повторное обращение, снова переспрос; эхо-вопрос, эхо-ответ, согласие; попытка говорить на другую тему-попытка поддержать другую тему), функция которых, в соответствии с правилами вежливости, заключается в поддержание разговора: один герой говорит, второй отвечает, один герой не понимает, другой – уточняет. Повторение заключается в многократном дублировании прагматического значения. Герои не то, чтобы не хотят говорить друг с другом, напротив, каждый из них делает все, чтобы поддержать разговор. Важным становится самодостаточность разговора, процесс поддержания разговора, в котором виртуальные образы прошлых событий становятся актуальными в момент речи.

Помимо серийности зеркального повтора, отображенного в диалогах, бесконечности временных рамок в рассказе присутствует и, казалось бы, незначительное событие, которое, однако, полностью переворачивает мировоззрение Джинни и является основной доминантой повествования. Фрэнклин буквально «сует» Джинни сэндвич с курицей, который она сперва даже не хочет брать. Насколько значимо это событие (то есть, в терминологии Шмидта, ситуация, которая полностью меняет мировоззрение героя) [19], мы узнаем несколько позднее. Джинни, неожиданно для Селины, перестает требовать деньги: то, что она так рьяно просила в начале рассказа, вдруг перестает быть актуальным. А заканчивается рассказ неким ярким разрешением, подтверждением как нового «состояния» Джинни, так

и важности события, эпизода с курицей. Выйдя на улицу и опустив руку в карман пальто, чтобы достать кошелек, Джинни находит сэндвич Фрэнклина. Она хочет его выбросить, но почему-то не может этого сделать: *she reached into her coat pocket for her purse and found the sandwich half. She took it out and started to bring her arm down, to drop the sandwich into the street, but instead she put it back into her pocket* [Salinger]: «Джинни вынула сэндвич и опустила было руку, чтобы бросить его здесь же, на улице, но потом засунула обратно в карман» [Сэлинджер].

Она вспоминает, что несколько лет назад ей понадобилось три дня, чтобы заставить себя выбросить пасхального цыпленка, которого она нашла мертвым в опилках, на дне своей корзины для бумаг: *a few year before, it had taken her three days to dispose of the Easter hick she had found dead on the sawdust in the bottom of her wastebasket* [Salinger]: «За несколько лет перед тем она три дня не могла набраться духу и выкинуть подаренного ей на пасху цыпленка, которого обнаружила, ужедохлого, на опилках в своей мусорной корзинке» [Сэлинджер].

Итог рассказа, таким образом, подтверждает, что событие было значимым, так как именно эту деталь автор отчетливо акцентирует. К. Славенски интерпретирует рассказ как «уход по-детски чистой веры», которую Франклин главной героини «вновь дарит» [Славенски, с.200]. Финал рассказа в свою очередь являет собой серию повторений, которые актуализируют различие: поведение героини в схожих ситуациях различна: в первом случае она хотела что-то сделать, но не сделала, во втором – хотела что-то сделать, и через какое-то время сделала. Событийность в данном случае и есть различие, новое осмысление.

Особо важным для понимания рассказа становится чуткость автора в отношении к звуку, его различным нюансам и трансформациям. Звуковая волна является важной метафорой в каждом из рассказов. В первом рассказе цикла «Хорошо ловится рыбка-бананка» – это щелчок пистолета; фраза *fired a bullet through his right temple* («пустил себе пуля в правый висок») позволяет читателю фактически услышать выстрел, ощутить финальный момент. В последнем рассказе цикла финальная фраза это–описание эха, сопровождающего крик девочки, в тексте: *he heard an all-piercing, sustained scream clearly coming from a small, female child. It was highly acoustical, as though it were reverberating within four tiled walls* [Salinger]: «он уже почти спустился с трапа, как вдруг услышал долгий пронзительный крик, – так могла кричать только маленькая девочка. Он все звучал и звучал, будто метался меж кафельных стен» [Сэлинджер].

В рассказе «Перед самой войной с эскимосами» это неслышимый (не реализованный в тексте эксплицитно) звук ударов теннисного мячика, который создает некий звуковой «фантом», виртуальный «удар–отскок» усиливает иллюзию гулкости, делает звук объемным. Многократны в тексте и другие формы реализации звуковой составляющей мира, которые особо заметны на фоне молчания главных героев. В «Перед самой войной с эскимосами» Джинни несколько раз берет «паузу», молчит, медлит с ответной репликой, при этом слышны и «громкий голос», и «просительные нотки» Фрэнклина; во время беседы Селины с Джинни неожиданно повисает молчание: *in hostile silence, the girls stared out of opposite windows* [Salinger]: «девочки смотрели каждая в свое окно и враждебно молчали» [Сэлинджер]; в одном из эпизодов автор уточняет, что Эрику было трудно говорить, и у него не хватало дыхания, чтобы издавать звуки: *as if he were altogether too tired to put any diaphragm breath into his words* [Salinger]: «он говорил горловым, сдавленным голосом, словно был слишком утомлен, чтобы произносить слова на обычном диафрагмальном дыхании» [Сэлинджер]. Подобный контраст звучания и молчания создает особое звуковое пространство, в котором голоса и реплики героев слышны на фоне внезапных пауз и тишины. Следует отметить, что сам Сэлинджер был исключительно чуток к звуку и шумам. В одном из писем к Уне О'Нил он неоднократно упоминал о тех ужасах, которые не только видел, но и слышал на войне, и которые ему вновь мерещились уже по возвращении домой («грохот вдруг смолк, и все кончилось, я не могу привыкнуть к тишине», «я разучился ходить по улицам, не вздрагивая от малейшего шума», «самым ужасным был шум») [Бегбедер, с. 242–254].

Другой особенностью рассказа становится реализация разных форм восприятия, познания героями действительности, а) тактильной: Эрик гладит пальто Джинни и говорит о качестве шерсти; в тексте *"I love your coat," he said, already out of his chair. He crossed over and took the lapel of Ginnie's polo coat between his fingers. "It's lovely. It's the first really good camel's hair I've seen since the war* [Salinger]: «у вас прелестное пальто, – сказал он, поднявшись с кресла. Подойдя к Джинни, он взялся за отворот ее пальто и потер его между пальцами. – Прелесть какая. Первый раз после войны вижу качественную верблюжью шерсть» [Сэлинджер]; б) посредством обоняния: Фрэнклин затягивается сигаретой: *tilting his head back, he slowly released an enormous quantity of smoke from his mouth and drew it up through his nostrils* [Salinger]: «запрокинув голову, он медленно выпустил изо рта целое облако дыма и стал втягивать его носом» [Сэлинджер]; в) зрительного восприятия: Джинни оглядывает комнату, отрицательно ее оценивая: *She looked around the room, mentally rearranging furniture, throwing out table lamps, removing*

artificial flowers. In her opinion, it was an altogether hideous room – expensive but cheesy [Salinger]: «принялась разглядывать комнату, мысленно переставляя мебель, выбрасывая настольные лампы и искусственные цветы. Обстановка была, на ее взгляд, отвратная: дорогая, но совершенно безвкусная» [Сэлинджер]. Таким образом, создается эффект «оживания» текста: в достаточно жесткую структуру рассказа (композиция, сюжет, события) вживляются фрагменты реального опыта человеческого восприятия, составляя с ним единое целое.

Повествование замкнуто на собственной структуре. Сращивание кристаллообразной, зеркально-изоморфной структуры рассказа и фрагментов реального опыта чувств и ощущений героев создают собственное даже не «изображение», как пишет И. Галинская, а «живую, звуковую тень рисунка», которая позволяет не трактовать события, а создает особое настроение, ощущение у читателя. В этом смысле забавно замечание известного теоретика постмодернизма Хассана в отношении того, что в постмодернистской литературе место «Бога-отца» занимает «дух-святой» [Hassan, 1987]. Основной смысл, действительно, таится где-то вне слов и понятий, вне сюжетной линии или композиции, проступает вместе со структурой, как будто даже помимо воли автора. Нарочитая простота, минимальная лексическая загруженность, отсутствие явных причинно-следственных связей создают ощущение «транса», которое заставляет перечитывать рассказ вновь и вновь в попытке найти точную интерпретацию. В некотором смысле это созвучно прочтению Библии, которая узнается, познается лишь при внутренней работе, новые смыслы возникают путем многократного чтения, осознания собственных ошибок, и так далее. По иронии судьбы, пожалуй, в одном из самых грустных рассказов Сэлинджера о судьбе весьма несчастных людей и возникает это ощущение потустороннего, иного присутствия. Серия повторений дает ощущение «различия», понимания, как пристальное внимание к ситуации дает новые возможности решений и действий.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М., 2002.
 Бегбедер Ф. Уна и Сэлинджер. СПб: Азбука, 2015.
 Вулис А. Зеркала / А. Вулис. – М., 2002.
 Галинская И. Л. Загадки известных книг. Тайнопись Сэлинджера. Шифры Михаила Булгакова. М.: Издательство «Наука», 1986.
 Делез Ж. Различие и повторение. СПб: Петрополис, 1998. – 384 с.
 Заболотная О. Д. Система энантиморфизма в творчестве В. В. Набокова. Автореф. дис... кандидата филолог. Наук / О. Д. Заболотная. МПГУ, М., 2003.
 Лаврова С. В. Логика смысла Новой музыки. Опыт структурно-семантического анализа на примере творчества Х. Лахенманна и С. Шаррино. СПб: СПбГУ, 2013.

- Лаврова С. В., Щербак Н. Ф. Выразимые и невыразимые элементы музыкального и литературных языков. Роман «Ада» Владимира Набокова и Новая Музыка. СПб: Вестник СПбГУ Сер. 15., Вып.2, 2015. С. 19 – 33.
- Сколин Д. Мембрана и жизнь в складках: Жильбер Симондон и Жиль Делез. URL: <http://morebo.ru/tema/kritika/item/мембрана-и-жизнь-в-складках-жильбер-симондон-и-жиль-делёз>. (дата обращения: 25.01.2016).
- Славенски К. Дж. Д. Сэлинджер: идея через рожд. М.: Колибри, 2010.
- Сэлинджер Дж. Девять рассказов. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Selindzher_Devyat_rasskazov.pdf. (дата обращения: 27.01.2015).
- Шмидт В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Эко У. Открытое произведение. СПб: Академический проект, 2004.
- Bryan J. E. "J. D. Salinger: The Fat Lady and the Chicken Sandwich." *College English*, Vol. 23, No. 3. 1961. P. 226-229.
- Deleuze G/ Cinema 2, L'Image-temps, Les Editions de Minuit, Paris. 1985.
- Hassan I. "Toward a Concept of Postmodernism" in *The Postmodern Turn: Essays In Postmodern Theory And Culture* by Ihab Hassan. Ohio State University Press, 1987.
- Hughes Joe. Deleuze`s Difference and Repetition. A Reader`s Guide. – N.Y.; L.: Continuum, 2009. – ISBN 0-8264-2112-1.
- Salinger J. D. Nine stories. URL: http://engl262g-gleason.wikispaces.umb.edu/file/view/Nine_Stories_by_J_D_Salinger.pdf. (дата обращения: 27.01.2015).
- Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Gêrôme Millon, 2005. Pp. 39–57.
- Williams James. Difference and Repetition // *The Cambridge companion to Deleuze* / Daniel Smith, Henry Somers-Hall (eds.). – Cambridge.: University Press, 2012. – P. 33–54. – ISBN 978-0-521-17571-5.
- Zourabichvili F. Le vocabulaire de Deleuze. P.: Ellipses, 2003. P. 20.

Scherbak, N. F.

Saint Petersburg State University

CONCEPTS OF MODERN LITERARY DISCOURSE (EXAMPLE OF SALINGER'S ZEN-BUDDHIST STORIES)

The report examines the main concepts of modern narrative, based on the philosophical works of Gilles Deleuze and Felix Guattari. The theoretical bases of this study are the concepts of schizoanalysis, differences and repetition, rhizome, deterritorialization. These concepts determine the characteristics of modern narratives, in which causal relationships can be deliberately violated, the effect of "static repetition" (plots, motifs, figures, etc.) is observed, the possibilities of schizo-analysis are realized (in the form of various narrative projections. Salinger's Zen Buddhist stories are an example of post-traumatic stress syndrome, embodied in the text as a means of compensation, in the process of which the author's own style is developed.

Schizoanalysis, difference and repetition, rhizome, PTSD

УДК 811.161.1

Ю. Языкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
avokyzja@hotmail.com

ТРАНСФОРМАЦИИ КОНФЛИКТНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИИ

В статье исследуются лексические трансформации конфликтного речевого поведения в сопоставлении художественного текста и его экранизации. В качестве материала исследования используются повесть П.В. Санаева «Похороните меня за плинтусом» и ее одноименная экранизация. Были выявлены следующие трансформации: дословное сохранение лексического состава, опущение лексических единиц, добавление лексических единиц и замена лексических единиц. Делается вывод о природе трансформации текста художественной литературы при перенесении его на экран: трансформации происходят вследствие содержательного отличия текста повести от экранизации, а также вследствие отличий кинематографа как аудиовизуального искусства от повести как искусства слова.

Конфликтное общение, литература, экранизация, коммуникативные стратегии и тактики, лексические трансформации

Конфликт является предметом изучения многих наук: психологии, социологии, политологии, философии, лингвистики. Конфликт имеет разные формы воплощения: вербальную и невербальную (жесты, мимика, поза и др.). В настоящей статье рассматривается сопоставление вербальной составляющей конфликтного речевого поведения в литературном источнике и его экранизации. Визуальные образы, включающие в себя невербальную коммуникацию, музыкальные вставки, а также другие звуковые явления, не рассматриваются, хотя, безусловно, их роль в экранизации велика.

В качестве материала исследования была выбрана повесть П. В. Санаева «Похороните меня за плинтусом» и ее одноименная экранизация (2009 г., режиссер – С. Снежкин). Согласно сайту по поиску и оценке фильмов kinopoisk.ru, фильм посмотрело и высоко оценило более 40 000 пользователей. Также фильм участвовал в различных кинофестивалях и имеет две победы, что показывает его высокую художественную ценность.

За основу было взято первое издание повести «Похороните меня за плинтусом». Текст повести сопоставлялся с вербальной составляющей

фильма, вышедшего в прокат. Следует отметить, что изначальный сценарий фильма и его последующее воплощение на экране часто могут отличаться друг от друга по самым разным причинам, поэтому представляется целесообразным брать фильм, вышедший на большой экран, т.е. готовый продукт.

В исследовании рассматривается конфликтное речевое поведение. Наиболее полное словарное определение конфликта дается в «Большом психологическом словаре», где конфликт понимается как «актуализированное противоречие, столкновение противоположно направленных интересов, целей, позиций, мнений, взглядов субъектов взаимодействия или оппонентов (от лат. *opponentis* – возражающий) и даже столкновения самих оппонентов» [Мещеряков, 2009, с. 213]. К наиболее общим признакам конфликта относятся: «1) биполярность противостоящих тенденций как носитель противоречия; 2) активность, направленная на преодоление противоречия; 3) субъектность (наличие носителей, выразителей К.)» [Мещеряков, 2009, с. 213]. Подобной точки зрения придерживается В. С. Третьякова, которая отмечает, что конфликт возникает только в том случае, когда есть участники конфликта, конфликт невозможен, когда действует только один участник [Третьякова, 2003, с. 18–19]. Участниками могут быть разные субъекты – это и конкретные лица, и группы людей. Также В. С. Третьяковой выделяется важный признак конфликта – наличие коммуникативного контакта: «участник конфликта должен выразить свое отношение (позицию) к предмету разногласий или к своему противнику физически (позой, действием) или вербально» [Третьякова, 2003, с. 18].

За единицу анализа берется тактический шаг, внутри которого рассматриваются лексические изменения. Тактический шаг понимается как «прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [Иссерс, 2008, с. 117]. Речевая тактика, являясь более крупным элементом по масштабу рассмотрения, подчиняется общей стратегии речевого поведения, под которой понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2008, с. 54]. При этом коммуникативная тактика соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных коммуникативных намерений.

Внимание исследования сконцентрировано на совпадающих тактических шагах. Тактические шаги, встречающиеся только в тексте повести или только в экранизации, в исследовании не участвовали.

Исследование сосредоточено на лексическом уровне. Лексические изменения были распределены на следующие группы:

1. Дословное сохранение лексического состава. Данный вид лексической трансформации представляется наиболее очевидным при обработке текста литературного произведения, когда тактические шаги буквально переносятся из литературного источника в экранизацию. Пример из повести [Санаев, 2003, с. 30]:

– ...Второй год на бритвах учишься. Чтоб тебе все эти бритвы в горло всадили!..

Пример из экранизации (цит. по к/ф «Похороните меня за плинтусом»):

А: Второй год на бритвах учишься // Чтоб тебе все эти бритвы в горло всадили!

2. Опущение лексических единиц. В данном виде трансформации экранизация опускает лексические единицы. Интенциональная реализация при этом не меняется. Пример из повести [Санаев, 2003, с. 151]:

– Что ж ты жопу при ребенке показываешь, хулиганка ты! – кричит мама.

Пример из экранизации (цит. по к/ф «Похороните меня за плинтусом»):

А: Да что ж ты // При ребенке-то // Показываешь // Хулиганка ты.

В отрывке выше в экранизации опущено слово «жопа», что можно объяснить, во-первых, «визуальностью» кино (бабушка снимает штаны и демонстрирует свою попу дочери, рядом с которой находится ее сын, внук бабушки, тем самым бабушка провоцирует свою дочь). Также подобное опущение можно объяснить желанием создателей фильма показать мать мальчика более интеллигентной в сравнении с бабушкой.

Другой пример из повести [Санаев, 2003, с. 112]:

– Садист... – ахнула она, и из глаз ее ручьем полились слезы. – Что ж ты сделал, садист?

Пример из экранизации (цит. по к/ф «Похороните меня за плинтусом»):

А: Садист // Что ты сделал садист?

В примере выше опускается частица «ж», что в данном случае не меняет интенции адресанта. «Ж(е)» добавляет в вопрос дополнительный оттенок удивления, негодования, замешательства [Ружицкий, 2009, с. 464]. Однако более частым случаем является добавление частиц.

3. Добавление лексических единиц. При данном виде трансформации в экранизацию добавляются лексические единицы, отсутствующие в тексте повести. Пример из повести [Санаев, 2003, с. 32]:

– Румян्यानной зарей... – приговаривала она. – Чтоб ты уже никакой зари не увидел!

Пример из экранизации (цит. по к/ф «Похороните меня за плинтусом»):

А: Румян्यानной зарей // Чтоб ты уже больше никогда / Никакой зари / Не увидел // Гад!

В приведенном примере добавляются слова «больше никогда», что придает высказыванию более категоричный характер. Также экранизация добавляет слово «гад». Экранизация неоднократно добавляет инвективную лексику, что можно объяснить стремлением кинематографа продемонстрировать более высокий уровень речевой агрессии. Речевая агрессия – это «обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина, 2004, с. 9]. Также большее количество речевой агрессии в экранизации можно объяснить общей тенденцией российского кинематографа показать и усилить невыдержанность речевого поведения русского человека.

4. Замена лексических единиц. При замене лексические единицы, как правило, заменяются на синонимичные. Пример из повести [Санаев, 2003, с. 11]:

– Мой руки снова! Этим полотенцем вытирался вчера этот вонючий старик, а у него грибок на ноге!

Пример из экранизации (цит. по к/ф «Похороните меня за плинтусом»):

А: Идиот! // Этим полотенцем вчера этот вонючий старик вытирался / У него же грибок на ноге // Перемывайся!

В приведенном примере происходит замена слов «мой руки снова» на «перемывайся». Данную замену можно объяснить стремлением устной речи к экономии речевых средств. Хотя в повести показана стилизованная устная речь, тем не менее речь эта именно стилизованная, не являющаяся собственно устной. Также в повести союз «а» заменяется на частицу «же» в экранизации, подобная замена также рассматривается как синонимичная [Николаева, 1997, с. 5].

Другой пример из повести [Санаев, 2003, с. 116]:

– Ну, сволочь, я тебе этого никогда не забуду.

Пример из экранизации (цит. по к/ф «Похороните меня за плинтусом»):

А: Сволочь / Я тебе этого никогда не прощу.

В данном выше примере «не забуду» заменено на «не прощу», что в данном контексте можно рассматривать как синонимичную замену.

Другой пример из повести [Санаев, 2003, с. 151]:

– Ничего, это его бабушки жопа, а не какой-нибудь б**ди, которая променяла ребенка на карлика! – кричит в ответ бабушка.

Пример из экранизации (цит. по к/ф «Похороните меня за плинтусом»):

А: Ничего // Это его бабушки жопа / А не какой-нибудь профурсетки которая променяла / Ребенка на пьяную сволочь.

В приведенном примере обценная лексема «б**дь» заменена на разговорное слово «профурсетка». В данном случае создатели фильма

избегают обценной лексики в фильме, хотя известны случаи и обратного решения [Языкова, 2020, с. 48]. Замена слова «карлик» на «пьяную сволочь» обусловлена разными контекстуальными составляющими: в повести главный персонаж бабушка все время вспоминает рост сожителя своей дочери как один из его недостатков, а в экранизации бабушка вспоминает пристрастие сожителя мамы Саши к алкоголю.

Таким образом, лексические трансформации при перенесении текста повести на экран представлены четырьмя воплощениями: дословное сохранение лексического состава, опущение лексических единиц, добавление лексических единиц и замена лексических единиц. Данные виды трансформации обусловлены главным образом содержательным отличием текста повести от экранизации. Кроме этого, разного рода трансформации происходят с учетом отличий кинематографа как аудиовизуального искусства и повести как искусства слова: прежде всего это «визуальность» кинематографа – зритель видит то, что читатель может только прочесть, а также речь персонажей экранизации является более краткой, что обусловлено общим стремлением устной речи к экономии речевых средств. Также экранизация добавляет больше речевой агрессии, что определяется общей тенденцией российского кинематографа обнажить и усилить невыдержанность речевого поведения русского человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой психологический словарь // Под.ред. Мещерякова Б. Г., Зинченко В. П. М.: АСТ, 2009.
- Николаева Т. М. Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы. М.: 1997. Стр. 30–24.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Кинофильм «Похороните меня за плинтусом», реж. С. Снежкин, 2009.
- Ружицкий И. В. Функционирование модальных частиц // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А.В. Величко. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.
- Санаев П. В. Похороните меня за плинтусом. М.: ЗАО МК-Периодика, 2003.
- Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения. Дисс. на соиск. уч. ст. док. фил. н. Екатеринбург, 2003.
- Щербинина Ю. В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. – М.: Флинта, 2004.
- Языкова Ю. Реализация речевого поведения в ситуациях бытового конфликта (на материале литературного произведения и его экранизации) // Язык, культура и литература. – Волгоград: Научный издательский центр «Абсолют», 2020. С. 45–49.

Jazokova, J.

Saint Petersburg State University

**TRANSFORMATIONS OF CONFLICT SPEECH BEHAVIOR:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF A FICTION AND ITS FILM VERSION**

The article deals with the lexical transformations of conflict speech behavior in comparison of the text of fiction and its film version. The material of the research was P.V. Sanaev's novel "Bury Me Behind the Baseboard" and its film version. Different lexical transformations were identified. The following transformations include: verbatim preservation of lexical units, exception of lexical units, addition of lexical units and replacement of lexical units. The conclusion is made about the nature of the transformation of the text of fiction when it transfers to the screen. Transformations occur due to the content difference between the text of fiction and the film version and due to the differences between cinema as an audiovisual art and the fiction as the art of words.

Conflict communication, fiction, film version, communicative strategies and tactics, lexical transformations

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНТАКТОЛОГИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ; ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 81'373

Д. А. Глыбовская

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

dglybovskaya@yandex.ru

АНТРОПОНИМЫ И ИХ АПЕЛЛЯТИВАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются английские антропонимы и особенности процесса их апеллятивации с учетом экстралингвистических факторов. На основании проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что при полном или частичном переходе имени собственного в имя нарицательное наблюдается изменение лексического значения: обретая нарицательное значение, антропонимы становятся прецедентными именами.

Антропонимы, имена собственные, имена нарицательные, апеллятивация, прецедентность

Антропонимы – это собственные наименования людей: личные имена, патронимы, фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы. Они отличаются от других имен собственных характером индивидуализации объекта: существуют имена обозначающие строго один объект (они выделяют личность из коллектива), а также групповые имена собственные, дающие наименования группе объектов (личностей) на основании тех или иных признаков [Суперанская, 1973, с. 174].

В системе языка существуют широко распространенные имена собственные, известные всем членам языкового сообщества, что может приводить к апеллятивации – переходу имени собственного в имя нарицательное. Главным отличием имен собственных от нарицательных является их предельная номинативность – они называют объект. Имена нарицательные предельно понятийны – они обозначают объект [Реформатский, 1996, с. 36].

По мнению А. В. Суперанской переход имен собственных в нарицательные и наоборот (онимизация) является постоянным процессом: если конкретность обозначаемого именем собственным объекта становится

неочевидной, наблюдается тенденция его перехода в имя нарицательное; если именуемый нарицательным именем объект становится определенным и конкретным, возрастает вероятность его перехода в имя собственное. [Суперанская, 1973, с. 113–114].

Деление на собственные и нарицательные имена является условным и часто имеет окказиональный характер. Так, например, *mother* может рассматриваться, как ситуативное имя собственное в рамках конкретной семьи, а во фразе «*Okay, so you're Brad Pitt*» можно наблюдать ситуативный переход имени собственного в нарицательное на основании присущих ему дополнительных коннотаций (притягательная внешность, популярность у противоположного пола), известных данному языковому сообществу.

Как было отмечено выше, тенденция к апеллированию свойственна широко распространенным именам собственным, среди которых последнее место занимают антропонимы. В английском языке таким примером может быть имя *John*, традиционное воплощение собирательного образа народа и одно из самых популярных личных имен в англоязычных странах. Не случайно имя *John* получил Джон Буль (John Bull) – главный герой сатирических памфлетов, написанных в начале XVIII века шотландским математиком и публицистом Джоном Арбетнотом. На протяжении более чем двух столетий Джон Буль являлся воплощением национального характера англичан, а также персонификацией Британской Империи в политических карикатурах и на патриотических плакатах, достигнув пика популярности к концу Викторианской эпохи. Его имя в качестве нарицательного часто появлялось в публицистических, рекламных текстах, а также в художественных произведениях, например: *Don't you think the English nation perfect in every respect? asked Sallie. I should be ashamed of myself if I didn't. He's a true John Bull.* (Л. М. Олкотт, «Маленькие женщины»).

Собирательный характер личного имени *John* (и его производных *Jack*, *Johnny*) находит отражение в следующих фразеологических сочетаниях, в которых оно обретает нарицательное значение «человек»: *John Doe* – «рядовой человек, человек, имя которого неизвестно, истец в суде, имя которого неизвестно»; *John Q. Public* – «среднестатистический американец, широкая публика»; *John Law* – «полицейский»; *Johnny Reb* – «солдат армии южан во время Гражданской войны в США»; *Johnny Crapaud* – «лягушатник» (о французах); *Johnny-on-the-spot* – «человек, который всегда оказывается в нужном месте в нужное время»; *Johnny-come-lately* – «неопытный новичок, выскочка»; *stage-door Johnny* – «поклонник актрисы, подкарауливающий у служебного входа»; *every man jack* – «кто угодно, каждый человек»;

jack-in-the-box – «коробочка с выскакивающей фигуркой, игрушка»; брит. *Jack the Lad* – «дерзкий и развязный молодой человек, уверенный в своей неотразимости, крутой парень»; *John Smith* – типичное имя (как русское Иван Иванович Иванов), используемое в качестве подсказки или образца при заполнении документов или электронных форм.

Имя *John* также является способом персонификации предметов и абстрактных явлений: *John Barleycorn* – «Джон Ячменное Зерно, зеленый змий, олицетворение спиртных напитков» (часто употребляется в качестве эвфемизма); *Jack Frost* – «мороз, олицетворение морозной погоды».

Антропонимы и их употребление тесно связано с историческими событиями, модой, культурными и социальными тенденциями, в рамках данного языкового общества. Так, например, в средние века имя *Jack* в английском языке использовалось в отношении простолюдинов (моряков, слуг, разнорабочих). Этим именем называли всех людей, находящихся на нижней ступени социальной иерархии, что нашло отражение в апеллятивных обозначениях соответствующих профессий и фразеологических единицах, включая паремии: *Jack Tar* – «матрос» (особенно флота Британской Империи); *steeplejack* – «верхолаз»; *lumberjack* – «лесоруб»; *jack of all trades* – «мастер на все руки»; также относящаяся к более позднему периоду поговорка *Jack of all trades, master of none* – «мастер на все руки, да толком ничего не умеет»; *Jack is as good as his master* – «работник не хуже своего хозяина»; австрал. *jackaroo* – (*Jack + kangaroo*) «новый рабочий, прибывший из Великобритании» (современное значение *jackaroo* – «молодой человек, получающий опыт работы в сельском хозяйстве на ранчо или ферме»).

Широко распространенные в Англии со времен средневековья личные имена *Tom* (сокр. *Thomas*), *Joe* (сокр. *Joseph*) и *Jill* (сокр. *Jillian* или *Gillian*), также использовались для обозначения «простолюдинов», а затем в качестве собирательного образа «обычного мужчины/женщины», что воплотилось в соответствующих фразеологических сочетаниях и номинациях профессий: *Tom, Dick and Harry* – «каждый, всякий, первый встречный, простая, заурядная публика»; *average Joe* – «обычный человек»; брит. *Joe Public* – «типичный британец»; брит. *Joe Bloggs* – «рядовой человек, широкая публика»; амер. *Joe Blow* – «рядовой человек, широкая публика»; амер. *Joe College* – «типичный студент»; амер. *Joe Sixpack* – «рядовой человек, типичный «синий воротничок», производственный рабочий»; *lumberjill* – «женщина-лесоруб»; австрал. *jillaroo* (*Jill + kangaroo*) – «новая колонистка, прибывшая из Великобритании работница» (современное значение *jillaroo* – «молодая девушка, получающая опыт работы в сельском хозяйстве на ранчо или ферме»).

Женское имя *Jill* по традиции употребляется в паре с *Jack*, обозначая собирательный образ девочки/девушки. Пара *Jack and Jill* упоминается в художественных и фольклорных произведениях, включая популярную детскую песню «*Jack and Jill*». Эту пару имен также можно встретить в поговорках: *A good Jack makes a good Jill* – «У хорошего мужа и жена хорошая»; *Every Jack has his Jill* – «Каждому суждено найти свою вторую половину» (Каждый Джек найдет свою Джилл). Коннотация «всегда вместе», присущая паре *Jack and Jill* обуславливает появление таких фразеологических сочетаний, как *Jack and Jill bathroom* – «ванная комната, смежная с двумя отдельными спальнями».

Женское имя *Jane* также можно увидеть в устойчивых сочетаниях обобщающего характера. Будучи не самым популярным именем, *Jane* оказалось созвучным имени *John*, что, вероятно, стало причиной обретения им схожего нарицательного значения: *Jane Doe* – женский вариант *John Doe*, «рядовая женщина, имя которой неизвестно, также истец в суде женского пола, имя которого неизвестно»; *plain Jane* – «не очень привлекательная женщина, не пользующаяся большим количеством косметики или не старающаяся быть модной, серая мышь».

Личные имена реальных людей или вымышленных персонажей, которые известны большинству представителей языкового сообщества, с большой долей вероятности могут стать нарицательными. Необходимым условием для этого является наличие у всех членов языкового сообщества общих, однотипных представлений о свойствах денотата данного имени. Можно говорить о прецедентности образованных таким образом нарицательных имен – они хорошо известны широкому кругу представителей языкового сообщества, являются для последних значимыми в эмоциональном и познавательном отношении, неоднократно воспроизводятся в дискурсе данной языковой группы [Караулов, 1987, с. 216]. Например, имя «Гарри Гудини» вызывает определённые ассоциации – «иллюзионист, прославившийся сложными трюками с исчезновениями». Именно эти свойства стали содержанием нового значения у имени нарицательного: *Houdini* – «иллюзионист»; *to Houdini* – «исчезать, выходить чистым из воды в сложных ситуациях». Именем *Houdini* также названа компьютерная программа для создания визуальных эффектов. Последний пример иллюстрирует переход антропонима к наименованию продукции. В таких случаях в качестве нарицательного значения часто выбирается самая яркая и привлекательная черта прототипа.

Американский государственный деятель и сторонник Американской революции, Джон Хэнкок прославился тем, что первым подписал Декларацию независимости США в 1776 году. Факт подписания важного исторического документа, а также то, что подпись Джона Хэнкока была на нем первой и выделялась своими размерами, нашел отражение в американском варианте английского языка. Антропоним *John Hancock* стал именем нарицательным и обрел новое значение «личная подпись».

О полном переходе имени собственного в нарицательное свидетельствуют следующие формальные признаки: строчная буква в написании (*jack of all trades*), употребление во множественном числе (*Johnnies-come-lately*). Образованные от имени собственного прилагательные, глаголы и наречия также свидетельствуют о полной апеллятивации его именной основы.

Как и все имена собственные, антропонимы не могут рассматриваться без привлечения экстралингвистических факторов. Их состав, социальная и идеологическая нагрузка зависят от исторических событий, социальных и культурных тенденций в обществе. Когда антропонимы приобретают нарицательное значение, их связь с внеязыковыми явлениями не теряется, а укрепляется. Так, например, ставший воплощением английского национального характера Джон Буль эволюционировал вместе с английским обществом. В момент своего появления в начале XVIII века последний был фермером, выступавшим против повышения налогов. К концу Викторианской эпохи образ Джона Булля стал квинтэссенцией патриотизма и всего английского. Во времена Первой и Второй мировой войны внешне схожий с Уинстоном Черчиллем Джон Буль обращался к нации с армейских агитационных плакатов фразой «*Who's absent? Is it you?*». В период распада Британской империи имя *John Bull* стало обретать негативные коннотации на фоне критики колониального прошлого страны. В настоящее время этот символ Англии встречается в названиях товарных знаков, а также в эргонимах.

Несмотря на свою предельно индивидуализирующую роль (наименование конкретного реального или вымышленного индивида), антропонимы могут иметь коннотации второстепенного характера. Например, личное имя может нести информацию о происхождении человека, его принадлежности к языковой группе, культуре, субкультуре и т. д. Если коннотативный компонент антропонима выходит на первый план, тогда можно говорить о его переходе в имя нарицательное в языке (если антропоним известен большинству его носителей) или в рамках конкретной речевой ситуации.

При переходе имени собственного в нарицательное оно обретает новое значение, происходит расширение объема его применения. Развитие нарицательного значения антропонимов происходит в следующих направлениях: лицо – лицо (*Goudini* об иллюзионисте); лицо – действие (*Goudini* в значении «исчезать, выходить невредимым из сложной ситуации»); лицо – вещь/предмет (*Mary Janes* применительно к обуви определенного дизайна).

Ставшие именами нарицательными, антропонимы в полной мере являются прецедентными именами. С их яркими и понятными каждому представителю языкового сообщества ассоциациями, они становятся частью фразеологизмов, закрепляются в пословицах и поговорках.

Постоянный обмен между именами собственными и именами нарицательными в языке способствует обогащению его словарного запаса, а также является неисчерпаемым материалом для исследований в рамках различных дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Издательство «Наука», 1973.

The Oxford Dictionary of Proverbs, 5th ed. Oxford University Press, 2008.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 19.02.2023).

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 19.02.2023).

Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 19.02.2023).

Meriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 19.02.2023).

Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 20.02.2023).

Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 19.02.2023).

Glybovskaya, D. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

ENGLISH ANTHROPONYMS AND THEIR APPELLATIVATION

The study deals with the correlation between anthroponyms and appellatives in English language in extra-linguistic context. The author concludes that complete or partial transition of a proper noun into a common noun leads to a change in lexical meaning. The resulted anthroponyms acquire the features of allusive proper names.

Anthroponyms, proper nouns, common nouns, appellativation, allusive proper names

УДК 81'22

Г. А. Дёмин

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000-0002-4680-2557

dga97@mail.ru

ЗАИМСТВОВАННЫЕ АНГЛИЙСКИЕ СЛОВА В ТЕКСТАХ ПЕСЕН РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ГРУПП БИ-2 И ДДТ

В статье рассматриваются случаи смешения языковых кодов как одного из случаев языковых контактов. В частности, производится изучение роли культурного аспекта в данном взаимодействии между английским и русским языками на примере музыки. Установлены различные случаи проникновения частей речи английского языка в русскую речь, а также произведена попытка проследить причину такого использования.

Социолингвистика, языковой контакт, английский язык, русский язык, заимствования, композиция

Обеспечив контакт между носителями одной речи в определённой географической точке, коммуникация продолжила свой эволюционный ход на уровне различных этносов, стремясь установить взаимодействия между представителями различных языков. В процессе данного взаимодействия разных языков стали возникать случаи взаимных заимствований.

Согласно одному из определений социолингвистики, данная научная дисциплина направлена на использование конкретного языка представителями конкретного общества, с учётом разнообразных черт как самих участников речевой коммуникации, так и особенностей самой коммуникации [Беликов, Крысин, 2001, с. 9].

Необходимо отметить случаи, когда социолингвистика применяется в анализе ситуаций, в которых наблюдается взаимодействие нескольких языков. В таком случае социолингвистическое исследование призвано установить то, в каких социальных сферах используются конкретные языки, а также функции и статус каждого из них. Происходит определение того, какой из представленных языков считается доминирующим, является ли он при этом государственным или официальным языком конкретного региона, устанавливаются причины возникновения подобного многоязычия посредством анализа условий и факторов, которыми оно вызвано [Беликов, Крысин, 2001, с. 9].

Для успешного анализа подобных ситуаций на разных уровнях, в социолингвистических исследованиях выделяют специфичные понятия, такие как национальный (родной) язык; языковое сообщество; различные типы языковых и коммуникативных ситуаций; диалекты и социолекты; социально-коммуникативные системы; койне; речевая коммуникация; коммуникативная компетенция носителя языка и ряд других [Беликов, Крысин, 2001, с. 10–45].

Среди данных «инструментов» также можно обнаружить языковые коды, их переключение и смешение. Представляется важным подробнее остановиться на этих понятиях, так как они вызывают отдельный интерес в контексте современного мира, проходящего через процесс глобализации.

Ранее упомянутые языки, диалекты, социолекты и иные стилистические средства составляют языковой код каждого сообщества. Поскольку каждое из подобных языковых средств так или иначе представляет собой часть такого кода, то возможно заключить, что код является средством коммуникации, обладающим подкодами, представленными меньшими и ограниченными коммуникативными средствами [Беликов, Крысин, 2001, с. 14].

Находясь под влиянием условий определённой коммуникации, коды могут смешиваться и переключаться. Во время данного процесса один из участников коммуникации переходит с языкового средства одного кода на языковое средство другого [Беликов, Крысин, 2001, с. 16].

Среди факторов, влияющих на изменение условий присутствуют изменение роли говорящего, темы общения, адресата речи и ряд других. Способность перехода между кодами свидетельствует о «достаточно высокой степени владения языком (или подсистемами языка) и об определённой коммуникативной и общей культуре человека» [Беликов, Крысин, 2001, с. 18].

Исторические факторы, в частности колониальная эпоха, способствовали тому, что английский язык вышел далеко за пределы тех стран, в которых он зародился. Эффект слияния и поглощения данного языка продолжается по настоящее время, во многом благодаря широкой популярности и распространению западной культуры, развитию транснациональных корпорации и ряду других факторов.

Тем не менее, в каждом «неродном» для себя месте английский трансформируется и обретает уникальные черты, которые отличают его от как от исходного английского, так и от других вариаций этого языка. Иными словами, в представленном случае распространение английского языка способствует возникновению производных от него вариантов. Данная ситуация выступает примером языковых контактов.

В свою очередь, результатом контакта нескольких языков выступают «изменения в одном из них или в обоих (либо во всех) происходящие вследствие влияния языков друг на друга», называемые языковой интерференцией [Русаков, 2016]. Одним из обязательных условий существования языковых контактов является двуязычие, также известное как диглоссия, которое понимается как сосуществование либо двух форм одного языка, либо двух разных языков в едином обществе. Упомянутые языки применяются в «разных функциональных сферах» [ДИГЛОССИЯ].

Ранее упомянутые факторы обеспечили английский язык ролью прекрасного примера ситуаций языковой интерференции, контактной вариантологии, смешения кодов.

Говоря о вариантологии языка, британский филолог Дэвид Кристал утверждает, что одной из причин образования вариантов английского языка выступает желание граждан определённой страны подчеркнуть её уникальность и обозначить свою принадлежность к ней [Crystal, 2003, с. 142]. Возможная причина такого глобального распространения английского кроется в том, что с одной стороны, этот язык предоставляет возможность представителям разных наций установить между собой контакт, несмотря на разную этническую, лингвистическую принадлежность, но, в то же время, не лишает ни одну из сторон идентичности их культур и народностей.

Тем не менее, важно упомянуть, что в некоторых странах английский язык не представлен в виде полноценного языка коммуникации, но отдельные его элементы, в то же время, уже прочно укорены в системах других языков, представленных на тех или иных территориях. Наиболее явно это отражается в виде перехода языковых единиц английского в систему другого языка, а именно – в заимствованиях.

Являясь составным элементом языковых контактов, заимствования могут ранжироваться от слова до оборота, от морфемы к фонеме [Добродомов, 2016]. Представляется логичным заключить, что с развитием интернета и сохраняющейся популярностью западной культуры этот процесс продолжается и в текущий момент времени, в том числе между английским и русским языками.

Роль культуры в процессе языковых контактов велика, а музыка, как одна из самых главных и влиятельных форм культуры, способствует этому слиянию весьма значительно. Почему именно английский язык доминирует в данной форме культуры? Причина кроется в том, что на этапе своего зарождения как одной из главной форм развлечения, индустрия звукозаписи обязана своим появлением коренному носителю английской речи – а именно американскому

изобретателю Томасу Эдисону, который, в числе прочего, создал фонограф и записал первыми английские слова. Дальнейшее развитие звукозаписи также продолжилось на американской и английской землях, где возникли такие лейблы-гиганты как Columbia, EMI, Десса, которые существуют и по настоящее время [Crystal, 2003, с. 100–101].

Среди других факторов важно отметить и то, что огромное количество жанров, в том числе и особо популярных в текущий момент, зародилось как в Америке, как, например, джаз и рок-н-ролл так и в Англии, откуда вышли самые разные жанры популярной музыки – от метала до альтернативы или инди.

Исходя из вышеупомянутой информации, можно сделать вывод о том, что английский язык может быть важен для музыкантов не англоговорящих стран ещё и по причине того, что большая часть любимой ими музыки, будь то целый жанр или одна песня, так или иначе связаны с этим языком.

С распадом Советского Союза и ростом социокультурного взаимодействия с западным миром также пришлось появление новых российских музыкальных коллективов. Одной из групп, возникших в постсоветский период и получивших популярность является группа Би-2, в творчестве которой можно обнаружить ряд примеров различных форм языковых контактов. Далее представляется логичным рассмотреть некоторые из этих примеров.

Второй студийный альбом группы носит название «Мяу Кисс Ми», такое же название носит заглавная композиция альбома, которое используется и в её припеве [Mya kiss me].

В данном словосочетании используются транслитерированные англоязычные части речи, а именно: ‘meow’, которое может быть как глаголом, так и существительным, обозначающее либо процесс извлечения характерного кошачьего звука, либо сам этот звук соответственно; глагол ‘kiss’, переводимый как «целовать»; местоимение ‘me’, означающее местоимение первого лица и единственного числа в дательном падеже – «меня».

Данный пример иллюстрирует то, как элементы речи английского полностью заменяют элементы русского языка. Возможно такое использование, помимо определённой рифмы, обусловлено временем создания этой композиции, когда все ещё продолжался обширный наплыв западных элементов – в том числе в речи – в сознание российского общества и его культуру.

Другой пример – в композиции «Песок» с альбома «Иномарки», вышедшего в 2004 году, а именно следующие строки:

«Ждать перемен удобный случай,
На, выбор walkman иди и слушай» [Sand].

Употребленное существительное ‘walkman’ в данном контексте имеет несколько связанных, производных друг от друга значений. Первое относится к линейке портативных аудиоплееров производства компании Sony, которые начали выпускаться с конца 70-х годов XX века [Walkman]. Данные устройства были настолько революционными, что со временем, слово ‘walkman’ стало именем нарицательным и также стало обозначать любой маленький портативный плеер, без привязки к конкретному бренду [Walkman].

Помимо обозначения конкретной вещи, которая прочно обосновалась в сознании и появилась в жизни российских граждан только в послесоветское время, использование данного слова также обусловлено коммерческим интересом. Участники группы, впоследствии, признались, что слово “walkman” было употреблено по запросу одной фирмы-производителя в рекламных целях.

Примечательно, что на обложке альбома его название прописано с применением графических символов как русского, так и английского языков – «Ипомарки», что также свидетельствует об активном применении элементов английского и их ассимиляции в русском языке [Ипомарки].

Следующий пример относится к альбому «Лунапарк», который вышел в 2009 году, а именно о композиции под названием “Bowie”. В данном примере интерес вызван самим названием песни, которое проскальзывает и в тексте. Песня названа в честь британского музыканта Дэвида Боуи и посвящена ему, при этом его фамилия прописана знаками исходного английского языка, а не русского:

«Ты любишь David Bowie» [Bowie].

В русском языке давно существует практика перевод имён собственных с использованием графических символов русского языка, в связи с чем упомянутая композиция могла, теоретически называться «Боуи». Тем не менее, музыкантами группы Би-2 было принято решение сохранить исходное написание имени британского музыканта. На основании данной композиции можно увидеть доказательство популяризации английского языка в современной музыкальной культуре.

Продвигаясь по дискографии данного коллектива несколько интересных примеров языковой интерференции, можно обнаружить в альбоме 2014 года под названием «#1бплюс».

Первый случай отмечен композицией «Хипстер». Само название, которое встречается и в тексте песни, является заимствованным словом, обозначающим разновидность субкультур, объединяющим признаком которых, несмотря на временной разрыв, выступает сильная увлечённость новыми, нетрадиционными, модными течениями в различных сферах жизни [Hipster].

Учитывая время выхода композиции в свет, а также комментарии от участников группы [Хипстер], в конкретном случае речь идёт о версии течения хипстеров, которое стало широко популярным на рубеже конца 2000-х и начала 2010-х годов в сферах моды, социальных сетей и, в том числе, музыки. В России данное течение также получило свою долю популярности, в связи с чем произошёл переход данного слова из английского языка в русский.

Ещё одна композиция с альбома «#1бплус» служит иллюстрацией более глубокого уровня языковой интерференции, а именно – смешения языковых кодов. В композиции «Музыка без причин», записанной в сотрудничестве с российским музыкантом Валерием Гаиной и русско-американской певицей Елизаветой Хрипуновой (также известной как Elizaveta) последняя, на временном отрезке с 4:00 по 4:17 поёт строки на английском языке. Так как на всех официальных источниках со словами данной песни английская часть отсутствует, далее приведён примерный текст этой части:

«Going all night long
To where you will find your heart and soul, my love
Or will you find your own?» [Музыка без причин].

Представленный пример демонстрирует то, что английский язык может проникать в русскоязычный текст не только посредством заимствованных слов и оборотов, но также в виде полноценных предложений, сохраняющих лексические и грамматические нормы исходного английского языка. Факт того, что целые предложения на английском помещены в песню на русском языке вновь доказывает то, насколько английский язык сохраняет свою актуальность и как глубоко уходит его распространение.

Нижеописанный пример относится к альбому 2017 года, носящего название «Горизонт событий». Речь идёт о композиции под названием «Лайки», которая стала первой вестью с данного альбома осенью 2016 года. Само название песни, которое повторяется в припевах композиции, как может показаться изначально, относится не к названию породы собак, а к продукту развития и деятельности социальных сетей:

«Как много лайков у нас с тобой» [Likes].

Рассматриваемое слово является заимствованным существительным, которое, в свою очередь, образовано от глагола 'like' и обозначает особую форму одобрения (изначально – виртуальную клавишу) какой-либо публикации, комментария или любой другой формы информации в социальных сетях [Likes].

Огромное влияние виртуальных социальных площадок на жизнь современного обывателя привело к тому, что данное слово, в настоящее время, применяется в речи относительно вещей, событий, поступков – иными словами практически всего и за пределами соцсетей, в повседневной жизни. Схожий процесс наблюдается и на территории русскоязычных территорий, в связи с чем данное слово широко употребляется значительным количеством населения.

Заключительный пример, касающийся творчества группы Би-2, находится в композиции «Пылающий мир» с альбома «Аллилуйя», который вышел в 2022 году:

«Город скалится как зомби» [Pylaiushcii mir].

В данной строчке использовано существительно «зомби», которое является калькой английского 'zombie' – слова, означающего безвольного и немного человека, который, будучи мёртвым, был воскрешён сверхъестественным способом [Zombie]. Само слово в английском пришло из верований народов Вуду, а также в вымышленных историях, в основном – из кинематографа.

Можно предположить, что именно популяризация данного слова через кинематограф и популярность подобного жанра фильмов не только в западном, но и в восточном полушарии и побудила авторов композиции использовать именно заимствованное слово, а не существующий в русском языке аналог в форме сложного существительного как, например, «оживший мертвец».

Второй группой, в творчестве которой можно найти примеры заимствований, является советско-российская группа ДДТ. В позднем творчестве коллектива Юрия Шевчука нередко встречаются пришедшие из английского языка слова, как, к примеру, в нескольких композициях альбома 2021 года «Творчество в пустоте».

Первый пример связан с композицией «Борщевик», конкретнее – со следующей строчкой:

«Зависаю в фейсбуке – и там их скопилось немало» [Hogweed].

Применённое «фейсбук» является калькой английского названия социальной сети Facebook. Вновь демонстрируется глубокое влияние

социальных сетей на обычного обывателя в современном мире, в том числе – на русскоязычного человека. Однако важно упомянуть, что в этом примере такое употребление оправданно, так как речь идёт об уникальной вещи, которая ранее не имела аналогов. Тем не менее, как продукт умов англоязычных обывателей, этот пример можно косвенно считать подходящим.

Следующий пример с данного альбома можно обнаружить во втором куплете композиции «Где я»:

«На «вертушке» ждёт винил» [Where am I].

Интерес вызывает слово «винил», которое заимствовано из английского, от существительного ‘vinyl’. Оно может относиться как к материалу, из которого изготавливаются грамзаписи, так и непосредственно к самим записям, изданным в формате виниловой пластинки [Vinyl]. Несмотря на наличие в русском языке такого слова как «пластинка», автор прибег к использованию слова «винил», что выступает доказательством влияния английского языка на русский.

Другой пример принадлежит следующему альбому – «Творчество в пустоте – 2» – точнее к композиции «Ваши вещи мертвы»:

«Все наши айфоны, машины, лайфхаки, увы

Представления о мире, жизни и счастье – мертвы» [Ваши вещи мертвы].

Интерес здесь вызывают сразу два существительных – «айфон» и «лайфхак». Первое является калькой имени собственного ‘iPhone’ – телефона от компании Apple. Использование именно этого слова, а не известного всем русскоязычным слушателям «телефон», скорее всего, обусловлено громадной известностью данного устройства связи вкупе с более приятной уху рифмой, однако, в то же время, наблюдается аналогичная с примером Facebook ситуация огромного влияния на русскую культуру в целом и речь в частности предмета, пришедшего из страны-прародительницы английского языка.

«Лайфхак», тем временем, выступает заимствованным существительным ‘lifehack’, означающее, как правило, простой и полезный совет или метод, который используется для выполнения каких-либо знакомых и/или бытовых задач более эффективно и проще [Life hack]. В широкое употребление данное слово вошло в середине 2010-х гг. посредством растущего появления подобных «лайфхаков» в различных социальных сетях.

Можно сказать, что приведённый пример выступает скорее положительным примером распространения и проникновения английского языка, так как на данный момент эквивалентов в русском языке нет,

а ближайшие по смыслу слова «метод» и «совет» неполноценно конкретизируют понятие.

На основании примеров, рассмотренных ранее, представляется возможным заключить, что распространение английского языка за пределами мест его зарождения остается значительным. Среди причин данного обстоятельства – ряд исторических факторов, обеспечивших как распространение самого английского языка, так и англоязычной культуры в сфере кино, музыки и моды, а также глобализация, вкупе с развитием и высокой популярностью виртуальных сетевых площадок, наиболее известные из которых также являются продуктом западного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. Москва: Издательский центр РГГУ, 2001. – 439 с.
- Ваши вещи мертвы // musixmatch.com: сайт. URL: <https://www.musixmatch.com/lyrics/ДДТ-2/Ваши-вещи-мертвы> (дата обращения: 20.03.2023).
- Виноградов В. А. ДИГЛОССИЯ [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/1955134> (дата обращения 20.04.2022).
- Добродомов И. Г. ЗАИМСТВОВАНИЕ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016); <https://bigenc.ru/linguistics/text/1985739> (дата обращения: 19.12.2022).
- Иномарки // discogs.com: сайт базы данных музыкальных релизов. URL: <https://www.discogs.com/release/515197-%D0%91%D0%B8-2%D0%98%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%B8> (дата обращения: 19.12.2022).
- Музыка без причин // youtube.com: видеохостинг. URL: <https://youtu.be/IL4GL2t5k3I> (дата обращения: 19.12.2022).
- Русаков А. Ю. КОНТАКТЫ ЯЗЫКОВЫЕ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2093100> (дата обращения: 19.12.2022).
- Хипстер // youtube.com: видеохостинг. URL: <https://youtu.be/7svkSbS0jBI> (дата обращения: 19.12.2022).
- Bowie // genius.com: сайт-база текстов песен. URL: <https://genius.com/2-bi-2-bowie-lyrics> (дата обращения: 19.12.2022).
- Crystal D. English as a Global Language, Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.
- Hipster // merriam-webster.com: онлайн-словарь. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/hipster> (дата обращения: 19.12.2022).
- Hogweed // genius.com: сайт-база текстов песен. URL: <https://genius.com/Ddt-band-hogweed-lyrics> (дата обращения: 20.03.2023).
- Life hack // merriam-webster.com: онлайн-словарь. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/life%20hack> (Дата обращения: 20.03.2023).
- Likes // genius.com: сайт-база текстов песен. URL: <https://genius.com/2-bi-2-likes-lyrics> (Дата обращения: 19.12.2022).

- Likes // merriam-webster.com: онлайн-словарь. URL: [https://www.merriam-webster.com/dictionary/like#:~:text=2%20of%209-,noun%20\(1\),%3A%20something%20that%20one%20likes](https://www.merriam-webster.com/dictionary/like#:~:text=2%20of%209-,noun%20(1),%3A%20something%20that%20one%20likes) (Дата обращения: 19.12.2022).
- Mya kiss me // genius.com: сайт-база текстов песен. URL: <https://genius.com/2-bi-2-mya-kiss-me-lyrics> (дата обращения: 18.03.2023).
- Pylaiushcii mir // genius.com: сайт-база текстов песен. URL: <https://genius.com/2-bi-2-pylaiushchii-mir-lyrics> (дата обращения: 19.03.2022).
- Sand // genius.com: сайт-база текстов песен. URL: <https://genius.com/2-bi-2-sand-lyrics> (дата обращения: 18.12.2022).
- Vinyl // merriam-webster.com: онлайн-словарь. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/vinyl> (дата обращения: 20.03.2023).
- Walkman // macmillandictionary.com: онлайн-словарь. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/walkman> (дата обращения: 18.12.2022).
- Where am I // genius.com: сайт-база текстов песен. URL: <https://genius.com/Ddt-band-where-am-i-lyrics> (дата обращения: 20.03.2023).
- Zombie // merriam-webster.com: онлайн-словарь. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/zombie> (дата обращения: 19.03.2022).

Demin, G. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

**BORROWED ENGLISH WORDS IN THE TEXTS
OF RUSSIAN-SPEAKING PERFORMERS ON THE EXAMPLE
OF THE CREATION OF BI-2 AND DDT**

The article deals with cases of language codes' mixing as one of the cases of language contacts. In particular, the role of the cultural aspect in such interaction between English and Russian languages is carried out using examples from music. Various cases showcasing how English language's parts of speech infiltrate Russian speech are established and an attempt to trace the reason for such use is made.

Sociolinguistics, language contacts, English, Russian, borrowings, composition

УДК 811.111; 81'373

Н. В. Денисова

Санкт-Петербургский государственный университет,
ORCID 0000-0001-5749-2446

n.denisova@spbu.ru

Е. А. Кованова

Санкт-Петербургский государственный университет,
e.kovanova@spbu.ru

ШИППЕРИНГ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН: АНГЛИЙСКИЕ ОНИМЫ-БЛЕНДЫ В БЛОГОСФЕРЕ

Настоящее исследование посвящено лингвокогнитивному феномену, получившему название «шипперинг» (shipping), которое находит отражение в языке через создание онимов-блендов для обозначения реальных или желаемых союзов двух и более людей или персонажей. Возникнув около полувека назад в англоязычной среде, это явление распространилось по всему миру благодаря возможностям цифровой коммуникации. Цель данной статьи – проанализировать лингвистическую сторону шипперинга и выявить наиболее популярные тренды на примере онимов-блендов из англоязычного фандома “Поттерианы”.

Онимы-бленды, шипперинг, фандом, фанфик, цифровая коммуникация, лингвокреативность, андроцентризм

Возникновение лингвокогнитивного феномена, которому посвящено настоящее исследование, обычно относят к последней четверти прошлого века [The Fanfiction Reader, 2017] и связывают с сериалами *Star Trek* и *The X-Files* [Nanay, 2018]. Само слово ‘shipper’, усечение от ‘relationshipper’, обозначает фаната, который “сводит” полюбившихся ему героев сериала, книги, аниме или бойзбэнда. Явление шиппинга / шипперинга тесно связано с понятием ‘фанфика’, зародившегося до появления новообразований с формантом ‘ship’ (*ship, shipper, shipping*), а именно с феноменом так называемого ‘slash fanfiction’, т.е. фанфиков об однополых отношениях любимых персонажей фанатов.

Т. В. Леонтьева, исследуя шипперство «на русской почве», описывает его как «фантомную реальность сообразно собственным переживаниям поколения Z» [Леонтьева 2022, с. 104], однако взаимосвязанные феномены шиппинга и фанфиков возникли до поколения Z, в к. 1970-х – н. 1980-х годов, с появлением популярных телесериалов. Однако действительно широкое распространение эти явления получили в начале 2000-х благодаря развитию всемирной глобальной сети, предвосхитив социокультурный сдвиг в коммуникации представителей поколения Z, о котором пишет Т. В. Леонтьева [Леонтьева, 2022, с. 117–118].

По мере развития, фандомы «обрастали» новой лексикой, отражающей как популярность явления, так и социокультурные изменения в обществе: pairing, slash fanfiction (1970-е), supercouple (1980-е), femslash (к. 1990-х), slash (*Sherliam* < *Sherlock Holmes* + *William Moriarty*), het (*Pepperony* < *Pepper Potts* + *Tony Stark*), fem (*Twillow* < *Tara Maclay* + *Willow Rosenberg*), gen (platonic relationships)/friendship (*Hiddleworth* < *Tom Hiddleston* + *Chris Hemsworth*), non-binary (*Lokision* < *Loki* + *Vision*), poly (polyamorous) (*Black Pepperony* < *Natasha Romanoff* + *Pepper Potts* + *Tony Stark*), cargo (human+object) (*Drapple* < *Draco Malfoy* + *a Green Apple*), crossover (*The Demigod Who Lived* < *Harry Potter* + *Percy Jackson*), love-hate (*Drarry* < *Draco Malfoy* + *Harry Potter*), OTP/one true pairing (*BROTP* < *Barney* + *Robin*), ship hate, canon, fanon, rarepair, sailed ship, sunk ship, shipping war и ряд др. Интересно, что такие онимы, как *Drapple* и *Brotp* вошли в узус языка фандомов и используется сейчас как апеллятивы: первый – для обозначения коротенького фанфика объемом от 100 до 500 слов, поскольку текст-источник самого онима (2014 г.) был очень коротким, всего 155 слов [Archive of Our Own]; второй же, акроним *Brotp* используется как синоним *gen* для обозначения пар, находящихся в дружеских/платонических отношениях.

Отмечается, что всплеск активности фанатов в сети, их ярое желание видеть персонажей сериала вместе может приводить к тому, что сценаристы «играют» на этом желании и даже изменяют первоначальный сюжет, что, в свою очередь, приводит к еще большей популярности сериала [Nanay, 2018]. Неудовлетворенные же таким образом фантазии находят свое отражение в цифровом творчестве фанатов – фанфиках, для которых с 2008 г. существует специальный ресурс: *Archive of Our Own* [Archive of Our Own], насчитывающий более 54 тысяч фандомов и более 10 миллионов текстов на разных языках.

Что же движет фанатами? Согласно Б. Нанэю, такая распространенность шиппинга связана с чувством одиночества, это своего рода сублимация отношений в реальной жизни [Nanay, 2018]. Т. В. Леонтьева относит шипперство, в основе которого лежат вымысел и фантазирование, к новым коммуникативным практикам, сформированным культурой публичности, поскольку фанаты не просто придумывают новые желаемые пары, но и непременно делятся своими фантазиями в интернете [Леонтьева, 2022]. Некоторые знаменитости отмечают, что их реальная жизнь намного скучнее вымышленной. Так, цитата Джастина Тимберлейка: “*I am jealous of the fake me*” дала название одному эссе о творчестве *Popsplash*, фанклуба группы N'Sync [The Fanfiction Reader, 2017, с. 104].

Для настоящего исследования интерес представляет лингвистическая сторона явления. Феномен шиппинга связан с еще одним понятием: суперпара (*supercouple, power couple*), появившимся примерно в то же время, что и *slash fiction*. Термин «суперпара» возник для обозначения центральных героев популярных мыльных опер, связанных по сюжету романтическими отношениями. Первоначально их обозначали с помощью сочинительных биномов: *Cliff and Nina, Tad and Dixie, Steve and Kayla* и т.д. Авторы же *slash fiction* использовали значок “/” для объединения пары: *Kirk/Spock*. Однако с появлением в 2007 г. сервиса микроблогинга *Tumblr*, которым стали активно пользоваться любители *slash fiction*, отмечается всплеск блендов-онимов для обозначения пар. Это было связано с невозможностью использования значка “/” в метках. В книге *The Fanfiction Reader* отмечается, что имена бленды (portmanteau pairing names: *Timbertrick, Trickyfish*) вошли в моду благодаря сообществу фанатов творчества бойзбэндов *N'Sync* и *Backstreet Boys* под названием *Popsplash* [The Fanfiction Reader, 2017, с. 101].

В случае словослияния (телескопии) словообразовательной единицей выступает произвольный фрагмент основы, а итоговое слово может быть образовано с помощью амальгамирования или фузии и называется словом-слитком или блендом (blend, portmanteau word) [Елисеева, 2005, с. 65]. Тенденция называть реальные суперпары знаменитостей именами-слитками широко распространилась в медиа в начале 2000-х гг., начиная со слитков *Bennifer* и *Brangelina* [подробнее см. Денисова, Кованова, 2023], и затронула даже супружеские пары политиков (*Billary*). В последнем случае можно отметить слитки типа *Obamao*, отражающие не связь людей-носителей имен, из фрагментов основ которых образован бленд-оним, а популярность одного из носителей в стране другого [Хрущева, 2011]. Онимы-бленды для именования пар знаменитостей создаются достаточно быстро как реакция медиа и фанатов на событие – публичное появление пар вместе, новость о помолвке или бракосочетании и т. д. Онимы-слитки для именования пар персонажей фильмов, мультипликационных фильмов, литературных произведений создаются как проекция фантазии, желания фаната.

Попробуем продемонстрировать на материале одного из фандомов некоторые тенденции, которые, очевидно, можно экстраполировать и на любой похожий материал. В отличие от ситуации с фандомами телевизионных сериалов, деятельность фанатов Поттерианы никоим образом не повлияла на развитие сюжета книги – для Дж. Роулинг творчество авторов фанфиков было удивительным открытием [Nanay, 2018].

Итак, рассмотрим пары, созданные в рамках фандома серии книг о Гарри Поттере. Здесь представлены всевозможные комбинации: **het** (*Duna* < *Dean Thomas* + *Luna Lovegood*, всего 120 пар), **slash** (*Drarlie* < *Draco Malfoy* + *Charlie Weasley*, всего 80 пар), **femslash** (*Bellamione* < *Bellatrix Lestrange* + *Hermione Granger*, всего 30 пар), **non-binary** (*Charlie x MC*, всего 24 пары; все, кроме одной, образованы таким способом), **poly** (*Percivercus* < *Percy Weasley* + *Oliver Wood* + *Marcus Flint*, всего 21 треугольник), **friendship** (*Golden Trio* < *Harry Potter* + *Hermione Granger* + *Ron Weasley* – так называемый canon ship, всего 5 союзов), **family** (*Cissatrix* < *Narcissa Malfoy* + *Bellatrix Lestrange*, всего 7 семейных союзов), **cargo** (*Drapple* < *Draco Malfoy* + *a Green Apple*, всего 6 пар). Из 293 названий пар/союзов 237 созданы путем слияния частей основ имен или фамилий персонажей. Как отмечает К. М. ДиДжироламо, в такого рода именах-слитках важна благозвучность, эвфония, при этом ключевую роль может играть положение ударного слога в именах, из которых складывается бленд [DiGirolamo, 2012, с. 234, 239]. Бóльшая часть блендов приходится на группу **het**: 113 из 120 пар, причем чуть больше половины – 76 имен – образованы путем амальгамирования (*Chedric* < *Cho Chang* + *Cedric Diggory*, *Gansy* < *George Weasley* + *Pansy Parkinson*, *Lumione* < *Lucius Malfoy* + *Hermione Granger*), 37 слитков – с помощью фузии (*Haphne* < *Harry Potter* + *Daphne Greengrass*, *Ismego* < *Ismelda Murk* + *Diego Caplan*, *Krumione* < *Victor Krum* + *Hermione Granger*). Подавляющее большинство онимов (93) образованы от усеченных основ имен персонажей (*Scorose* < *Scorpius Malfoy* + *Rose Granger-Weasley*, *Romione* < *Ron Weasley* + *Hermione Granger*), 11 блендов образованы от фамилий (*Snakepick* < *Severus Snape* + *Patricia Rakepick*, *Nottgrass* < *Theodore Nott* + *Porpentina Goldstein*), еще 9 – от усечения основы имени и фамилии (*Honks* < *Harry Potter* + *Nymphadora Tonks*, *Angelotter* < *Angelina Johnson* + *Harry Potter*). Любопытен пример слитка *Jakweenie* < *Jacob Kowalski* + *Queenie Goldstein*, в котором фонетически полностью воспроизводится имя *Queenie*, однако графически *-kw-* воспроизводит начальные согласные фамилии *Kowalski*. Очевидно, это связано с тем, что варианты написания *Jaqueenie* и особенно *Jacueenie* менее естественны для английского языка. Как отмечает ДиДжироламо, при создании онима-бленда орфографически должна соблюдаться непрерывность и смежность (linearity and contiguity), не допускается ни опущение, ни вставка, ни замещение букв, при этом написание должно совпадать с произношением [DiGirolamo, 2012, с. 232]. В этом смысле необычны и бленды *Olivimione* < *Oliver Wood* + *Hermione Granger* и *Harmony* < *Harry* + *Hermione*, поскольку первый содержит соединительную гласную, благодаря которой бленд более

благозвучен (ср. **Olivmione*), а во втором опущена гласная (ср. **Harmione/y*). Таким образом, можно сделать вывод о том, что ведущим принципом будет фонологический, а не орфографический принцип.

Еще одним ярко выраженным трендом будет проявление языкового андроцентризма: порядок следования элементов в именах гет-пар в преобладающем большинстве случаев M+F (91 из 120). При этом бленды с одним и тем же персонажем могут начинаться с форманта его имени или, наоборот, заканчиваться им. Однако и в этом случае андроцентризм налицо: из 11 блендов, образованных от *Harry Potter* и имен других персонажей, 7 начинаются с форманта от его имени/фамилии; в случае с блендами, образованными от *Hermione Granger*, из 12 только в 3-х формант от ее имени/фамилии занимает инициальную позицию.

Отдельно отметим функции подобных имен. Помимо очевидной назывной функции, с когнитивной точки зрения, ведущей будет волеизъявительная, призывно-побудительная, даже магическая функция, поскольку в рассматриваемых именах отражается настойчивое желание фанатов видеть пару вместе. И подобное изъявление воли, как уже говорилось выше, может побуждать создателей к изменению сюжета в угоду желаниям фанатов. Дж. Роулинг не раз в своих интервью вынуждена была объяснять фанатам, почему Гарри и Гермиону связывают только платонические отношения, а пара Рон/Гермиона – гармонична. Помимо этого, во многих именах пар, особенно если они образованы путем словосложения, часто проявляется характерологическая функция: *Snake Lord* < *Nagini* + *Voldemort* (женщина-змея Нагини и Повелитель Волдеморт, владеющий языком серпентаго), *Fireball* < *Ginny Weasley* + *Oliver Wood* (рыжая Джинни и хранитель мячей Оливер), *Dogbones* < *Sirius Black* + *Amelia Bones* (имя Сириуса восходит к названию звезды созвездия Большого Пса), *Red Moon* < *Ron Weasley* + *Luna Lovegood* (рыжий Рон и Луна, что переводится с латыни как «луна» (Moon)), *Lion Captains* < *Angelina Johnson* + *Oliver Wood* (оба персонажа в разное время были капитанами сборной Гриффиндора по квиддичу, а лев – это символ колледжа), *Wolfstar* < *Remus Lupin* + *Sirius Black* (оборотень Римус Люпин (волк) и Сириус (звезда)) и др. Во многих блендах находит отражение и людическая функция (*Ginius* < *Ginny Weasley* + *Lucius Malfoy*, *LoveNott* < *Luna Lovegood* + *Theodore Nott*, *Gin n Tonic* < *Ginny Weasley* + *Tom Riddle*, *TNT* < *Nymphadora Tonks* + *Tulip Karasu*, *Dramionaise* < *Blaise Zabini*, *Draco Malfoy*, *Hermione Granger*; сюда относятся и все бленды имен людей и названий предметов (*Nardigan* < *Neville Longbottom* + *his cardigan*, *Chickron* < *Ron Weasley* + *chicken*). Следует отметить, что эта

функция может быть ведущей как людическая проекция текста-источника: так, например, бленды персонажей из сказки *Alice's Adventures in Wonderland* изначально будут создаваться не как романтические фантазии, а как проявление языковой игры, на которую настраивает сам текст (*Hattice < Mad Hatter + Alice, Hattea < the Mad Hatter + tea, Chessally < Cheshire Cat + Dormouse*).

Подводя итог, можно сказать, что подобные наименования – это не просто дань языковой моде; в них находит отражение потребность в экспрессивных наименованиях, а также такие функции, как назывная, характерологическая, лингвокреативная, людическая, аксиологическая, функция репрезентации и волеизъявления, причем последняя будет ведущей в случае с онимами персонажей фанфиков. В блендах-онимах гет-пар четко прослеживается языковой андроцентризм, поскольку инициальную позицию в бленде занимает формант мужского имени примерно в три раза чаще, чем женского. Большинство подобных имен состоят из частей основ имен, однако это могут быть и фамилии – вероятно, эвфония играет в этом выборе не последнюю роль. Широкая распространенность блендов-онимов неразрывно связана с явлением шипперинга, одной из форм выученного поведения, характерного для участников цифровой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Денисова Н. В., Кованова Е. А. Суперпары и суперимена: о чем говорят бленды-онимы? / Тезисы докладов 51-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2023. (В печати)
- Елисеева В. В. Лексикология английского языка: Учебное пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 80 с.
- Леонтьева Т. В. Шипперство: виртуальная солидаризация по интересам в отражении русскоязычных неологизмов // Лики единения в языке и дискурсе: монография / Т. В. Дубровская, А. Н. Кислицина, Т. В. Леонтьева, Л. Н. Ребрина, А. С. Семехина, А. В. Щетинина; под ред. Т. В. Леонтьевой. Екатеринбург: Ажур, 2022. С. 104–122.
- Хрущева О. А. Лингвокультурные особенности блендинга / Вестник Челябинского государственного университета. 2011. No 3 (218). Филология. Искусствоведение. Вып. 50. С. 143–145.
- Archive of Our Own. URL: <https://archiveofourown.org/works/1166740> (дата обращения: 15.03.2023).
- DiGirolamo C. M. The Fandom Pairing Name: Blends and the Phonology_Orthography Interface / American Name Society. Vol. 60. No. 4. December 2012. Pp. 231–243.
- Nanay B. The Psychology of Shipping / Psychology Today. 2018. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/psychology-tomorrow/201807/the-psychology-shipping> (дата обращения: 15.03.2023).
- The Fanfiction Reader: Folk Tales for the Digital Age / Ed. By Francesca Coppa. University of Michigan Press, 2017.

Denisova, N. V.; Kovanova, E. A.

Saint Petersburg State University

SHIPPING AS A LINGUISTIC AND COGNITIVE PHENOMENON: PORTMANTEAU PAIRING NAMES

The present paper deals with the phenomenon of fandom pairing names, which is inextricably connected with shipping practice. Willing to ship two characters or people who are not romantically linked, fans create a blend, or sometimes a clipped compound, and fantasize about what might have been or might be between these characters/people and share their fantasies in the form of fanfiction with other fans. The aim of the paper is to analyze the blends from the Harry Potter Fandom and reveal the most common trends and patterns that could be further extrapolated to other similar blend-name corpora. One of the findings of this study is that most het portmanteau names are tainted by androcentrism, which is manifested in the order of truncated names in a blend.

Portmanteau pairing names, shipping, fandom, fanfiction, digital communication, language creativity, androcentrism

УДК 930.85

О. М. Журавлева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0003-1421-8783

omzhuravleva@etu.ru

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПРИНЕВЬЯ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ

Территория современного Санкт-Петербурга и ближайших окрестностей на протяжении столетий находилась в сфере влияния нескольких культур, являясь частью полиэтничного пространства в составе политических объединений. Традиционное мировоззрение отразилось в поэтическом творчестве народов, населявших данный регион. Наличие общих фольклорных черт и концептов, а также общих элементов мировоззрения свидетельствует не только о явлении межкультурной коммуникации на данной территории и наличии взаимного влияния культур, но и о формировании общего культурного пространства, как на метафизическом уровне, так и в области реальных культурных и языковых контактов.

Межкультурная коммуникация, история Санкт-Петербурга, этническая культура, тексты песен, фольклор, «Калевала»

Приневье и Приладожье, составляющие в настоящее время территорию современного Санкт-Петербурга, до момента грандиозного строительства столицы Российского государства долгое время входили в сферу влияния и интересов Новгородского княжества, представлявшего собой славянский мир, и Шведского королевства, олицетворявшего скандинавскую культуру. Разделяя территории в поисках политической и экономической выгоды, представители этих культур оказывались по соседству, вели активную торговлю в мирное время и бескомпромиссные войны в период конфликтов. Сильные соперники уже в период средневековья подчинили местное население, разобщенные финно-угорские племена, которые при любой политической власти стремились сохранить свою культуру, этническую идентичность, традиции и мифологию. Именно эти компоненты стали составной частью финно-угорского фольклора, поэтического и песенного творчества, которое и в настоящее время отражает глубинные верования и представления различных этнических сообществ, проживающих на территории современной Финляндии и северо-западного региона Российской Федерации.

Находясь на разных уровнях развития, население Северной Европы и северо-западных территорий России – варяги, славяне, балтийские и финно-угорские племена, взаимодействовали в разных сферах: экономической, занимаясь торговлей, политической, образуя союзы, и культурной, заимствуя некоторые ее элементы. Причины политического и социально-экономического взаимодействия, такие как противостояние внешним врагам или получение прибыли, объективны и формальны, в то время как связи культурные в большей степени свидетельствуют о взаимопроникновении верований, общих мифологических концепциях и схожем мировоззрении, что, хотя и не характерно для указанных этнических групп, но в результате проживания на общей территории стало возможным. В обрядовой культуре, ритуалах, заговорах исследователи находят заимствования, подчеркивая «наличие славяно-финского магического контакта» [Спивак, 2003, с. 27–30].

Финно-угорский мир не окружал славянское население Приневья, которое в зависимости от политической обстановки то увеличивалось, то уменьшалось, а являл собой огромную территорию, на которой постепенно сложился симбиоз со славянской культурой. В эпоху раннего средневековья он стал основой для формирования первого государства восточных славян [Горский, 2012, с. 15–16], а затем сказался на формировании культуры региона при возведении Санкт-Петербурга.

Верования народов, проживавших на территории Приневья, и в средневековье оставались в большей степени языческими, искоренить

которые в принадлежавшей Новгороду Водской пятине не удалось ни в XVI в., ни в XVII в. [Александрова, 2011, с. 97]. При этом даже в XVII в., когда на Ижорской земле (в Ингерманландии) временно распространилось Шведское влияние, оставались русские крестьяне, ижорские, водские и карельские. Все они считались основным, коренным населением по отношению к переселенным сюда финнам из-под Выборга (савакоты) и восточных районов Финляндии (эвримейсы) [Александрова, 2011, с. 109, 111]. Смешанное этнически пестрое население проживало как на Карельском перешейке, так и по южному берегу Невы и Ладоги, русские старожилы и переселенцы, вепсы, карелы, водь, ижора, ингерманландские финны, финны-суоми, а также эстонцы, они могли занимать соседние территории, а иногда соседние дома в одной деревне. В основном, правда, переселенные финны занимали опустевшие русские или ижорские деревни, в дальнейшем финские и русско-ижорские поселения отличались структурой и планировкой [Александрова, 2011, с. 134–136]. Несмотря на бытовые и социально-экономические различия, финно-русский симбиоз в культуре успешно сложился за прошедшие века.

Контакты проживавших в непосредственной близости народов Северной Европы и северо-запада России отображаются и в произведениях народного творчества финно-угорских племен, занимавших территории к востоку от этого региона. Так, рассматривая отношение к своим и чужим, исследователь Л. Н. Панченко обнаруживает среди «чужих» таких персонажей сказок, как «виклыны», которыми, как предполагает автор, могут быть викинги, а среди ближних чужих народов выделяет русских, упоминавшихся как «русь» [Панченко, 2019, с. 606, 610].

Элементы древней культуры народов, особенно мифология, всегда находила отражение в народном эпосе, фольклоре, произведениях народного творчества, как материальных, так и духовных. Сложившийся в результате взаимодействия соседствовавших веками этнических групп культурный симбиоз со временем повлиял на содержание этнической культуры, составляющие которого не всегда легко разделить на исконные и заимствованные, но не сформировал общности, которая бы представляла собой единое целое.

Соседство и наличие культурных контактов не приводило к ассимиляции, поскольку имелись устоявшиеся народные представления о «чужом». Они не сводились к характеристике враждебных народов, но позволяли более точно идентифицировать свою принадлежность к определенному сообществу. Правильно сформированный процесс самоопределения помог сохранить и передать потомкам значимые элементы народной культуры.

Важно, что в финно-угорском эпосе содержатся представления о том, что присущие «чужим» свойства могли иметь мистический характер, но не обязательно негативный, возможно, историческая память, опыт народа подсказывал, что необходимо соблюдать правила при взаимодействии с «чужими», и в случае умения правильно взаимодействовать коммуникация сможет принести пользу [Панченко, 2019, с. 612]. Именно так складывались взаимоотношения финно-угорских народов с прибалтийскими и славянскими племенами, а позднее со шведским и русским населением территорий Приневья. Они не враждовали, а соседствовали, меняя свое место жительства только в случае крайней необходимости.

Исследователи отмечают, что мифологические образы, которые нашли отражение в эпосе, характерны не только для карельской или финской культуры, но и для русской [Муллонен, 2009, с. 260]. Причем, заимствования и сходства характерны не только для этого эпического литературного произведения, но и для народной песенной культуры народов, проживавших на территории Приневья. Например, С. В. Косырева отмечает заимствованные черты в вепсской песенной культуре из русской, наличие иноэтнических факторов, «некоторое освоение или своего рода интерпретацию элементов соседней культуры» [Косырева, 2017, с. 7-9].

Анализируя мифологическую традицию, характерную для русских, ижорских и карельских народов, М. П. Кундозерова приходит к выводу, что для них типичны две модели мироздания: либо орнитоморфная (происхождение Вселенной из яйца), либо антропоморфная (образование мира из частей тела) [Кундозерова, 2009]. Данное наблюдение свидетельствует об общем культурном коде и близком концептуальном мировоззрении живших по соседству народов.

Одним из культуuroобразующих эпосов, созданных на основе карельского и финского фольклора, является «Калевала», причем, некоторые события, описанные в этом произведении, произошли непосредственно в окрестностях будущего Санкт-Петербурга, в частности, в водах Невы [Спивак, 2003, с. 50]. Переплетение географических объектов, культуры народов, лексического состава языков – все это наследие общего для населявших территорию Приневья этнических групп прошлого.

Однако типичные для давних эпох элементы мировоззрения, передаваемые от поколения к поколению, сохраняют свою актуальность. На протяжении всего XX в. в финской музыкальной культуре отображались калевальские сюжеты, несмотря на различия в их воплощении, авторы обращаются к семантике и концептуальному содержанию «Калевалы»,

заимствуя их или по-своему интерпретируя [Горная, 2017]. Это свидетельствует о большом культурном значении фольклорного материала, его важной роли в музыкальной и песенной финской традиции.

Современная культурная традиция, находящая отражение в этническом песенном творчестве современных музыкантов, позволяет проследить, какие из элементов духовной культуры, положенных в основу «Калевалы» до сих пор востребованы в духовной культуре народов.

Этнические финские коллективы, например, *Gjallarhorn*, *Värttinä*, *Tenhi*, часто обращаются к ритмике, образам или содержанию эпоса, в их композициях упоминаются персонажи «Калевалы», а также свойственные народной духовной культуре заговоры и заклинания, представления, одушевляющие природу, языческие верования, мифологические модели мироздания [Журавлева, 2023, с. 106–107].

Карельские этнические группы и авторы-исполнители также используют образы «Калевалы» в своих композициях. Например, хорошо известный в Финляндии, Карелии и Эстонии поэт и рок-музыкант Карху (псевдоним А. Е. Медведева), лидер группы *Santtu Karhu & Talvisovat*, затрагивает важные для финно-угорского мира проблемы самоидентификации и определения своего-чужого. Его творчество занимает особое место в культуре Карелии. Карху использует типичные как для карельской культуры, так и для всего финно-угорского мира образы – оживление природы, взаимодействие с миром потусторонним, представления о «своих» и «чужих». Поэт придерживается характерных для финно-угорского мира представлений, отмечая необходимость соблюдать правила поведения в случае необходимости взаимодействовать с «чужими», в случае же нарушения правил лирические герои его произведений неизбежно гибнут [Чикина, 2019, с. 251–252]. В творчестве Карху встречаются и отсылки к «Калевале», упоминаются значимые персонажи эпоса.

Исполнительница фольклора народов Севера и популяризатор карельской музыки Рия (Мария) Волкова [Riya Volkova], хотя и живет в Москве, на протяжении многих лет возрождает интерес к «северной» музыке. Вдохновленная народным творчеством, она исполняет песни как на русском языке, так и на карельском, как собственного сочинения, так и традиционные, колыбельные, обрядовые, в том числе, фольклорные композиции народа сету. Она играет на гуслях и кантеле, а также учит игре на этих музыкальных инструментах, стремится привлечь внимание к северной культуре в целом. Являясь актрисой московского Театриума на Серпуховке, участвовала в постановке «Волшебная мельница Сампо», посвященной эпосу «Калевала». Рия участвует

в многочисленных музыкальных фестивалях, проводимых в разных городах. Один из фестивалей прошел в Твери и объединил творчество тверских карел под названием «*Kalevala Fest*». Композиции, возрожденные и созданные Рией, позволяют почувствовать уникальную атмосферу благодаря исполнительскому мастерству и игре на традиционных музыкальных инструментах, характерных для карел, вепсов, финнов, погрузиться в древнюю культуру, даже почувствовать себя ее частью. Содержание многих песен, типичное для фольклора народов севера, посвящено природе, временам года, порой композиции напоминают заклинания и обращения к силам природы. Во многих композициях упоминаются и факты смешения культур, русской и финно-угорской. Все эти черты позволяют сохранить и мировоззренческий компонент, характерный для данного региона, где исторически проживало смешанное население.

Карело-финский эпос вдохновляет фольклорные коллективы и отдельных исполнителей, артистов и тех, кто увлечен северной культурой, объединяет их в разных уголках России. Об этом свидетельствует постановка в Москве спектакля «Волшебная мельница Сампо» и проведение «*Kalevala Fest*» в Твери. Фольклорный ансамбль Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова исполняет, в том числе, и песни финно-угорских народов. Ансамбль выступает не только с концертами, но и с лекциями, уделяя значительное внимание популяризации народного творчества, собиранию фольклора, его систематизации.

Очевидно, что архаичные музыкальные традиции, инструменты, песенные обряды и ритуалы не остались в прошлом, но благодаря увлеченным музыкантам сохраняют свою актуальность, продолжают использоваться в современном песенном творчестве.

Определенное тематическое и музыкальное сходство между финскими и российскими этническими коллективами, исполняющими композиции на финно-угорских языках, обращение каждого из них в большей или меньшей степени к эпосу «Калевала» актуализирует в современной культуре мировоззрения древних народов, населявших территорию Приневья. Востребованность этнического песенного творчества демонстрирует семантическую близость современному обществу. При этом особую роль берет на себя невербальный, музыкальный компонент, позволяющий создать аутентичную, архаичную атмосферу. Благодаря этнической песне, вобравшей в себя элементы древней культуры и мировоззрения финно-угорских племен, происходит не только обращение к культуре коренных народов, но и укрепляются традиции межкультурного симбиоза, акцентируя внимание на культуре народов Приневья.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова Е. Л. Санкт-Петербургская губерния. Историческое прошлое. СПб.: «Гийоль», 2011. 790 с.
- Горная И. Н. Калевальская тематика в финской камерно-вокальной музыке XX века // Музыкальный журнал Европейского Севера. 2017. № 3(11). С. 1–13. EDN YLVXAB.
- Горский А.А. Возникновение русской государственности и «Призвание варягов» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. №5. С. 10–19. EDN PJOHBD.
- Журавлева О. М. Элементы древней культуры в текстах песен современных финских этнических коллективов // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2023): Труды XX Всероссийской научной конференции с международным участием / Санкт-Петербург, 2 – 3 февраля 2023 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2023. С. 104–109.
- Косырева С. В. Вепская тема в трудах Т.В.Краснопольской // Музыкальный журнал Европейского Севера. 2017. № 4 (12). С. 1–11.
- Кундозерова, М. В. Антропоморфная модель Вселенной в карельских эпических песнях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 10(104). С. 62–65. EDN PCPREL.
- Муллонен И. И. Международная конференция «“Калевала” в контексте региональной и мировой культуры» (Петрозаводск, 2 – 6 июня 2009 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 4(57). С. 257-262. EDN UDZUOH.
- Панченко Л. Н. Мифологические существа как представители «чужого» мира в мансийском фольклоре // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 13. Вып. 4. Ижевск, 2019. С. 605–614.
- Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга: Начала и основания. СПб.: Алетейя, 2003. 480 с.
- Чикина Н. В. Образный мир в поэзии Сантту Карху // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 13. Вып. 2. Ижевск, 2019. С. 248–257. DOI 10.35634/2224-9443-2019-13-2-248-257.
- Riya Volkova: gusli, kantele. URL: <http://riyavolk.tilda.ws> (дата обращения: 20.03.2023).

Zhuravleva, O. M.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

**CULTURAL FEATURES SHARED BY THE PEOPLES OF THE AREA
NEAR THE RIVER NEVA AND THEIR REPRESENTATION IN MODERN
ETHNIC SONGS**

The territory of Saint Petersburg and Leningrad region since the early Middle Ages have been influenced by several cultures as a part of polyethnic space and different political units. Traditional views, myths and legends of people who inhabited this territory in the past reflected in their poetry. The phenomena of common features in folklore of different ethnnc groups and similar cultural concepts reveal the fact of intercultural communication and interference as a result of sharing a common territory. What is more a common cultural area was created in the metaphysical sphere as well as in the sphere of real cultural and language contacts.

Intercultural communication, history of Saint Petersburg, ethnic culture, songs lyrics, folklore, “Kalevala”

УДК 81`27

Ю. С. Костецкая

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ulia_kostetskaia@mail.ru

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНДИЙЦЕВ-БИЛИНГВОВ В УСЛОВИЯХ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

В статье исследуется речевое поведение современных индийцев-билингвов. Рассматриваются понятия речевого поведения, билингвизма и спонтанной речи. Выявляются факторы, влияющие на выбор билингвами языка в разговоре. На основе проведенных лингвистического, социолингвистического и статистического анализов высказываний хинди-англоязычных билингвов делается вывод о существовании зависимости выбора языка высказываний от темы беседы.

Билингвизм, языковое поведение, хинди, английский язык, спонтанная речь, языковые контакты

Характерной чертой языковой ситуации современной Индии является ярко выраженное состояние поли- и билингвизма, под которым понимается синхронное употребление двух и более языков. Компонентами индийского многоязычия являются как местные языки (родной язык, языки соседних штатов, государственный язык хинди), так и английский язык, который широко используется по всей Индии, особенно в хиндиязычном ареале. В данной статье предпринята попытка проанализировать речевое поведение индийцев-билингвов, владеющих хинди и английским, в условиях спонтанной речи.

Под речевым поведением понимается «речевая деятельность отдельной личности, выражающаяся в исполнении присущих ей речевых ролей (половозрастных, социально-культурных, профессиональных и др.) на фоне определенных психологических установок и мировоззрения в целом» [Моисеева, 2021, с. 9]. То есть говорящий использует накопленный культурный и речевой опыт своей социальной группы.

Билингвы в своем речевом поведении могут в разной степени использовать оба известных им языка. Это соответствует определению билингвизма, под которым понимается «континуум, простирающийся от доминирования языка А до равного владения языками А и В и до доминирования языка В» [Розенцвейг, 1972, с. 4; 47].

В каждый момент времени билингвы выбирают один из языков (такой выбор может происходить несколько раз даже в рамках одного высказывания)

для «построения социально корректного акта коммуникации посредством вербальных (и невербальных) средств» [Зияева, 2018, с. 22]. На этот выбор влияют определенные социальные факторы. Так, занимаясь изучением социолингвистических аспектов речевого поведения билингвов, И. Х. Мусин выделяет порядка 50 факторов и причин выбора языка у билингва [Мусин, 1990, с. 17]. Все эти факторы в разной степени находят отражение в спонтанной речи, но среди них есть те, которые встречаются чаще всего и влияют на выбор одного из языков в разговоре: смена адресата (выбор языков на основе того, какими языками владеет собеседник), смена социальной роли (использование разных языков при общении на работе и дома) и тема общения (обсуждение личных и рабочих вопросов на разных языках).

Однако существуют и такие факторы, при которых билингвы используют в речи оба языка. К ним могут относиться отсутствие подходящего слова на хинди, стремление быть быстро понятым, если собеседник тоже билингв, недостаточный уровень лексического запаса у говорящего или выражение эмоций [Eilert, 2006, с. 53]. Также возможна ситуация, когда билингв на высоком уровне владеет обоими языками и может переключаться между ними неосознанно.

Переключение между языками у билингвов обычно происходит в условиях спонтанной речи. Под спонтанной речью понимается неподготовленная речь, «осуществляемая говорящим в постоянно меняющихся коммуникативных условиях» [Тезекбаева, 2011, с. 76]. Она позволяет точнее проанализировать, как индийцы-билингвы попеременно используют хинди и английский и строят высказывания. Такой анализ возможен и на материале подготовленных текстов – например, сценариев болливудского кино [Костецкая, 2017], однако представляется, что спонтанная речь в этом смысле более показательна.

Материалом для исследования в данной статье послужили записи интервью индийцев-билингвов в программе «Dabura Amla: What Women Want» на радио IshqFM. Исследовались высказывания билингвов, использующих в речи английский и хинди.

Для выявления социальных факторов, влияющих на речевое поведение билингвов, проведена социолингвистическая характеристика участников исследованных интервью. Гости программы – известные индийские актеры, режиссеры, модели, блогеры, ведущие и стилисты. Проанализировано 15 интервью. Среди интервьюируемых 11 женщин и 4 мужчины, которые родились в разных частях Индии – в штатах хиндиязычного ареала, юго-западных штатах и в штате Мумбаи, который не является частью

хиндиязычного ареала, но считается центром болливудской киноиндустрии. Возраст опрошиваемых – от 25 до 52 лет. Все гости программы являются хинди-англоязычными билингвами (без учета знания региональных языков).

Также был проведен лингвистический анализ высказываний билингвов, который позволил выявить, что в речи интервьюируемых встречались как случаи использования чистого хинди и индийского варианта английского языка, так и случаи их смешения: примеры лексической интерференции и переключения кодов.

Так, например, были вычленены высказывания на индийском варианте английского языка. Пример (1) относится к таким высказываниям, в котором встречается индианизм *meetha* «сладость».

(1) *But only with meetha or like other stuff also?*

«Только сладости, или еще другие штучки?»

Пример (2) – случай лексической интерференции, под которой в данном случае понимается перенесение неассимилированных элементов английского языка в речь билинга на хинди. В примере (2) в роли дополнения выступает английское существительное *flight* «рейс», употребленное в сочетании с хиндиязычным послелогом *pe* «на», а на его значение женского рода указывает притяжательное местоимение *meri* «моя» с характерным окончанием *-i*:

(2) *Mujhe aaram karna hain meri flight pe*

«Я хочу отдохнуть на своем рейсе»

Переключение кодов внутри предложения представлено в примере 3. Так, в синтаксическую рамку на хинди в роли дополнения попадает ряд английских слов, которые обладают своей внутренней синтаксической структурой, соответствующей правилам английского языка. В таких предложениях без труда определяется синтаксическая граница, на которой произошел переход с одной языковой системы на другую.

(3) *Aur aaj hum baat karne wale hain about women and their independence*

«И сегодня мы поговорим о женщинах и их независимости»

Переключение кодов также встречается между частями сложного предложения. В примере (4) главная часть сложного предложения относится к английскому языку, а придаточная определительная часть вместе с подчинительным союзом – к хинди:

(4) *Hopefully I've given you the love jo ek maa de sakti thi*

«К счастью, я дал тебе такую любовь, которую могла дать мама»

Статистический анализ высказываний показал, что более, чем в половине случаев, гости использовали в речи индийский вариант английского языка, а на чистый хинди переходили в среднем в 17% случаев.

Прямые сравнения социолингвистических данных со статистическими показали, что социолингвистические факторы (такие как пол, возраст, место рождения) не оказывают значительного влияния на речевое поведение индийцев-билингвов. Встречаются как интервьюируемые с родным языком, относящимся к дравидийской языковой семье, но часто использующие в речи чистые хинди и английский, так и билингвы, рожденные в хиндиязычном ареале, но в основном говорящие на английском.

Однако удалось выявить, что такой социальный фактор, как тема разговора, оказывает существенное влияние на выбор языка. Анализ показал, что при обсуждении темы программы гости отдавали предпочтение английским словам. Например, в интервью на тему «Фитнес» часто использовались следующие английские слова: *diet* «диета», *carbs* «углеводы», *fitness* «фитнес», *body* «тело», *wellness* «здоровье». Часто используемыми словами по теме «дружба» оказались *friends* «друзья», *gossip* «сплетни», *together* «вместе», а по теме «Стандарты красоты» – *makeup* «макияж», *beauty* «красота», *look* «облик». Выявлено, что все приведенные слова использовались в речи интервьюируемых 5 или более раз.

Таким образом, проведенное исследование показало, что речевое поведение современных индийцев-билингвов не зависит от их пола, возраста и места рождения, но может зависеть от темы разговора. Выявлено, что в речи хинди-англоязычных билингвов индийский вариант английского языка используется в более, чем половине высказываний. Вместе с тем в речи могут встречаться как случаи использования чистого хинди, так и смешения двух языков – примеры лексической интерференции и переключения кодов.

ЛИТЕРАТУРА

- Верхолетова Е. Ю. О динамике спонтанной речи // Вестник ЧелГУ. 2009. №30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dinamike-spontannoy-rechi> (дата обращения: 19.02.2023).
- Зияева С. А. Социальные факторы и проблемы построения социально корректного коммуникативного акта // Современная филология: материалы VI междунар. науч. конф. (г. Казань, март 2018 г.). Казань: Молодой ученый, 2018. С. 22–24.
- Костецкая Ю. С. Влияние морфологических конструкций английского и хинди на порядок слов в предложении в хинглише // Материалы Шестой межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания». СПб.: 2017. С. 73–79.
- Моисеева И. Ю. Речевое поведение в профессиональной деятельности [Электронный ресурс]: учебное пособие / И. Ю. Моисеева, Е. А. Мельникова; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Оренбург. гос. ун-т». Оренбург: ОГУ. 2021. 113 с.

- Мусин И. Х. Социолингвистические аспекты речевого поведения в условиях двуязычия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 24 с.
- Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Л.: Наука, 1972. 78 с.
- Тезекбаева Г. А. Спонтанная речь как объект лингвистики // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. №1. С. 76–79.
- Eilert R. English in India, a study of native Hindi speakers in Delhi: Australian National University, 2006. 92 с.

Kostetskaya, Yu. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

SPEECH BEHAVIOR OF MODERN INDIAN BILINGUALS IN THE CONTEXT OF SPONTANEOUS SPEECH

The article examines the speech behavior of modern Indian bilinguals. The concepts of speech behavior, bilingualism and spontaneous speech are considered. Various factors influencing the choice of language by bilinguals in conversation are revealed. Based on the linguistic, sociolinguistic and statistical analyses of Hindi-English bilinguals' statements the conclusion about the direct dependence of the choice of language on the topic of the conversation is made.

Bilingualism, language behavior, Hindi, English, spontaneous speech, language contacts

УДК 81-25

А. С. Маркелов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

alexander677@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНО-ИГРОВОГО ДИСКУРСА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются особенности лексики в геймерском дискурсе. В качестве материала исследования используются неологизмы, сокращения, заимствования из английского языка. В статье делается вывод, что особенности лексики и терминологии геймерского дискурса представляют собой не только язык общения игроков, но также оказывают влияние на язык и на Интернет-дискурс, внося в него сленгизмы, особенно популярные среди молодежи.

Сленгизм, сокращение, геймер, неологизм, заимствование, упрощение

Связь языка с обществом и культурой весьма очевидна, как и то, что язык является живой системой, которая постоянно находится в процессе изменения, адаптации к современным и актуальным реалиям. Развитие информационных технологий еще с середины прошлого века оказывает значительное влияние на изменение лексического состава языка. Компьютерная коммуникация открывает новые грани в человеческом общении, порождая новые дискурсивные практики, в которых язык подвергается большим изменениям и, несмотря на то что понятие «компьютерный дискурс» вошло в науку о языке сравнительно недавно, уже существует немало работ, в которых это понятие изучается. Компьютерно-игровой дискурс можно определить, как совокупность текстов, объединенных общей тематикой, связанной с компьютерными играми различных жанров [Королев, 2018, с. 124].

Игровой процесс и внутриигровая коммуникация происходят в режиме «онлайн», ведь именно там возможно общение между реальными людьми посредством внутриигровых чатов. Безусловно, на стилистику и особенности таких чатов влияет общая тенденция и паттерны общения в Интернете: социальные сети, форумы и прочее. Так, А. В. Усачева [2014], выделяет ряд особенностей коммуникации в сети Интернет, которые распространяются и на внутриигровую коммуникацию: анонимность (использование «никнеймов» вместо реального имени), добровольность контактов, стремление к нетипичному поведению (это может выражаться, например, в проигрывании нереализуемой в деятельности вне сети роли) и другие. М. А. Кропачева и Е. С. Литвинова [2020], также рассматривают и анализируют речь игроков массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр, отмечая, что виртуальное общество и общение очень похожи на реальные, а природа такого общения создает ощущение безопасности, с одной стороны, и безнаказанности, с другой.

Говоря об особенностях русскоязычного геймерского дискурса, стоит отметить, что он также тесно связан с общим Интернет-дискурсом. Из его особенностей выделяются склонность к упрощению, намеренное использование грамматических и лексических ошибок для создания эффекта иронии, употребление заимствований и мемов в речи. Компьютерно-игровой дискурс, особенно рассматривая онлайн-игры, можно отчасти назвать ответвлением от Интернет-дискурса. Игроки, желая выглядеть более современными, а также для упрощения восприятия и донесения информации другим коммуникантам и участникам игры, начинают употреблять слова и выражения, отличающиеся от общепринятой, формальной речевой нормы. В ход идут сокращения, иностранные слова, а для обозначения новых процессов и явлений создаются неологизмы [Щербина, 2018, с. 395].

Русскоязычными геймерами в первую очередь активно используются сокращения, заимствования и лексика из популярных мемов. Приведем некоторые примеры:

Кек, лол – англ. аббревиатура *lol – laughing out loud* «громко смеюсь», «умираю от смеха» – эти слова выражают усмешку, часто ироническую. В современном русском языке они употребляются на ежедневной основе, особенно молодежью, став одними из самых частотных неологизмов и единицами Интернет-лексики по употреблению, то есть переместились из виртуально-письменного в реально-устное общение. Стоит отметить, что в некоторых контекстах данные слова активно используются даже в качестве междометий, утратив свой изначальный смысл – передачу эмоции радости и смеха.

Пр чд – сокращение и упрощение от «привет, что делаешь?». Также является универсальным в употреблении как в игровых онлайн-чатах, так и в Интернет-общении.

Го – англ. *go* «идти». В компьютерно-игровом дискурсе часто употребляется как согласие, например: «Го гриндить тех мобов?» – «Го!».

Касты – англ. *cast* «бросать», «метание». Этим словом означают заклинания, которые игровые персонажи «кастуют», то есть применяют, используют. Часто относится к таким внутриигровым заклинаниям, как огненные шары, глыбы льда – то, что можно «бросить» в противника.

Хил, танк, дд (или дамагер) – англ. *heal, tank, damage dealer* «лекарь», «танк» и «игрок, наносящий урон». Это названия классов внутриигровых персонажей, их роли. Хил – это класс, специализирующийся на заклинаниях лечения союзников. Танки – игровые персонажи с повышенным уровнем здоровья, способные принимать на себя много урона для защиты союзников. Дамагеры – те, кто наносят много урона противникам. Геймеры часто играют группами, где присутствуют все эти классы.

Мобы – англ. *mob* «стая», «толпа», «множество» – обозначение для внутриигровых монстров, существ в мире игры, против которых сражаются персонажи.

Данж – англ. *dungeon* «подземелье». Это сокращение используется для обозначения различных подземелий в игре, то есть мест, куда игроки могут отправиться ради получения внутриигровой добычи, опыта или других наград. Не всегда этим словом означается именно подземелье: это может быть отдельная зона, не связанная с общим внутриигровым миром.

Гринд – англ. *grind* «размалывание», «перемолоть» – это процесс развития внутриигрового персонажа, включающий в себя многочисленные победы над различными монстрами, прохождение различных испытаний

и подземелий. Под этим понятием как правило подразумевается многочасовой процесс игры ради добычи ресурсов или внутриигровых ценных предметов.

Кк – сокращение от *ok, ok* «хорошо», «ладно».

Твинк – англ. *twink* «моргание» – в лексиконе геймеров этим словом означают дополнительных внутриигровых персонажей.

По кд – сокращение от «по кулдауну» англ. *cool down* «охлаждаться». Этим означает промежуток времени, пока перезагружается шкала игровой способности или заклинания для того, чтобы снова использовать его сразу после того, как оно будет готово. В устной речи «по кд» может означать повторение некоего действия, например: «Я звонил им по кд около десяти минут, но никто не отвечал» – человек повторял звонки в течение 10 минут без перерыва.

Брб – аббревиатура от англ. *be right back* «скоро буду», «скоро вернусь». Если человеку нужно отойти от компьютера, то своим товарищам по игре он может написать «брб», что будет означать, что он скоро вернется и сможет продолжить игру.

Перс – сокращение от «персонаж» – внутриигровой персонаж, которым управляет сам геймер.

Вышеприведенные примеры – лишь малая часть неологизмов и сленгизмов, используемых русскоязычными геймерами в онлайн-играх, при этом доля неологизмов, включающих англицизмы, огромна. Это обусловлено доминацией США в разработке игр: с одной стороны, английский язык является для них родным, а с другой стороны – это мировой язык, считающийся самым популярным и достаточно простым для изучения. Таким образом, геймеры из разных стран часто играют в игры на языке оригинала, то есть на английском. Слова и термины, используемые в играх, перешли в русский язык практически дословно: они были заимствованы, пройдя этапы семантического приспособления, фонетической и грамматической адаптации. Это адекватно и для других языков и геймеров из других стран: английская лексика, означающая те или иные события и явления в играх, будет известна практически всем геймерам из разных стран. Если рассматривать не общепринятую геймерскую лексику на английском языке, а локальную, прошедшую этапы заимствования для конкретного языка, то даже в этом случае основа данной лексики будет именно английской, ведь, например, «фарм» и «*farming*» (англ. *farm* «добыча», «добывать», «собирать») – это идентичные друг другу термины, которые употребляются в русскоговорящей среде и в полиязычной соответственно.

Язык геймеров все больше и больше проникает в Интернет-дискурс, превращаясь в новый и современный стиль общения в играх, мессенджерах,

тематических сайтах. К самым продуктивным способам образования данной лексики относятся сокращение, словосложение, а в основе неологизмов компьютерно-игрового дискурса, безусловно, в большинстве своем лежат именно англицизмы.

Язык геймеров, как и язык Интернет-общения, придает общепотребительному языку особое своеобразие, ведь он рожден в среде молодых Интернет-пользователей и игроков, и со временем все активнее проникает в общепотребительный язык, стремясь стать нормой или, по крайней мере, занять в нем свое устойчивое и достойное место.

ЛИТЕРАТУРА

- Королев И.О. Компьютерно-игровой дискурс как разновидность компьютерной [Электронный ресурс] URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/2b62fc75-35a5-400a-84db-dccdfc13edbb> (дата обращения: 18.03.2023).
- Кропачева М.А., Литвинова Е. С. Ситуативно обусловленная речь игроков массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр на примере ситуации сбора группы для прохождения подземелья // МНКО. 2020. №2 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situativno-obuslovlennaya-rech-igrokov-massovyh-mnogopolzovatel'skih-rolevykh-onlayn-igr-na-primere-situatsii-sbora-gruppy-dlya> (дата обращения: 30.03.2023).
- Усачева Александра Васильевна Психологические особенности интернет-коммуникаций // Вестник ГУУ. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-internet-kommunikatsiy> (дата обращения: 30.03.2023).
- Щербина В.Е. Язык геймеров как компонента молодежного сленга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. No 3(81). Ч. 2. С. 395–398.

Markelov, A. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

FEATURES OF COMPUTER-GAMING DISCOURSE IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The article discusses the peculiarities of vocabulary in the gaming discourse. Neologisms, abbreviations, loan words from the English language are used as the research material. The article concludes that the features of the vocabulary and terminology of gaming discourse are not only the language of communication of players, but also have an impact on the change of language and Internet discourse, introducing slangisms into it, especially popular among young people.

Slangism, abbreviation, gamer, neologism, loan words, simplification

УДК 81-2

В. Д. Мельникова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

neutronka2001@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КАНАДЕ

В статье рассматривается языковая ситуация в Канаде. Особое внимание уделяется правовой защите и поддержке французского языка на разных уровнях власти и общества. В статье выявлены особенности использования и сочетания официальных языков в медийном дискурсе, а также их соотношение с официальной политикой двуязычия.

Языковая ситуация, билингвизм, Канада, франкофоны, англофоны, языковая политика

Большинство современных государств многонациональны и характеризуются интерференцией языков и двуязычием. Это могут быть как народы, проживающие на определенной территории с глубокой древности, так и те, кто поселился там намного позднее. Канада представляет собой интересный пример страны, в которой сосуществуют два официально признанных государственных языка: английский и французский. Помимо этих двух языков, на территории Канады также функционируют языки автохтонного населения, например, кри, дене и инуктитут, и языки иммигрантов – китайский, испанский, арабский, итальянский, немецкий.

Представляется интересным обратиться к языковой ситуации Канады в связи с всеобщими процессами глобализации, а также увеличивающимся интересом к изучению языковых контактов.

На сегодняшний день наблюдается следующее языковое соотношение: доля франкоговорящего населения составляет 21%, англоговорящего – 75% [These Are the Languages...]. Большая часть франко-канадцев расположена в провинции Квебек, где французский язык является первым языком для большинства ее граждан, а английский является языком меньшинства. Согласно данным переписи населения, за последние 50 лет доля франкоговорящего населения значительно уменьшилась. Так, в 1971 году франкофонов было 27%, в 1996 году – 24%, а в 2016 всего 22% от общего числа населения страны [Statistics on official ...].

Сокращение численности франкоязычного населения обусловлено различными факторами, включая влияние факторов естественного прироста,

таких как рождаемость и смертность, а также факторов, связанных с внутренней и международной миграцией. Поэтому во всех провинциях и территориях французский язык пользуется правовой защитой и поддержкой со стороны Правительства и других учреждений. Например, the Official Languages Act (англ. «Закон об официальных языках») направлен на обеспечение равных языковых прав англоговорящих и франкоговорящих канадцев на законодательном уровне, а в 2005 году была создана должность комиссара по официальным языкам для контроля за соблюдением Закона; институциональные реформы в рамках программы La Francophonie (фр. «Франкофония»), направлены на оснащение учреждений необходимыми инструментами для продвижения и защиты французского языка; официальные языковые программы для поддержки изучения английского и/или французского в качестве первого или второго языка соответственно; Action Plan for Official Languages – 2018–2023: Investing in Our Future (англ. «План мероприятий по официальным языкам – 2018-2023: Вклад в наше будущее») направлен на поддержку официальных языковых меньшинств и продвижение английского и французского языков в канадском обществе. План предусматривает инвестиции в размере 499,2 миллиона долларов в течение пяти лет, что является крупнейшей федеральной инвестицией в официальные языки в истории Канады.

Число билингвов в Канаде, владеющих обоими официальными языками, в период с 1996 по 2021 года выросло с 17% до 18% [Official languages and bilingualism ...]. Одной из причин изменения ситуации является увеличение популярности изучения второго языка. Так, 84% франкофонов и 65% англофонов считают, что изучение обоих официальных языков способствует лучшему взаимопониманию между канадцами [The majority of Canadians ...].

Билингвизм как социальное явление является неотъемлемой частью канадской идентичности на протяжении многих лет. Существует большое количество работ отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных понятию билингвизма. Несмотря на это, определение «билингвизма» как особенности языковой ситуации варьируется. В нашем исследовании предоставляется возможным параллельное употребление терминов «двуязычие» и «билингвизм».

Согласно А. С. Герду, билингвизм – это «способность человека к употреблению двух языков в зависимости от ситуации, обстановки» [Герд, 2001, с. 35]. Герд выделяет несколько видов билингвизма:

1. Билингвизм от рождения – ситуация, когда ребенок вырастает в смешанной семье или среде и с детства отлично владеет обоими языками.

2. Территориальный билингвизм – результат межязыковой интерференции у народов-соседей, долго проживших рядом.

3. Социально или «прагматически обусловленный» билингвизм – это билингвизм всех иммигрантов, которые сталкиваются с другим языком и вынуждены становятся билингвами, чтобы приспособиться к социальным условиям новой среды обитания. К этому же типу А. С. Герд относит обретенное в процессе сознательного обучения и употребления языка двуязычие большей части интеллигенции. Однако, наиболее точное определение, на наш взгляд, дал другой ученый У. Вайнрайх. Он утверждал, что билингвизм – это практика попеременного использования двух языков, а лица, участвующие в ней – билингвы [Weinreich, 1953, с. 1].

Обычно двуязычие продуктивно, то есть билингв способен активно использовать второй язык. Особый случай двуязычия представляет пассивный (рецептивный) билингвизм – такое владение вторым языком, когда индивид его понимает, но сам текстов на нем практически не порождает. Для «двустороннего» пассивного билингвизма, когда каждый из коммуникантов пользуется своим языком, но понимает язык другого, используется термин дуалингвизм. Это явление характерно на границах распространения двух языков [Беликов, 2001]. Таким образом, термин «билингвизм» многогранен, он объединяет множество аспектов и уровней пользования двумя языками.

Как говорилось ранее, в Канаде существует официальная политика двуязычия, которая предполагает равноправие английского и французского языков во всех сферах общественной жизни. Тем не менее, фактически ситуация выглядит иначе. Для изучения языковой ситуации в стране и ее взаимосвязи с медийным дискурсом были проанализированы средства массовой информации: радио, газеты и телевидение.

По данным на 2023 год, в Канаде функционирует примерно 1107 газетных изданий различной тематики и периодичности [Newspapers in Canada]. Из них 75% приходится на англоязычные газеты, 23% – на франкоязычные газеты, остальные 2% приходятся на газеты, написанные на других языках, таких как китайский, арабский, немецкий, итальянский, японский и другие [Distribution of newspaper ..., Available foreign language ...]. Также некоторые газеты доступны как на английском, так и на французском языках. Например, Le Droit, The Chronicle Herald, The Montreal Gazette, The Telegram и другие. Особый интерес представляет ситуация в провинции Квебек, которая является центром франкоязычной культуры в Канаде. Согласно отчету Статистического управления Канады за 2019 год, в Квебеке выходило 146 газет, из которых 114 издавались на французском языке, 19 – на английском

языке и 13 – на других языках. Это свидетельствует о превосходстве французского языка как основного средства коммуникации в этой провинции.

Однако не только печатные СМИ отражают языковое неравенство Канады. Радиовещание в стране осуществляется на английском и французском языках, на восьми языках коренных народов и пяти иностранных [CBC/Radio-Canada]. В 2018 году в стране функционировала 841 радиостанция. Из них большинство (58% или 489) имели лицензию на вещание исключительно на английском языке. На втором месте по численности были радиостанции с лицензией на вещание только на французском языке (28% или 232). Оставшиеся 14% (или 120) имели право вещать как на английском, так и на французском языках [Communications Monitoring Report ..., Number of radio ...].

Телевидение является мощным инструментом для поддержания французского языка. Точный процент телевизионных программ в Канаде, которые транслируются на французском языке, может варьироваться в зависимости от источника и метода измерения. Однако, согласно отчету CRTC¹, основанному на средних еженедельных часах просмотра канадских телевизионных служб в 2018 году, на франкоязычные программы приходилось 28% от общего количества часов просмотра, а на англоязычные – 67%, Остальные 5% – программы на других языках [Communications Monitoring Report].

Немаловажную роль в ситуации двуязычия играет субтитрование телепередач. Субтитры на втором официальном языке – это один из способов обеспечения языковой доступности телевизионного контента для различных групп зрителей. В Канаде существуют разные правила и практики использования субтитров в зависимости от тематики и типа канала, а также региона транслирования. Некоторые каналы по закону обязаны предоставлять возможность использования субтитров для всех своих программ, например, крупнейший государственный телеканал CBC/Radio-Canada, другие телеканалы могут предоставлять субтитры добровольно, например ABC Spark¹, BBC First¹, Disney Channel².

Средства массовой информации формируют общественное мнение, сохраняют культурную и лингвистическую идентичность разных групп населения. В ходе анализа наблюдается явное превосходство англоязычных СМИ. Исключением является провинция Квебек, где французский язык имеет юридические привилегии и высокую социальную престижность. Но, несмотря на единственный официальный язык, даже в этом регионе наблюдается использование английского, особенно в виде смешения кодов. Таким образом,

СМИ отражают не только информационные потребности населения Канады, но и сложную языковую реальность страны.

Сегодня французский язык имеет мощную поддержку со стороны государства. Однако современная демографическая ситуация свидетельствует о постепенном уменьшении доли франкоязычного населения. Больше половины всех франко-канадцев уверены, что правительство неэффективно защищает официальные языки [The majority ...]. Тем не менее, нельзя отрицать положительные тенденции. Например, повышение спроса к изучению второго официального языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Беликов В. И. Социоллингвистика: Учебник / В. И. Беликов, Л. П. Крысин; - М.: РГГУ, 2001.
- Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб., 2001.
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003.
- Available foreign language media in Canada URL: <https://www.languagetrainers.ca/blog/what-foreign-language-media-is-available-in-canada/> (дата обращения 19.03.2023)
- CBC/Radio-Canada URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/canadian-broadcasting-corporation> (дата обращения 20.03.2023).
- Communications Monitoring Report 2019
URL: <https://crtc.gc.ca/eng/publications/reports/policyMonitoring/2019/cmr5.htm> (дата обращения 20.03.2023).
- Distribution of newspaper circulation in Canada in 2022, by format
URL: <https://www.statista.com/statistics/1208645/newspaper-circulation-by-format-canada/> (дата обращения 19.03.2023).
- Newspapers in Canada URL: <https://www.statista.com/topics/2969/newspapers-in-canada/#topicOverview> (дата обращения 19.03.2023).
- Number of radio and audio services authorized in Canada from 2012-2018, by language of broadcast
URL: <https://www.statista.com/statistics/430685/language-radio-audio-service-canada/> (дата обращения 20.03.2023).
- Official languages and bilingualism are at the heart of Canadian identity
URL: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/services/official-languages-bilingualism/publications/statistics.html> (дата обращения 19.03.2023).
- Statistics on official languages in Canada URL: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/services/official-languages-bilingualism/publications/statistics.html#a3> (дата обращения 18.03.2023).
- The majority of Canadians perceive official languages positively
URL: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/services/official-languages-bilingualism/publications/statistics.html> (дата обращения 19.03.2023).
- These Are the Languages Spoken in Canada According to 2021 Census URL: <https://www.todocanada.ca/these-are-the-languages-spoken-in-canada-according-to-2021-census/> (дата обращения 18.03.2023).

Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems / U. Weinreich; with a pref. Andre Martinet. – N.-Y., 1953.

Melnikova, V. D.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

SEVERAL PECULIARITIES OF THE LANGUAGE SITUATION IN CANADA

The article focuses on the language situation in Canada. Special attention is given to the legal protection and support of the French language at different levels of government and society. The article discusses the peculiarities of the use and combination of official languages in media discourse, as well as their relationship with the official policy of bilingualism.

Language situation, bilingualism, Canada, francophones, anglophones, language policy

УДК 811.541

Д. А. Пак

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)*

dmitriypark7@gmail.com

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ АЙНСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА

Айнский язык всегда вызывал большой интерес со стороны лингвистов-востоковедов. Грамматическая система этого языка отличается от языковых систем окружающих народов и имеет сходства с языковыми системами жителей отдаленных уголков Земли. Этническое происхождение айнов на сегодняшний день доподлинно неизвестно. В настоящем докладе рассмотрены языковые модели айнского языка на примере глагола, как одной из двух главных частей речи языка айнов. Представлены словообразовательные средства глагольных форм айнского языка.

Айны, айнский язык, глагол, переходный глагол, непереходный глагол, число, префикс, суффикс.

В современном мире активно происходит процесс глобализации, который способствует не только развитию стран, но и, с другой стороны, ускоряет унификацию культур. Из-за этого языки и культуры многих народов находятся на грани исчезновения. Особенно уязвимыми становятся языки малых народов, например, айнский язык.

Айнский язык – это язык айнов, народа на севере Японии (о. Хоккайдо). Айны являются древнейшим населением японских островов, которые основали культуру Дземон, и имеют сложную и долгую историю ассимиляции в японском обществе. Предки современных айнов мигрировали из Восточной и Юго-Восточной Азии в Японию в период мезолита – раннего неолита и до середины XX в. жили также на юге острова Сахалин и Курильских островах.

Айнский язык – это агглютинативный язык с чертами флективности. Четко различаются существительные и глаголы. Они различаются как синтаксическими свойствами, так и морфологически, различными системами аффиксов. В действительности, глаголы айнского языка включают в себя множество аффиксов и изменяются в длинные формы. [Kindaichi, 1960, с. 30].

Глаголы айнского языка разделяют на две группы: полные (*kandoshi*) и неполные (*fukandoshi*). Данные группы разграничиваются как валентностью, так и морфологическими свойствами, так как по-разному присоединяют личные префиксы [Kindaichi, 1960, с. 33].

Полные глаголы могут сами по себе образовывать сказуемое в предложении, а неполные глаголы обязательно должны иметь в своем составе объект или дополнение. Таким образом, полные глаголы соответствуют непереходным глаголам, а неполные глаголы – переходным.

Примеры непереходных глаголов (полные):

– *mean* «есть холодно (о погоде)» – *me* «холод» *an* «быть / есть»;

– *sirpirka* «погода есть хорошая» – *sir* «состояние / условие» *pirka* «быть / есть хорошая»;

– *sirsak* «лето пришло» – *sir* «состояние / условие» *sak* «есть лето»;

– *poison cis* «ребенок заплакал».

Многие фразы построены из *sir* «состояние / условие» + полный глагол. В таких примерах служебная часть речи и глагол рассматриваются как одно слово [Tamura, 2000, с. 36].

Субъекты и объекты (дополнения) в переходных глаголах не всегда имеют точное значение. Значение определяется из контекста:

– *ekasi okkauro nukar* «дедушка увидел юношу»;

ekasi – дедушка / старик; *okkauro* – юноша;

– *okkauro katiu rayuke* «Юноша убил медведя».

katiu – медведь.

Некоторые переходные глаголы имеют два объекта.

– *casa weysisam icen kore* «Старший дал бедному японцу немного денег».

casa – старший; *weysisam* – бедный японец; *icen* – деньги; *kore* – отдать.

– *huci sisam-okkauro aynu-itak epakasnu* «Бабушка научила японскую молодежь айнским словам».

huci – бабушка; *sisam-okkauro* – японскому молодежь; *aynu-itak* – айнским словам; *epakasnu* – научить.

В приведенных выше примерах слова *ekasi* и *huci* могут означать как кровного родственника, так и кого-то достаточно старого, чтобы быть «дедушкой» или «бабушкой» [Tamura, 2000, с. 37].

Связки содержат как субъект, так и дополнение.

– *toan hekaci ku-poho ne* «Этот юноша – мой сын».

toan – этот; *hekaci* – юноша; *ku-poho* – сын; *ne* – глагол-связка.

Глагол-связка *ne* в некоторых случаях может быть заменен другими словами.

В восклицательных предложениях вместо *ne* используется *an* после следующих слов: *ruwe*; *hawe*; *humi*; и *siri*.

– *ku-ipe rusuy humi an!* «Я голоден!».

В вопросительных предложениях вместо *ne* глагол-связка обычно используется *an* (есть / быть). Не только после *ruwe*, *hawe*, *humi* и *siri*, но и после любой обычной фразы существительного, *an* используется вместо формы третьего лица глагола-связки [Tamura, 2000, с. 38].

– *hempara ek kusu-ne ruwe an?* «(Интересно) когда он собирается прийти?».

hempara – когда; *ek* – прийти; *kusu-ne* – собираться; *an* – глагол-связка.

– *inanpe ku-kor kor pirka hawe an?* «Какую из них я должен взять?».

inanpe – какую; *ku-kor* – должен; *kor* – если / из; *pirka* – лучше; *an* – глагол-связка.

– *hunak un e-arpa siri an?* «Куда ты идешь?».

hunak – куда; *un* – в направлении; *e-arpa* – идешь; *siri* – видимо; *an* – глагол-связка.

– *tapan itak mak a-ye itak an?* «Как вы произносите это слово?».

tapan – это; *itak* – слово; *mak* – как; *a-ye* – произносить / воспроизводить; *itak* – слово; *an* – глагол-связка.

– *hunna an?* «Кто это / кто ты?».

hunna – кто; *an* – глагол-связка.

Семантически переходные глаголы (по крайней мере, непроеизводные) обозначают действия людей или животных. Примеры: *koyki* «ловить», *'e* «есть», *kasuy* «помогать», а также *ni* «слышать», *nukar* «видеть», *rami* «думать». Непереходные глаголы обозначают состояния, признаки, качества и некоторые действия людей, животных и неодушевленных предметов. Например: *mina* «смеяться», *cis* «плакать», *'iruska* «сердиться», *pewre* «быть молодым», *poro* «быть большим», *'arpa, paye* «идти» [Алпатов, 1997, с. 80].

Тамура Судзуко и другие исследователи утверждают, что главное различие между глаголами этих двух групп связано с их валентностью: непереходные глаголы – одновалентны, переходные – многовалентны (двухвалентные и трехвалентные глаголы присоединяют личные префиксы одинаково, но могут различаться своей структурой). Следовательно, обычная характеристика данных глаголов как переходных и непереходных вполне верна. Тем самым, этот язык относится, в основном, к языкам номинативного строя [Tamura, 2000, с. 39].

Практически любой глагол айнского языка может присоединять показатели, меняющие валентность и одновременно семантическую характеристику глагола в указанном выше виде. Присоединение многих показателей происходит достаточно регулярно, однако вопрос в том, следует ли считать их словоизменительными или словообразовательными, требует

дополнительных исследований. Префиксы 'e-, ko- указывают на то, что данное действие или состояние распространяется еще на одного участника; присоединяясь к основам непереходных глаголов, они синтаксически и морфологически становятся переходными; присоединяясь к основам переходных глаголов, они не меняют морфологических свойств глагола, однако увеличивают его валентность:

- *wen* «быть плохим» (непереходный глагол);
- *kowen* «быть плохим (для кого-либо), не нравиться (кому-либо)» (переходный глагол);
- *'ikka* «быть вором, заниматься воровством» (непереходный глагол);
- *'e'ikka* «украсть что-либо» (переходный глагол);
- *ko'e'ikka* «украсть что-либо у кого-либо» (переходный трехвалентный глагол).

Теми же свойствами обладает и суффикс. *-re*, однако он дополнительно имеет каузативное значение. Префикс. *'i-*, наоборот, понижает валентность глагола, преобразуя переходные глаголы в синтаксически и морфологически непереходные:

- *niue* «резать что-либо» (переходный глагол);
- *'iniue* «заниматься нарезанием» (непереходный глагол).

Префикс *yaу-* также понижает валентность – в значение возвратности. Суффикс *-yar* имеет значение каузации неопределенного множества лиц, которое не обозначается; в отличие от других аффиксов он не меняет валентности глагола. Например, *kiyere* «позволяю говорить» (переходный глагол) и *kiueyar* «позволяю говорить кому-либо» (непереходный глагол).

Существует несколько глаголов, которые различаются по числам. Среди них есть несколько высокочастотных глаголов. Примеры глаголов с формами единственного и множественного числа приведены ниже.

Множественное число оканчивается на *-ra*.

- *maka* | *makpa* «открывать»;
- *osura* | *osurpa* «выкидывать»;
- *yasa* | *yaspa* «разрывать, раскалывать»;
- *hopuni* | *hopunpa* «вставать, летать»;
- *hosipi* | *hosippa* «возвращать»;
- *turi* | *turpa* «растягивать»;
- *yaku* | *yakpa* «дробить, сокрушать»;
- *hetuku* | *hetukpa* «выращивать, созревать»;
- *piru* | *pirpa* «протирать».

К этой модели можно подобрать много примеров. В зависимости от диалекта, используемые слова могут отличаться, но таких пар более ста. В основном, корень *eve* с гласной присоединяется к нему для образования переходного глагола единственного числа, а корень с *-ra* образует множественное число. При помощи префиксации других элементов к переходным глаголам, созданным таким способом, можно получить другие

глаголы. Например, переходный глагол *horuni* | *horunpa* «вставать; летать» состоит из глагола *pin-i* | *pin-pa* «поднимать, подниматься».

Единственное число заканчивается на *-n*; множественное число заканчивается на *-p*.

- *ahun* | *ahup* «заходить»;
- *asin* | *asip* «возникать»;
- *ran* | *rap* «выходить»;
- *rikin* | *rikip* «подниматься»;
- *san* | *sap* «спускаться (вниз) к морю»;
- *yan* | *yap* «сойти на берег; высадиться на берег»;

В этом примере есть только шесть вышеупомянутых пар.

Из этих пар последние четыре состоят из именных корней, к которым присоединены *-n* или *-p*, а именно *ra* «ниже»; *rik* «выше»; *sa* «направление в сторону моря»; и *ya* «земля». Происхождение *asin* | *asip* «возникать» не установлено.

Каждый из этих глаголов может состоять из суффиксов *-ke/-te*, или *-ka* (единственное число) и *-te* (во множественном числе), чтобы получились следующие переходные глаголы.

- *ahunke* / *ahunte* | *ahupte* «(кто-то) заходит»;
- *asinke* | *asipte* «вытащить»;
- *ranke* | *rapte* «снизить, понизить»;
- *rikinka* | *rikipte* «поднять»;
- *sanke* | *sapte* «спускать (вниз) к морю»;
- *yanke* | *yapte* «высадить на берег, надеть (на что-либо)».

Понятия единственного и множественного числа отличаются от понятий в английском, французском и т.п. языках. В этих языках число соответствует количеству субъектов, т.е. определяется подлежащим, но в айнском языке число связано с действием, выраженным сказуемым, и количеством событий. Например, *tuue* «резать» (в ед.ч.) означает, что один человек режет один раз, а *tuupa* «резать» (во мн.ч.) означает, что два или более человек режут; один человек режет более одного объекта; или один человек режет один объект более одного раза. Когда режут больше одного предмета или когда один предмет разрезают на несколько частей, поскольку данное действие происходит более одного раза, используется форма множественного числа. Однако, когда разрезается много предметов или когда один предмет разрезается на несколько частей, поскольку действие последовательно повторяется, обычно используется редуцированная форма *tuupatuupa*. Для *rayke* | *ronni* «убить», независимо от того, сколько людей участвует в убийстве, поскольку это событие происходит только в момент смерти человека или животного, используется единственное число. Например, независимо от того, сколько человек участвует в охоте, если убит один медведь, используется единственное число *rayke*, однако если два или более медведей, используется форма множественного числа *ronni* [Алпатов, 1997, с. 83].

Соответственно, для переходных глаголов число часто согласуется с числом объекта.

- *orutiye* «толкать одного человека (ед.ч.)»;
- *orutiura* «толкать двух или более людей (мн.ч.)».

Однако *eratiuan* означает «один человек понимает (ед.ч.)», а *eratiuoka* – «два или более людей понимают (мн.ч.)».

Следует отметить, что при указании числа с помощью числительного, если это число небольшое, например, два, три или иногда четыре, используется форма единственного числа глагола. Для больших чисел используется форма множественного числа.

- *tu okkayro ek* «Двое юношей пришли»;
- *re cise as wa an* «Три дома стоят»;
- *ine nispa ek ruwe ne* «Четверо джентльменов подошли».

ine – четыре; *nispa* – джентльмен; *ek* – подошел; *ruwe* – доказано; *ne* – глагол-связка.

- Когда их больше четырех, обычно используется форма множественного числа.
- *tupesaniw ka arki ruwe ne* «Восемь человек пришло».

Когда число не указано, например, при использовании таких терминов, как «много» или «несколько», при наличии двух или более объектов используется множественное число.

- *inne utar arki* «Много человек пришло»;
- *cise poronno roski wa oka* «Множество домов стоят».

В настоящее время айнский язык не используется в повседневной жизни. Однако в наши дни среди айнов возобновился интерес к изучению языка и передаче его, как части культурного наследия, последующим поколениям. Кроме того, айны оказали влияние на формирование японской нации, становление ее культуры и языка; учет этих обстоятельств является весьма важным для японистики. Вот уже несколько лет среди айнов наблюдается обеспокоенность исчезновением их языка, и отдельные энтузиасты стремятся его возродить. Но, к сожалению, эти усилия встречают сильное сопротивление, и до полного возрождения языка еще далеко. Поскольку айнский язык находится на грани исчезновения, крайне необходимо проводить его дальнейшее исследование с целью сохранения не только самого языка, но и культурной самобытности айнов. В этой связи уместно вспомнить слова великого лингвиста Вильгельма фон Гумбольдт – «язык – это дух народа».

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М. Айнский язык. Языки мира. Палеоазиатские языки. – Москва: Индрик. С. 1997
- Алпатов В. М. К типологической характеристике айнского языка. Вопросы языкознания. №2. 1983
- Научная электронная библиотека КиберЛенинка. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-assimilyatsii-i-sovremennoe-polozhenie-aynov-v-yaponskom-obschestve/viewer> (дата обращения: 17.02.2023).
- Электронная Большая российская энциклопедия URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/5036632> (дата обращения: 18.02.2023).
- Kindaichi Kyōsuke: Ainu bunkashi 金田一京助選集: アイヌ文化志.1960

Simeon G. J. The Phonemics and Morphology of Hokkaido Ainu // University of Southern California. 1968.
Suzuko Tamura. The Ainu Language // SANSEIDO. 2000.

Park, D. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

WORD-FORMATION MODELS OF THE AINU LANGUAGE ON THE EXAMPLE OF THE VERB

The Ainu language has always caused a great interest among Oriental linguists. The grammatical system of this language differs from the language systems of the surrounding nations and has similarities with the language systems of people living in distant corners of the Earth. The ethnic origin of the Ainu is at this moment not reliably known. This article examines the linguistic patterns of the Ainu language using the example of the verb as one of the two main parts of the Ainu language. Word-formation facilities of the verb forms of the Ainu language are presented.

Ainu, Ainu language, verb, incomplete verb, complete verb number, prefix, suffix

УДК 800.900

О. А. Преображенская

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

mminsh@yandex.ru

ФРАГМЕНТ ФИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматривается специфика финской языковой картины. Исследуются объекты, характерные для данной культуры, и их языковая экспликация. Отмечаются особенности данной культуры в рамках классификации по Холлу, а также основные черты национального характера.

Картина мира, языковая картина мира, ландшафт Суоми, гидронимы, биоморфный код.

Понятия «картина мира» и «языковая картина мира» в современной лингвокультурологии стали классическими (В. А. Маслова, Т. Б. Радбиль, С. Г. Тер-Минасова и др.). Каждая культура имеет как универсальные, так национально-специфические черты, которые эксплицируются в вышеназванных форматах. Инструментом их создания являются шесть культурных кодов: соматический, пространственный, временной,

биоморфный, предметный, ментальный [Красных, с. 83], причем последний является результатом системности и комбинации предыдущих. Именно данное обстоятельство служит в какой-то мере объяснением тех или иных черт национального характера, естественно, с учетом множества иных важнейших факторов: исторических, религиозных, и др.

Картина мира обусловлена национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательны отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [Маслова, с.66]. Язык является наиболее «надежным» средством создания картины мира, отражая конвергентно-дивергентные тенденции различных культур, переходя, по идее В. Гумбольдта «из одного языкового круга в другой».

В течение нескольких недавних лет социологический опрос установил, что финны считали себя самой счастливой нацией Европы. Автору этой статьи приходилось неоднократно посещать Финляндию и находить подтверждение данного положения, также как и свойствам национального характера [Филатова, с. 212–217]. Финн отличается трудолюбием, правдивостью (что связано с наиболее ценными добродетелями в протестантстве – основной религией в Суоми), упорством, самоуважением, уравновешенностью, патриотизмом. Последняя черта подтверждается тем, что финских диаспор за границей их родины практически нет, и что после периода «Великой депрессии» большинство эмигрантов вернулось из США и Европы в Суоми.

В рамках традиционной классификации культур по Э. Холлу Финляндия (как большинство протестантских стран) является индивидуалистской культурой по мужскому типу, бесконтактным структурированием коммуникативного пространства (следствие проживания в лесных местностях на хуторах), в основном монокронной, с размеренным ритмом жизни и низким контекстом [Грушевицкая, с. 235–231].

Финляндия является многонациональной страной, где преобладают финны и шведы (6% населения). Характерно, что среди выдающихся деятелей политики, культуры, науки Суоми (Сибелиус, Т. Янсон, Г. Маннергейм и др.) традиционно доминируют шведы, которым до 1809 г. принадлежала Суоми.

Где финны «берут реванш» – в спорте (П. Нурми – олимпийский чемпион, М. Хаккинен – автогонщик мирового класса; целая плеяда выдающихся спортсменов зимних видов спорта). Спортом нация занимается массово, по всей стране организуются многочисленные мероприятия, в том числе и забавные – «метание» телефонов на дальность, бег с женой/мужем на спине и

т.д. Практически во всех городах даже небольших есть общедоступные бассейны с сауной. Финская поговорка гласит: «Финн рождается в лыжах». Зимой лыжные трассы прокладываются даже на улицах небольших городов.

Финский характер «выковала» прекрасная, но суровая природа, которая является подлинным достоянием нации. Сохранение ее в первозданном виде, высочайший уровень экологии – одна из ведущих жизненных ценностей нации. Даже новорожденным младенцам можно пить воду из-под крана, что неоднократно приходилось наблюдать автору статьи, в первый раз – с чувством ужаса за ребенка.

Ландшафт Суоми необыкновенно живописен, но страна бедна энергетическими ресурсами и полезными ископаемыми. Главным ее природным богатством является лес, а также камень как строительный материал. Одним из основных видов промышленной деятельности является деревообработка, организованная на самом высоком технологическом уровне: это практически безотходное производство с учетом особенности каждого вида древесины. Каждый ствол проходит своеобразный «осмотр» через компьютер, после чего делается заключение о его пригодности к той или иной обработке.

Самой распространенной промышленно обрабатываемой древесиной является сосна. В финском языке фиксируется по крайней мере три однословных обозначения ее видов: с раскидистой кроной (*петяя*), болотная или угнетенная (*мянтюю*), и, наконец, строевая (*хонка*).

Финский язык обладает значительным лексико-семантическим полем с гиперонимом «ЛЕС» (по степени плотности произрастания деревьев): *метса* (чаща), *сало* (бурелом), *корпи* (лесная глухомань), *кангас* (сосновый бор, вересковая пустошь с сосняком) и др. Существует также тематическая группа «ЛЕС» (породы деревьев): *хонка* (сосна), *хаана* (осина), *койву* (береза), *каскас* (можжевельник) и др. Символом Финляндии в рамках биоморфного кода является рябина (что отражено в эпосе «Калевала»), промышленным знаком экологичности продуктов питания – лебедь (*йоутсен*), изображаемый обычно на упаковке.

Леса Финляндии богаты живностью. Характерно, что этимологически название страны интерпретировалось как «страна охотников». Номинативная плотность лексем зооморфной составляющей Суоми может служить очевидным маркером наиболее распространенных животных и птиц: медведь (*карху*, *конттио*), лиса, бобр, глухарь, олень и др. имеют детализированные названия, что свидетельствует о их «значимости».

Каменистый ландшафт Суоми является не только живописным, но и приносящим большой доход стране. Финляндия имеет постоянно расширяющуюся сеть безупречных автомобильных дорог, построенных из национальных природных материалов, а также успешно торгует последними. Финский язык однословно маркирует как мелкий камень, гальку, гравий (*sora*), так и валун, булыжник (*киви*). Антропоморфно (как «спина» трактуется каменная гряда (*селькя*). Для номинации последней иногда используется также неожиданная метафора: «грива лошади» (*харью*).

Самоназвание Финляндии «Суоми» (Страна Болот) указывает прежде всего на положительную коннотацию лексемы *болото*. По мнению финнов болото выполняет важнейшую функцию: сохраняет исторические ценности страны.

Метафорически страну называют краем тысячи озер (*ярви* – «большое озеро», *лампи* – «озерцо»), хотя на самом деле их несколько тысяч. Тематическая группа гидронимов весьма обширна и тщательно «культурно разработана» (термин А. Вежбицкой), что свидетельствует, по мнению этого выдающегося исследователя, не только о констатации факта существования денотата, но о «заинтересованности» в подобной номинации. Последнее обстоятельство не вызывает сомнений – водоемы Суоми изобилуют рыбой. Характерно, что кроме общеизвестных номинаций (река, ручей, берег, мель, пролив и т. д.) в финском языке существует национально-специфическая безэквивалентная лексика: *корга* (мель класса «подводная каменная гряда»), *ниска* (исток реки из озера), *луда* (небольшой каменный островок) и др.

Ограниченность объема публикации дает возможность лишь обозначить подход к серьезному исследованию заявленной темы и может служить своеобразным «стартом» для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Грушевицкая Т.Г. и др. Основы межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
- Филатова С.В. Европа. Том 5. – М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2010.

Preobrazhenskaia, O. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

A FRAGMENT OF THE FINNISH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article discusses the specifics of the Finnish language picture. The objects characteristic of this culture and their linguistic explication are investigated. The features of this culture are noted within the Hall classification, as well as the main features of the national character.

Picture of the world, language picture of the world, Suomi landscape, hydronyms, biomorphic code.

УДК 81-139

И. М. Теплыгина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

imteplygina@etu.ru

АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОБЩЕЖИТИЕ КАМПУСА» УНИВЕРСИТЕТОВ ИТМО И МІТ

В данной работе проводится анализ тематической группы «Общежитие кампуса» университетов ИТМО и МІТ. Данные учебные заведения являются одними из лучших в сфере развития технологий и инновации в Российской Федерации и США соответственно. Представляется важным изучение и анализ академических терминов в научной среде разных стран для осуществления более плодотворного и успешного взаимодействия в данной сфере. В рамках исследования приводятся сходства и отличия в структуре тематической группы обоих университетов.

Тематическая группа, университет, общежитие, наука, дискурс

In the era of rapid development of technology, certain professions have come to the fore: some of them have existed for a long time, while others have appeared quite recently, and for many people they do not even seem to be a real profession, which, for example, can be studied at the professional courses, technical schools and universities. Although it is worth noting that at the level of various courses there is the fastest response to the emergence of new professions. In this respect the activity of all kinds of bloggers, which has captured the minds of many young people, should be pointed out. Nevertheless, in terms of the technological development and challenges of the 21st century not only entertainment professions are extremely important to society.

According to the head of Russian Agency of Health and Consumer Rights (Rosпотребнадзор), Anzor Muzaev, more and more school graduates are planning to dedicate their future to the IT sphere. The excess of law and economics students has been eliminated. The natural science direction and the IT sphere are of increasing interest to the future job-seekers. In 2022 the most popular unified state exam choice is mathematics (97%), the second place is the Russian language (96%), the most popular elective subjects are social studies (45%) and biology (17%) [OBRNADZOR]. Computer science and physics are also among the popular subjects. Thus, the Unified State Exams, various courses for schoolchildren in scientific and technical fields, the number of places in universities and the number of applicants, the level of salaries, the demand for these specialists in the labor market – all these suggest that the professions in the technical sphere are experiencing a Renaissance.

Despite the current political situation, in today's globalized society English remains the main language of academic communication. Although one should not underestimate the new rapidly developing regions in this area, such as Asia and Latin America. In this regard, it also seems important to achieve mutual understanding in terms of terminology in the academic environment.

Different education systems, the state apparatus that regulates this area and other differences do not facilitate this task. Therefore, it is important to conduct a comparative analysis of the academic terminology used in different countries. In terms of this study, theme cluster “Campus dormitories” of two technical universities MIT in the USA and ITMO in Russia is being investigated.

Theme cluster is a set of words or phrases that are related by a common theme or concept. This concept belongs to the field of linguistics and is used to describe the structure of a text or discourse. Theme cluster can be expressed in a sentence, paragraph, or whole text, and often includes keywords or phrases that reflect the main idea. It helps to organize information and make the text more understandable and coherent. This theme cluster focuses on living in dormitories (halls of residence, or residence halls). Various aspects of life in dormitories are discussed – comfort, living conditions, social environment, activities, accessibility of amenities, etc. Participants can share their personal experiences, ask questions and receive advice from other people who have experience of living in dormitories. A theme cluster can cover students, as well as people who live in dormitories, such as company employees, young professionals, etc.

MIT is one of the leading universities in the world in the field of technological development and innovation. Their motto: “Mens et manus” (mind at work). MIT is also a household word in many sci-fi movies. The Massachusetts Institute

of Technology (MIT) was founded in 1861 in Boston, USA. The foundation of the institute was connected with the development of national industry and the need for qualified specialists in the field of engineering sciences.

Initially, the institute was called the “Massachusetts Institute of Arts Technology” and provided training in mechanics, chemistry and industry. In 1865, the institute adopted a new name – the Massachusetts Institute of Technology.

In the early years of its existence, MIT was engaged in the development of new technologies and scientific methods. In 1876, a laboratory was established to conduct research in the field of electrical engineering, which later became the basis for the establishment of an electrical engineering department at the university. In 1900, a physics course was opened, and a few years later a school of physics was founded.

In the 1920s MIT became a kind of "engineering factory" that began to create new technologies based on scientific achievements. Among the institute's inventions were such things as the first circular computer, the first rocket engine and radar. Many famous scientists and engineers have studied or taught at MIT, including Richard Feynman, Noam Chomsky, and Claude Shannon.

ITMO University, also known as the National Research University of Information Technologies, Mechanics, and Optics, is one of the leading technical universities in Russia. Its history dates back to the early 20th century when the first optical institute was founded in Leningrad (now St. Petersburg) in 1918. ITMO is one of the most respected universities in the world academic community. It has established strong partnerships with academic institutions and industry players from around the world, resulting in numerous joint research projects and exchange programs. It has also hosted various international events, including the International Student Olympiad in different subjects: in 2020, ITMO students won the International Physics Olympiad in Puerto Rico, winning 4 gold medals and 1 silver; in 2019, they also won the International Physics Olympiad, winning 5 gold medals, thus the Russian team took first place in the team competition; etc.

Today, ITMO University is internationally recognized for its research and educational achievements in the fields of photonics, computer science, and related disciplines. It has more than 12,000 students and 1,500 faculty members, including Nobel Prize laureates and leading experts in their fields [ITMO].

The main source of information for the study of the theme cluster is the official website of the universities. First of all it was noted that MIT website is only in English, while ITMO offers translation into English, Chinese and Spanish, which directly indicates the willingness for interaction between different countries, and also shows the university's respect for rapidly developing academic platforms beyond the scope of the language of international communication. It is not a very

well-known fact, but China launched their own space station on April 29 2021. Such a breakthrough stays largely uncovered by the media in Western countries and in Russia, where journalists mostly discuss the achievements of NASA and Federal Space Agency (Roscosmos). But it is worth mentioning that MIT website offers a conversion of USA units of measurement into metric system for better understanding of non-Americans' applicants and website readers.

Campus size – 168 acres (0.68 km²)

Playing fields – 26 acres (0.11 km²)

MIT's campus extends more than a mile (1.6 km) along the Charles River.

The city hosts more than 47,000 college and university students, many of whom live within its 6.26 mi² (16.21 km²).

The Massachusetts Institute of Technology (MIT) campus is located along the Charles River in Cambridge, Massachusetts. The architecture of the campus is described as modern with elegant buildings constructed according to the cutting-edge technology and engineering techniques. The campus occupies the area of 168 acres with different academic buildings for various schools, including engineering, science, management, humanities, and social sciences located on the territory. There are also research institutes, laboratories, libraries, museums, and sport facilities. According to website MIT widely supports and promotes the diversity of backgrounds and cultures among students, faculty and staff. Public transportation as well as shuttle buses operate on the MIT campus. The territory of university is also bicycle friendly [MIT].

Longman dictionary of contemporary English states that *Campus* is the land and buildings of a university or college. As for dormitories there 19 residence halls of residence on MIT campus. It is interesting to note that Longman dictionary suggests the term “*dormitory*” in the American meaning of this word, whereas “*hall of residence*” is noted as British.

Dormitory – 2) AmE a large building in a college or university where students live; HALL OF RESIDENCE BrE [Longman, p. 402].

According to PhD in Maths David P. Jacob (New York University Courant Institute of Mathematical Sciences) British term is used on the website to make it more understandable for foreign students, whereas local students would rather use the term “*dormitory*” in this respect. But MIT is located in Cambridge Massachusetts. So the British term could be used on the website as the reminiscence of the connection to the British Empire. To sum up, “*hall of residence*” is a formal term, whereas “*dormitory*” is used in spoken English. The issue poses an interesting subject for research in terms of intercultural communication.

Residence halls at MIT:

1) Baker House	9) New Vassar
2) Burton Conner	10) Random Hall
3) East Campus	11) Simmons Hall
4) MacGregor House	12) Sidney-Pacific
5) Maseeh Hall	13) Senior House
6) McCormick Hall	14) Warren Towers (MIT's partnership
with Boston University)
7) New House	
8) Next House	

Off-campus housing for students, staff, as well as family accommodation is also provided by the university. Housing rates range from USD 5000 to 7000 per year depending on the type of housing.

Maseeh hall is one of the biggest dormitories at MIT. It offers different types of accommodation: freshmen – doubles, triples, quads; upperclass – singles, doubles, triples. This is a student dormitory for undergraduate and graduate students. Smoking is not permitted indoors, pets (except fish) are not permitted either. There are shared bathrooms on all floors, as well as the Howard dining hall on the first floor. Canteen operated from 8 am to 1 am with 2-hour intermissions between meals for cleaning. Maseeh hall houses 263 rooms for 490 students. There are different types of amenities: a rooftop greenhouse, a woodworking shop, and a fitness center. The dormitory has got a tunnel system which connects the building to the two other residence halls, thus students can move around without going outside in colder months. Athletic facilities are also provided on the campus as well as in each residence hall. Maseeh hall was named after Abbas E. Maseeh, an affluent businessman who donated USD 5 million for the construction. In USA educational establishments it is a common practice to name university facilities and buildings after some honorable people who donated the money for the construction.

MIT Dorm services include:

- 1) Air conditioning and central heating
- 2) Furniture, including beds, tables, chairs and cabinets
- 3) Wireless Internet access and TV with cable channels
- 4) Equipped kitchens and laundry rooms on each floor
- 5) Campus canteens and cafeterias where students can buy food at discounted prices
- 6) Guitars, pianos and other musical instruments that can be used in the recreation rooms
- 7) Recreation and entertainment rooms, including tables for board games and game console

- 8) Shared bathrooms and toilets on each floor
- 9) ID access control [MIT].

ITMO is one of the biggest technical universities in Russia. It is located in St. Petersburg and has several dormitories. The historical development of the city underscores the logistics and location of university facilities. The university buildings are located in the historical center of the city, so it is necessary to take into account the cultural value of buildings when placing campus facilities that are located at some distance from each other and are not connected by the general infrastructure of the university. Public transportation is very well developed in the Northern capital of Russia, but unlike MIT there are no shuttle buses that run around the premises. All in all there are 7 dormitories in ITMO (they do not have any specific names, most of the dormitories are just numbered). The rent ranges from RUB 2 000 to 5 000 per month depending on the type of accommodation (single, double or triple) and the location.

ITMO services include:

- 1) Air conditioning and central heating
- 2) Furniture, including beds, tables, chairs and cabinets
- 3) Wireless Internet access
- 4) Equipped kitchens and laundry rooms on each floor
- 5) Campus canteens and cafeterias
- 6) Recreation rooms with TV and game consoles
- 7) Free use of sports grounds and halls
- 8) Shared bathrooms and toilets on each floor
- 9) ID access control
- 10) Medical post

ITMO website provides contact information of the staff responsible for managing the Campus. Separate garbage collection is also promoted. Students are given the opportunity to use filtered water as part of reducing water consumption in disposable plastic bottles. As for the access mode, there are different options to organize an ID for entry: itmo.family campus card, qr code on the phone, and the pass can also be linked to any card (including a bank card). ITMO provides students with modern sports centers that are equipped for basketball, volleyball, yoga, boxing, fitness, ballroom dancing, martial arts and much more [ITMO].

To sum up, the services provided by both universities are pretty similar. Point number 9 (medical post at ITMO) is explained by the fact that MIT residence halls are located in one area and there is one medical facility for all of the halls, whereas

ITMO dormitories are in different districts of St Petersburg. The main difference lies in logistics and the price for accommodation.

In the information age, students and scientists should have access to relevant and easy to understand information about education and science platforms. One of the main tasks of any campus is to provide comfortable and convenient accommodation for students, researchers, faculty and staff during their work, as well as providing a comfortable environment for successful exploration. Therefore, the study of this theme cluster is important for the description of all the conditions and services that future scientists are provided with. Comparing and explaining the use of different terms and names from a historical and cultural point of view is important for cross-cultural communication and a better understanding of the language. Due to the fact that today education is also a huge business, the study of theme clusters is also a necessary component of a marketing strategy that helps to distinguish and comprehend the target audience and develop more effective marketing solutions.

ЛИТЕРАТУРА

Подведены предварительные итоги ЕГЭ-2022 по обязательным предметам. Официальный сайт Рособнадзора (OBRNADZOR). URL: <https://obrnadzor.gov.ru/news/podvedeny-predvaritelnye-itogi-ege-2022-po-obyazatelnyim-predmetam/> (дата обращения: 07.03.2023).

ITMO Students. URL: <https://student.itmo.ru> (дата обращения: 07.03.2023).

Longman dictionary of contemporary English. England: Longman Group, 1995.

MIT Campus Life. URL: <https://web.mit.edu/campus-life/> (дата обращения: 07.03.2023).

Теплыгина, И. М.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

ANALYSIS OF THEME CLUSTER “CAMPUS DORMITORY” OF ITMO AND MIT

This paper analyzes the theme cluster "Campus Dormitory" of ITMO and MIT universities. These educational institutions are among the best in the field of technology development and innovation in the Russian Federation and the USA, respectively. It is important to study and analyze academic terms in the scientific environment of different countries in order to implement more fruitful and successful cooperation in this area. The study presents similarities and differences in the structure of the theme cluster of both universities.

Theme cluster, university, dormitory, science, discourse

УДК 80

И. В. Шугайло

*Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения
им. имп. Александра I*

vshugajlo@yandex.ru

ЗНАНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК ЭЛЕМЕНТ БЕЗОПАСНОСТИ НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

В статье рассматривается роль английского языка как единого языка международной коммуникации, главным образом, в профессии моряков и пилотов. Вода и воздух видятся как особое экзистенциальное пространство, где в необычных и экстремальных условиях возможен опыт постижения «иного». Анализируется синтаксис морского английского языка, осмысляется речевой этикет, предотвращающий экстремальные ситуации.

Международная коммуникация, seaspeak, Emergencyspeak, Airspeak морские перевозки, массовый туризм.

Развитие туризма и торговли в нашей стране требует все более квалифицированных специалистов в области логистики, морского дела, авиации и в индустрии гостеприимства. Все чаще одной из важнейших профессиональных компетенций всех этих специалистов называют знание иностранных языков. По-прежнему ведущим языком межкультурной коммуникации остается английский язык. При общении в Интернете (как новом символе Власти и надзора), на борту самолета или судна туристы и персонал не могут ликвидировать тот зазор, препятствующий контактам, который создает незнание английского языка. По мнению Ульберто Эко, именно массовый туризм, родившийся как явление XX века, породил мысль о возможности распространения одного иностранного языка как единого канала общения: «Появился, например, этот непрерывный, полный неожиданностей, проходящий не только в высших социальных слоях обмен между разными народами, который называется массовым туризмом: подобного явления не знали предшествующие века» [Эко, с. 341].

Многие философы фиксируют тот феномен, что современному человеку становится неинтересным «свой», живущий рядом, а вызывает гораздо больший интерес «чужой», т.е. представитель иной культуры, ментальности, носитель другого языка и мировоззрения. От «другого», «чужого» мы ждем откровения, новых мыслей, того знания, каким не владеем сами. «Чужой»

одновременно и опасен, и непредсказуем, и не понимаем, он мыслит и живет по-другому. Стремление к «иному» человек осуществляет через путешествие или через гостя, который приходит к нему. Но любой моряк или летчик, покидая Землю, готов к тому, что он познает нечто «иное» в путешествии как в практике изменения и познания. Даже при внешней рутине путешествия «Я оказывается в силах встретить вторжение «внешнего», который рвет обычный ход времени, ломает форму ощущения самого себя, преобразует опыт сознания» [Шугайло, с. 117].

Речные и морские круизы являются достаточно дорогим видом путешествия. В настоящее время, тем не менее, именно они становятся все более востребованными: велико в России количество рек и морей, которые открывают еще неведомые массам страницы истории, да и релаксационные и экзистенциальные функции водного путешествия давно известны: за более короткое время водное путешествие позволяет лучше отдохнуть и пережить некий опыт изменения. Кроме этого, существует проблема международной коммуникации при транспортных перевозках по воде, что в целях безопасности требует знания английского языка. Радио и спутниковая виды связи в значительной степени улучшили связи с суднами. Большая часть программ транслируется именно на английском языке.

С 1980 года был создан международный проект «морского английского языка [“Seaspeak”]. В связи со стремительным обогащением английского языка, морской лексики появляются специализированные словари соответствующей тематики, где кроме нового лексического материала, представлены рекомендации по грамматике и структуре сообщений. Так, для уточнения любой информации следует применять фразу “Say again!” Для информирования о географическом расположении судна используют только три цифры, выражающие цифры широты и долготы. Передача дат звучит так: 23 сентября 2022 года передают так: день два-три, месяц ноль-девять, год два-ноль-два-два. Морской английский язык получил название “Standard Marine Communication Phrases”. Он был утвержден Международной морской организацией и был одобрен на двадцать второй Ассамблее этой организации в 2001 году. При этом именно английский язык был закреплен как единственный международный язык общения между персоналом и средством общения корабля с землей во время круизов.

Все моряки знают, что им обходимо знать английский язык. По мере развития этот язык обогащается межнациональным колоритом, что выражается в особенностях произношения, интонационном строе, разговорном по преимуществу построении фраз. Говорящий становится легко

различимым по национальному признаку, что позволяет быстро находить земляков и переключаться на родной язык. Но это происходит более при светском общении. Для профессиональных целей необходимо владение морским английским языком. От этого зависит взаимопонимание и взаимодействие при сложных и аварийных ситуациях, безопасность навигации и пассажиров, благополучие в коммерческих вопросах. В международном масштабе моряки могли несколько десятилетий назад изъясняться на английском в соотношении один знающий к пяти не знающим язык, между тем как сейчас требования и к морякам, и к летчикам такие: из каждых шести человек четверо должны владеть английским языком. Россия по владению иностранными языками занимает средние позиции. При этом уровень знания остается не определяющим: знающий язык на высоком уровне должен уметь просто передать не очень хорошо говорящему необходимую информацию. Основная задача при этом – быть понятым, при этом более сложный человек опускается до менее сложного. Не менее важными здесь остаются навыки без слов настраиваться на другого человека и его понимать.

При недостаточной языковой подготовке моряки испытывают сложности и при прохождении устного собеседования на английском языке, и при выполнении теста Marlins для морских специалистов, а в дальнейшем испытывают неуверенность при выполнении служебных обязанностей в ситуациях иноязычного общения. Морские суда часто ведут промысел в рыболовных экономических зонах других государств, а моряки часто работают в международных экипажах. От инженера-судоводителя требуется знание английского общего и морского языков. Судоводители решают сейчас не только традиционные вопросы, им приходится вести радиотелефонные переговоры медицинского характера (ПДНВ). Поэтому требования к владению английским языком инженером-судоводителем возрастают: от этого напрямую зависит безопасность и жизнь экипажа, судна и груза.

Вопросами формирования иноязычно-профессиональных компетенций морских специалистов в России занимались такие исследователи, как Г. Бокарева, В. Зыкова, О. Искандарова, Н. Гавриленко, В. Фадеева и др. Они подчеркивали, что иностранный язык для моряков – важнейшая часть профессиональной подготовки, развития коммуникативных навыков и гарантия безопасности их деятельности. Язык занимает важное место и в личностном росте моряков.

В течение долгого времени у моряков выработалась привычка говорить на ломанном морском английском языке настолько, что они забывают первоисточник. Как правило, произношение носит ярко выраженный

национальный «колорит» при порой хорошем словарном запасе и отсутствии грамматических ошибок. Толерантность европейцев в этом вопросе позволяет “довольствоваться малым” при общении. Между тем как каждый язык имеет свою интонацию, тональность сообщения, специфическую мелодичность, усвоив которые человек проникает в психологию народа. Для постижения языка необходим и музыкальный слух. Поскольку последний считается врожденным, возможности разных людей освоить язык остаются разными.

“Emergencyspeak” – еще одна разновидность английского морского языка, которую используют европейцы и англичане. Это язык чрезвычайных ситуаций. Этот язык предназначен для морского флота (который есть не в каждой стране) и для воздушных перевозок. Обсуждения необходимости подобного языка велись со времен Второй мировой войны. С целью создания международной организации гражданской авиации (ИКАО) в 1944 году руководители стран антигитлеровской коалиции организовали конференцию в Чикаго. Было принято решение об английском языке как о языке международного общения. Использование более двух языков при прослушивании разговоров персонала, находящегося в непосредственной близости, искажало и затрудняло восприятие и интерпретацию информации. Неприятие этого решения вызвало даже забастовку среди персонала [Кристал, с. 163].

Сейчас тема двуязычия, как способствующая большей стабильности страны, очень актуальна. Такие выдающиеся представители социальных наук как А. Тойнби, Н. Данилевский, Л. Гумилев, А. Шпенглер, Э. Тоффлер подчеркивали огромную роль языка в понимании и приятии другой культуры. Ограничения и сведение всего многообразия языков, диалектов говоров к одному приводят к упрощению культуры и деградации ее народа. У. Эко считает, что изучение любого языка зависит от прагматической целесообразности его использования в собственных нуждах в своей стране. Так, распространение английского в Италии связано с трансляцией большого количества программ на этом языке. В том числе отличных художественных фильмов, которые нравятся эстетически развитой публике Италии. Еще одна причина – появление интернета и инструкций к бытовой технике на английском языке. Третья причина – переговоры о создании наднациональных вооруженных сил и открытием границ.

В Европе стремление к умножению национальных языков – процесс стремительный, при этом возникает необходимость в едином языке-посреднике. Впрочем, подавляющее число европейцев разговаривает с детства на нескольких языках, что им обеспечивает естественную толерантность по отношению к другим культурам. «Внимание к другому, который говорит на своем языке, –

непременное предварительное условие, если мы хотим прийти к солидарности. Имеющей более конкретное содержание, чем пропагандистские речи» [Эко, с. 345]. Чуткое к языкам ухо, описанное на примере феноменального слуха доктора Хигинса Бернандом Шоу, способно определить происхождение, чувствительность, одаренность, места жительства человека и его образование. Владение иностранным языком отражает как стиль жизни человека, который путешествует и читает на иностранном языке, так и степень близости с «чужими», стиль жизни и ценности которых оказывают безусловное влияние на человека. С развитием международного туризма люди поняли, что каждая страна – это отдельная семиотическая система, требующая новых усилий для ее познания, но дающая радость познания нового.

Необходимость единого языка коммуникации среди пилотов и матросов связана и с необходимостью быстрого реагирования в экстремальных ситуациях или в ситуациях неопределенности. Владение «морским английским» с его краткостью и жесткостью, обусловленными прагматикой, затрудняет общение на английском в повседневной жизни. Это связано с краткостью и необходимой жесткостью отдаваемых команд. Морской «мужской» язык включает и матерные слова, и жаргон. Исследователи жаргона объясняют его использование следующим образом: «Ругательство вследствие присущего ему галлюциногенного эффекта, действует подобно плети: погоняемому больно, обжигает, но бежать заставляет быстрее. Не случайно крепкие слова особенно часто применяют в экстремальных ситуациях, когда действовать и подчиняться нужно не раздумывая и мгновенно» [Московцев, Шевченко, с. 30].

Если для экстремальных ситуаций использование жаргона и мата позволительно, то для обыденного общения ограничения жесткие. Использование инвективной лексики запрещено, так как она связана с агрессией. «В беседе запрещается использование бранных и нецензурных выражений, даже при пересказе чужой речи» [Даниленко, с. 212]. Шепот на ухо собеседнику не приветствуется так же, как и при желании сблизиться или казаться «своим», использование панибратства не приветствуется. Право общаться на равных имеют право только люди равных статусов. Умение запоминать имена также считается одним из элементов вежливости. Не допускается рассказывать о внутренних делах компании чужим, так же как и подробности личной жизни – как своей, так и сотрудников. При общении в международном экипаже следует знать и уважать национальные и религиозные традиции другой страны, уважать его любовь к родине, помнить, что каждый человек имеет право на собственное мнение. Все это

связано с международным этикетом и направлено на предотвращение конфликтов и агрессии как в острых ситуациях, так и в условиях скуки.

Для усовершенствования единообразия и с целью однозначного понимания используют ограниченный набор стандартных слов и выражений, который используется с похожими целями и в авиации “Airspeak”. Более 180 стран приняли решение использовать его терминологию в практике авиации. Как считают аналитики, «настоящая трудность состоит в том, чтобы убедить все страны применять ее (подчас это означает отказ от своей внутренней практики)» [Кристал, с. 165]. Немногим известно, что первопричиной многих экстремальных ситуаций в воздухе и на воде бывают языковые проблемы. На их долю приходится примерно 11% всех аварий!

Как видим, английский язык, как важнейшая профессиональная компетенция, требует в настоящее время особого внимания, на что должны быть нацелены новые программы образования специалистов в России.

ЛИТЕРАТУРА

- Даниленко А. А. Психологические основы управления на морском транспорте. СПб.: Изд-во ГМА им. Адм. С.О. Макарова, 2011. – 512 с.
- Кристал Д. Английский язык как глобальный. М.: Изд-во «Весь мир», 2001. – 240 с.
- Московцев Н., Шевченко С. «Вашу мать, сэр!» Иллюстрированный словарь американского слэнга без купюр. СПб.: Питер, 2012. – 384 с.
- Шугайло И. Феномен гостеприимства – для тех, кто не может и не хочет путешествовать // Знание-сила. № 3. 2015. С. 115–117.
- Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: «Александрия», 2007.
- ПДНВ-95. Конвенция ПДНВ. Кодекс ПДНВ. /Сост. Жд. Левински]. Лондон: Cumberbatch, 1998. 228 с.

Shugailo I.V.

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

KNOWLEDGE OF A FOREIGN LANGUAGE AS AN ELEMENT OF SECURITY AT SEA AND IN THE AIR

The article examines the role of English as a single language of international communication, mainly in the profession of sailors and pilots. Water and air are seen as a special existential space where, in unusual and extreme conditions, the experience of comprehending the "other" is possible. The syntax of the maritime English language is analyzed, the speech etiquette preventing extreme situations is comprehended.

International communication, seaspeak, Emergencyspeak, Air-speak sea transportation, mass tourism

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'22; 81'25

М. В. Ворошнина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
“ЛЭТИ” им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000-0003-1330-1526

mvoroshnina@gmail.com

Е. И. Беседина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
“ЛЭТИ” им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000-0001-9373-9004

elivbesedina@mail.ru

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В ПЕРЕВОДАХ Т. СЛАВНИКОВОЙ

Настоящая работа посвящена анализу способов контекстуального перевода на русский язык английских иконических глаголов. Материалом для исследования послужили тексты 16 рассказов английской писательницы Лоры Оуэн и соответствующие тексты их переводов на русский язык Т. Славниковой. Итоговый корпус рассматриваемых авторами глаголов движения звукоизобразительного происхождения насчитывает 201 единицу (515 словоупотреблений). В ходе исследования анализируются способы передачи английской звукоизобразительности на русский язык и дается оценка степени адекватности переводов.

Глаголы движения, звукоизобразительность, звуковой символизм, иконичность, звукоподражания, перевод, фоносемантика

Перевод представляет собой творческий процесс, требующий превосходного владения не только языком оригинала, но и языком переводящим, как правило, родным для переводчика. Авторы работы рассматривают перевод как «аналитический, синтетический, научный и художественный процесс, в котором анализ и синтез объединяются в воспроизведении действительности» [Коновалова, Примаичук, 2003, с. 80].

Такие исследователи как М. Л. Лозинский [Лозинский, 1987], А. А. Смирнов [Смирнов, 1934], С. Я. Маршак [Маршак, 1990] единодушны в том, что перевод художественного произведения подразумевает стремление к достижению эмоционально-эстетического соответствия его оригиналу.

По мнению А. А. Смирнова, эквивалентный перевод «передает» намерение автора идейно-эмоционально воздействовать на читателя при максимально строгом соблюдении (при помощи подбора эквивалентов) следующих применяемых автором ресурсов: образности, колорита, ритма и прочего. [Смирнов, 1934, с. 529].

Проблема перевода звукоизобразительной (ЗИ) лексики была впервые затронута в работах петербургского ученого, профессора С. В. Воронина. Именно ему принадлежит идея о том, что эквивалентность при переводе единиц такого рода может быть успешно достигнута в результате использования фоносемантических моделей, т. е. поиска в переводящем языке эквивалентов звукового типа одного ряда согласно теории звукоизобразительности выявления точного характера соотношения «ономатоп/денотат» [Воронин, 1982].

Научные изыскания С. В. Воронина, были продолжены стараниями некоторых его учеников: Н. М. Ермаковой, М. В. Ивановой и др. [Ермакова, 1990; Иванова, 1993]. В исследовании перевода английских глаголов речи в текстах художественной прозы было установлено, что русский язык располагает достаточным количеством эквивалентов, что позволяет в среднем сохранить выразительность на 70,3 % [Беседина, 2017]. Результаты же анализа поэтического перевода оказались менее оптимистичными. Например, произведение “The Cataract of Lodore” («Лодорский водопад») в оригинале насчитывает 165 глаголов движения, основная часть которых обладает иконическим характером, однако перевод М. Т. Польшковского содержит только 138 глаголов движения, в основном в форме деепричастия, при этом следует отметить утрату фоносемантики при переводе – только 45 их русских эквивалентов можно отнести к звукоизобразительным [Шамина, 2018].

Глаголы движения обычно характеризуются особой степенью эмоциональности и экспрессивности, что обусловлено стремлением автора с помощью «выбора» определенного глагола «управлять» динамикой своего повествования, ускоряя развитие сюжетной линии или, наоборот, «замедляя» происходящие события, подчеркивая тем самым комичность или драматизм ситуации. Эта же группа глаголов широко используется при создании образов героев литературного произведения, поскольку может характеризовать темперамент персонажа, его манеру поведения, действия, реакции и даже отношение к нему самого автора [Беседина, 2019].

В связи с вышесказанным детские рассказы английской писательницы Лоры Оуэн, опубликованные в 4 сборниках (“Winnie on Patrol”, “Whizz-Bang Winnie”, “Winnie the Twit”, “Winnie says Cheese”) [Owen, 2016a, 2010, 2016b, 2009], представляются исключительно ценным исследовательским материалом, буквально насквозь пронизанным ЗИ- и экспрессивной лексикой. Методом сплошной выборки был сформирован корпус глаголов движения, общей численностью 201 лексема (515 словоупотреблений). Примечательно, что 160 единиц (325 словоупотреблений) из них являются глаголами ЗИ-происхождения, то есть доля фонетически мотивированных глаголов движения в анализируемых текстах составила 79.6%, при этом 86 лексем представлены звуко-символизмами (ЗС) и 74 относятся к классу ономато-пов.

Следующий этап исследования представлял собой анализ текстов переводов вышеназванных рассказов на русский язык, выполненных Т. Славниковой («Приключения ведьмочки Винни в школе», «Улыбнись, Винни», «Добавь еще магии, Винни», «Патруль ведьмочки Винни») [Славникова, 2018a, 2018b, 2018c]. Результаты сравнительного анализа примеров использования ЗИ-глаголов движения оригинального английского текста с их контекстуальными переводами представляется целесообразным разделить на следующие три группы:

1) Перевод с сохранением звукоизобразительности исходного глагола движения.

К первой группе можно отнести глагол *to bluster* /'blʌstə/ содержащий фонестему bl-, которая, объединяет слова со значением «сильное, быстрое, громкое». В анализируемом литературном произведении глагол движения с этой фонестемой представлен в следующем, фоносемантически насыщенном контекстуальном использовании:

Wind blustered in through the hole, making wings flutter and witchy hair whirl.

В данном примере глагол обладает значением “to blow violently”, что созвучно со значением самой фонестемы. Обращает на себя внимание наличие в одном предложении 2х фонестем bl- и fl-, а также четырех слов с начальным слогом /wi/. Глагол *to bluster* переведен Т. Славниковой следующим образом: *Завыл ветер, затрепетали крылышки и затрепыхались ведьмины волосы.* Согласно этимологическому словарю Н. М. Шанского *вить* имеет ЗИ-происхождение: «Вить. Общеслав. Производное от того же звукоподражательного (ЗП) корня, что и визг (см.), чешск. *Vyskati* «визжать от радости», болг. *Викам* «зову» и т. д.» [Шанский, 1975]. Следует отдельно

отметить компенсацию звукового повтора в оригинальном тексте слога /wɪ/ при помощи повтора звукоизобразительного корня *тrep-* (затрепетали, затрепыхались). В данном случае, можно с уверенностью говорить о сохранении иконического характера не только отдельно взятого глагола движения, но и фоносемантики всего предложения.

Переводы Т. Славниковой, как и текст оригинала, адресованы детской читательской аудитории, и поэтому для передачи эмотивной составляющей оригинального текста переводчик широко использует иконические единицы русского языка. В этой связи нельзя не отметить достаточно высокую «точность» передачи ЗИ-лексики – 246 (из 325) ЗИ-глаголов движения переведены, по мнению авторов исследования, с сохранением иконического характера, что составляет 75,6 % от всех рассмотренных примеров перевода ЗИ-единиц.

2) Применение переводческих приемов, компенсирующих утрату звукового облика глагола (добавление, усиление, звуковой повтор)

Данная группа представляет значительный интерес в силу того, что использование переводческих приемов для компенсации звукоизобразительности оригинального текста (вероятнее всего интуитивной), требует от переводчика стремления к осознанному использованию творческого подхода и лингвистической смекалки.

Так, при переводе звукоименного глагола движения *to march* в контекстуальном примере: *Then the television, the bath, the bed, the chairs, the table, the hatstand, cupboards, and everything marched out of the door and away.* переводчик вводит фразеологическую единицу, отсутствующую в оригинале: *А следом телевизор, ванна, кровать, стулья, стол, вешалка, буфеты и вся прочая мебель один за другим переступили порог и - поминай как звали.*

Группа переводов с применением компенсаций (добавление, усиление, звуковой повтор) составляет 15,8 % от анализируемых переводов.

3) Перевод без сохранения характера оригинального глагола.

В исследуемом материале встречается относительно небольшое количество переводов, выполненных с полной утратой звукоизобразительности оригинального текста: всего было выявлено 28 подобных опущений, что составило 8.6 %.

Одним из таких примеров может послужить перевод инстант-континуанта *to slam*, который используется автором в контексте как: *But Wilbur slammed a paw over Winnie's mouth to stop her from finishing what she*

was going to say. и переведен Т. Славниковой с полной утратой фоносемантической составляющей: *Но Вильбур успел закрыть лапой ей рот.*

Перевод ЗИ-лексики, которую некоторые исследователи однозначно относят к безэквивалентной [Влахов, Флорин, 1986] представляет собой непростую задачу даже для высококвалифицированного переводчика. И хотя в своих работах С. В. Воронин писал о необходимости переводить ЗИ-единицы тем же классом. [Воронин, 2006], в некоторых случаях в переводящем языке практически не представляется возможным найти полный аналог, совпадающий по смыслу и относящийся к тому же классу. Однако высказанное замечание, никоим образом не подразумевает, что степень передачи звуковой ткани оригинала и первоначального образа, задуманного автором, не может являться одним из критериев при оценке адекватности перевода. В связи с этим следует подчеркнуть, что изучение перевода ЗИ-лексики и создание методик перевода для данной группы лексики представляет актуальный научный интерес и является важной задачей для образовательной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

- Беседина А. С. Перевод звукоизобразительных глаголов речи на русский язык (на материале произведений Дж. К. Роулинг) // Материалы VI Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», СПб, 2017.
- Беседина Е. И. К вопросу о функционировании звукоизобразительных глаголов движения (на материале романа Брайана Джейкса «Воин Редволла») // Материалы VIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», СПб, 2019, 330 с.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. Ленинград, 1982. – 244 с.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
- Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1986. – 416 с.
- Иванова М. В. Звукоизобразительная лексика в англоязычной детской сказке: дис. канд. филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1990. – 263 с.
- Ермакова Н. М. Ономотопея: англо-русские параллели в переводе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Нина Мстиславовна Ермакова. Л., 1993. – 183 с.
- Коновалова Г. П., Приймачук Д. В. К вопросу общей теории перевода // Вопросы теории и практики перевода: Сб. мат-лов Всероссийской конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2003. – С. 80–82.
- Лозинский М. Л. Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов. – М.: Прогресс, 1987. С. 91–106.
- Маршак С. Я. Портрет или копия? (Искусство перевода). Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4 (статьи, заметки, воспоминания). М.: Правда, 1990. – 453 с.

Смирнов А. А. Мастерство литературного перевода // М.: Литературная энциклопедия, 8 том, 1934. – С.526531.

Шамина Е А. Сопоставительный анализ звукоизобразительных элементов оригинального и переводного поэтического текста: к проблеме фоносемантической картины мира // Материалы VII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», СПб, 2018.

Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения 19.03.2023).

Owen L. Whizz-Bang Winnie. OUP Oxford, 2016a. Пер. с англ. Т. Славниковой. Добавь еще магии, Винни / Большая книга приключений ведьмочки Винни. Изд. АСТ, 2018a.

Owen L. Winnie on Patrol. OUP Oxford, 2010. / Пер. с англ. Т. Славниковой. Патруль ведьмочки Винни. Изд. АСТ, 2018b

Owen L. Winnie says Cheese. OUP Oxford, 2016b. / Пер. с англ. Т. Славниковой. Улыбнись, Винни / Большая книга приключений ведьмочки Винни. Изд. АСТ, 2018a.

Owen L. Winnie the Twit. OUP Oxford, 2009. / Пер. с англ. Т. Славниковой. Приключения ведьмочки Винни в школе / Изд. АСТ, 2018 с.

Voroshnina, M. V., Besedina, E. I.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

SOUND SYMBOLIC VERBS OF MOTION IN THE TRANSLATIONS BY T. SLAVNIKOVA

The article deals with the analysis of translation of English iconic verbs into the Russian language. The research is based on the texts of 16 stories for children by Laura Owen and their translations into Russian by T. Slavnikova. The final corpus of English verbs of motion comprised 201 lexemes (515 occurrences). The ways of rendering English sound symbolic words found in the original texts into Russian are analysed and the assessment of the adequacy of the translation is performed.

Verbs of motion, iconicity, sound symbolism, onomatopoeia, translation

УДК 800.92:519.682

О. В. Заложных

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

olga.zal.01@mail.ru

Н. В. Степанова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0002-0920-753X

nathalie.tresjolie@icloud.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ПРИ АДАПТАЦИИ КИНОТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА «ГРАВИТИ ФОЛЗ»

Исследование посвящено анализу переводческих стратегий в процессе аудиовизуального перевода мультимедийного текста. Рассматривается сущность стратегий доместикации, форенизации и транскреации, приводятся примеры их использования при переводе мультсериала «Гравити Фолз», созданного художником-аниматором Алексом Хиршем и компанией «Disney Television Animation». В результате исследования выявлено, какие стратегии являются предпочтительными. Предпринимается попытка обосновать выбор переводчика

Адаптация, форенизация, доместикация, транскреация, аудиовизуальный перевод

В современном мультикультурном обществе одним из наиболее эффективных инструментов обеспечения эффективной коммуникации остается перевод. При осуществлении перевода необходимо принимать во внимание особенности взаимодействующих лингвокультур, поскольку нередко от корректной адаптации оригинального текста зависит коммерческий успех и популярность определенного продукта в принимающей культуре.

Одним наиболее актуальных направлений перевода является аудиовизуальный перевод. Данное направление становится все более популярным, поскольку объем аудиовизуального контента постоянно увеличивается [Маленова, 2017, с. 33]. Аудиовизуальный перевод отличается от традиционного письменного и устного перевода текста, главным образом, тем, включает в себя визуальную составляющую. Аудиовизуальный перевод – это перевод вербального компонента видеозаписи, подразумевающий

синхронизацию как вербальных, так и невербальных компонентов. Адаптация невербальных компонентов представляет особую трудность для переводчика.

О. В. Бабенко отмечает, что в данном виде перевода на первый план выходит визуальный ряд [Бабенко, 2020, с. 3], что практически исключает возможность добавления переводческого комментария, а время, отведенное на определенное высказывание, оказывается ограниченным. Таким образом, переводчику необходимо подстраивать переведенный текст под строго определенный временной промежуток для успешного последующего дублирования.

Существует несколько переводческих стратегий, которые чаще всего используются специалистами в ходе адаптации текста для восприятия иноязычной аудиторией. В рамках данного исследования необходимо уделить внимание некоторым из них. В случае перевода культурно-окрашенных единиц произведения применяется лингвокультурная адаптация, при осуществлении которой цель переводчика состоит в подстраивании оригинального текста под мировоззрение и мировосприятие определенной аудитории.

Материалом для данного исследования послужил известный американский анимационный сериал «Гравити Фолз» («Gravity Falls») [Сериал «Гравити Фолз», 2012]. Первоначально сериал был показан на телеканалах «Disney Channel» и «Disney XD» в Соединенных Штатах Америки в период с 2012 по 2016 г. В России премьера мультсериала состоялась в 2013 г. Перевод «Гравити Фолз» на русский язык выполнен студией «Невафильм». В ходе исследования из двух сезонов анимационного сериала, каждый из которых включает в себя двадцать эпизодов, было отобрано 200 примеров использования переводческих стратегий.

Рассмотрим некоторые из них.

Часто используемыми в процессе лингвокультурной адаптации стратегиями перевода являются форенизация – «подход, при котором акцент делается на сохранении иностранных языковых и культурных ценностей» [Шелестюк, Гриценко, 2016, с. 3] и доместикация – «этноцентрический подход, при котором текст оригинала зачастую сокращается, акцент делается на культурных ценностях языка перевода» [Шелестюк, Гриценко, 2016, с. 3]. Доместикация направлена на большую адаптацию текста для конкретной целевой аудитории, в то время как при использовании форенизации культурная самобытность текста максимально сохранена.

Мультсериал «Гравити Фолз» создан в Соединенных Штатах Америки. Именно в этом государстве, в вымышленном городке, происходит действие мультфильма. При этом в сериале присутствуют лишь определенные упоминания культурных аспектов, связанных с США. Например, в эпизоде «Несерьезное сокровище» (“Irrational treasure”) одним из действующих лиц

является персонаж-вымышленный президент США, а во втором сезоне мультсериала эпизодическими героями являются агенты ФБР.

Вероятно, переводчик крайне редко прибегает к применению доместикации, поскольку в мультсериале присутствует небольшое количество культурно окрашенных единиц. Однако, в некоторых случаях, возникает необходимость прибегнуть к данной стратегии лингвокультурной адаптации.

В одном из эпизодов героиня Мэйбл произносит фразу *мазаль тов*, традиционное поздравление на иврите, пожелание удачи (*-You two know what day it is -Um... Happy anniversary? -Mazel tov!*). Вероятно, данная фраза малоизвестна представителям российской лингвокультуры, особенно среди детской и подростковой аудитории. В данном случае переводчик заменяет изначальную реплику на более известное пожелание счастливого Нового года (*-Какой сегодня день? -Эм... Какая-то годовщина? -С Новым годом!*). При этом сохраняется изначальный замысел автора: в оригинале героиня произносит поздравление на иврите, хотя ни один из персонажей не является представителем еврейской культуры, а в переводе использовано новогоднее поздравление, но при этом действие сериала происходит летом.

Стратегия форенизации используется при переводе для того, чтобы наиболее точно и подробно передать культурную специфику текста. При этом все особенности быта и культуры, которые упоминаются автором, не исчезают из текста и предстают в изначальном виде.

Несмотря на то, что в сериале «Гравити Фолз» редко делается акцент на культурном своеобразии, можно выявить несколько примеров использования форенизации. В частности, при переводе сериала на русский язык имена персонажей не изменяются (*Mabel – Мэйбл, Stan Pines – Стэн Пайнс, Gideon – Гидеон*, и т.д.) При этом несколько героев мультфильма имеют испанское происхождение. Их имена также сохраняются и переводятся на русский язык при помощи переводческой транскрипции (*Jesus Alzamirano Ramirez, Shandra Jimenez – Иисус Альзамирано Рамирез, Шандра Хименез*). Одна из эпизодических героинь, бабушка Зуса, произносит некоторые реплики на испанском языке, а перевод ее высказываний представлен в оригинале при помощи английских субтитров. В русскоязычной версии данная особенность сохраняется, при этом субтитры переведены на русский язык.

Рассматривая переводческие стратегии, нельзя не уделить внимание транскреации. Определение данной стратегии приводит С. Д. Лебедева в статье «Стратегии перевода сериалов»: транскреация – это «творческая адаптация, главной задачей которой является пересоздание нового целого на переводящем языке» [Лебедева, 2018, с. 22]. В процессе транскреации

переводчику предоставляется возможность отойти до дословной передачи текста оригинала на языке перевода и внести изменения в исходное сообщение для того, чтобы сохранить его смысловую нагрузку и достижение эмоционального эффекта. Обратимся к одному из примеров перевода:

Well, time to spill the beans. Broop. Beans. This girl's got a date. Whoo whoo!
Что-ж, пора раскрыть карты! Бум! Банка! У этой девочки свиданка! У-хуу!

При передаче данной реплики на русский язык переводчику необходимо было обратить внимание на визуальное сопровождение. Выражение *spill the beans* заменено на его привычный аналог «раскрыть карты», но при этом был бы утерян смысл видеоряда, где героиня роняет банку с надписью *Beans* (бобы). Чтобы компенсировать это, переводчик добавил в ее реплику шутовую рифму *банка-свиданка*, акцентировав внимание на действии, происходящем на экране. Таким образом, данный пример иллюстрирует применение стратегии транскреации: вид сообщения изменяется, однако смысл высказывания не искажается и сохраняется комический эффект.

Стратегия транскреации широко применяется переводчиками при адаптации юмористических фрагментов мультимедийного текста. В основном это касается перевода шуток. В статье «Передача игры слов при аудиовизуальном переводе (на материале сериала «Office»)» С. Л. Яковлева и Н. Ю. Саглам упоминают, что переводчику часто приходится отказываться от передачи культурно-обусловленного юмора ввиду невозможности подобрать функциональную замену. [Яковлева, Саглам, 2022, с. 3]. Однако в процессе адаптации сериала «Гравити Фолз», переводчик старается сохранить юмористическую составляющую. Далее представлен пример перевода одной из реплик персонажа Стэна:

My ex-wife still misses me...but her aim is gettin' better! Her aim is gettin' better! (Жена говорит: «Лучше бы я вышла за черта!») Но ведь на родственниках не женятся! На родственниках не женятся!)

Шутка основывается на многозначности единицы *miss* (скучать, промахнуться). В дословном переводе данная реплика звучит так: «Моя бывшая жена все еще скучает по мне, но она стала лучше целиться!» Однако данный анекдот был бы непонятен русскоязычной аудитории, так как в русском языке существует два разных глагола для обозначения упомянутых действий (целиться, скучать). Чтобы передать юмористическое высказывание, переводчик создает новую шутку в стиле оригинала, таким образом не нарушая исходного замысла автора.

Транскреация может использоваться переводчиком и для адаптации авторских неологизмов и названий. В одном из эпизодов сериала упоминается

фантастическое существо – *живогрыз* (*The Gravity Falls Gobblewonker!* – *Живогрыз Гравити Фолз!*). Название фантастического существа – авторский неологизм, образованный из слов *gobble* – *поглощать, пожирать*, и *wonker* – *кретин*. На русский язык название чудовища переведено как *живогрыз*, что отражает смысл, так как зверь поедает все вокруг без раздумий.

К авторским неологизмам также относятся и необычные выражения, которые употребляют герои анимационного фильма. Один из персонажей, старик МакГакет, использует выдуманные ругательства (*Aw, donkey spittle! Aw, banjo polish! Honey fogelin', salt lickin' skullduggery!*), которые представляют большую сложность при переводе ввиду игры слов. Для передачи реплик данного персонажа на русский язык переводчик создает новые выражения, которые также звучат необычно, но более понятны русскоязычному зрителю (*О, рыбы головешки! Елки-иголки, рыбы головешки, коровьи олады!*).

В том же эпизоде мультфильма упоминается название вымышленного острова – *острова Задавалы* (*...over to Scuttlebutt Island!* – *...в сторону острова Задавалы!*). Изначально слово *scuttlebutt* имеет значение *сплетни, слухи, сенсация*, иными словами, то, что привлекает к себе внимание. В русскоязычной версии используется название *остров Задавала*, что позволяет не исказить замысел автора. Позже данное название также используется для передачи на русский язык шутки одного из героев, Зуса. В одной из сцен он закрывает рукой часть названия острова (*Dude, check it out. Butt Island!* – *Зацени! Остров Зад!*).

Такой подход, как транскреация, широко применяется в современном переводе, по большей части, в художественных произведениях, где представлены такие виды информации, как эмоциональная и эстетическая. Благодаря транскреации переводчик может произвести необходимые изменения, направленные на сохранение смысловой нагрузки и целостности текста. При этом нередко остается возможность сохранить исходный стиль сообщения за счет использования средств выразительности.

Согласно результатам исследования, транскреация является доминантной переводческой стратегией, используемой при лингвокультурной адаптации мультсериала «Гравити Фолз». Транскреация позволяет переводчику воссоздать юмористическую составляющую оригинала и корректно передать авторские неологизмы, что делает мультсериал «Гравити Фолз» более привлекательным для целевой аудитории. Случаи доместикации являются наиболее редкими, поскольку в данном мультимедийном тексте особенности культуры не являются ярко выраженными. При их переводе применяется стратегия форенизации, позволяющая переводчику достаточно точно передать оригинальный замысел создателей мультфильма.

Следует отметить, что рассмотренные переводческие стратегии затрагивают разные аспекты перевода кинотекста. Форенизация и доместикация применяются в ходе лингвокультурной адаптации, затрагивая непосредственно культурную составляющую произведения. При доместикации национально-культурная специфика текста в значительной степени затушевываются, переводчик «подстраивается» под восприятие целевой аудитории, а текст перевода становится во многом культурно обезличенным. При форенизации культурная самобытность текста, напротив, сохраняется.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко О. В. Аудиовизуальный перевод как актуальное направление подготовки переводчиков // Казанский лингвистический журнал. 2020, вып. (№) 3. С. 3.
«Гравити Фолз» 1, 2 сезон на русском языке // lordserialx.fun. URL: <https://lordserialx.fun/> (дата обращения: 17.03.2023).
- Лебедева С. Д. Стратегии перевода сериалов // Вестник магистратуры. 2018, вып. № 5. С. 22.
- Маленова Е. Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования. 2017, вып. (№) 2. С. 3246.
- Сериал «Гравити Фолз» на английском языке // ling-online.net. URL: <https://ling-online.net/> (дата обращения: 17.03.2023).
- Шелестюк Е. В., Гриценко Э. Д. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2016, вып. (№) 4. С. 3.
- Яковлева С. Л., Саглам Н. Ю. Передача игры слов при аудиовизуальном переводе (на материале сериала «Office») // Международный научно-исследовательский журнал. 2022, вып. (№) 11. С. 3.
- Transcripts of Gravity falls episodes and shorts // gravityfalls.fandom.com/ URL: <https://gravityfalls.fandom.com/> (дата обращения: 17.03.2023).

Zalozhnykh, O. V.; Stepanova, N. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

TRANSLATION STRATEGIES IN THE PROCESS OF ADAPTATION OF CINEMATIC TEXT IN THE “GRAVITY FALLS” SERIES

The paper explores using translation strategies in the process of audiovisual translation of multimedia text. The strategies of forenisation, domestication and transcreation are viewed along with the examples of their implementation in the process of translation of the animation series “Gravity Falls”. As a result, it was revealed which translation strategy is most frequently used. An attempt to justify the choice of the strategy is also made

Adaptation, forenisation, domestication, transcreation, audiovisual translation

УДК 800.92:519.682

Л. А. Сапронова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

sapronova.lida@yandex.ru

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ ДЖОАНН ХАРРИС “GENTLEMEN AND PLAYERS”

В данной статье рассматривается перевод имен персонажей в романе Джоанн Харрис «Джентльмены и игроки» (“Gentlemen and Players”). Был проведен анализ перевода 84 имен собственных, встречающихся в переводе Татьяны Старостиной на русский язык. В статье также приводится подробный анализ наиболее интересных случаев перевода.

Перевод, художественный текст, имя собственное, переводческие приемы

Имена собственные являются объектом изучения многих исследователей как в отечественной, так и зарубежной лингвистике, ввиду того что они обладают рядом особенностей, которые отличают их от других существительных. Результатом многочисленных исследований специфики имен собственных стало создание множества теорий, нередко являющихся полярными.

Так, А. В. Суперанская выделила следующие признаки, отличающие имена собственные от нарицательных:

1. Уникальность: имя собственное является уникальным и не повторяется в языке, в отличие от имени нарицательного, которое может иметь множество экземпляров.

2. Индивидуальность: имя собственное связано с конкретным человеком, местом или предметом, в то время как имя нарицательное обозначает класс или категорию предметов.

3. Эмоциональная окраска: имя собственное может иметь эмоциональную окраску, связанную с личностью или историческими событиями, в то время как имя нарицательное не несет такой эмоциональной нагрузки [Суперанская, 1973, с.324].

В своих более ранних работах А. В. Суперанская писала, что основное свойство имен собственных – обозначение конкретных людей, мест, организаций и т. д. Они не могут быть заменены на общие понятия. В отличие от имен собственных, имена нарицательные обозначают общие понятия и могут быть заменены на другие слова с тем же значением [Суперанская, 1969, с.32].

Ю. А. Карпенко, напротив, считает, что имена собственные разъединяют обобщенные объекты, а нарицательные объединяют их [Карпенко].

Этой же точки зрения придерживается В. Д. Бондалетов. Он полагает, что имена собственные помогают различать и отделять один объект от другого, давая каждому свое уникальное имя, а нарицательные имена объединяют группы объектов по общим характеристикам. Однако несмотря на это, оба типа имен необходимы для эффективной коммуникации и являются важной частью языка [Бондалетов, 1983, с.19].

Специфический характер имен собственных не может не влиять на процесс перевода: переводчик должен суметь передать эти существительные так, чтобы читатель переводного текста мог понять и почувствовать уникальность, индивидуальность и эмоциональность переводимого имени или названия.

Известные специалисты в области перевода и лингвистики, такие как Э. Н. Перегудова, Л. В. Щерба, Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой советуют оставлять имена собственные без изменений при переводе на другие языки, если это возможно. А некоторые лингвисты, напротив, считают, что при переводе имен собственных необходимо использовать переводческие трансформации, чтобы сохранить смысл и контекст оригинального имени. Среди таких специалистов можно выделить В. С. Виноградова. Он утверждает, что для сохранения значения и контекста имен собственных в переводе необходимо применять соответствующие методы, которые помогут передать их функцию и смысл в тексте на другом языке [Виноградов, 2001, с.149].

В художественной литературе имя собственное играет важную роль при создании образа персонажа, передаче его характерных особенностей и помощи читателю запомнить героя. Некоторые авторы используют имена, символизирующие определенные качества или характеристики персонажа, а также для создания атмосферы или настроения в произведении. Имена собственные также могут использоваться для создания культурной идентичности персонажей или описания определенной культуры или нации. Ролан Барт отмечал, что имя персонажа может быть использовано как символ или метафора, которые помогают передать глубинный смысл произведения [Барт, 1966, с.209].

Именно такими свойствами обладают имена многих персонажей произведений британской писательницы Джоанн Харрис. Автор известна прежде всего благодаря своим романам в жанре магического реализма: «Шоколад», «Пять четвертинок апельсина», «Ежевичное вино». Кроме того, она является автором нескольких детских книг и мемуаров. За свои литературные достижения она была удостоена множества литературных наград, включая престижную премию «Орден Британской империи».

В романах Харрис фантастические элементы гармонично вплетаются в реальность, часто присутствуют загадочные персонажи, таинственные события и мистические предметы. Она также известна своим умением создавать многоплановые тексты, в которых параллельные сюжетные линии постепенно переплетаются и создают общую картину. Наконец, Харрис славится своими яркими и запоминающимися персонажами. В ее романах каждый, даже второстепенный, герой имеет свою индивидуальность и характер, что делает их более интересными для читателя. Нередко автор использует говорящие имена, чтобы охарактеризовать своих персонажей и сделать их образ еще более многогранным. Наиболее ярко эту особенность текстов Харрисов можно наблюдать в ее романе «Джентльмены и игроки» [Harris].

На русский язык роман был переведен Татьяной Старостиной и впервые издан в 2006 году [Харрис, 2022]. В ходе работы с текстом Татьяна Старостина обращается к следующим переводческим трансформациям для перевода имен персонажей в романе: транскрипция, транслитерация, калькирование, функциональные замены, описательный перевод и транспозицию.

Наиболее интересные примеры переводов приведены в таблице.

Таблица «Варианты перевода имен собственных в романе Джоанн Харрис «Джентльмены и игроки» (“Gentlemen and Players”)

№	Имя собственное на исходном языке	Имя собственное на языке перевода	Переводческая трансформация
1.	Bob Strange	Боб Страннинг	Имя – транскрипция, фамилия – калькирование
2.	Horace	Гораций	Транспозиция
3.	John Snyder	Джон Страз	Имя – транскрипция. Фамилия – функциональная замена
4.	Julian Pinchbeck	Джулиан Пиритс	Имя – транскрипция. Фамилия – функциональная замена
5.	Dianne Dare	Диана Дерзи	Имя – транспозиция, фамилия – калькирование

6.	Dr. Sourgrape Devine	Доктор Дивайн-Зелен-Виноград	Транспозиция
7.	Dr. Shakeshafte	Доктор Стержинг	Фамилия – функциональная замена
8.	Kitty Teague	Китти Чаймилк	Имя – транслитерация, фамилия – частичное калькирование
9.	Colin Knight	Колин Коньман	Имя – транслитерация. Фамилия – функциональная замена
10.	Mr. Bray	Мистер Груб	Функциональная замена
11.	Mr. Pearman	Мистер Грушинг	Калькирование
12.	Mr. Meek	Мистер Тишенс	Функциональная замена
13.	Mr. Beard	Мистер Борродс	Калькирование
14.	Pat Bishop	Пэт Слоун	Имя – транскрипция, фамилия – функциональная замена
15.	Eric Scoones	Эрик Скунс	Имя – транслитерация. Фамилия – транскрипция
16.	Johnny Fatso	Жирняга Джонни	Транспозиция и калькирование
17.	Jobsworth	Медный Лоб	Описательный перевод

Таким образом, в переводе романа были найдены 7 случаев функциональной замены, 5 случаев транскрипции, 6 случаев калькирования, 4 случая транспозиции, 3 случая транслитерации и 1 случай описательного перевода. Кроме того, было выявлено 11 случаев передачи имени смешанным способом. Рассмотрим более подробно наиболее интересные функциональные замены в тексте: *Julian Pinchbeck* (Джулиан Пиритс), *Kitty Teague* (Китти Чаймилк), *Colin Knight* (Колин Коньман).

1. *Julian Pinchbeck* (Джулиан Пиритс). Имя было передано при помощи транскрипции, а фамилия – при помощи функциональной замены. При этом

стоит учесть, что *Pinchbeck* переводится как «томпак» или «фальшивка». В русскоязычной версии автор перевода воссоздает фамилию персонажа, используя название такого минерала, как пирит, также называемого «золотом дураков». Вероятно, при поиске соответствия переводчик обратил внимание на семантическое сходство между прозвищем минерала-пирита и слова «фальшивка». Кроме того, томпак – материал, который используется для имитации золота. Таким образом, у всех вариантов перевода имеется семантическое сходство – они означают имитацию драгоценного металла.

2. *Kitty Teague (Китти Чаймилк)*. Имя персонажа в данном тексте было передано при помощи транслитерации, что является распространенным методом передачи имен на другой язык. Однако при переводе фамилии необходимо было передать значение презрения. “*Teague*” в английском языке (слово обозначает уничижительное прозвище, которое было дано католикам). В русском переводе это значение утрачено: фамилия переведена путем частичного калькирования (*tea – чай*) с добавлением компонента «*милк*», который придает фамилии английское звучание, утраченное при дословном переводе первой части фамилии.

3. *Colin Knight (Колин Коньман)*. Имя – транслитерация. В фамилия возможна функциональная замена. Вероятно, в процессе перевода автор русскоязычной версии решил сохранить исходное значение фамилии персонажа (“*knight*” – английское название шахматной фигуры коня).

В заключение следует отметить, что переводчик должен руководствоваться не только языковыми, но и культурными аспектами при переводе имен собственных. Важно учитывать различные значения и коннотации, которые могут иметь имена собственные в разных культурах. Также необходимо умение принимать нестандартные решения при переводе. Улучшение межкультурной коммуникации поможет переводчикам лучше понимать иноязычный текст и успешно выполнять свою работу.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондалетов В. А. Русская ономастика: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 М.: Изд-во Просвещение, 1983.
- Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001.
- Джоанн Харрис Джентльмены и игроки; [перевод с английского Т. В. Старостиной]. М.: Изд-во Эксмо, 2022.
- Карпенко Ю. А. О семантике собственных имен. URL: http://karpenko.in.ua/wp-content/uploads/2013/02/O_Semantike_70.pdf (дата обращения 20.03.2023).
- Ролан Барт Введение в структурный анализ повествовательных текстов. URL: https://papusha.at.ua/bart_strukt_analiz.pdf (дата обращения 17.03.2023).
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Изд-во Наука, 1973.

Суперанская А. В. Структура имени собственного: (Фонология и морфология) / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Изд-во Наука, 1969.

Joanne Harris. Gentlemen and Players. URL https://royallib.com/read/Harris_Joanne/gentlemen_and_players.html (дата обращения: 22.02.2023).

Sapronova, L. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

TRANSLATION STRATEGIES FOR CHARACTER NAMES IN THE NOVEL JOANNE HARRIS "GENTLEMEN AND PLAYERS"

This article deals with the translation of character names in the novel "Gentlemen and Players" by Joanne Harris. The translation of 84 proper names occurring in Tatyana Starostina's translation into Russian has been analyzed. The article also provides a detailed analysis of the most interesting cases of translation.

Translation, literary text, proper name, translation techniques

УДК 811.111-26

Е. Ю. Синицкая

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0002-9265-3206

ekaterina.sinitskaya@yandex.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

Настоящий доклад посвящен рассмотрению явления локализации. В частности, рассматриваются особенности применения стилистических и иных переводческих трансформаций при локализации компьютерных игр. Исследование базируется на лингвокультурном подходе к анализу текста. Также выявляются специфические закономерности локализации культурно-маркированных лексических единиц. Обнаружено, что фразеологизмы подвергаются рефразеологизации и дефразеологизации, экзотизмы зачастую подвергаются транскрибированию или калькированию, а иные иностранные вкрапления оригинала стираются в русской локализации.

Локализация, компьютерные игры, лингвокультурология, переводческие трансформации, стилистические трансформации, аллюзии, экзотизмы

Развитие новых технологий закономерно привело и к развитию индустрии компьютерных игр, которые стали неотъемлемой частью глобального культурного пространства. Следовательно, перед разработчиками и издателями встает проблема продвижения игр не только на своих рынках, но и на рынках других стран и регионов. Преобразование видеоигр для соответствия нуждам других лингвокультур включает в себя локализацию продукта.

Сам термин «локализация» является сравнительно новым и еще недостаточно изученным, на что указывает отсутствие единства мнений при попытках концептуализировать его и дать ему точное определение. Так, например, А. В. Павлов считает, что локализация – это перевод, включающий в себя культурную адаптацию продукта [Павлов, 2014]. В то же время С. Е. Мерлян полагает, что локализация – это вид перевода, который сам по себе является культурной и лингвистической адаптацией [Жабина, 2015, с. 78]. Так или иначе, исследователи одинаково смотрят на основную задачу локализации и характеризуют ее как необходимость наиболее адекватно и доступно передать информацию о продукте на языке целевой аудитории. Финальный продукт должен быть не просто переведен на другой язык, но должен восприниматься иноязычным потребителем как созданный на его родном языке в его родной культуре.

Поскольку переводчики-локализаторы преследуют цель добиться того, чтобы произведение воспринималось органично среди целевой аудитории, необходимо ответственно подходить к изучению культуры адресата. В данном случае можно говорить о важности лингвокультурного подхода к анализу текста, который представляет собой выявление тех концептов и языковых единиц, которые отражают информацию о культуре заимствования [Бархударов, 1975, с. 135]. К таким единицам можно отнести безэквивалентную лексику, в частности слова-реалии, экзотизмы, фразеологизмы, метафоры, окказиональные заимствования и различные интертекстуальные отсылки. Лингвокультуру же в данном контексте можно рассматривать как совокупность текстовых произведений, которые созданы на национальном языке и моделируют самосознание народа. При анализе реалий в данном исследовании используется классификация реалий В. С. Виноградова [Виноградов, 2001].

Материалом для исследования послужила компьютерная игра “Genshin Impact” – «Геншин Импакт» [Genshin Impact, 2020], [Геншин Импакт, 2020], выпущенная китайской компанией miHoYo Limited в 2020 г. Данная игра отличается детально проработанным собственным фантастическим миром,

а также большим объемом внутриигровых текстов. Был проведен анализ особенностей локализации данной видеоигры на основе ее английской и русской версии. В ходе сопоставительного анализа внутриигровых диалогов, достижений и отдельных текстов в результате сплошной выборки было выделено 53 единицы, представляющие собой стилистические преобразования безэквивалентных единиц языка.

Настоящее исследование базируется на классификации переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова, поскольку ее можно считать наиболее полной и детальной [Комиссаров, 1990, с. 172]. Также дополнительно были рассмотрены подходы к классификации стилистических преобразований Л. К. Латышева [Латышев, 2005], Л. В. Солонович [Солонович, 2016], на основе которых можно выделить следующие стилистические преобразования: метафоризация, деметафоризация, реметафоризация, экспликация, импликация, антонимический перевод, трансформация фразеологизмов и иные виды замен (например, адаптация слов-реалий и др.).

Так, в рамках лингвокультурного анализа данных преобразований на основе проведенного анализа текста представляется возможным выдвинуть собственную классификацию стилистических трансформаций, характерных для локализации компьютерной игры «Геншин Импакт» (таблица 1):

Таблица 1. Классификация стилистических трансформаций в локализации компьютерной игры «Геншин Импакт»

Стилистическая трансформация	Частотность применения
Передача аллюзий	21
Передача реалий	3
Передача экзотизмов	8
Передача фразеологических оборотов	9
Достижение или изменение экспрессивного эффекта	5
Передача иноязычных вкраплений, не являющихся экзотизмами	9

Анализ преобразований, направленных на передачу аллюзий. Как и многие другие компьютерные игры, «Геншин Импакт» богат так

называемыми «пасхалками», т. е. отсылками на различные явления современной и классической культуры. Большое количество выявленных аллюзий говорит о том, что данный прием положительно зарекомендовал себя в контексте поддержания интереса игроков к игре, мотивируя их тем самым исследовать внутриигровые тексты и пространство, обращать внимание на детали. В процессе исследования была произведена классификация выявленных аллюзий (таблица 2):

Таблица 2. Классификация аллюзий в локализации компьютерной игры «Геншин Импакт»

Вид аллюзий	Частотность применения
Культурные	15
Религиозные	2
Исторические	4

Отсутствие мифологических аллюзий, вероятно, связано с недостаточно широкой выборкой. Более того, преобладающее число аллюзий было выявлено при анализе списка внутриигровых достижений, поэтому можно заключить, что данная часть игры наиболее богата «пасхалками». Также необходимо отметить, что 3 аллюзии в русском переводе сохранить не удалось, поэтому русскоязычный игрок сумеет распознать далеко не все отсылки в игре. Тем не менее, есть случай, где несмотря на потерю аллюзии, подобранный эквивалент нельзя назвать неудачным: *Fight Fire With Fire* – «Клин клином вышибают». Название достижения на английском языке – это культурная аллюзия на одноименную песню группы Metallica, а на русский язык ее локализовали с помощью приема фразеологизации, подобрав устойчивое выражение, имеющее древнее происхождение и встречающееся еще в Библии. Такой вариант замены одной аллюзии на другую нельзя назвать плохим, так как, по крайней мере, экспрессия, присущая фразеологизму, сохраняется.

В следующем примере раскрывается религиозная аллюзия: *Causality of Birth and Extinction* – «Цикл рождения и смерти». В данном случае представлена отсылка на буддизм и концепцию сансары – круговорота жизни и смерти. *Causality* имеет значение «обусловленность», а *extinction* – «вырождение». При подборе эквивалентов на русском языке переводчик прибегнул к приему модуляции в первом случае, так как «цикл», не являясь прямым аналогом исходной единицы, семантически с ним связан. Во втором случае можно говорить о конкретизации – указан не процесс, а его результат.

Анализ преобразований, направленных на передачу реалий. Так как мир исследуемой игры является вымышленным и фэнтезийным, число реалий, относящихся к существующим в реальности культурам, достаточно мало. Тем не менее, поскольку регионы, существующие в игре, основаны на реальных культурах, присутствуют единичные случаи использования слов-реалий. Так, была выявлена 1 реалия природного мира, 2 бытовые реалии, одна из которых относится к восточной культуре. При переводе они, как правило, сохраняются и передаются с помощью соответствующих эквивалентов на русском языке. Среди использованных переводческих и стилистических трансформаций можно выделить модуляцию, генерализацию, экспликацию. Например: ... *And get acquainted with these things they call "chopsticks"*. – «... И *непрактикую свой навык владения палочками*». Данный столовый прибор – это бытовая реалия, характерная для восточных культур. Также следует отметить, что лексема *chopsticks* – не экзотизм, поскольку является калькой с китайского языка. Кроме того, в данном случае наблюдается такое стилистическое преобразование, как экспликация, т. е. *get acquainted with* было заменено на более конкретизированное «*попрактикую свой навык*». Также переводчиком было принято решение опустить разговорное *these things they call*, тем самым сделав речь персонажа более нейтральной.

Анализ преобразований, направленных на передачу экзотизмов. В ходе исследования было выявлено, что большая часть экзотизмов в текстах игры напрямую связана с двумя регионами, основанными на японской и китайской культуре, чтобы придать больше национального колорита данным локациям и создать эффект погружения в чужую незнакомую культуру. Зачастую экзотизмы переводятся при помощи транскрипции, но также можно выделить случаи применения экспликации, модуляции, калькирования. В качестве примера передачи экзотизмов можно привести следующий: ... *An Organization Known as Wangsheng* – «... Ритуальное бюро «Ванишэн». В данном случае также можно наблюдать явление экспликации, которое проявляется в том, что обычная «организация» в переводе стала «ритуальным бюро». Также и в английском, и в русском вариантах локализации оставлено китайское название бюро, а на русский оно было транскрибировано.

Анализ преобразований, направленных на передачу фразеологических оборотов. Помимо аллюзий фразеологические обороты – это наиболее частотные культурно-маркированные лексические единицы в игровых текстах. Зачастую они встречаются в диалогах персонажей и внутриигровых «книгах», тем самым делая речь героев живой и разнообразной. В ходе исследования были выявлены случаи

рефразеологизации и дефразеологизации, а также реметафоризации и антонимического перевода. Одним из примеров дефразеологизации является следующий: *Alright, my bridge-building work here is done.* – «Дальше *справитесь без меня*». *Bridge-building*, т. е. налаживание новых отношений, опущено в переводе. Тем не менее, семантика фразы передана верно, ведь говорящий собирался уходить и был спокоен, что главный герой и другой персонаж нашли общий язык и могли спокойно работать дальше вдвоем. Кроме того, в данном примере можно наблюдать антонимический перевод.

Анализ преобразований, направленных на достижение или изменение экспрессивного эффекта. Чтобы речь персонажей в переводе произведения звучала адекватно и естественно, необходимо не только тщательно подбирать языковые конструкции, но и учитывать стилистику переводимого текста. Так, например, одним из исследованных внутриигровых текстов была детская сказка. Достижение необходимого экспрессивного эффекта и сохранение ощущения, что это сказка для детей, было достигнуто при помощи добавления диминутивных суффиксов, уподобления детскому языку, приемов конкретизации, модуляции, повторения синтаксических конструкций. Например, ... *Could find so much as a single blade of soft grass or a single piece of juicy fruit.* – «... Не смогли бы найти здесь ни одной сладенькой травиночки, ни одной сочной ягодки». Поскольку это сказка, наблюдается добавление диминутивных суффиксов в лексемах. Также в данном случае можно наблюдать прием модуляции, так как *piece of fruit* был переведен не как «фрукт», а как «ягодка».

Также время от времени в игре можно встретить языковую игру. Одним из примеров является следующий: ...*Till Debt Do Us Part* – «...пока долги не разлучат нас». В данном высказывании обыгрывается свадебная клятва «Пока смерть не разлучит нас» – *Till death do us apart*. Умение распознавать и правильно передавать игру слов также является важным аспектом удачной локализации произведения.

Передача иноязычных вкраплений, не являющихся экзотизмами. Иноязычные вкрапления в тексте, которые относятся не к восточной культуре, а к более близкой русскоязычному адресату западной, также являются достаточно частотным явлением. По этой причине было принято решение определить их в отдельную группу. Локализация таких вкраплений обычно производится при помощи генерализации, модуляции и нейтрализации стиля. Тем не менее, иногда встречаются случаи транскрибирования некоторых лексем. Так, в финальном продукте на русском языке подобных вкраплений остается очень мало.

Such words surely must appear the midst of every tale, and they are largely the words of the Kaiserin of the Immernachtreich. – «Такие слова, несомненно, должны появляться в середине каждой истории, и обычно их произносит принцесса Нирваны Ночи». В английской версии игры титул персонажа представлен на немецком языке, чтобы добавить колорита самой сказке, а также создать связь между регионом, в котором эта книга популярна, так как он основан на западноевропейской, преимущественно немецкой культуре. На русский язык данный титул локализован с помощью приема модуляции. *Kaiserin* – это «императрица», «правительница», но вариант «принцесса» тоже семантически близок к нему, пусть и не является прямым. *Immernachtreich* буквально значит «страна вечной ночи», но, чтобы сохранить несколько гротескный стиль, переводчиком было решено назвать «страну» «Нирваной». Тем более, в само понятие «нирвана» заложен семантический компонент бесконечности.

Таким образом, с помощью правильно подобранных стилистических и переводческих трансформаций при локализации видеоигр можно добиться как эффекта погружения в вымышленный, мир, так и позволить игроку узнать больше о реально существующих культурах. В контексте выдвинутой узконаправленной классификации стилистических трансформаций находят свое выражение и традиционные переводческие приемы, т. е. переводчик-локализатор не должен пренебрегать всеми возможными инструментами и техниками перевода. Подобные трансформации наиболее часто применяются при передаче фразеологических оборотов, экзотизмов и иных иностранных вкраплений, аллюзий, а также для передачи необходимой экспрессивной окраски оригинального текста или игры слов. Сохранение оригинальной стилистики «детского языка», преднамеренных ошибок также нельзя упускать из виду. Тем не менее, в процессе локализации нередко приходится прибегать к нейтрализации высказываний в тексте, но не стоит этим злоупотреблять, поскольку в таком случае текст может потерять свою уникальность и важные смысловые оттенки оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. С. 237.
- Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. С. 224.
- Геншин Импакт. URL: <https://genshin.hoyoverse.com/ru/game> (дата обращения: 18. 03. 2023)
- Жабина Л. В. О переводе названий компьютерных игр (на материале английского и русского языков) // Язык и культура (Новосибирск), 2015. №19. – с.77–81
- Комиссаров В. Н. Комиссаров, В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. С. 254.

Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв, вузов и фак. М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 320.

Павлов А. В. Проблемы локализации ММОРПГ (Многопользовательских Ролевых Онлайн-игр) / А. В. Павлов, Н. А. Каширина // Международный журнал экспериментального образования, 2014. № 6-2. С. 159–161.

Солонович Л. В. Семантико-стилистические трансформации при переводе художественного текста (на примере перевода повести И. Шамякина «Торговка и поэт» на немецкий язык) // Весті БДПУ. 2015. №1. С. 50–53.

Genshin Impact. URL: <https://genshin.hoyoverse.com/en/game> (дата обращения: 18. 03. 2023)

Sinitskaya, Y. Y.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

STYLISTIC TRANSFORMATIONS IN THE COURSE OF CULTURALLY-MARKED LEXEMES LOCALIZATION IN COMPUTER GAMES

The report is devoted to the research of the localization phenomenon, particularly the specific features of stylistic and other translation techniques used in the localization of computer games. The study is based on a linguocultural approach to text analysis. Specific patterns of localization of culturally-marked lexical units are revealed. It was found that phraseological units undergo rephraseologization and dephraseologization; exoticisms are often transcribed or calqued. Other foreign inclusions of the original text are erased in Russian localization.

Localization, computer games, linguocultural studies, translation transformations, stylistic transformations, allusions, exoticisms

УДК 811.111:81'25

В. В. Теллинен

ЧОУ ВО Институт иностранных языков, Санкт-Петербург,
valeria.tell@yandex.ru

И. В. Кузьмич

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
irinakuzmich@inbox.ru

ПЕРЕВОД НАСТОЛЬНЫХ РОЛЕВЫХ ИГР – КТО НА НОВЕНЬКОГО?

Рассматриваются вопросы комплексного подхода и стандартизации терминологии при переводе настольных ролевых игр на русский язык. Одной из важных задач является соблюдение баланса между технической составляющей и эстетикой художественной части текста.

Англицизм, глоссарий, настольная ролевая игра, терминология, художественный текст

Термин «ролевые игры» является в русском языке заимствованием английского словосочетания *role-playing games*, что в дословном переводе означает «игры, в которые играют по ролям». Часто этот термин сокращают как *RPG*, а в переводе на русский язык транслитерируют как РПГ или переводят как сокращают переведённый термин РИ [Акулина, 2006]. По определению представителей крупнейшего и старейшего российского издательства настольных ролевых игр «Студия 101» (Studio 101) НРИ – это «игра воображения с привлечением правил и ... не что иное, как разговор за партией в кости» [Studio 101]. Часто люди, незнакомые с данным явлением, сравнивают его с театром, где каждый актёр играет свою роль, однако этим нельзя объяснить суть ролевых игр в полной мере. Настольная ролевая игра (здесь и далее – НРИ) – это сочетание так или иначе известных всем настольных игр с ролевыми играми, подобными тем, в которые играют дети. В НРИ игроки, опираясь на характеристики своих персонажей и правила игры, в устной форме описывают действия своих героев. Кроме того, как и в привычных настольных играх, в НРИ возможно использование таких инструментов как игральные кости, карты, фишки и так далее, хотя это не является обязательным.

Впервые настольные ролевые игры в виде, приближённом к тому, какими мы знаем их сейчас, появились в середине 70-х годов XX века в США, в то время как в Россию этот феномен пришёл только в начале 90-х годов

XX века. В настоящее время рынок переводных настольных ролевых игр в России активно развивается. Несмотря на растущую популярность это, данная тема еще не получила должного внимания исследователей и переводчиков ввиду, вероятно, её «несерьёзности», количество действительно подготовленных для такой специализации переводчиков достаточно мало, а какая-либо методическая информация для стандартизации перевода и подготовки переводчиков практически отсутствует. Тексты настольных ролевых игра сочетают в себе элементы художественного и технического стилей, что подтверждает автор сборника советов для переводчиков НРИ А. Гастева. В пособии по переводу для переводчиков НРИ «ПРОМТ устал дважды» она отмечает: «Книги правил настольных ролевых игр отличаются тем, что зачастую содержат как художественный, так и технический текст» [Гастева, 2017, с. 82]. Таким образом, перед переводчиком стоит непростая задача комплексного перевода текста, который должен производиться с учётом особенностей обоих стилей. В процессе настоящего исследования были выявлены основные переводческие трудности, характерные для перевода НРИ, проанализированы подходы к их преодолению, а также сформулированы наиболее оптимальные методы работы с текстами настольных ролевых игр для переводчиков данного жанра.

Материалом исследования явились тексты ролевых игр «Городские легенды» [Медейрос и др., 2016] (*Urban shadows* [Medeiros et al., 2015]) – жанр городское фэнтези, «Кориолис. Ключ на старт» [Хёренстам и др., 2017] (*Coriolis. The Third Horizon. Quickstart* [Härenstam et al., 2016]) – космическая фантастика. Кроме того, в качестве источника дополнительных примеров и анализа показательных случаев из переводческой практики использованы два издания сборника советов для переводчиков авторства главного редактора одного из крупнейших издательств НРИ в России А. Гастевой «ПРОМТ устал дважды» [Гастева, 2017] и «Искусство немашинного перевода» [Гастева, 2022].

В силу причин экономического, политического и культурного характера первые НРИ в России переводились непрофессиональными переводчиками. Зачастую такие переводчики были поклонниками НРИ, неплохо владели разговорным английским языком, но не задумывались о соблюдении норм русского языка при переводе. Для переводчиков-любителей чистота русского языка не являлась приоритетом, и они нередко жертвовали качеством перевода в пользу скорости. Соответственно, терминология НРИ пришла в русский язык преимущественно из английского языка в неадаптированном виде. Благодаря тиражированию любительских переводов такая терминология получила широкое распространение и до сих пор используется игроками ради

единообразия, а стремления издательств заменить привычные игрокам англицизмы русскими словами нередко встречают критику и неодобрение. Тем не менее, руководители издательств НРИ стремятся к минимизации заимствованных терминов. Эти слова подтверждает А. Гастева в своём сборнике рекомендаций, где допускает использование такого сленга в разговорной речи, но отмечает следующее: «когда мы делаем перевод или пишем собственное произведение на русском для широкой общественности, стоит пользоваться богатством языка» [Гастева, 2017, с. 78]. Таким образом, одной из основных проблем является передача в русском тексте заимствований без ущерба единству терминологии, а также, насколько это возможно, привычкам большей части целевой аудитории.

Следует отметить, что специалисты-лингвисты высказывают разные мнения по вопросу иноязычных заимствований. Многие считают их способом наполнения языкового пространства и обогащения языка лексическими единицами, отсутствующими в когнитивной базе языка-реципиента. [Дьяков, 2003; Горошко, Труфанова, 2014; Лисицына, 2014]. Другие считают, что чрезмерное и неуместное употребление заимствований недопустимо, что нужно заниматься просветительской работой по воспитанию хорошего «языкового вкуса» для правильного использования как своих, так и иноязычных языковых средств [Крысин, 2002].

Не менее актуальным признан вопрос сложности перевода именованных некоторых персонажей (или классов персонажей). В связи с тем, что первые переводы НРИ на русский язык были непрофессиональными, к настоящему времени образовалось много неточностей и разночтений в переводе одинаковых понятий, и в том числе это касается именованных персонажей даже в рамках одного игрового мира, например, класса персонажа *Rogue*. В разных редакциях одной из самых популярных НРИ «Подземелья и Драконы» [Мирлис, 2010; Твит, 2006] этот персонаж переводится разными словами, несмотря на то, что описание этого класса схоже в обеих редакциях: его описывают как ловкого, умелого, хитрого, находчивого персонажа, живущего вне закона. Основное поле деятельности этого персонажа – воровство или мошенничество, но этим его «таланты» не ограничиваются. В англоязычных словарях приводятся следующие определения *rogue*:

- if a man behaves in a way that you do not approve of but you still like him, you can refer to him as a rogue [Collins Dictionary];
- (*humorous*) a person who behaves badly, but despite this is quite attractive (*old-fashioned*) a man who is not honest or moral [Oxford Dictionary];

behaving in ways that are not expected or not normal, often in a way that causes damage» [Cambridge Dictionary].

Обобщая приведённые определения, можно охарактеризовать этого персонажа как пренебрегающего общественными нормами и нормами закона, но обладающего своеобразным обаянием. В издании «Подземелья и Драконы. Редакция 3,5» студии «Фантом» 2006 года *rogue* было переведено словом «вор». В четвёртой и пятой редакциях игры «Подземелья и Драконы» того же издательства переводчики сочли определение «плут» более подходящим данному классу персонажей, и, действительно, это слово отражает больше граней характеристики личности или глубже её характеризует. Очевидно, что единство терминологии является одной из актуальных задач при переводе НРИ. Невозможно добиться максимального качества перевода, опираясь на уже опубликованные переводческие решения, особенно если это любительский перевод. В связи с этим создаются новые улучшенные (или просто изменённые) варианты. Более того, как демонстрируют примеры из «антисловаря» переводчиков [Гастева, 2017, с. 7881], создание единой терминологической базы для всех настольных ролевых игр представляется технически невозможным, но критически необходимым в рамках каждого отдельного проекта. По этой причине создаются глоссарии или «словари перевода терминов», к которым автор сборника рекомендаций для переводчиков призывает не забывать обращаться, поскольку замена утверждённых терминов другими словами вводит читателей в заблуждение [Гастева, 2017, с. 22].

Возвращаясь к вопросу необходимости комплексного подхода к переводу настольных ролевых игр как содержащих элементы технического и художественного текста, стоит обратить внимание на вариативность именования роли ведущего в НРИ разных стилей. В традиционных настольных ролевых играх ведущий – это один из игроков, на котором лежит ответственность за создание сюжета игры, за ключевые сцены, а также реакцию игрового мира на действия игроков. Термин «ведущий» является одним из основных в каждой настольной ролевой игре, и многие авторы игр придумывают для него своё именование, отвечающее стилистике конкретного игрового мира. В таком случае на переводчиков ложится задача перевода этого именования с максимальной передачей оттенков смысла. В разных игровых системах ведущий называется по-своему: гейммастер, мастер подземелий, рефери, сторителлер и так далее. Представляется, что, приступая к переводу новой НРИ, переводчики не знакомятся с имеющимся ресурсом уже переведённых материалов и не стремятся к терминологическому единообразию текста. В данном случае мы имеем дело с искусственной

избыточностью, которая может являться как следствием непрофессионализма переводчика, так и его желанием расставить экспрессивные или эмоциональные акценты, что сближает такие тексты со сленгом, который характеризуется новизной и «свежестью» звучания.

При учете глоссария конкретного проекта и норм русского языка следует всегда находить правильные переводческие решения. Соблюдение единства терминологии для всех НРИ не представляется необходимым, поскольку в силу традиций того или иного проекта многие игроки и, соответственно, переводчики будут отстаивать привычные и знакомые термины. Основной задачей должно быть соблюдение баланса между технической составляющей и эстетикой художественной части НРИ.

ЛИТЕРАТУРА

- Акулина Т. В. Настольные ролевые игры: история развития и терминология / Т. В. Акулина // Омский научный вестник. – 2006. – №9 (47). – С. 239241.
- Гастева А. ПРОМТ устал – 2-е изд. / А. Гастева – СПб.: Студия 101. – 2017. – 84 с.
- Гастева А. Искусство немашинного перевода. – Студия 101. – 2022. – 120 с. URL: <https://rpgbook.ru/STD0104> (дата обращения: 03.04.2023).
- Горошко О. Н., Труфанова В. П. Заимствование англицизмов в современном русском языке. // Наука и современность. – 2014. – №29. – С. 221226.
- Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке. // Язык и культура. – 2003. – №3. – С. 3543.
- Крысин Л. П. О русском языке наших дней / Л. П. Крысин // Изменяющийся языковой мир. – Пермь. – 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (дата обращения: 03.04.2023).
- Лисицына С. Г. Заимствование англицизмов в русском языке. // Молодой ученый. – 2014. – № 1. – С. 674–675.
- Мирлс М. Подземелья и Драконы. Редакция 5/ перев. на рус. яз.: Студия Фантом. – Студия фэнтези «Фантом» – 2010. – 318 с.
- Твит Дж. Подземелья и Драконы. Книга правил. Руководство игрока. Версия 3,5 /перев. на рус. яз.: Г. Т. Голованов, Т.В. Мацкевич, О. В. Цыганий. – Москва: АСТ: Астрель – 2006. – 349 с.
- Медейрос Э., Труман М. Д. Городские легенды / перев. на рус. яз. Мун А. – СПб.: Студия 101. – 2016. – 224 с.
- Хёренстам Т., Костулас К., Гренет К., Карлин Н., Сталенхаг С. Кориолис: ключ на старт / перев. на англ. яз.: Перссон Т, перев. на рус. яз. Смыков К. – СПб.: Студия 101, – 2017, – 64 с.
- Härenstam T., Granath Ch., Karlén N., Kostulas K., Stålenhag S. Coriolis. The Third Horison. Quickstart. Free League. – 2016. – 72 pp.
- Medeiros A., Truman M. D. Urban shadows – Magpie Games. – 2015. – 295 pp.
- Studio 101 / Что такое настольная ролевая игра? // Издательство «Студия 101». URL: <https://studio101.ru/pages/tabletop-rpg> (дата обращения: 03.04.2023).
- Cambridge Dictionary online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 03.04.2023).

Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения 03.04.2023).

Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 03.04.2023).

Tellinen, V. V.

Saint Petersburg Institute of Foreign Languages

Kuzmich, I. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

TABLETOP ROLE-PLAY GAMES TRANSLATION: WHOSE TURN IS NEXT?

The article deals with tabletop role-play games translation into the Russian language with the emphasis on integrated approach and terminology standartization. A balance between specialist vocabulary and literary text aesthetics is considered.

Anglicisme, glossary, tabletop role-play game, terminology, literary text

УДК 811.111'25

Е. А. Щелконогова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

shchelkonogovae@mail.ru

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

В статье рассматривается проблема языковой интерференции в переводе фильмов с английского языка на русский язык. Исследуются механизмы возникновения и проявления интерференции в переводе фильмов. Определены частота появления определенных типов интерференции и особенности их влияния на восприятие перевода зрителем.

Языковая интерференция, прямая интерференция, косвенная интерференция, грамматическая интерференция, лексико-семантическая интерференция, перевод фильмов

Термин «языковая интерференция» имеют узкую и широкую трактовку. В рамках узкой трактовки интерференция понимается как происходящий в процессе речи перенос норм родного языка на другой язык

[Лингвистический энциклопедический словарь]. Широкая трактовка определяет интерференцию как возникающее при языковом контакте вторжение норм системы одного языка в систему другого. При этом не имеет значение проявляются ли черты родного языка в иностранном или иностранного в родном, так как интерференция возможна в обоих направлениях [Ахунзянов, 1978, с. 8182].

Интерференция наблюдается как на уровне системы и норм языка (прямая интерференция), так и на уровне узуса (косвенная интерференция) [Баграмова, Соломина, 2015, с. 12]. В обоих случаях смешение норм двух языков может происходить на всех уровнях языка и речи. Существуют различные классификации уровней языковой интерференции. В данной работе используется трехуровневая классификация:

1. фонетическая интерференция;
2. грамматическая интерференция;
3. лексико-семантическая интерференция [Алимов, 2004, с. 19].

Некоторые исследователи предлагают выделять на звуковом уровне три подтипа интерференции:

1. фонетическую, затрагивающую звуки речи, артикуляцию и акустику;
2. фонологическую, которая обнаруживается на уровне фонем и звукового строя языка;
3. звуковую-репродуктивную, при которой слова одного языка при переводе заменяются словами другого, сходными по звучанию, но необязательно совпадающими по значению [Алимов, 2004, с. 2023].

Однако необходимо заметить, что последний тип чаще относят к интерференции на лексическом уровне [Инькова, 1992, с. 9].

Грамматическая интерференция включает в себя морфологическую и синтаксическую. Морфологическая интерференция проявляется в отношении частей речи и присущих им категорий. Синтаксическая интерференция охватывает члены предложения, отношения между ними и предложения разных типов [Алимов, 2004; Weinreich, 1979].

Синтаксическая интерференция связана также с тем, что в каждом языке есть свои предпочтительные способы построения того или иного суждения. Во многом именно такие предпочтения составляют идиоматичность речи [Комиссаров, 2020, с. 25]. Однако при языковом контакте часто наблюдается исключение идиоматических свойств языков в пользу общих и универсальных моделей [Розенцвейг, 1975, с. 3031].

Условия для лексической интерференции возникают в том случае, когда переводчик не может подобрать эквиваленты для слов одного языка в другом

языке. Отсутствие подходящего эквивалента приводят к калькированию или транслитерации. [Алимов, 2004, с. 32].

Существует и другой вид лексической интерференции: сближение двух единиц разных языков, обусловленное фонетическим и семантическим сходством. [Инькова, 1992, с. 56]. Этот тип лексической интерференции реализуется в явлении «ложных друзей переводчика» [Инькова, 1992, с. 9].

Причиной семантической интерференции часто становится многозначность слов, омонимия и синонимия [Алимов, 2004, с. 3233]. Например, в отношении многозначных слов интерференция проявляется в следующем: переводчик пренебрегает контекстом и, как следствие, выбирает из имеющихся у слова значений то, которое в данном контексте употребляться не может [Hosseini manesh, Dastjerdi, 2013, с. 158].

Возникновение языковой интерференции в переводе связано с тем, что переводчик, как и любой билингв, склонен к отождествлению языковых систем, которые он использует. В результате смешения двух языков в сознании переводчика может возникать так называемый «переводческий язык», то есть язык перевода, в котором наблюдаются явления интерференции исходного языка [Лингвистический Энциклопедический Словарь].

Значительную проблему для перевода представляет косвенная интерференция, то есть, в контексте теории перевода, «отклонение относительных частот и обязательности употребления единиц языка перевода» [Савко, 2012 с. 137]. Именно вследствие косвенной интерференции текст на языке перевода воспринимается носителем этого языка как неестественный [Савко, 2012, с. 141].

Таким образом, виды интерференции различаются механизмами возникновения и проявления. Кроме того, они оказывают разное влияние на восприятие текста перевода носителем языка перевода. В рамках данного исследования были рассмотрены примеры интерференции из десяти дублированных полнометражных фильмов различных жанров и двух дублированных полнометражных мультфильмов, выпущенных между 1990 годом и 2020 годом (подробный список произведений, выбранных в качестве материалов исследования, содержится в Приложении 1).

Исследования проводилось с использованием следующих методов: метод сплошной выборки, описательный метод, сопоставительный анализ, прием частотной характеристики.

Всего в рассматриваемых произведениях было зафиксировано 37 случаев интерференции.

Фонетическая интерференция не рассматривалась, так как она связана с произношением, следовательно, зависит от работы актеров озвучивания, а не от работы переводчика и выходит за пределы изучаемой проблемы.

Морфологическая интерференция представлена 1 случаем. В переводе фильма «Гарри Поттер и Философский камень» [№1 в Приложении 1] Олливандер говорит о волшебной палочке Гарри Поттера: *Ее брат оставил Вам этот шрам*. В данном случае текст перевода копирует исходное высказывание: *Its brother gave you this scar*. Тем не менее, если в английском языке слово *wand* не имеет грамматического рода, что позволяет говорящему для создания метафоры приписать этому слову любой род, то в русском языке *волшебная палочка* – слово женского рода, следовательно, термин родства, используемый для описания связи между двумя волшебными палочками, также должен быть женского рода. Это пример прямой морфологической интерференции, которая не влияет на понимание зрителем смысла высказывания, но придает ему неестественный для русского языка вид.

На грамматическом уровне также зафиксировано 13 случаев синтаксической интерференции, из них 5 случаев прямой интерференции и 8 случаев косвенной. Прямая синтаксическая интерференция представлена в основном нарушением сочетаемости слов внутри предложения. Так, в переводе фильма «Дом странных детей» [№3 в Приложении 1] героиня, вспоминая первую встречу с героем, иронично замечает, что он казался ей похожим на своего дедушку, пока *не начал кричать, убежать и биться головой об землю*. Под влиянием исходного предложения, в котором содержится словосочетание *started running*, в переводе появляется невозможное для русского языка сочетание *начал убежать*.

Среди примеров косвенной синтаксической интерференции преобладают употребление пассивного залога в тех случаях, в которых для русского языка естественнее употреблять активный, и избыточное употребление притяжательных местоимений. Наиболее заметный пример обнаружен в фильме «Джентльмены» [№2 в Приложении 1]: фраза *Прошу Вашего прощения?* копирует структуру оригинала (*I beg your pardon*), что приводит к разрушению идиоматичности речи в переводе.

Тем не менее, необходимо заметить, что интерференция на грамматическом уровне почти никогда не приводит к искажению смысла высказывания. В единственном зафиксированном примере, содержащем искажение смысла, незначительное различие между содержанием оригинала и перевода оказалось нерелевантным для понимания сцены.

На лексическом уровне зафиксирован 1 пример прямой лексической интерференции. В фильме «Люди X: Первый класс» [№6 в Приложении 1] персонаж-телепат говорит о людях, в сознание которых смог заглянуть: *I could feel them, their isolation...* В русском переводе: *Я чувствую их, их изоляцию...* Однако русское слово *изоляция*, в отличие от английского *isolation*, не может обозначать ментальное состояние человека, а почувствовать изоляцию как состояние объективное телепат бы не смог. Таким образом, данный случай можно определить как ошибку в передаче на русский язык «ложных друзей переводчика», приводящую к искажению смысла.

Косвенная лексическая интерференция также представлена одним примером: в этом же фильме словосочетание *military defence* переведено как *военная оборона*, что для русского языка является избыточным (носитель русского языка, скорее всего, скажет просто *оборона*), однако не нарушает правил лексической сочетаемости русского языка и сохраняет исходный смысл.

Кроме того, мы предлагаем рассматривать как специфический вид прямой лексической интерференции непереуведенные говорящие имена персонажей. Таких примеров обнаружено 6. Для этого вида установлена следующая закономерность: непереуведенные говорящие имена, имеющие родственные слова в русском языке, воспринимаются зрителем как значащие благодаря знакомому корню (например, прозвища *Магнито* (*Magneto*) и *Мистик* (*Mystique*) родственны таким словам, как *магнит* и *мистика*, что позволяет зрителю переуведенного фильма считать их значение), в то время как непереуведенные имена, не имеющие подобных родственных слов (такие как *Хавок* (*Navos*) и *Эвосет* (*Avocet*)), оказываются лишены смысла.

Случаев семантической интерференции зафиксировано 10. Среди них 3 примера косвенной интерференции. Все они связаны с переводом английского слова *thing*, которое имеет более широкое значение, чем русское *вещь*. Например, в фильме «Прибытие» [№10 в Приложении 1] фраза *Here are some of the many things we don't know about heptapods* переведена как *Вот некоторые вещи, которые мы не знаем о гептаподах*. Использование слова *вещь* для обозначения информации, фактов, знаний в русском языке является допустимым, но нетипичным, что позволяет говорить о косвенной интерференции, не влияющей на понимание смысла фразы.

Прямая семантическая интерференция представлена 7 случаями, большинство из которых связаны с актуализацией неверного значения полисеманта и, как следствие, выбором неверного эквивалента. Так, в мультфильме «Песнь моря» [№8 в Приложении 1] герой отгоняет младшую

сестру словами: *Would you just go down and play with some rocks?* В русском переводе его фраза передана как: *Спустиись вниз и поиграй с какими-нибудь скалами.* Слово *rock* имеет несколько значений, среди которых *скала* и *мелкий камень*. В данном случае подразумевается именно второе значение, но переводчик выбирает первое и использует соответствующей ему эквивалент. В результате фраза утрачивает смысл: глагол с предлогом *поиграй с* обычно употребляется с названиями небольших предметов, с которыми можно совершать определенные действия, составляющие процесс игры, и в число которых скала не входит, как следствие, представить ребенка, играющего со скалой, зритель, скорее всего, не сможет. Анализ остальных шести примеров прямой семантической интерференции показывает, что этот тип интерференции во всех случаях приводит либо к значительному искажению смысла высказывания, либо к полной его утрате.

Таким образом, в результате исследования были получены следующие выводы:

1. В рассматриваемой выборке фильмов и мультфильмов наиболее распространенными видами языковой интерференции оказались прямая синтаксическая и прямая семантическая интерференция. Наименее распространенной является прямая морфологическая интерференция;
2. Наиболее значительные искажения смысла высказывания вызывает прямая семантическая интерференция. Косвенная семантическая интерференция, а также все виды интерференции на грамматическом уровне, наоборот, практически не оказывают влияния на смысл высказывания;
3. Интерференция на грамматическом уровне приводит к искажению формы высказывания, как следствие, именно из-за нее переводы фильмов для русскоговорящего зрителя часто выглядят искусственно;
4. Влияние прямой лексической интерференции на понимание зрителем говорящих имен зависит от наличия или отсутствия в русском языке родственных им слов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алимов В. В. Интерференция в переводе: На материале профессионально ориентированной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации: Автореф. дис. д-ра филол. наук / Военный университет, Москва, 2004.
- Ахунзянов Э. М. Двухязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978.
- Баграмова Н. В. Соломина А.В. Роль интерлингвистических и интралингвистических процессов при изучении иностранного языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015, № 174.

- Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования Киев: Изд-во при Киев. ун-те, 1979.
- Инькова О. Ю. Лексическая интерференция в итальянском и французском языках: Проблема «ложных друзей переводчика: Автореф. дис. канд. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 1992.
- Комиссаров В. Н. Лингвистические модели теории перевода // Переводческие исследования: избранные статьи 1968-2005. Москва: Р. Валент, 2020.
- Лингвистический Энциклопедический Словарь / Таре Марк. URL: <http://taremark.narod.ru/les/> (дата обращения: 15.04.22).
- Розенцвейг М. Ю. Проблемы языковой интерференции: Автореф. дис. д-ра филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза, Москва, 1975.
- Савко М. В. Косвенная интерференция как проявление языкового взаимодействия при переводе (на материале переводов аудиовизуальных текстов с французского языка на русский) // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та. 2012, № 2 (35).
- Hosseinimanesh L., Dastjerdi H. V. Technical Translation: A Study of Interference on Three Persian Translations of “Software Engineering” // Journal of Language Teaching and Research. 2013, Vol. 4, No. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СПИСОК ФИЛЬМОВ, РАССМОТРЕННЫХ В РАМКАХ ИССЛЕДОВАНИЯ (В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ)

1. Гарри Поттер и Философский камень (Harry Potter and the Philosopher's Stone, 2001, режиссер: Крис Коламбус. Студия дубляжа: Мосфильм-Мастер. URL (оригинал и дублированная версия): <https://harry-potter-film.ru/1-2001-smotret-sagu-besplatno/>)
2. Джентльмены (The Gentlemen, 2019, режиссер: Гай Ричи. Студия дубляжа: СинеЛаб СаундМикс. URL (оригинал): <https://www.thegentlemen.movie/>; URL (дублированная версия): <https://hd.kinopoisk.ru/film/47649cf90de74aca8da7eb5b17fc8a8a>)
3. Дом странных детей мисс Перегрин (Miss Peregrine's Home for Peculiar Children, 2016, режиссер: Тим Бертон. Студия дубляжа: Невафильм. URL (оригинал и дублированная версия): <https://t.ixfilm.org/14954-dom-strannyh-detej-miss-peregrin-2016.html>)
4. Железный человек (Iron Man, 2008, режиссер: Джон Фавро. Студия дубляжа: Пифагор. URL (оригинал и дублированная версия): <https://iron-men-kino.ru/>)
5. Контакт (Contact, 1997, режиссер: Роберт Земекис. Студия дубляжа: Мост-Видео. URL (оригинал и дублированная версия): <https://t.ixfilm.org/18007-4-kontakt-1997-hd10.html>)
6. Люди X: Первый класс (X-Men: First Class, 2011, режиссер: Мэттью Вон. Студия дубляжа: SPIG. URL (оригинал и дублированная версия): <https://t.ixfilm.org/17950-ljudi-iks-pervyj-klass-2011.html>)
7. На гребне волны (Point Break, 1991, режиссер: Кэтрин Бигилоу. Студия дубляжа: Хлопушка. URL (оригинал и дублированная версия): <https://t.ixfilm.org/32996-na-grebne-volny-1991.html>)
8. Песнь моря (Song of the Sea, 2014, режиссер: Томм Мур. Студия дубляжа: Lucky Production. URL (оригинал и дублированная версия): <https://t.ixfilm.org/25075-pesn-morja-2014.html>)

9. Престиж (The Prestige, 2006, режиссер: Кристофер Нолан. Студия дубляжа: Мосфильм-Мастер. URL (оригинал и дублированная версия): <https://t.ixfilm.org/23605-prestizh-2006.html>)
10. Прибытие (Arrival, 2016, режиссер: Дени Вильнев. Студия дубляжа: СинеЛаб СаундМикс. URL (оригинал и дублированная версия): <https://t.ixfilm.org/18369-pribytie-2016.html>)
11. Фантастические твари: Преступления Грин-де-Вальда (Fantastic Beasts: The Crimes of Grindelwald, 2018, режиссер: Дэвид Йейтс. Студия дубляжа: Мосфильм-Мастер. URL (оригинал и дублированная версия): <https://harry-potter-film.ru/2018-fantastic-beasts-saga/>)
12. Храбрая сердцем (Brave, 2012, режиссер: Бренда Чапмэн, Марк Эндрюс, Стив Перселл. Студия дубляжа: Невафильм. URL (оригинал и дублированная версия): <https://t.ixfilm.org/6540-hrabraja-serdcem-2012.html>)

Shchelkonogova, E. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

**THE ANALYSIS OF THE LANGUAGE INTERFERENCE ISSUES
(BASED ON THE MATERIAL OF THE FILM TRANSLATION
FROM ENGLISH INTO RUSSIAN)**

The article deals the issues of language interference in English-Russian film translation. The mechanics of interference in film translation are being examined. The paper also defines the frequency with which specific types of interference appear as well as the specificities of their influence on the way the viewers perceive a translation.

Language interference, explicit interference, implicit interference, grammatical interference, lexical-semantic interference, film translation

ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81'342.4

В. Н. Малышева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

malvaleriam@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АФФИЛИАЦИЯ И ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ СТАТУС ФОНЕСТЕМ *br-* И *cr-* АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

*В статье рассматривается вопрос о наличии иконической связи артикуляции и акустических характеристик слов фонестемных групп *br-* и *cr-* английского языка с их значением, поднимается вопрос о взаимодействии сем в рамках одной фонестемной группы и о влиянии этимологии слов и частотности их употребления на общую динамику развития группы. Исследование строится на материале, отобранном из *Oxford English Dictionary* методом сплошной выборки, и нацелено на уточнение ряда теоретических положений из области фонестемного звукового символизма.*

Фонестемы, фоносемантика, звукоизобразительная лексика, иконичность, этимология

В данном исследовании рассматривается феномен фонестемного звукового символизма на материале слов фонестемных групп английского языка *br-* и *cr-*.

1. Материал исследования

Материалом исследования послужили 60 слов фонестемных групп английского языка *br-* и *cr-*, отобранные методом сплошной выборки из словаря *Oxford English Dictionary* (далее – OED). Сравнение именно этих фонестем представляется целесообразным ввиду наличия у них общей фонемы /r/, а также сопоставимым объемом обеих групп.

2. Понятие фонестемы

Термин «фонестема» введен в науку в 1930 Дж. Р. Фёртом [Firth, 1930], однако определение понятия по настоящий день вызывает разногласия. В данной работе мы опираемся на трактовку фонестемного звукового символизма как явления, при котором «две (реже три) фонемы, имеющиеся в фонетическом облике у группы слов, приобретают устойчивую ассоциативную связь с каким-либо значением, либо рядом значений»

[Флакман, 2016, с. 20–21]. Подобного определения придерживается ряд исследователей [Михалёв, 2018; Householder, 1946].

Согласно иной трактовке [Crystal, 2003; Sagi & Otis, 2008; Smith, 2016] фонестемы – это «субморфемы, от которых ожидается расплывчатое семантическое наполнение; эта расплывчатость отличает их от морфем» [Sagi & Otis, 2001].

В английском языке выделяют фонестемы *bl-*, *br-*, *cl-*, *cr-*, *fl-*, *gl-*, *scr-*, *sl-*, *sw-*, *tw-* и другие. Слова с фонестемой *gl-*, например, передают значения «свет» (*glare, gleam, glow*), «взгляд» (*glance, glare, gloom*), «легкое движение» (*glace, glance, glide*) и др. Слова с фонестемой *cr-* передают значение сломанного или сдавленного, зачастую сопровождающегося характерным звуком (*crack, crash, creak*).

3. Звукоизобразительная функция фонем, составляющих фонестемы

Фонестемы, как было установлено выше, представляют собой сочетания двух (реже трёх) фонем, имеют функцию передачи определённого кластера обобщённых значений (как правило, «мета»-значений, связанных с передачей типа движения, характера поверхности, формы или степени освещённости предмета). То есть, фонестемы (в тех языках, где они имеются) имеют функции *синестетической* передачи ощущений разных типов модальностей (кроме слуховой), которые в языках, имеющих большие идеофонные инвентари, передаются идеофонами.

М. Дингеманзе [Dingemane, 2012] ввёл понятие семантической иерархии идеофонов, позволяющей классифицировать языки по степени «богатства» идеофонного состава. Английский язык, согласно этой классификации, имеет только идеофоны (звукоподражательные междометия), передающие звук (также, в меньшей степени, элементы других сенсорных модальностей – см. [Воронин, 2006]), тогда как, например, финно-угорские языки, при помощи идеофонов передают чувства, эмоции, ощущения от поверхности, и т.п. Так, В.А. Иванов на материале финно-угорских фольклорных текстов подтверждает использование изобразительной лексики для создания зрительных, тактильных, двигательных образов: «*пиндолды-вандолды, целай пакся вчколды*» – «*блестит-сверкает, целое поле расчищает*» (мокшанская загадка – «коса») [Иванов, 2016, с. 179–180].

В английском языке, с другой стороны, имеется обширный пласт звукоподражаний (ономатопов) и звукосимволических слов (около 1000 единиц, см. [Флакман, 2015]), а также некоторое количество слов фонестемных групп с «размытой» семантикой. Точное число слов

фонестемных групп ещё предстоит установить в рамках настоящего исследования.

В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть фонестемы под иным углом зрения, чем это принято в лингвистике [Firth, 1930, Householder, 1946]. Указанные авторы смотрят на фонестемы как на неразделимые фоносемантические единства. Мы же предлагаем разделить фонестемы на составляющие их элементы более низкого порядка – фонемы.

Такой подход продиктован следующими соображениями:

(1) согласно исследованию Михалёва звукоподражательные слова формируют *ядро фоносемантического поля* группы [Михалёв, 2018], следовательно, представляется целесообразным рассматривать слова фонестемных групп как единицы, состоящие из *значимых* единиц низшего порядка.

(2) фонемы в звукоподражаниях имеют звукоизобразительную (далее – ЗИ) функцию [Воронин, 2006], следовательно, можно предположить, что, по крайней мере, у части слов фонестемных групп (исторически) также имелась ЗИ-функция.

Гипотеза исследования

Таким образом, мы высказываем *гипотезу* о том, что, исторически, причиной возникновения фонестемных групп явилось *слияние и синестетическое расширение* в ЗИ-функций фонем звукоподражательных и звукосимволических слов с целью заполнения большего количества *семантических ниш*.

С целью проверки настоящей гипотезы мы рассмотрели ЗИ-функции фонем английских ономатопов, также входящих в состав исследуемых фонестемных групп и сравнили передаваемые ими значения с обобщёнными значениями слов фонестемных групп.

Звукоизобразительная функция фонем английских звукоподражательных слов

С. В. Воронин [2006] отмечает, что особенно важно «проследить, какими в первую очередь акустическими характеристиками денотата обуславливается выбор того или иного типа звуков речи, входящих в состав ономатопа» [Воронин 2006, с. 18–19]. Имитируемые звуки предлагается характеризовать автором по следующим параметрам: высота звука, его громкость, время звучания, регулярность и диссонантность [Воронин, 2004]; отдельные звуки могут определяться не всеми параметрами одновременно. Автор также предлагает свою классификацию категорий звучаний, связывающую характер

артикуляции звука с фактами действительности: свойствами денотата или процесса, в котором денотат задействован.

Исследование ЗИ-функций фонем, входящих в состав фонестем *br-* и *cr-*

Так, в состав фонестемы *br-* входят звонкий смычный /b/ и звонкий альвеолярный аппроксимант /r/. В состав фонестемы *cr-* входят глухой велярный смычный /k/ и звонкий альвеолярный аппроксимант /r/. Рассмотрим ЗИ-функции данных фонем в ономатопах английского языка.

Согласный /r/, особенно его дрожащий аллофон, или вибрант, общий для обеих фонестем, артикуляционно воспроизводится за счет дрожащего движения кончика языка; человек, слышащий такое звучание, воспринимает его как резкое, шероховатое, неровное, диссонантное. Воронин [2004] указывает на восприятие таких звуков в составе ономатопов, как «хриплых», «дребезжащих», «трескучих», а также на «порождаемое биениями неприятное ощущение какой-то несогласованности, неустойчивости, незавершенности» [Воронин, 2004, с. 30]. Звукоподражательные слова, содержащие /r/ и обозначающие «резкие (неприятные, раздражающие, дрожащие) звучания реальной действительности» Воронин определяет как разновидность звукоподражательных слов «ономатопы-диссонансы», или «фреквентативы» [Воронин, 2004, с. 35].

Звонкий лабиальный смычный согласный /b/ в ономатопах, согласно Воронину [2004], имеет звукоизобразительную функцию имитации акустического удара. Глухой велярный смычный /k/ также имеет функцию передачи удара. Под «акустическим ударом» Воронин понимает «мгновенный звук» и по временному параметру он противопоставлен *неудару* – немгновенному звуку [Воронин, 2004, с. 24]. Таким образом, смычные в звукоподражательных словах (ономатопах) имитируют краткие, прерывистые естественные звучания.

Что касается рассматриваемых фонестем, мгновенный, резкий, отрывистый, а также одновременно диссонансный, «скрежещущий» характер звука, наблюдавшийся у таких звукоподражательных слов группы, как *brattle*, *brattle*, *brawl*, *break*, *crack*, *crash*, *creak*, *crepitate*, *crush*. Мы также наблюдаем *перенос фонетического значения* – круг передаваемых (смежных) значений синестетически расширился и уже у членов фонестемных групп (не-ономатопов) отражается в семах непродолжительных, резких процессов поломки, деформации, в указании на ломкий, «рваный» характер поверхности и т.п. (*braid*, *bramble*, *brisk*, *cradle* ‘basket’).

Разные место и механика образования /b/ и /k/ и их акустическое противопоставление по параметру глухости-звонкости отражаются и

на значении слов, входящих в состав этих групп. Так, глухой /k/ усиливает хриплость и трескучесть вибранта, состояние сдавленности ротовой полости в момент его произнесения за счет поднятия спинки языка к нёбу, что повторяется в семе «сдавленное» рамках фонестемы *cr-*. В то же время звонкость /b/ отражается в семе «громкое».

Классификация Воронина применяется для анализа ономастопов, но считаем целесообразным принимать во внимание связь между значением слова и его звуковой оболочкой и при анализе других слов фонестемных групп, для которых звукоизобразительный статус не был установлен в более ранних исследованиях.

4. Семантическое влияние наиболее ранних и наиболее древних слов на других членов фонестемных групп

За период своей жизни слово может проходить путь расширения и сужения значения. Связь между значением наиболее древних (и, предположительно, более частотных) корней и современных слов может прослеживаться более или менее явно, но не всегда имеет определяющее значение.

Так, для фонестемной группы *cr-* большую роль предположительно сыграло слово *craft* и его зафиксированное в древнеанглийский период и утраченное к XVI веку значение “strength, might, power (physical or otherwise); (as an attribute of God) pre-eminent or transcendent power” [OED] («сила, мощь, власть (физическая или иная); (как атрибут бога) исключительная, высшая власть»). С ним в современном языке связаны семы применения силы или результата ее воздействия у других членов фонестемных групп. Так, у *crave* фиксируется значение «искренне просить» и более раннее «требовать силой или по праву», существовавшее в XI–XIV вв., происхождение слова предположительно связывают с древнегерм. **krabôjan*, которое дало развитие и корню *craft* [OED]. *Crunch* (с XIX в.), предположительно ставшее вариантом слова *craunch* (с XVII в.) имеет значение «сокрушать», «сокрушать зубами с громким звуком», что можно классифицировать как наличие семы «обладающее силой». OED отмечает его звукоподражательное происхождение и аналогию с другими словами фонестемной группы *cr-* (*crash, crab*), также имеющими эту сему. *Craft* в значении ‘strenght’ существовало параллельно со значением “skill, ability” [OED] («навык, способность»), в котором оно использовалось с древности до настоящего времени.

Одновременно более древние корни могут оказываться менее значимыми для семантики слов фонестемных групп. Так, в рамках группы *br-* сема

«сломанное», связанная со словом *break*, восходящим к общегерманскому корню *brek-* [OED] и праиндоевропейскому корню **b^hreg-* [Etymonline], по-видимому, была центром притяжения группы. Со временем фокус семантического внимания сместился с процесса и факта поломки на обстоятельства процесса (приобретение качества острого, сопровождение громким звуком, быстрый процесс изменения качества), что можно наблюдать в большом количестве слов (15) с семой «острое» (*brad, bramble, branch* и др.).

5. Современные семы и их сочетаемость

Фонестемную группу *br-* составляют слова, содержащие одну или несколько сем из следующих: «сломанное; острое, колючее; резкое, внезапное; громкое». Список сем сформирован по результатам анализа слов, зафиксированных в OED и имеющих *br-* в анлауте, он частично повторяет список, предложенный ранее М.А. Флакман [Флакман, 2016, с. 46]. Слова этой группы слабо сочетают разные семы: так, сема «острое, колючее» чаще (16 слов) встречается изолированно от других сем (*bramble, break, broom*), есть один пример сочетания с семой «сломанное» (*bracken*). Сема «громкое» встречается только самостоятельно (*brawl, bray, bruit*). Сема «сломанное» тоже встречается самостоятельно (*brake, bread, brittle*), но есть и примеры сочетания с семой «резкое, внезапное» (*brash, break*). Так, слова группы *br-* демонстрируют изолированность сем и слабую их сочетаемость в рамках одного слова. Они передают преимущественно только одно из фонестемных значений.

Слова фонестемной группы *cr-* демонстрируют более активную сочетаемость сем. Слова этой группы содержат одну или несколько сем из следующих: «подвергнутое действию силы, сломанное», «подвергшееся действию силы, сдавленное, скрученное», «сопровождается звуком», «обладающее силой», «треснутое», «шершавое», «царапающее», «жесткое, негибкое». В «Словаре английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении» находим более общее: «что-то жесткое, резкое, негибкое, шершавое»; по-видимому, основой номинации первых слов группы был резкий звук, получаемый при трении» [Флакман, 2016, с. 66]. В рамках этой группы можно две разновидности семы «подвергнутое действию силы»: сломанное и сдавленное. «Сломанное» скорее будет сопровождаться звуком (*crack, crash, crush*), чем нет (*crevice*); «сдавленное, скрученное» чаще не имеет акцента на звуковом сопровождении (*cram, cranch, creep*), чем отмечает его (*creak, crash, crush*). Сема «треснутое» не сочетается с семой «царапающее». В целом, можно отметить, что в данной группе слова имеют тенденцию передавать сразу несколько признаков, отмечая характер деформации,

способность деформировать и сопровождение звуком. Так, слово *crack* в разных значениях может передавать значения чего-то шершавого, сломанного, сжатого или сдавленного, обладающего силой, треснутого, сопровождающегося характерным звуком. Сема «шершавое» встречается только в сочетании с другими (*crab, crack, cradle*).

Вопрос сочетания сем затрагивается при изучении фонестем. Так, К. Смит приводит данные по фонестеме *fl-* [Smith, 2016], из которых следует, что, к примеру, в слове *flop* значение «раскачиваться» сочетает семы движения по воздуху и вялого, расслабленного движения. В значении «плюхнуться» слово передает значение вялого движения и удара как части одного процесса. В работе П. Садовски исследуется фонестемная группа *gl-* [Sadowski, 2001]. В ней также отражена разная степень сочетаемости сем. Например, сема «блеск, великолепие» (*splendour*) встречается только самостоятельно. Другие семы сочетаются с другими в рамках одного слова: «свет, светлый» (6 из 15: *glance, glare, glent*), «смотрящий» (6 из 8: *glance, gloom, glower*) [Sadowski, 2001, с. 76].

Заключение

Семантические процессы в рамках фонестемных групп предстоит исследовать на материале других групп и с проведением отдельного анализа заимствованных слов, которые могли существенно изменить процессы английского языка. При анализе важно учитывать акустические характеристики и характер артикуляции звуков, составляющих фонестему, семантику наиболее древних корней, а также сочетаемость сем между собой и статистические изменения соотношений групп значений.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронин С.В. Английские ономатопы: фоносемантическая классификация. – СПб., 2004.
- Иванов В.А. Изобразительная лексика в фольклорных текстах малых форм (на материале финно-угорских языков) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 174–192.
- Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. – Пятигорск, 2018.
- Флакман М.А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. – СПб.: НОУ ВПО «Институт Иностранных языков», Изд-во РХГА, 2016.
- Crystal D. A Dictionary of Linguistics & Phonetics. 5th edition. Oxford: Blackwell. 2003. DOI: 10.1002/9781444302776.
- Dingemans M. Advances in the cross-linguistic study of ideophones. Language and Linguistics compass, 6(10), 2012. Pp. 654–672. URL: <https://doi.org/10.1002/lnc3.361> (дата обращения 20.03.2023).
- Firth J. Speech. – London: Oxford University Press, 1930.
- Householder F. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme. 1946.

Online English Dictionary, 3d ed. (OED). URL: <https://www.oed.com> (дата обращения 20.03.2023).

Online Etymological Dictionary (Etymonline). URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения 20.03.2023).

Sadowski P. The sound as an echo to the sense. The iconicity of the English *gl-* words // *The Motivated Sign. Iconicity in Language and Literature 2*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Pp. 69–88.

Sagi E. & Otis K. Semantic Glimmers: Phonaesthemes Facilitate Access to Sentence Meaning (October 18, 2008). 9th Conference on Conceptual Structure, Discourse, & Language (CSDL9), URL: <https://ssrn.com/abstract=1304380> (дата обращения 20.03.2023).

Smith C.A. Tracking semantic change in *fl-* monomorphemes in the Oxford English Dictionary. // *Université de Caen Journal of Historical Linguistics 6:2*, John Benjamins Publishing Company, 2016. P. 165–200.

Malysheva, V. N.

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

SEMANTIC AFFILIATION AND ICONICITY OF ENGLISH PHONAESTHEMIC GROUPS *BR-* AND *CR-*

*The present article raises the issue of the connection between the acoustic and articulatory traits of the words of the phonaesthetic groups *BR-* and *CR-* and their meaning. Besides, the question of relation of the semes within these groups is discussed as well as the influence of etymology and frequency of use on semantic expansion of these groups. The study is based on the material selected from the Oxford English Dictionary by the method of continuous sampling and aims at broadening of our understanding of the phonaesthetic sound symbolism.*

Phonaesthemes, phonosemantics, onomatopoeia, iconicity, etymology

УДК 811.58'34

Т. А. Пруцких

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

ORCID 0009-0003-3815-1445

pruta@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА С ПЕЙОРАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ (ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье рассматриваются фразеологизмы китайского языка с отрицательным значением и проводится фоносемантический анализ представленных примеров для подтверждения связи между лабиальностью и пейоративностью. В переводе китайских чэньюй на русский язык также наблюдается большое количество лабиализованных гласных и лабиальных согласных, что свидетельствует об универсальном характере отношений между звуко-символическими словами с отрицательной коннотацией и лабиальными.

Китайский язык, фразеологизмы, фоносемантика, пейоративное значение, лабиальные звуки

Именно язык, как способность формулировать свои мысли и чувства, делает человека человеком – существом разумным и говорящим. Основное отличие человека – это «сверхсложный и мощный мозг и обеспечиваемый им язык как средство мышления и коммуникации, способность строить модели мира и выводить его законы, наконец, способность постигать самих себя» [Черниговская, 2008, с. 396]. С момента появления и в процессе эволюции язык, с одной стороны, служит средством выражения внутреннего состояния человека, а с другой стороны, отражает окружающую человека действительность. Сначала человек слышит, потом видит, и только затем говорит – звуковая картина мира участвует в создании языковой картины мира.

Несколько теорий происхождения языка – звукоподражательная теория (Лейбниц), теория эмоционального происхождения языка (Ж-Ж Руссо), теория междометий (В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Д. Н. Кудрявский и др.) и теория звуковых выкриков (Нуаре, Бюхер) – утверждают примарную мотивированность языкового знака, главенство звука над значением, звукоизобразительность (ЗИ) языка в своей первооснове [Якушин, 1984].

Изучение звукоизобразительности имеет долгую историю и продолжается на современном этапе развития лингвистической науки. «Изучение ЗИ-лексики можно разделить на несколько этапов: (1) этап

накопления фактического материала, (2) этап изучения ЗИ-лексики методами лингвистики (позже психолингвистики) и (3) этап синтеза накопленных знаний, т.е. становление фоносемантики (*iconicity studies*) в качестве отдельной исследовательской дисциплины» [Фоносемантика, 2022, с. 13].

За последние годы произошел целый ряд важных событий в развитии фоносемантики, которые знаменуют собой переход на новый уровень интеграции научного знания. Это появление серьезных электронных ресурсов: «Иконический атлас» под руководством Н. Н. Ноланд и М. А. Флакман [Iconicity Atlas Project, 2015], международный научный интернет-портал *Лингвистический Иконизм*, коллективная монография «Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования» [Фоносемантика, 2022].

Звукоизобразительные слова многообразны и представлены во многих языках мира, поэтому факт их наличия можно считать языковой универсалией [Воронин, 2006]. Продолжая цикл исследований фоносемантических связей между лабиальностью и пейоративностью на материале китайского языка [Пруцких 2005, 2008, 2015, 2019, 2020, 2022], в этот раз обратимся к изучению *китайских фразеологизмов* с отрицательной коннотацией.

Сначала обратим внимание, что пейоративы по классификации звуко-символических слов С. В. Воронина относятся к особой подгруппе мимеоинтракинесемизмов – имитирующих кинем, которые являются движением лицевых мышц, сопровождающим различные физиологические и психические процессы и состояния [Воронин, 2006].

Мимика отвращения – нахмушивание бровей, сморщивание носа, вытягивание губ или приподнятие верхней губы – появляется порой неосознанно при произношении пейоративов, ведь именно лабиальные или лабиализованные звуки, артикуляция которых связана с округлением рта и выпячиванием губ, позволяют максимально точно и гармонично соединить значение и звучание, добавив эмоциональную окраску.

Наиболее успешно изучение звуко-символизма происходит на материале экспрессивной лексики, потому что именно экспрессивные слова «служат ярким и экономным средством выражения многообразных проявлений окружающей действительности и связаны с мыслительной деятельностью человека, его чувствами и эмоциями» [Фролова, 1996, с. 149]. Благодаря высокой степени эмоциональности, выразительности и образности именно фразеологизмы стали предметом нашего фоносемантического анализа.

Фразеологизмы – это особые лексические единицы любого национального языка, которые не только характеризуются яркой метафоричностью и изобразительностью, но и являются носителями

национально-культурных ценностей, передают особенности менталитета, исторических событий, быта, традиций и т.д.

В настоящее время в китайском языке фразеологизмы в широком смысле называют 熟语 «шуюй» «знакомые выражения», фразеологизмы в узком смысле обозначаются 成语 «чэньюй», т.е. «готовые выражения». Обратимся к определениям данных терминов в «Словаре современного китайского языка» [现代汉语词典, 2016]:

- 成语 *chéngyǔ* «чэньюй» 圈人们长期以来习用的、简洁精辟的定型词组或短句。汉语的成语大多由四个字组成，一般都有出处。有些成语从字面上不难理解，有些成语必须知道来源或典故才能懂得意思 [现代汉语词典, 2016, с. 166]. «Лаконичные, меткие, стандартизированные словосочетания или короткие предложения, которые люди привыкли использовать в течение длительного времени. Большинство китайских идиом состоят из четырех иероглифов, и у них обычно есть источник/информация о происхождении. Некоторые идиомы нетрудно понять по значению входящих в их состав иероглифов, для понимания некоторых идиом обязательно необходимо знать источник/происхождение или аллюзии/классические сюжеты».

- 熟语 *shúyǔ* «шуюй» 圈固定的词组，只能整个应用，不能随意变动其中成分，并且往往不能按照一般的构词法来分析。[现代汉语词典, 2016, с. 1214]. «Устойчивое словосочетание, может использоваться только целиком, не допускает произвольной замены составных компонентов, кроме того, не может быть проанализировано с точки зрения обычного словообразования...».

Современная китайская фразеология основывается на классификации Ма Гофаня [马国凡, 1959], которая включает следующие основные разряды фразеологических единиц: 成语 *chéngyǔ* «чэньюй», идиомы, крылатые выражения; 谚语 *yànyǔ* «яньюй», пословицы и поговорки; 歇后语 *xiēhòuyǔ* «сехоуюй», недоговорки–иносказания; 惯用语 *guànyòng yǔ* «гуаньюньюй», устойчивые, привычные выражения [马国凡, 1959, с. 44].

Далее предлагаем перейти к анализу примеров фразеологизмов с негативным значением, отобранных методом сплошной выборки из «Китайско-русского фразеологического словаря» Готлиба и Му Хуаина [2019]. Начнем с примеров лингвистического характера:

- 秽言污语 *huì yán wū yǔ* «сорные слова, грязные речи», «сквернословье».

- 尖酸刻薄 *jiān suān kè bó* «острый, кислый, протыкающий тонкое», «ехидный, острый на язык, язвительный».
- 语无伦次 *yǔ wú lún cì* «речь не следует порядку», «говорить что попало, нести вздор, чушь».
- 胡思乱想 *hú sī luàn xiǎng* «сумбурные идеи, путаные мысли», «предаваться пустым мечтаниям, увлекаться бесплодными идеями, выдумывать ерунду».

Пейоративность как противопоставление добру, свету, спокойствию проявляется в выражении чувств и эмоций злости, гнева, страха и др.:

- 包藏祸心 *bāo cáng huò xīn* «скрывать и прятать злое сердце», «затаить на сердце злобу, таить злобные умыслы».
- 藏怒宿怨 *cáng nù sù yuàn* «затаить злобу, приютить ненависть», «спрятать камень за пазухой».
- 疾首蹙额 *jí shǒu cù'é* «болит голова и нахмурен лоб», «возмущаться, гневаться».
- 毛骨悚然 *máo gǔ sǒng rán* «волосы и кости испугались», «волосы от ужаса встали дыбом».

Природа и различные природные явления часто используются для метафорической передачи значения человеческих проблем и эмоциональных переживаний:

- 饱经风霜 *bǎo jīng fēng shuāng* «досыта находиться под ветром и инеем», «сполна хлебнуть трудностей и невзгод».
- 暴跳如雷 *bào tiào rú léi* «разозлиться и подпрыгнуть подобно грому», «метать гром и молнии, взбеситься от злости».
- 旱魃为虐 *hàn bá wéi nüè* «Хань Ба (демон засухи) – к беде», «засуха».
- 苦海无边 *kǔ hǎi wú biān* «море печали без границ», бесконечные страдания.

Для большей убедительности и акцентирования в устоявшихся словосочетаниях в китайском языке используются числительные:

- 百孔千疮 *bǎi kǒng qiān chuāng* «сто дыр, тысяча болячек», «полная разруха, полный упадок».
- 乱七八糟 *luàn qī bā zāo* «семь путаниц, восемь неполадок», «беспорядок, путаница, все вверх дном».
- 遗臭万年 *yí chòu wàn nián* «оставшаяся вонь (смердит) десять тысяч лет», «оставить по себе дурную славу; навечно презренное имя».

Семья и родственные отношения для китайского общества имеет особую ценность, являются незыблемой основой миропорядка и благополучия, проникают во все сферы деятельности. Нарушение семейных традиций и устоев – отрицательное явление, порицаемое социумом:

- 戴绿帽子 *dàilǜmàozi* «носить зеленую шляпу», «носить рога, стать обманутым мужем, стать рогоносцем».
- 红杏出墙 *hóng xìng chū qiáng* «красный абрикос пророс через стену», «у жены завелся любовник; изменять мужу».
- 难兄难弟 *nànxīōngnàndì* «что старший брат, что младший брат», «стоять друг друга, два сапога – пара, одного поля ягода».

Использование названий животных в идиоматических выражениях помогает усилить эмоциональный эффект определенных качественных характеристик, тем более что зоонимы характеризуются яркой национальной спецификой. Так, в китайской культуре лиса символизирует хитрость и лукавство; змея – коварство, опасность и жестокость; крыса – трусость, жестокость и подлость; обезьяна – уродство и глупость. Собака одновременно символизирует преданность и презрение, но поскольку в Древнем Китае собаку причисляли к нечистой силе, а простой народ наделяет ее дьявольскими силами, то зооним «собака» обладает резко отрицательной коннотацией:

- 拨草寻蛇 *bō cǎo xún shé* «шевелить траву, искать змей», «кликать беду на свою голову».
- 牛鬼蛇神 *niúguǐ shéshén* «бычий демон, змеиный глаз», «отбросы общества, сброд, нечисть, чудовища и уроды».
- 城狐社鼠 *chéng hú shè shǔ* «лиса из городской стены, крыса из кумирни», «подлый человек, который злоупотребляет своим положением».
- 胆小如鼠 *dǎnxiǎo rúshǔ* «всего бояться, как крыса», «трусливый как заяц».
- 尖嘴猴腮 *jiānzǔi hóusāi* «с длинным носом и впалыми щеками», «уродливая внешность; безобразный (отвратительный) вид».
- 狗血淋头 *gǒu xiě lín tóu* «собачьей кровью обливать голову», «обливать грязью, ругать на чем свет стоит».
- 狗彘不若 *gǒu zhì bù ruò* «хуже собаки и свиньи», «хуже животного, подонки, ничтожество».
- 狼心狗肺 *láng xīn gǒu fèi* «сердце волка, легкие собаки», «жестокый, бесчеловечный, злая душа».

Чэньюй со значением общих человеческих пороков, страхов и девиантного поведения также в своем составе имеют большое количество лабиальных звуков.

- 半截入土 *bàn jié rù tǔ* «половина ушла в землю», «скорая смерть, одной ногой в могиле».
- 饱以老拳 *bǎo yǐ lǎo quán* «насытить крепкими кулаками», «дать хорошую взбучку, как следует избить».
- 藏垢纳污 *cáng gòu nà wū* «спрятать нечистоты, впитать грязь», «скопище нечисти, рассадник зла».
- 诡计多端 *guǐ jì duō duān* «хитрые планы, много концов», «хитросплетение интриг, дьявольски хитрый».
- 荒淫无度 *huāng yín wú dù* «пьянство и разврат – без границ», «предаваться разгулу и разврату».

Особенного внимания, на наш взгляд, заслуживают несколько примеров фразеологизмов с негативной окраской, в составе которых все слова содержат лабиальные звуки – гласные либо согласные:

- 胡说八道 *húshuō bā dào* «сумбурно говорить о восьми путях», «нести чушь, околесицу, болтать ерунду, нести вздор, говорить чепуху».
- 暴虐无道 *bào nüè wú dào* «жестокость и насилие без принципов», «произвол, насилие и тирания».
- 波谲云诡 *bō jué yún guǐ* «необычные волны, опасные тучи», «неконтролируемая ситуация».
- 鬼头鬼脑 *guǐ tóu guǐ nǎo* «голова беса, мозги демона», «тихой сапой, плутовской вид, втихомолку».

В заключении мы хотели бы привести результаты фоносемантического анализа всех использованных в статье примеров, общее количество которых составляет 35 чэньюй, 140 слогоморфем, где лабиальные и лабиализованные финалы встретились 84 раза (60%), лабиальные инициалы – 17 раз (12%), а вместе лабиальные звуки участвуют в образовании 90 слогоморфем (64,3%), причем в 11 лабиальными являются и инициалы, и финалы. Значительно меньшее число лабиальных звуков в инициалах можно объяснить тем, что китайский язык относится к вокалистическим языкам, где разнообразие гласных в виде гласных основного ряда, дифтонгов и трифтонгов противопоставлено ограниченному числу согласных, которые кроме носовых финалов, могут стоять только в позиции инициалы.

Таким образом, нам снова удалось подтвердить наличие ассоциативной связи между лабиальными звуками и пейоративным значением на материале

китайских фразеологизмов, что, в свою очередь, доказывает универсальный характер данного лингвистического явления. Универсальность подтверждается также высокой частотностью лабиальных звуков в русском переводе китайских чэньюй – просим обратить внимание на пометы автора, например, «сумбурно говорить о восьми путях».

Перспективным представляется более подробное сопоставительное изучение фразеологизмов китайского, русского и английского языков на предмет анализа звукоизобразительной лексики и определения языковых универсалий и уникальных языковых явлений, обусловленных национально-культурной спецификой.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006. 248 с.
- Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. Иркутск: Изд-во «Иркутский государственный университет», 2019.
- Пруцких Т. А. Звукосимволическая роль лабиальных в выражении семантики пейоративности на примере китайского языка // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы 10-ой Международной научно-практической конференции (Иркутск, 18-19 июня 2005 г.). – Иркутск, 2005. – С. 540-546.
- Пруцких Т. А. Звукосимволизм текста // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы 13-ой Международной научно-практической конференции (Иркутск, 18-19 июня 2008 г.). – Иркутск, 2008. – С. 540-546.
- Пруцких Т. А. Звуковая форма пейоративных междометий // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2008. – №3. – С. 48-52.
- Пруцких Т. А. Фоносемантика счетных слов китайского языка в обозначении округлых предметов // Культура и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение: материалы между. научно-практической конференции (Иркутск, 16-17 октября 2014 г.). – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – С. 159-165.
- Пруцких Т. А. Фоносемантический анализ художественного текста на китайском языке // Лингвокультурное измерение текста и дискурса: сборник научных статей / под ред. И.В. Кононовой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – С. 58-64.
- Пруцких Т. А. Звукосимволизм экспрессивной лексики китайского языка // STUDIA LINGUISTICA: СПб, Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. – С. 24-30.
- Пруцких Т. А. Китаизмы в русском языке (фоносемантический аспект) // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени: сборник научных статей по итогам II Всероссийской научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург 5-6 марта 2020 г. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. – С.22-25.
- Пруцких Т. А. Фоносемантический анализ молодежного китайского сленга // Материалы XI межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», г. СанктПетербург, 18 – 19 апреля 2022 года. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2022. – С. 261-268.

- Флакман М. А., Ткачева Л. О., Седёлкина Ю. Г., Лавицкая Ю. В., Наследов А. Д., Коротаяевская Е. А., Таликина Е. Д. Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования. Монография – М.: Мир науки, 2022. – Сетевое издание. Режим доступа: <https://izd-mn.com/PDF/69MNNPM22.pdf> (дата обращения 13.03.2023).
- Фролова О. П. Типы личностных характеристик в системе экспрессивной лексики китайского языка // Китайское языкознание: материалы VIII междунар. науч. конф. (г. Москва, 25-26 июня 1996 г.). М., 1996. С. 149-153.
- Черниговская Т. В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 395-412.
- Якушин Б. В. Гипотезы о происхождения языка. – Москва: Наука, 1984. – 136 с.
- Flaksman M. A. and Noland N. N. Iconicity Atlas Project: an interactive multi-lingual comparative dictionary of iconic words [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.iconicity-atlas.com> (дата обращения 15.03.2023).
- 马国凡. 成语简论. 了宁: 人民出版社, 1959. 51页. (Ма Гофань. Коротко о чэньюй. Ляонин: Жэньминь, 1959. 51 с).
- 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典. 北京: 商务印书馆, 2016. 1799页. (Словарь современного китайского языка. Словарь научно-исследовательского института лингвистики Китайской академии общественных наук. Пекин: Шан'у Иньшугуань, 2016. 1799 с.).

Prutskikh, T.A.

Saint Petersburg State University of Economics

CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH PEJORATIVE MEANING (PHONOSEMANTIC ASPECT)

The article examines phraseological units of the Chinese language with a negative meaning and conducts a phonosemantic analysis of the presented examples to confirm the sound-symbolic connection between labiality and pejorative senses. Russian translations of Chinese chengyu also contain a large number of labial vowels and consonants, which indicates the universal nature of the relationship between words with negative connotation and labial sounds.

Chinese language, phraseological units, phonosemantics, pejorative meaning, labial sounds

УДК 81.23

Д. Ю. Репина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Dasharepina-99@mail.ru

Е. И. Беседина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Elivbesedina@mail.ru

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ ДЖ. К. РОУЛИНГ “CAREER OF EVIL”

Настоящая работа посвящена изучению функционирования звукоизобразительной лексики в английской художественной прозе. Материалом для исследования послужил текст детективного романа Джоан Роулинг “Career of Evil” («На службе зла»). Анализ материала выявил высокую степень насыщенности исследуемого текста звукоизобразительными единицами и позволил авторам высказать гипотезу о том, что данная лексика является одной из важных составляющих авторского стиля Дж. К. Роулинг.

Английский язык, звукоизобразительность, идиостиль, фонетические средства стилистики

Лингвистика и литературоведение тесно связаны друг с другом, особенно если речь идет о звуковой организации художественного текста. Чрезвычайно важным с точки зрения фоностилистики является вопрос о возможности влияния использования определенных фонетических приемов на общее восприятие произведения читательской аудиторией, поскольку в спектр задач автора текста всегда входит стремление придать своему повествованию экспрессии и динамики и тем самым вызвать «нужную» ответную реакцию. Именно ради достижения этих целей авторы прибегают к использованию звукоизобразительной (ЗИ) лексики, которая играет в тексте художественного произведения особую роль, поскольку «лучше» других способна передавать свойства, присущие предметам и выражать чувства и эмоции людей. Именно благодаря использованию иконических единиц языка созданный художественный образ может принципиальным образом отличаться от образа, передаваемого автором без таких фонетических средств [Арнольд, 2002].

Материал и методы исследования

Исследование идиостиля Дж. Роулинг особенно интересно, поскольку писательница проявила себя в разных жанрах и создает романы даже под псевдонимом, стараясь создать другую языковую личность. Как показали исследования [Беседина, 2017], ЗИ-лексика является важным элементом в художественном стиле Роулинг. Сочетаясь в произведении различными способами, ЗИ-лексика позволяет Дж. К. Роулинг вызывать у читателей различные звуковые впечатления, выстроить картину, наполненную звуками и звуковыми образами. Дж. К. Роулинг использует различные стилистические приемы в сочетании с ЗИ-лексикой, такие как аллитерация, ассонанс, повтор [Беседина, 2017].

Материалом для настоящего исследования послужил текст детективного романа Дж. К. Роулинг “*Career of Evil*” («На службе зла»), опубликованный в 2015 году под псевдонимом Роберт Гэлбрейт и представляющий собой третий роман серии о частном детективе Корморане Страйке.

Корпус ЗИ-слов, общей численностью 613 лексем (3286 употреблений) был получен **методом** сплошной выборки из первых 25 глав (65 790 слов) вышеупомянутого романа.

Анализ текстового материала

Анализ полученной выборки позволил выявить достаточно высокую **частотность** использования писательницей ЗИ-лексики при оформлении звуковой ткани текста романа. Так, было установлено, что Роулинг использует 25% от общего числа единиц, которые включены в «Сводный список английских звукоизобразительных слов» И.В. Кузьмич, насчитывающий 2468 единиц, ЗИ-происхождение которых ранее было установлено рядом исследователей [Кузьмич, 1993], а также в отдельных случаях зафиксировано в «Словаре английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении» М.А. Флакман [2016]. Столь высокий показатель использования автором ЗИ-лексики вряд ли можно считать случайным, поскольку вышеуказанный список составляют всего 0.25% от числа всех слов английского языка, которое по данным *The Global Language Monitor* (2017) составляет 1 004 910 слов [Беседина, 2017].

Анализ материала также показал, что **ЗИ-насыщенность** текста, то есть количество употреблений ЗИ-слов по отношению к общему числу слов исследованного текста романа с учетом всех служебных слов, составляют **5%**, что представляется достаточно высоким, учитывая, что роман относится к детективному жанру.

Что касается *частеречного состава* корпуса выборки ЗИ-лексем, то следует отметить, несмотря на то, что она представлена всеми частями речи (*blink* – глагол, *boss* – существительное, *chippy* – прилагательное, *ah* – междометие), доминантными в ней являются следующие три глагольные группы, составляющие в общей сложности **86%** всех выявленных в тексте ЗИ-единиц:

- глаголы *коммуникативной деятельности*, в особенности глаголы, входящие реплики героев, что, безусловно, дает автору романа возможность ярко и точно характеризовать персонажей с точки зрения их манеры говорить или особенностей их речи (*gibber, grunt, hiss, murmur, pipe, snap, stammer, whimper, wail, wheeze, etc.*) – **65%**;
- глаголы различного типа и характера *движения*, во многом определяющими темперамент героев и добавляющие повествованию динамики и эмоциональности (*blink, clap, click, crawl, creep, crouch, drag, flutter, glide, sway, swoop, twist, etc.*) – **16%**;
- глаголами-*люминосемизмами* (*glitter, glint, glow, flash, sparkle, twinkle, etc.*) – **5%**.

Нельзя не отметить, что автор произведения помимо ЗИ-лексики использует и другие *фонетические средства стилистики*, усиливающие эмоционально-образное воздействие на читателя, например, *аллитерацию*: *pale and pugnacious, payout and pension, short step to the sidelines, bright brown eyes, a lopsided sign, reflexive reaction*.

Имена героев и другие названия, встречающихся в романе “Career of evil” также зачастую построены на аллитерации: *Brittany Brookbank, Graham Hardacre, Two-Times, Mad Dad, Mistress of the Salmon Salt* и некоторые другие.

Особое внимание в анализируемом тексте обращают на себя наличие отдельных предложений, насыщенных словами ЗИ-происхождения, например:

- *Her mood was not improved by tripping on a large chunk of rubble* [Galbraith, p.9]. – *Настроение* вконец испортилось, когда она *споткнулась* о какой-то *обломок* и едва удержалась на ногах [Гэлбрейт, с.10].

- *She had just managed to quell her scream by clamping her hands over her mouth when the glass door burst open beside her* [Galbraith, p.11] – *Чтобы заглушить* собственный крик, девушка *зажала* рот ладонями; *сбоку* тотчас же *распахнулась* стеклянная дверь [Гэлбрейт, с.12].

Анализируя функционирование трех выделенных выше доминантных групп ЗИ-глаголов, нельзя не заметить, что автор «использует» их звукоизобразительные свойства для более «меткого» описания персонажей,

точной передачи их настроений, специфических особенностей дикции, или манеры говорить.

Благодаря образности таких ЗИ-единиц, перед читателем предстает более яркий образ героя, более полная картина происходящего и более «осязаемым» становится отношение самого автора как к своим героям, так и к действиям. Приведем некоторые примеры:

• “*Got anything for me on Timpson?*” she **barked** at Hardacre [Galbraith, p.67] – «По Тимпсону что-нибудь для меня готово?» – **рявкнула** она Хардэйкру [Гэлбрейт, с.69].

• “*It must’ve been scary,*” he **murmured** [Galbraith, p.27] – «Должно быть, это было страшно», **пробормотал** он [Гэлбрейт, с.70].

• *The slight sway as the train cornered made him imagine the terror of the great metal monster overbalancing, rolling, crashing and smashing apart...* [Galbraith R., p.64]. – **Легкое покачивание** поезда, заставляло его представить весь ужас этого железного монстра, который вот-вот завалится, сойдет с рельсов и разлетится на части... [Гэлбрейт, с.66].

Можно также привести примеры, которые иллюстрируют, как ЗИ-лексика помогает создать момент напряжения:

• ...Robin threw up her left arm ... trying to protect her right, and **kicked out** at Alyssa’s knee. Alyssa **shrieked** in pain ... from somewhere behind Robin the **toddler screamed** and her older sister came **sliding** into the room [Galbraith, p.279] – Ср. Робин, защищаясь, вскинула левую руку, пытаясь защитить правую, и **пнула** Алиссу ногой в колено, отчего та **завизжала**. За спиной у Робин пронзительно **закричал ребенок**, и в комнату **проскользнула** ее старшая сестра [Гэлбрейт, с.281].

• He was **pumped up** ... As the Tube train **rattled** south, his **knuckles** whitened because he was **clutching** the hanging strap so tightly. Behind his shades, his **puffy**... eyes squinted at the station signs [Galbraith, p.297] – «Он был **взвинчен** ... когда поезд метро с **грохотом** мчался в южном направлении, у него даже побелели **костяшки** пальцев – с такой силой он **вцепился** в ременную петлю. Из-за темных очков **щурились** **припухшие**, глаза, пробегая названия станций» [Гэлбрейт, с.299].

• Robin **roared** over the **racket** as Alyssa tried to **push** herself back off the sofa to renew the fight. Robin had imagined herself imparting the devastating news in a **whisper** and watching Alyssa **crumble in shock** [Galbraith, p.279] – **Прогремела** Робин, перекрывая этот **гам**, пока Алисса пыталась **подняться** с дивана, чтобы продолжить драку. Робин часто рисовала себе в воображении,

как преподнесет эти ужасающие новости **шепотом**, отчего Алисса у нее на глазах **в шоке сползет по стене** [Гэлбрейт, с.282].

Использование в тексте романа глаголов-люминосемизмов можно проиллюстрировать следующими примерами:

• *A gold tooth glinted on one side of his grinning mouth* [Galbraith, p.83]. – Во рту **поблескивал золотой** зуб [Гэлбрейт, с.85].

• *A glossy purple and gold sign read THAI ORCHID MASSAGE* [Galbraith, p.143] – **Блестящая, лиловая с золотом** вывеска гласила: «Тайская орхидея» [Гэлбрейт, с.144].

Доля предложений, насыщенных ЗИ-лексикой в проанализированном авторами тексте составляет 23%.

Комментируя тест перевода на русский язык, стоит отметить, что переводчику, к сожалению, далеко не всегда удаётся добиться перевода с полным сохранением ЗИ-элементов текста оригинала. Так, например, в приведенном выше предложении ЗИ-словосочетание **rolling, crashing and smashing**, передающее стремительное движение, сопровождающее характерными звуками, переводится довольно невыразительно: «**завалится, сойдет с рельсов и разлетится**».

Заключение

Анализ текста романа Дж. К. Роулинг “*Career of Evil*” позволяет авторам высказать гипотезу о том, что высокая частотность употребления писательницей как отдельных ЗИ-единиц, так и в сочетании с аллитерацией является одной из важных составляющих авторского стиля прозы Дж. К. Роулинг.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002.
- Беседина Е.И. Фонетические средства стилистики в текстах романов Дж.К. Роулинг. // Материалы VI межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики», Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина). URL: <https://etu.ru/> (дата обращения: 12.12.2022)
- Воронин С.В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
- Кузьмич И.В. Звукоизобразительная лексика и американский слэнг: фоносемантический анализ: Дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 1993.
- Флакман М.А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. – СПб.: НОУ ВПО «Институт Иностранных языков», Изд-во РХГА, 2016.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Galbraith R. *Career of Evil*. United Kingdom: Sphere Books, 2015.

Гэлбрейт Р. На службе зла / пер. с англ. Е. Петровой. – М.: Иностранка: Азбука-Аттикус, 2016.

Repina, D. Y.; Besedina E. I.

Saint-Petersburg Electrotechnical University ETU “LETI”

ENGLISH ICONIC VOCABULARY IN “CAREER OF EVIL” BY J. K. ROWLING

This paper deals with functioning of iconic vocabulary in English fiction. The material for the study was the text of the detective novel by J. K. Rowling “Career of Evil”. The analysis of the material revealed a high degree of text saturation with iconic elements and allowed the authors to hypothesize that this vocabulary can be viewed as one of the key stylistic means used by J. K. Rowling.

English, iconicity, idiostyle, phonetic stylistic devices

УДК 81-26, 811.111-26

Ю. Г. Седёлкина

Санкт-Петербургский государственный университет

ORCID 0000-0001-6091-5710

y.sedelkina@spbu.ru

М. Ван

Санкт-Петербургский государственный университет

st073236@student.spbu.ru

ОНОМАТОПЕЯ В АМЕРИКАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Прием ономатопеи исследуется на материале трех американских романов: «Великий Гетсби» Ф.С. Фицджеральда, «Убить пересмешника» Х. Ли и «Тайная жизнь пчёл» С. М. Кидд. Проведен качественный и количественный анализ корпуса материала, собранного из каждого романа методом сплошной выборки с применением операций «семантика», «критерии», «этимология» и «summa summarum» метода фоносемантического анализа. Анализ контекстного корпуса материала, содержащего словоформы ономатопопов, проводился по семантическому принципу обозначения источника звука. Лексемный корпус, содержащий словарные леммы обнаруженных ономатопопов, анализировался по фоносемантическому принципу имитации типа звучания. На основании полученных результатов делаются выводы относительно авторских предпочтений и тенденций использования ономатопопов в американском художественном тексте.

Фоносемантика, ономатопея, американский роман

Одной из задач автора литературного произведения является создание у читателя «эффекта присутствия» – ощущения нахождения на месте событий, восприятия звуковых и визуальных образов, переживания чувств, аналогичных чувствам героев. При этом прием ономатопеи служит эффективным инструментом конструирования фоновой художественной действительности [Арнольд, 2002; Знаменская, 2009; Crystal, 1995].

Данное исследование ставит целью проанализировать использование этого приема в американском художественном тексте и выявить авторские предпочтения и общие тенденции. В качестве материала были выбраны три романа – «Великий Гетсби» Ф. С. Фицджеральда (1925), «Убить пересмешника» Х. Ли (1960) и «Тайная жизнь пчёл» С. М. Кидд (2001).

Эти романы написаны с временным интервалом около 40 лет. Каждый из романов вскоре после публикации стал бестселлером, получил престижную литературную премию, а также был экранизирован. Поэтому данные произведения считаются знаковыми в американской и мировой культуре.

Корпус материала был собран *методом сплошной выборки* из текста с применением 4 операций метода фоносемантического анализа [Вононин, 2006]. На первом этапе, операция «семантика», из романов отбиралась лексика со звуковым денотатом. На втором этапе, операция «критерии», отобранные лексические единицы проверялись на соответствие критериям идентификации фоносемантических классов и гиперклассов ономатопов, выделенных С. В. Ворониным [2006] и уточненных М. А. Флакман [2020, 2021]. Далее, на операции «этимология», проводилась проверка звукоподражательной этимологии отобранной лексики по справочным таблицам С. В. Воронина [1969] и словарю М. А. Флакман [2016]. Слова, звукоизобразительная природа которых не подтверждалась словарями, например, *shout* (кричать), удалялись из корпуса. На итоговой операции, «*summa summarum*», принималось решение о наличии в каждом слове звукоподражательного компонента и о включении его в итоговый корпус материала.

В результате проведенной работы из каждого романа было отобрано 2 корпуса материала: *контекстный*, включающий общее количество словоформ контекстных употреблений ономатопов, и *лексемный*, включающий словарные леммы обнаруженных ономатопов.

Всего было отобрано 1087 словоформ в контекстных употреблениях, которые составили сводный корпус материала. Более половины сводного корпуса составляют контекстные словоформы ономатопов из романа «Тайная жизнь пчел» (53%), чуть менее трети – из романа «Убить пересмешника» (31%) и всего 16% из романа «Великий Гэтсби».

Как видно из Таблицы 1, роман «Великий Гэтсби» насчитывает 179 контекстных словоформ ономатопов, что составляет 0,38% от общего количества слов в романе. Всего Ф. С. Фицджеральд использует 65 звукоподражательных лексем, каждая из которых повторяется в тексте романа в среднем 3 раза.

Таблица 1. Количество ономатопов в исследуемых романах

Роман	Всего слов	Контекстный корпус (словоформ)	Контекстный корпус (% от общего числа слов в романе)	Лексемный корпус (лексем)
«Великий Гэтсби»	47094	179 (16%)	0,38%	65
«Убить пересмешника»	100388	331 (31%)	0,33%	52
«Тайная жизнь пчел»	88000	577 (53%)	0,66%	97

Что касается романа «Убить пересмешника», там насчитывается 331 звукоподражательная словоформа, что составляет 0,33% от общего количества слов в романе. Всего Х. Ли использует 53 звукоподражательные лексемы, каждая из которых повторяется в тексте романа в среднем 6 раз.

Роман «Тайная жизнь пчел» содержит 577 звукоподражательных словоформ, что составляет 0,66% от общего количества слов в романе.

Всего С. М. Кидд использует 97 звукоподражательных лексем, каждая из которых в среднем повторяется в тексте романа 6 раз. Ономатопы, повторяющиеся в романах 4 и более раз, указаны в Таблице 2 (в скобках указано число повторений).

Таблица 2. Ономатопы, повторяющиеся в романах более 4 раз

Частота повторов	«Великий Гетсби»	«Убить пересмешника»	«Тайная жизнь пчёл»
Более 10 раз	whisper (19)	hum (29) drop (24) sing (21) whisper (15) knock (12)	whisper (31) beat (28) yell (25) swing (16) knock (15) ring, slip (12)
4-10 раз	rush, snap (9) beat, groan (8) mutter (7), murmur, roar, slip (5) click, flutter, gasp, knock, slap, sob, tap (4)	bang, rock, slap, snore (8) beat, pop, rub, tap (7) flip, plop, tear, vibrate (6) bark, boom, burst, clink, creak, kick, pat, scrape, slam, trash (5) buzz, drip, drum, pound, puff, snap, squeak (4)	choke (9) shuffle, slap, swift (8) huh, sob (7) flick, swell, trot (5) crush, flip, groan, roar, snap, sweep, whip, yawn (4)

Текст всех трех произведений содержит 140 звукоподражательных лексем, 33 из которых повторяются в двух романах, и 20 – во всех трех. Можно сделать вывод, что Ф. С. Фицджеральд и Х. Ли обращаются к приему ономатопии примерно с одинаковой частотой, тогда как С. М. Кидд использует ономатопы в два раза чаще. Однако, в отличие от Х. Ли и С. М. Кидд, Ф. С. Фицджеральд в два раза реже прибегает к повторению использованных ономатопов.

Качественный анализ собранного лексического материала проводился по семантическому и фоносемантическому принципам.

По **семантическому принципу** контекстный корпус был классифицирован в зависимости от источника звука (денотата):

- (1) звуки, производимые человеком;
- (2) звуки, исходящие от живой и неживой природы;
- (3) звуки, исходящие от неодушевленных предметов, машин и механизмов [Арнольд, 2002: 376].

Как видно из Рисунка 1, во всех романах реже всего встречаются природные звуки (в скобках указана доля имитации звучаний данного типа в романе). Например,

1. Великий Гэтсби (7%): *under the dripping bare lilac trees* (звук капающей воды);
2. Убить пересмешника (9%): *night crawlers and flying insects that beat against the screen* (насекомые, бьющиеся о москитную сетку);
3. Тайная жизнь пчел (10%): *bees buzzed around the front-window screens* (жужжание пчёл).

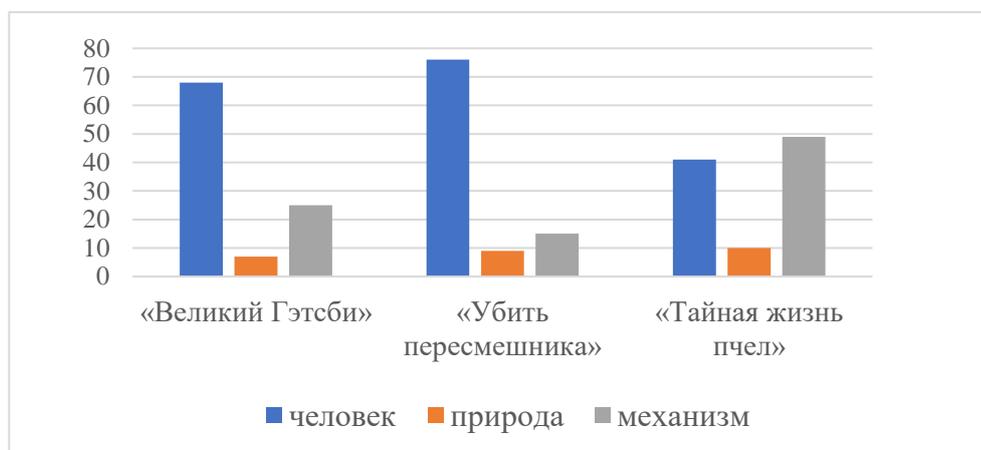

Рисунок 1. Процентное распределение словоупотреблений ономапопов в зависимости от источника звука

В романах «Великий Гэтсби» и «Убить пересмешника» преобладают звуки, исходящие от человека (68% и 76% соответственно). Например:

4. Великий Гэтсби: “*The master’s body!*” roared the butler (грозный хриплый голос дворецкого);
5. Убить пересмешника: “*Mr. Nathan was at the fire,*” he babbled (пробормотал).

Звуки, исходящие от механизмов, занимают в этих романах не более ¼ контекстного корпуса (25% и 15% соответственно). Например:

6. Великий Гэтсби: *the incessant groaning of the horns* (звук автомобильного гудка);
7. Убить пересмешника: *Atticus, the telephone's ringing!* (звонит телефон).

В романе «Тайная жизнь пчел» звуки, имеющие человеческую и механическую природу, занимают чуть менее половины контекстного корпуса (41% и 49% соответственно). Например,

8. *whispering girls* (шепчущиеся девочки);
9. *the porch door banged* (двери захлопнулась).

Полученные результаты показывают, что подавляющее большинство использованных авторами ономастов имитируют звуки, исходящие либо от человека, либо от механизмов (также указывающих на деятельность человека). Это говорит о прицельном внимании именно к людям, что можно считать отличительной чертой стиля всех трех авторов, несмотря на жанровые и тематические различия анализируемых произведений.

С целью выявления индивидуальных авторских предпочтений Ф. С. Фицджеральда, Х. Ли и С. М. Кидд и общих тенденций относительно выбора типа звучания лексемный корпус материала был проанализирован по критерию *класса ономастов*.

Во всех романах представлены следующие классы ономастов, выделенных С.В. Ворониным [2006: 64] и уточненных М.А. Флакман [2015: 61]:

1) класс *инстантов*, имитирующих краткие звучания, показателем которых является ненапряжённый (исторически краткий) гласный между взрывными согласными;

2) класс *тоновых континуантов*, имитирующих тоновые звучания, показателем которых является напряжённый гласный корня;

3) гиперкласс *истантов-континуантов*, имитирующих краткое звучание в комбинации с тоновым, показателем которых является ненапряжённый гласный между щелевым согласным и сонантом или смычным согласным;

4) гиперкласс *смешанных фреквентативов*, имитирующий звучание диссонанса в комбинации с кратким и/или тоновым звучанием, показателем которых является (вибрант) /r/ и напряжённый гласный и/или ненапряжённый гласный между (вибрантом) /r/ и смычным согласным.

Процентное распределение классов ономастов, использованных в романах, представлено на *Рисунке 2*.

Результаты показывают, что как Ф. С. Фицджеральд, так и Х. Ли в подавляющем большинстве случаев оперируют инстантами-континуантами (57% и 62% соответственно). Например:

10. Великий Гэтсби: *Gatsby began ... slapping himself indecisively on the knee* (Гэтсби начал хлопать себя по коленям, говоря о своем прошлом с Ником, обнаруживая свое нетерпение). Типологические характеристики *slap*: тоновые показатели – интенсивный гласный /æ/ между щелевым согласным /s/, сонантом /l/, и смычный согласный /p/ в качестве показателя удара.
11. Убить пересмешника: *Uncle Jack plunged into another long tale* (Дядя Джэк погрузился (плюхнулся) в длинное повествование). Типологические характеристики *plunge*: ненапряжённый гласный /ʌ/ после смычного согласного /p/ в качестве показателя удара, сонанты /l/ и /n/ передают тоновое звучание.

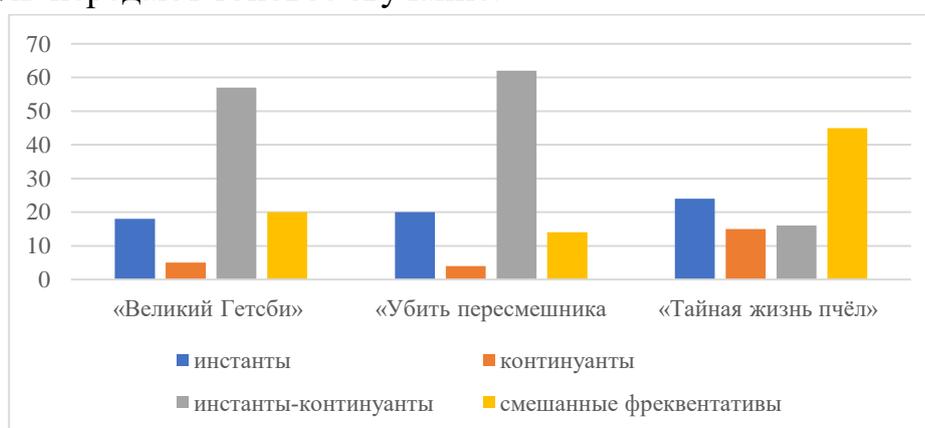

Рисунок 2. Процентное распределение классов ономапопов, использованных в романах

В обоих романах классы инстантов (18% и 20% соответственно) и смешанных фреквентативов (20% и 14% соответственно) занимают промежуточную позицию.

Например, «Великий Гэтсби»:

12. *There was always a tapping foot somewhere* (Гэтсби нервно притопывает, ожидая Ника). Типологические показатели удара *tap* - интенсивный гласный корня /æ/ между взрывными согласными /t/ и /p/.
13. *... she seemed to be revolving on a noisy, creaking pivot* (она [Миртл Уилсон] словно вращалась на шумной, скрипящей оси). Типологические характеристики смешанного фреквентатива *creak* – /r/ и напряжённый гласный /i:/ как показатель тона.

«Убить пересмешника»:

14. *With a click of her tongue she thrust out her bridgework* ([Мисс Модии] отщелкнула зубной протез цокающим движением языка).

Типологические показатели удара *click* – ненапряжённый гласный /ɪ/ между взрывными /k/.

15. *Dill would ring the bell* (Дилл зазвонит в колокольчик). Типологические показатели смешанного фреквентатива *ring* – /r/ производит фрикативный звук, когда воздух проходит через рот и горло; ненапряжённый гласный /ɪ/, за которым следует носовой /ŋ/, является показателем краткого резонирующего удара.

Реже всего оба автора обращаются к континуантам (5% и 4% соответственно). Например,

16. «Великий Гэтсби»: *She was not only singing, she was weeping too*. (Она [выпившая слишком много безымянная гостья Гэтсби] не просто пела, она еще и рыдала). Типологические характеристики тонового звучания *weep* – напряжённый гласный корня /i:/.

17. «Убить пересмешника»: *The bass drum boomed again*. (Загремел бас-барабан). Типологические характеристики тонового звучания *boom*: интенсивный гласный корня /u:/ усиливается звонкими согласными /b/, /m/ и /d/.

Что касается романа «Тайная жизнь пчёл», то в нем распределение звукоподражательных лексем по классам совершенно иное. Почти половина ономастопов, которыми оперирует С. М. Кидд, являются смешанными фреквентативами (45%), и почти четверть – инстантами (24%). Классы континуантов и инстантов-континуантов занимают примерно одинаковые доли в лексемном корпусе (15% и 16% соответственно). Например:

18. *I heard a roar in my head* (В моей голове шумело). Типологические характеристики смешанного фреквентатива *roar* – /r/ как показатель диссонанса и напряжённый гласный /ɔ:/, передающий тоновое звучание).

19. *I plopped my bag on the floor* (Я шмякнула сумку на пол). Типологические характеристики инстанта *plop* – ненапряжённый гласный /ɒ/ между смычными согласными /p/ как показателями краткого звучания.

20. *the banging of my heart* (Громкое биение сердца). Типологические характеристики инстанта-континуанта *bam* – гласный /æ/ между смычным /b/ как показателем удара и сонантом /m/, имитирующим резонирующее звучание.

21. *I listened to the hiss of rain*. (Я прислушалась к шуму дождя). Типологические характеристики шумового континуанта *hiss* – глухой щелевой /s/.

В результате проведенного анализа можно заключить, что популярные романы начала и середины XX в., «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда

(1925) и «Убить пересмешника» Х. Ли (1960), отличаются почти аналогичными предпочтениями авторов относительно выбора ономатопов – более половины используемых ими звукоподражательных лексем имитируют комплексное звучание резонирующего удара (инстанты-континуанты). Оба автора крайне редко используют континуанты. Выбор С. М. Кидд принципиально отличается – в романе «Тайная жизнь пчёл» (2002) около половины звукоподражательных лексем имитируют звучание диссонанса в сочетании с ударом и/или тоном. Ее авторский стиль отличается также тем, что спектр используемых ею ономатопов в два раза шире, чем у Ф. С. Фицджеральда и Х. Ли.

Заключение

Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом:

Тот факт, что во всех трех романах чаще всего встречаются звуки, исходящие от человека и механизмов, говорит о том, что в центре повествования находится человек, который оперирует различными предметами. При этом, несмотря на различия, наиболее распространенным типом звучания во всех трех романах являются не чистые, а комплексные звучания, которые встречаются почти столько же раз, сколько все остальные ономатопы, вместе взятые.

В качестве продолжения исследования планируется проанализировать сводный корпус лексем на предмет частотности их повторения в романах и стадий деиконизации, учитывая тот факт, что эти произведения написаны на протяжении почти 80 лет.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – М.: Флинта, Наука, 2002.
- Воронин С. В. Английские ономатопы (типы и строение): Дис. канд. филол. наук. ЛГУ. Л., 1969.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики – М.: ЛЕНАНД, 2006.
- Знаменская О.Е. Когнитивные основания функционирования звукообозначений (на материале англоязычного художественного текста): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / О.Е. Знаменская; Московский гос. обл. ун-т. – М., 2009.
- Флакман М. А. Звукоизобразительная лексика английского языка в синхронии и диахронии – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015.
- Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: НОУВПО «Институт иностранных языков», Изд-во РХГА, 2016.
- Флакман, М. А. Метод фоносемантического анализа: проблемы применения // Актуальные проблемы языкознания. 2019. №8 – с. 266–270.

- Флакман, М. А. Универсальная классификация ономапопов С.В. Воронина: критическое осмысление (часть 1) // Дискурс. 2020. №6.(4) – с. 131-149.
- Флакман, М. А. Универсальная классификация ономапопов СВ Воронина: критическое осмысление (часть 2) // Дискурс. 2021. №7(1) – с. 92-102.
- Crystal D. The Cambridge Eencyclopedia of the English language / D. Crystal. – Cambridge: CUP, 1995.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. Рипол Классик. 2017.
- Kidd S.M. The secret life of bees. – N.Y., Penguin books, 2003. – 436p.
- Lee H. To Kill a Mockingbird. Mass Market Paperback – International Edition, 1988.

Sedelkina, Yu. G.

Saint Petersburg State University

Wang, M.

Saint Petersburg State University

ONOMATOPOEIA IN AMERICAN FICTION

The article studies onomatopoeic lexicon of the full unabridged versions of three American novels: “The Great Gatsby” by F. S. Fitzgerald, “To Kill a Mockingbird” by H. Lee, and “The Secret Life of Bees” by S. M. Kidd. The study focuses on quantitative and contextual analysis of the onomatopoeic words found in each novel from diachronic perspective. Research methods include the method of continuous sampling and four operations of the method of phonosemantic analysis – semantics, salient iconic traits, etymology, and summa summarum. Two corpora of lexical material were collected – the contextual one containing contextual onomatopoeic word forms, and the lexemic one containing onomatopoeic lexemes only. The contextual corpus was analyzed according to the semantic principle of the sound source, the lexemic one – according to the phonosemantic principle of the sound type. Based on the obtained results, conclusions are drawn regarding the author's preferences and trends in the use of onomatopoeic lexis in the American literary text.

Phonosemantics, English onomatopoeia, American fiction

УДК 811.124

М. А. Флаксман

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID: 0000-0002-8258-4825

maflaksman@etu.ru

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В статье проводится предварительный анализ звукоизобразительной лексики слов латинского языка, имеющих соответствующие пометы в «Этимологическом словаре латинского языка» де Ваана [de Vaan, 2008]. Производится описание лексикологического материала и классификация выделенных звукоизобразительных единиц. Отбор материала осуществляется методом сплошной выборки.

Фоносемантика, оноματοпея, звукоподражания, латинский язык, этимология, звукоизобразительность

Звукоизобразительная лексика (т.е., слова с иконической связью между формой и значением, звукоподражания, мимические слова), многократно описанные в современных языках различных групп и семей ([Hinton et al., 1994], [Voeltz et al., 2001], [Воронин, 2006]); подобная лексика обнаруживается также в древних и реконструированных языках [Flaksman, 2016], [Kozlova, 2015], [Колева-Златева, 2008], [Flaksman, 2022].

На наличие звукоподражаний в латинском языке указывают работы [Georgescu, 2018], [Avery, 1959], а также указания в этимологических словарях других языков, например [OED], где ряд звукоподражаний возводятся к латинским этимонам.

Настоящая работа является предварительным описанием лексикографического материала, полученного методом сплошной выборки из «Этимологического словаря латинского языка» [de Vaan, 2008]. Ниже приводится классификация отобранных звукоизобразительных лексем согласно следующим параметрам:

- (1) подтвержденность звукоизобразительного (ЗИ) статуса;
- (2) фоно-семантическая аффилиация ЗИ-слов [Воронин, 2006];
- (3) стадия деиконизации [Флаксман, 2015].

Примеры из словаря де Ваана [de Vaan, 2008] приводятся без перевода на русский язык (английский перевод сохранён), цитаты из словаря приводятся в сокращённом виде. Авторская пунктуация сохранена.

1. Звукоизобразительная лексика, имеющая подтверждённый статус

В словаре де Ваана [de Vaan, 2008] ряд слов имеют прямое указание на звукоизобразительное происхождение. Так, 53 слова имеют пометы «звукоподражательное» (*onomatopoeic*). Например:

lallō, -āre ‘to sing a lullaby’, *onomatopoeic*, reduplicated imitation of a baby’s sound;

musca ‘fly’, quite possibly an *onomatopoeic* form **mu* for the humming sound which flies and mosquitoes make;

mūgiō, -īre ‘to low, moo, bellow’, *onomatopoeic* form, imitation of a cow’s lowing;

pīpō, -āre ‘to chirp, cheep (of birds)’, an *onomatopoeic* formation, imitating the sound of young birds;

strīdō, -ere ‘to make a shrill sound’, *onomatopoeic* formation of *str-* and *-i-* rendering a high, thrilling tone;

ululō, -āre ‘to howl’, *onomatopoeic* verb for a w-like sound;

upupa ‘hoopoe; kind of pickaxe’, *onomatopoeic* word, found in many languages in a similar form.

Также в словаре имеется ряд лексем, чей ЗИ статус менее очевиден, и может быть подтверждён косвенным путём, в том числе, при помощи метода фоносемантического анализа [Воронин, 2006] или путём анализа их происхождения и семантики:

bibō, -ere ‘to drink’ (cf. E. *bib* ‘to drink; keep on drinking, tipple’, possibly an adaptation of Latin *bibēre*, to drink; but it may have originated independently, in an imitation of repeated movements of the lips; compare the variant *beb* [OED]);

crepo, -āre ‘to make a sharp loud noise’ < PIE **krep-/ *krp-* [aor] ‘to rattle, crackle’;

flō, flāre ‘to blow’;

frango, -ere ‘to break’, родств. англ. *break* (from Proto-Germanic **brekanan*, from PIE root **b^hreg-* ‘to break’ [HARP];

fremō, -ere ‘to utter a deep dull continuous sound’;

frendō, -ere ‘to grind one’s teeth’;

rūmor ‘noise, rumour’ (classical Latin *rūmor* noise, clamour, gossip, report < the same Indo-European base as Sanskrit *ruvati* roars, ancient Greek *ὠρέσθαι* to howl, roar, Old Church Slavonic *ruti* to roar [OED]).

Размер этой группы сопоставим с размером первой, однако она требует дальнейших исследований.

В большинстве выявленных нами случаев, но не исключительно, речь идёт о *мимической* лексике (артикуляторных копиях физиологических процессов), которую, в отличие от звукоподражательной, реже отмечают в словарях. Также к этой группе мы причисляем ряд слов, обозначающих звук, или слов, образованных от слов, обозначающих звук (см. примеры выше), но не имеющих пометы «звукоподражание» в словаре.

2. Фоносемантическая классификация ЗИ лексики латинского языка

С.В. Воронин [2006], а также другие исследователи звукоизобразительности [Hinton et al., 1994] проводят чёткую грань между собственно звукоподражаниями (передача звука звуком) и звукосимволической, мимической лексикой (передача физиологического процесса – чихания, кашля и т.п. – при помощи артикуляционного жеста). В последнем случае, ведущую роль имеют не акустические характеристики звуков речи, а место их артикуляции [Флакман, 2015].

В исследуемом материале мы находим и звукоподражательные, и мимические слова:

2.1 Звукоподражательные слова (ономатопы)

Так, на основании их семантики (указания на звук и на тип звука), к звукоподражаниям можно отнести следующие слова из исследованного словаря:

balō, -āre ‘to bleat’;

būteō ‘hawk or buzzard’, probably onomatopoeic, rendering the call of a hawk or buzzard;

crōciō, -īre ‘to croak’;

hirundō, -inis ‘bird-name (swallow, martin, et sim.)’, onomatopoeic origin from *hirrio* ‘to snarl’;

mūgiō, -īre ‘to low, moo, bellow’.

Дальнейшая классификация звукоподражательных слов согласно классификации, предложенной С. В. Ворониным [2006], представляется возможной, но выходит за рамки данной статьи.

2.2 Мимическая (звукосимволическая) лексика

К мимическим словам, на основании их семантики (присутствуют указания на использование губ, гортани и т.п.), можно отнести:

balbus ‘stammering’, this can go back to a reduplicated PIE formation in **bl-bl-*, of *onomatopoeic* origin, mimicking incomprehensible speech;
bāsium ‘kiss’, many IE and non-IE languages contain a word for ‘kiss’ in **bu-* plus a sibilant, pointing to *onomatopoeic* origin;
bibō, -ere ‘to drink’ (см. выше);
bucca ‘puffed, filled out cheek; mouth’;
gluttīre ‘to swallow’;
lallō, -āre ‘to sing a lullaby’, *onomatopoeic*, reduplicated imitation of a baby’s sound;
-rūgō, -ere ‘to belch’;
sorbeō ‘to drink, suck up’;
spīrō, -āre ‘to breathe’, possibly an *onomatopoeic* formation imitating the sound of breathing;
spuō, -ere ‘to spit’, PIE *onomatopoeic* formation meaning ‘to spit’;
susurrus ‘whisper, soft rustling’;
tussis ‘cough’, [with] *onomatopoeic* consonant gemination in an earlier form **tusus*.

Как видно из приведённых примеров, мимическая лексика зачастую обозначается в словаре де Ваана [de Vaan, 2008] «звукоподражательной».

3. Деиконизация ЗИ лексики латинского языка

Классификация согласно стадиям деиконизации (степени утраты сходства между формой и значением) была разработана нами [Флакман, 2015] на материале современного английского языка.

Мы [Флакман, 2015] выделяем четыре стадии деиконизации (СД).

Слова на **СД-1** являются ЗИ-междометиями / идеофонами с наиболее выраженной смысло-звуковой корреляцией (напр., англ. *bwok, zzz, bzz, sh-h-h*).

Слова на **СД-2** – это ЗИ слова-знаменательные части речи (глаголы, существительные и пр.), имеющие соответствующие морфологические маркеры, не утратившие своих изначальных формы и значения (напр., англ. *beer, peep, boom, crash, screech*).

Слова на **СД-3** – это знаменательные ЗИ, или утратившие свою исходную форму в результате (регулярных) фонетических изменений (СД-3а, напр., англ. *laugh* /a:f/ < *hlahhan*), или утратившие своё исходное значение (связанное со звуком или артикуляционным жестом) (СД-3б, напр., англ. *bib, auk, cliché*).

Слова на **СД-4** утратили как свои исходную форму, так и своё исходное значение, и поэтому уже не являющиеся звукоизобразительными (напр., англ. *gargoyle*).

Латинские ЗИ на СД-1

Как показали наши предыдущие исследования [Flaksman, 2022], [Flaksman, 2016] междометные звукоподражания крайне редко встречаются в древних языках. В нашем корпусе мы находим только *vae* ‘alas!’ (возглас досады, разочарования).

Латинские ЗИ на СД-2

подавляющее большинство слов, напрямую обозначенные звукоподражаниями в словаре, относятся к этой категории – они однозначно передают разные природные звучания (артикуляционные жесты):

crepo, -āre ‘to make a sharp loud noise’;

lallō, -āre ‘to sing a lullaby’;

mūgiō, -īre ‘to low, moo, bellow’;

pīpō, -āre ‘to chirp, cheep’;

rūdō, -ere ‘to roar, bellow’;

rūgiō, -īre ‘to bellow, roar (e.g., of lions or deer)’;

ululō, -āre ‘to howl’;

urpa ‘hoopoe; kind of pickaxe’.

Латинские ЗИ на СД-3б

Ряд слов исследуемого корпуса имеют явные следы семантического развития путём метафорических и метонимических переносов. Так, нами были отмечены следующие типы переносов:

(1) SND → ANIM

(звук → птица/зверь/насекомое, издающее этот звук)

būbō ‘horned or eagle owl’;

cicāda ‘cicada, cricket’, probably an onomatopoeic formation, with reduplication, compare *cicōnia* ‘stork’, a bird also characterized by its clattering sound;

cicōnia ‘stork’ (см. выше);

corvus ‘raven’ < PIE **kor(h₂)-uo-* ‘crow, raven’, all IE languages show words in **kr-* denoting ‘crow’, ‘raven’, or similar birds, and thus are clearly onomatopoeic;

musca ‘fly’ (см. выше).

(2) SND → ABSTR

(артикуляторный жест + звук → абстрактное понятие)

rūmor ‘noise, rumour’ < PIE **h₃re/ouH-mo-* ‘roaring’.

Выделение ЗИ лексики на СД-3а и на СД-4 на данном этапе исследования не представляется возможным. О сложностях обнаружения ЗИ слов на данных СД – см. [Флакман, 2015].

4. ЗИ этимологии ряда английских слов, заимствованных из латыни

Латинский язык является основным языком-донором для английского языка [Durkin, 2014]. Латинские слова заимствовались как напрямую (начиная с древнеанглийского периода), так и через французский / англо-нормандский (начиная со среднеанглийского периода). Поэтому неудивительно, что ряд слов, заимствованных в английский язык из латыни на разных этапах его развития, имеет звукоизобразительное происхождение. Например:

jubilant ‘making a joyful noise, rejoicing with songs and acclamations’ < Latin *jūbilānt-em*, present participle of *jūbilāre* ‘to shout, raise a shout of joy’ [OED], cf. **iūbilō, -āre** ‘to let out whoops’, from PIE **iū*; как отмечает де Ваан [2008], «there seems to be enough evidence to reconstruct a PIE exclamation **iū*, even though this is obviously an onomatopoeia».

murmur ‘the expression of discontent or anger in subdued tones; muttered or indistinct complaint or grumbling’ < its ultimate etymon classical Latin *murmur* a low, continuous sound, a subdued or indistinct utterance, such an utterance indicative of anger or resentment [OED]; **murmur, -is** ‘low, continuous noise’ < PIE **mr-mr-* or **mormor-* (the change of **mor-* > *mur-* being irregular), but it may also have onomatopoeic **-u-*) [de Vaan, 2008].

sibilant ‘having a hissing sound; of the nature of, characterized by, hissing’ < Latin *sībilant-*, *sībilans*, present participle of *sībilāre* to hiss, whistle [OED], **sībilus** ‘hissing sound’, **sībilāre** ‘to hiss’, probably onomatopoeic for a sound *sīb-* (or *sī-*, with a suffix **-plo-*) [de Vaan, 2008].

Заключение

Предварительное изучение корпуса ЗИ-слов, обнаруженных в «Этимологическом словаре латинского языка» [de Vaan, 2008] позволяет заключить следующее:

(1) В латинском языке имелось достаточно большое (по сравнению с другими на настоящий момент изученными древними языками [Flaksman, 2016], [Flaksman, 2022], [Колева-Златева, 2008]) число слов, звукоизобразительных по происхождению (всего > 100 слов, 53 из которых напрямую обозначены «звукоподражаниями»);

(2) Латинские ЗИ представлены как звукоподражаниями, так и мимическими словами;

(3) В исследованном материале обнаружены слова на трёх из выделяемых четырёх стадий деиконизации.

Следует, однако, оговориться, что в «Словарь» не были включены слова средневековой латыни. Поэтому такие звукоподражания, как *tintinnāre* ‘to ring, clink, jingle’ [OED], *cloca, clocca* ‘bell’ (post-classical Latin, from 7th cent. in

Irish sources, from 8th cent. in British and continental sources) [OED], post-classical Latin *bubon-*, *bubo* (perhaps 7th cent. < ancient Greek *βουβῶν* groin, gland, swollen gland) [OED] не попали в настоящую выборку.

В целом, можно заключить, что лексикон латинского языка содержал значительное число слов звукоизобразительной природы и был динамичной, развивающейся системой.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронин С.В. Основы фоносемантика. М.: Ленанд, 2006.
- Колева-Златева Ж. С. Славянская лексика звуко-символического происхождения // *Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis*. Vol. 1. Дебрецен, 2008.
- Флакман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка. канд. дис. Санкт-Петербург, 2015.
- Avery W. T. 1959. The onomatopoeia of "Aeneid". In *The Classical Journal*, 54(8), 350–352.
- de Vaan M. 2008. *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden: Brill.
- Durkin Ph. *Borrowed Words: A History of Loanwords in English*. Oxford: Oxford University Press. 2014.
- Flaksman M. Echoes of the past: Old English onomatopoeia // S. Lenninger, O. Fischer, Ch. Ljungberg and E. Tabakowska (eds.) *Iconicity in Cognition and across Semiotic Systems [Iconicity in Language and Literature 18]*, John Benjamins Publishing Company. 2022. P. 331–350.
- Flaksman M. *Iconic Words in Proto-Germanic // Anglistics of the XXI century, vol. 2. Phonosemantics: in commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary*. St. Petersburg state univ., Fac. of philology; ed. by M.A. Flaksman, O.I. Brodovich. St Petersburg, 2016. P. 39-51.
- Georgescu S. Las 'creaciones expresivas' del Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico en contexto románico e indoeuropeo. Un nuevo (y a la vez antiguo) enfoque // *Revista de Filología Románica*, 35, 2018. P.119–139.
- HARP: Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения 18.03.2023).
- Hinton L., Nickols J., Ohala J.J. (eds.). *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Kozlova T. Iconic Representation of 'Silence' in Proto-Indo-European Roots and Their Reflexes // *Papers of the 10th International Symposium on Iconicity in Language and Literature, Eberhard Karls Universität Tübingen, March 26-28, 2015*. P. 21-22.
- OED: The Oxford English Dictionary (3d edition). URL: <http://www.oed.com> (дата обращения 01.03.2023).
- Voeltz E.F.K., Kilian-Hatz Ch. (eds). *Ideophones [Typological Studies in Language 44]*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.

Flaksman, M.A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

**IMITATIVE WORDS IN THE *ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF LATIN*:
A PRELIMINARY ANALYSIS**

This paper is a brief descriptive overview of the imitative words in de Vaan's Etymological dictionary of Latin. The research material is obtained by the method of continuous sampling from the dictionary. Imitative words are described and classified according to the existing phonosemantic classifications.

Iconicity, phonosemantics, onomatopoeia, Latin, etymology, sound imitation

ТЕРМИНОЛОГИЯ БИОИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ: МЕДИЦИНА, ФАРМАКОЛОГИЯ, ИНЖЕНЕРНОЕ ДЕЛО

УДК 81'255.2:6

Д. Бузи

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0009-0004-3020-9152

busidt@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРМИНОВ В СФЕРЕ АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В докладе обозначены основные проблемы терминологии, волнующие современных лингвистов при изучении особенностей образования терминов и их перевода. В качестве примера рассматривается терминология авиастроения. Методом исследования послужил корпусный анализ соответствующей терминологии, с подробным описанием его этапов.

Терминология, сфера авиастроения, корпусное исследование, Lingtrain Aligner, AntConc

Актуальность исследования

В настоящее время отечественная авиация стремительно развивается, производя многочисленные инновационные объекты, применяющиеся в транспорте, военной и космической промышленности, обыденной жизни. В связи с быстроразвивающейся индустрией и появлением новых научных открытий с одной стороны, и динамическим развитием языков с другой стороны, неизбежно формирование неологизмов, требующих перевода на другие языки и регистрации устойчивых переводческих эквивалентов в глоссариях, которые необходимо постоянно обновлять. В эпоху глобализации предприятия и научные центры, связанные с авиационной промышленностью, являются интернациональными компаниями и нестандартизированные переводы оборотов речи и терминов в технических текстах двух языков могут привести к осложнению международных коммуникаций и замедлению процессов производства и сервиса.

Изучение специальной терминологии и составление лингвистических корпусов в области авиационной промышленности способствует улучшению качества перевода соответствующей научно-технической документации.

Цель, объекты и методика проведения научного исследования

Цель данного исследования состоит в том, чтобы на основе параллельных корпусов недавно опубликованных научных текстов выявить особенности формирования терминов и терминологических сочетаний, используемых в сфере авиационной промышленности, сравнить тенденцию развития новой терминологии с существующим переводческим словарем авиации и выявить основные методы перевода таких терминов. По результатам данной научной работы составляется глоссарий терминов и терминологических сочетаний по авиации на английском и русском языках. Материалом исследования послужили аннотации статей научного журнала «Научный Вестник МГТУ ГА» на двух языках, посвященные авиастроению, проектированию деталей летательных аппаратов, автоматизации и оптимизации авиационных систем. Общий объем собранного материала – 110 000 словоупотреблений, 220 страниц. Для подготовки к исследованию были изучены работы по терминоведению, программированию, а также справочные материалы для создания солидной базы знаний по актуальной авиационной терминологии («Большой англо-русский и русско-английский авиационный словарь» Е. Н. Девнина, «Краткий русско-английский толковый словарь по авиации» А. И. Данилина).

Этапы проведения работы

Настоящее исследование разделено на следующие этапы:

1. Подготовительные работы: составление плана исследования, методики работы, подбор лингвистической и специальной литературы, определение актуальных проблем специализированных терминов и их перевода на другой язык. Изучение терминологических словарей выбранной дисциплины.

2. Подготовка корпуса: выбор корпусного исследования как методика изучения терминологии, составление материала для создания параллельного корпуса, выбор инструментов для выравнивания корпусов и выявления словосочетаний, проверка этих инструментов на их исправную работу.

3. Отбор новых или наиболее труднопереводимых терминов по авиастроению, обзор способов их перевода на русский язык, сопоставление корпусного варианта перевода с переводом в терминологическом словаре и изучение этимологии слова для объяснения его происхождения и употребления.

4. Обобщение результатов исследования, уточнение теоретических данных, и, в конечном итоге, составление глоссария терминов авиации, являющегося обновлением к существующему терминологическому словарю.

На текущем этапе работы подтверждена актуальность изучения терминов авиационной сферы, а также необходимость создания параллельного размеченного корпуса. Проведен подбор программного обеспечения для создания корпусов, изучены программные алгоритмы и способы тестирования программ в отношении текста авиационной тематики.

Проблемы терминоведения. Трудности, с которым сталкиваются переводчики при переводе технических текстов, связаны с несколькими аспектами: с практическим, где для адекватного перевода специальной литературы необходима особая база знаний для понимания смысла, изложенного в тексте, и с теоретическим, где, например, рассматриваются проблема неоднозначности термина и особенности его устройства. Нередко общеупотребляемое слово, переходящее в узкоспециальную сферу и становясь термином, утрачивает ряд своих значений и приобретает новые, однозначные смыслы. Термин отличается от общеупотребляемого слова своей конкретикой и недвусмысленностью. Следовательно, к переводу термина следует подходить крайне серьезно, чтобы результат получился адекватным и соответствующим требованиям, предъявляемым к термину.

На сегодняшний момент понятие «термин» все еще сопряжено с неопределённостью и многоаспектностью его трактовок. Любое слово в определенной научной или профессиональной сфере будет отвечать тем потребностям и типам передаваемой информации, которые характерны для этой дисциплины. Каждый научный деятель при изучении термина дает свою собственную дефиницию этого понятия. Самое общее определение термина, на наш взгляд, выработал С. В. Гринев-Гриневиц, проведя анализ нескольких десятков уже существующих определений и выявив в них их общие сходства: «термин – это специальная лексема (которая может быть словом, словосочетанием или даже знаком), называющая общее понятие, в которой отражен минимум существенных признаков термина» [Гринева-Гриневиц, 2022, с. 129]. Также Гринев-Гриневиц перечисляет ряд дополнительных обязательных признаков, таких как однозначность, контекстуальная независимость, стилистическая нейтральность и прочее [Гринева-Гриневиц, 2022, с. 128–129]. Также Я. И. Рецкер рассматривал в качестве основной функции термина способность точно, кратко и однозначно определять понятие в определенной отрасли науки. Терминами становятся любые единицы языка, которые из общеупотребительной области перемещаются в узкоспециальную и служат для обозначения лишь конкретных понятий, относящихся к данной области, то есть спектр значений слова значительно сокращается [Рецкер, 1974, с. 10]. Исходя из понятия термина определяют и терминосистему:

«терминосистема – совокупность единиц специальной номинации некоторой профессиональной деятельности, изоморфная системе ее понятий и обслуживающая ее коммуникативные потребности», или «терминосистема – терминология, которой эксплицитно представлены ее системные свойства» [Авербух, 2006, с. 50–55].

Следует упомянуть также о нетривиальной проблеме терминоведения – существовании терминов-вариантов одного понятия, что противоречит определяющему признаку термина. К. Я. Авербух утверждает, что для понимания полной картины явлений терминологической вариантности можно получить лишь на основе дедуктивного метода, идя от общего к частному, исследуя все логические возможности варьирования [Авербух, 2002, с. 193; Литовченко, 2006].

Отдельной проблемой можно обозначить изучение новообразованных терминов и их перевода. С одной стороны, неологизмы на исходном языке могут не успеть быть зафиксированы в словарях. С другой стороны, при переводе нового термина на русский язык необходимость активного участия переводчика в создании слова делает весьма сложным достижение как минимум трех целей (i) сохранение семантических и прагматических элементов нового языка, (ii) ненарушение норм языка перевода при создании нового слова и (iii) по возможности сохранение формальной структуры исходного термина-неологизма.

Научные тексты по авиации относятся к специальным текстам, характеризующимся наличием большого количества терминов из сферы производства и техники. Эти лексические единицы описывают модели, процесс работы и практическое использование механизмов и устройств (например, технические термины *simulation model, pilot training system, control panel*), физические величины и процессы, а также свойства материалов (например, научные термины *barometric pressure, angular velocity, turbulence*). Характерными чертами научно-технического текста являются его информативность, содержательность, строгая причинно-следственная последовательность, объективность и, следовательно, ясность и понятность [Жампейис, 2007]. С учетом особенностей научно-технических текстов можно сказать, что главная цель переводчика – достоверно передать всю содержащуюся в нем информацию, сохранить логичность и точность мысли автора, правильно подобрать эквивалентную терминологию, которая должна соответствовать стандартам и нормативной лексике специализированной отрасли.

К. Я. Авербух отмечает, что с развитием современной науки и техники наблюдается, во-первых, все большее заимствование терминов из других

дисциплин, и, во-вторых, усложнение структуры термина из-за появления все более сложных понятий, которые обозначаются многосоставными терминами с большим числом терминологических элементов. Тем самым можно ожидать, что в современных научно-технических текстах будет наблюдаться преобладание терминологических сочетаний, что необходимо учитывать при выделении их из корпуса [Авербух, 2006, с. 50–55].

Корпусная лингвистика и программное обеспечение как инструменты исследования.

Главная особенность корпусного исследования – это обработка текстов, подобранных для анализа, и их изучение с помощью компьютерных программ. В нашем исследовании под корпусом текста подразумевается сборник письменных текстов общей тематики. Такой подход к исследованию упрощает задачу по выделению и статистической обработке сочетаний, позволяет с меньшими временными затратами составлять глоссарии по терминологии авиации. Материал корпуса является собой сплошную выборку из научных журналов, посвященных авиационному машиностроению, проектированию и управлению летательными аппаратами. В итоге создается двуязычный параллельный корпус, который затем обрабатывается специальной программой. Эта программа может представлять собой корпус-менеджер или конкорданс [Гросс, 2017].

Для упрощения работы по поиску терминологического эквивалента собранные тексты на английском и русском языках следует выровнять, создавая параллельный корпус, где каждое предложение на русском языке соотносено с предложением на английском. С этой операцией может справиться бесплатное веб-приложение для выравнивания двуязычных текстов *Lingtrain Aligner*. Основная часть программы написана на языке Python и фреймворке Vue. Для получения выровненного корпуса необходимо загружать две исходные группы текстов в формате *.txt*, заранее размеченных по заголовкам и датам опубликования статей. Затем программа извлекает основной текст, разделяет текст по предложениям, и выравнивает с текстом другого языка, разделяя тексты на батчи (т. е. вектора-отрезки). Следует учитывать, что в процессе выравнивания из-за неравного количества предложений двух текстов будут возникать конфликты соответствия. Программа показывает пользователю список конфликтов и предлагает способы их решения. В результате устранения всех конфликтов можно затем загрузить готовый параллельный корпус в формате *.tmx* или *.txt* для дальнейшей обработки с помощью корпус-менеджера *AntConc* и инструмента для параллельных корпусов *AntPConc*. Эта программа позволяет

статистическим методом (Log-likelihood или Chi Squared) выделить ключевые слова для составления списка словосочетаний.

Подготовительный анализ выявления терминов на уменьшенном корпусе.

Из собранного материала мы выделили небольшую часть, объемом примерно в 5-6 тысяч слов. Отрывок текста обрабатывается для выравнивания через Lingtrain Aligner. Изначально русский текст содержал 146 предложений, а английский – 152, поэтому в процессе выравнивания можно было ожидать появления конфликтов. Известно, что при разнице в 10% эти конфликты можно устранять, автоматически или вручную путем редактирования, объединяя или разделяя предложения. В процессе выравнивания возникло 10 конфликтов, пять из которых были устранены автоматически группированием английских предложений, остальные – посредством смещения предложений. После исправления конфликтов параллельный корпус был готов к обработке корпус-менеджером.

Далее с помощью AntConc было проведено конкордансное исследование многоязычного корпуса для выделения коллокаций (т. е. устойчивых сочетаний лексических единиц) и поиска терминологических сочетаний. Посредством выборки по принципу функционирования словосочетаний и наличия значимого понятия в сфере авиации, а также фильтрации списка N-грамм стоп-словами (любые связующие слова) из корпуса были отобраны однокомпонентные (121), двухкомпонентные (183) и трехкомпонентные (56) коллокации. Учитывая, что тексты изучаемой тематики публиковались относительно недавно (в течение 2022 года), преобладание многоэлементных терминов подтверждает теорию К. Я. Авербуха о связи развития науки с использованием терминов такой структуры образования.

Тем самым, изучение проблем перевода технических терминов с учетом корпусных методов позволило рассмотреть особенности соответствующей переводческой деятельности более полно. В процессе работы создан выровненный двуязычный параллельный корпус, в котором выявлены наиболее частотные термины. Среди них есть как устоявшиеся термины авиации с стандартными вариантами перевода, так и незафиксированные термины, требующие дальнейшей систематизации. В перспективе необходимо провести полноценное параллельное корпусное исследование текстов большего размера, точнее выделить в корпусе основные ключевые однословные термины авиационной промышленности, и более тщательно рассмотреть методику перевода терминов и терминологических словосочетаний для составления полного списка-гlossария.

ЛИТЕРАТУРА

- Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. С. 12.
- Авербух К.Я. Манифест современной терминологии // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах («Коммуникация-2002») ("Communication Across Differences")», Ч.1, Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С.192–194.
- Авербух К. Я. Общая теория термина. М. Издательство МГОУ, 2006. – 252с.
- Гросс М.А. Автоматизированное выделение терминологии из текстов договоров на английском языке при помощи средств корпусной лингвистики // ОНВ. ОИС. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizirovannoe-vydelenie-terminologii-iz-tekstov-dogovorov-na-angliyskom-yazyke-pri-pomoschi-sredstv-korpusnoy-lingvistiki> (дата обращения: 16.03.2023).
- Литовченко В.И. Классификация и систематизация терминов // Сибирский аэрокосмический журнал. 2006. №3 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-i-sistematizatsiya-terminov> (дата обращения: 16.03.2023).
- Жампейис К. М. Особенности научно-технического стиля английского и русского языков // Sosyal Bilimler Dergisi. КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан 2007. No 18. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/843654> (дата обращения: 18.10.2022).
- Гринева-Гринева С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. No3. С. 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>.

Busi D.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

PROBLEMS OF TERMINOLOGY AND CORPUS RESEARCH OF TERMS USED IN THE AVIATION INDUSTRY

This article describes the main problems of terminology that concern modern linguists when studying the features of term formation and its translation. For a deeper study of this issue, it was customary to consider the terminology in the field of aircraft industry by the method of corpus analysis, the preparatory stages are also described in this work.

Terminology, aircraft industry, corpus research, Lingtrain Aligner, AntConc

УДК 81-26'347.78.034

Е. В. Стогова

Санкт-Петербургский государственный университет,

ORCID 0009-0004-2458-3033

stogova.catherine0194@mail.ru

С. О. Горская

Санкт-Петербургский государственный университет,

ORCID 0009-0001-8841-2135

lara.krost45@gmail.com

**СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ
В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ И ФАРМАКОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

В докладе рассматриваются основные характеристики медицинской терминологии, выявлены ее особенности и основные проблемы при переводе на английский и русский языки. Исследуются актуальные стратегии перевода медицинских терминов. Определены основные направления решения проблемы узконаправленных текстов в области медицины и медицинской терминологии.

Термин, медицинская терминология, перевод, приемы и способы перевода, переводческие трансформации

Жизнь современного общества строится на постоянном международном сотрудничестве. Развитие научно-технических знаний привело к появлению огромного количества узкоспециализированной лексики, широко используемой в научных кругах. Одной из важнейших и быстро развивающихся сфер науки, как в России, так и за рубежом, является медицина. Появляются новые лекарства, методы лечения, болезни и их описания, создаются новые технологии и аппараты, необходимые для сохранения жизни человека. Вследствие чего перевод медицинских терминов является одним из самых важных и сложных, так как это область, где приблизительность, неточность или ложность формулировок и терминов просто недопустима, ведь малейшая ошибка может привести к фатальным последствиям. В этом докладе мы уделим особое внимание рассмотрению основных стратегий перевода терминологического аппарата специализированных медицинских текстов и приведем примеры их использования.

Особенности возникновения терминов и необходимость их упорядоченной структуры давно волновали ученых-лингвистов. Много работ касательно изучения природы термина, терминологии и терминосистемы принадлежат как отечественным (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. С. Герда, О. С. Ахманова), так и зарубежным ученым (Ш. Балли, О. Найбеккен, Э. Литтре). Выдвинутое Л. Л. Нелюбиным определение термина как «слово или словосочетание, принятое для точного выражения специального понятия или обозначения специального предмета в той или иной области знаний» [Нелюбин, 2018, с. 108] наиболее близко подходит к настоящему исследованию, рассматриваемому в рамках переводоведения.

Медицинская терминология вбирает в себя обширное многообразие классов и понятий, обозначающих объекты, которые относятся к одной из областей науки, например, анатомии, микробиологии, фармакологии, фармацевтики, гистологии и др. [Величкова, 2012, с. 48]. В связи с этим часто возникают ситуации, когда термин получает больше одного эквивалента в ПЯ – например, *reference material* – имеет несколько соответствий в русском языке: «стандартный образец», «стандартный материал», «эталонный материал», «референтный материал», «образец сравнения» [Миронов, 2013, с. 33–35]. Наличие нескольких эквивалентов одного понятия противоречит самой природе и назначению термина, что приводит к пониманию, насколько актуальна и остра проблема перевода такого рода лексики.

Более того, ложные друзья переводчика могут также вызывать опасение. Ложные друзья переводчика – это слова, которые созвучны с ПЯ, но имеют другое значение. Например, слово *symptomatic* может означать не только «симптоматический», но и «с клиническими проявлениями»: *symptomatic hypertension* – «артериальная гипертензия с клиническими проявлениями», а не «симптоматическая артериальная гипертензия», но *symptomatic therapy* – «симптоматическая терапия». Необходимо убедиться, что при переводе термина или названия болезни используется правильный термин, путем сопоставления и проверки симптомов и прочих деталей, чтобы избежать ошибок в переводе [Талабзода, Талабова, Талабова, 2019, с. 29]. В примере *symptomatic hypertension* были осуществлены такие приемы переводческой трансформации как описательный перевод слова *symptomatic* и транслитерация слова *hypertension*.

В целом, нельзя не заметить, что одним из наиболее распространенных методов формирования терминов является транскрипция и/или транслитерация. Однако для перевода терминов наиболее эффективным методом является определение эквивалента в языке перевода. В случаях, когда

эквивалент найти не удастся, термин можно перевести при помощи следующих часто встречающихся стратегий: 1) заимствование через транскодирование (транскрипция и транслитерация); 2) калькирование, которое представляет собой замену компонентов термина морфемами или словами, соответствующими в языке перевода; 3) описательный перевод, который подразумевает раскрытие значения лексической единицы языка оригинала при помощи развернутых словосочетаний на языке перевода; 4) вариантное соответствие [Комиссаров, Рецкер, Тархов, 2005, с. 126]. Рассмотрим эти стратегии подробнее, проанализировав 45 примеров, отобранных из «Нового англо-русского медицинского словаря» под редакцией В. Л. Ривкина, М. С. Бенюмовича и «Большого англо-русского и русско-английского медицинского словаря» под редакцией И. Ю. Марковиной.

Транскрипция и транслитерация используются при передаче названий лекарственных препаратов и заболеваний. Переводческая транскрипция – это «фонетическая (пофонемная) имитация исходного слова алфавитом языка перевода» [Деревлева, 2010, с. 115]. Транскрипция используется для более точной передачи иноязычного звучания слова. Источником транскрипции, как правило, служат греческие, латинские или английские единицы, в зависимости от того, какие корни лежат в основе исходного термина. Например, *lymphedema* «лимфедема», *methylmethacrylate* «метилметакрилат», *pharmacomania* «фармакомания», *klaritin* «кларитин», *lymphangioma* «лимфангиома», *leukemia* «лейкемия», *epinephrine* «эпинефрин», *polyp* «полип», *hypertrophic cardiomyopathy* «гипертрофическая кардиомиопатия», *metronidazole* «метронидазол», *physiotherapy* «физиотерапия», *chemotherapy* «химиотерапия» и проч.

Транслитерация представляет собой перевод терминов на другой язык, сохраняя при этом их звучание и орфографию. Например, *leukopenia* «лейкопения», *asthma* «астма», *neuraxial anaesthesia* «нейроаксиальная анестезия», *penicillin* «пенициллин», *hemoglobin* «гемоглобин», *adenoma* «аденома», *methotrexate* «метотрексат», *vitamin* «витамин», *antibiotic* «антибиотик», *hematocrit* «гематокрит», *chlamidia* «хламидия», *apixaban* «апиксабан», *autoimmune* «аутоимунный». Такой подход позволяет сохранить точность терминологии и облегчает процесс понимания.

Калькирование представляет собой «передачу комбинаторного состава слова, когда морфемы и лексемы переводятся соответствующими элементами языка перевода» [Эрдибаева, 2016, с. 1196]. Калькирование подразделяется на словообразовательные, семантические и фразеологические кальки [Матвеева, 2005]. Примерами словообразовательных калек являются: *incompatibility* «несовместимость», *obstetric anesthesia care* «акушерский

анестезиологический уход», *clavicula* «ключица» и проч. Семантические кальки (заимствование значения слова, а не его структуры): *vessel* «сосуд» (в значении «проток или канал, несущий любую биологическую жидкость»), *proving* «испытание» (в значении «систематическая процедура тестирования на здоровых людях, чтобы выяснить симптомы, вызывающие необходимость в лекарственном веществе») и др. Фразеологическими кальками, при которых происходит буквальный перевод идиоматических выражений, могут быть представлены такие термины, как *natural selection* «естественный отбор», *drug picture* «лекарственная картина» и др. Таким образом, стратегия перевода путем калькирования позволяет создавать краткие и простые по своему значению и структуре эквиваленты терминов ИЯ. Именно калькирование «предполагает интернациональность содержания терминов при сохранении их национальной формы» [Купова, Купов, 2009].

Как было показано ранее, при переводе термина обычно используется соответствующий ему термин в другом языке. В случае отсутствия того или иного соответствия в языке перевода, переводчики могут использовать такой прием как **описательный перевод**, который подразделяется на два типа: объяснение и подстановка. Прием «объяснение» может быть полезен, например, при переводе аббревиатур. Просто сохранение аббревиации при переводе на русский язык может оказаться недостаточным, потому что в англоязычной литературе она часто используется. Поэтому при первом применении сокращения в переводе может потребоваться уточнение того, как оно расшифровывается: *CPR (cardiopulmonary resuscitation)* «кардиопульмональная реанимация», *ICU (intensive care unit)* «отделение интенсивной терапии», *ECG (electrocardiogram)* «электрокардиограмма», *EEG (electroencephalogram)* «электроэнцефалограмма», *TSH (thyroid-stimulating hormone)* «тиреотропный гормон», *HbA1c (glycated hemoglobin)* «гликированный гемоглобин». Данный прием также используется в случае необходимости предоставления подробного описания термина неспециалисту. Врачи используют научную терминологию при общении со специалистами, но могут столкнуться с проблемой при общении с пациентами, которым может понадобиться объяснение медицинских терминов. Подстановка, в свою очередь является приемом, при котором в качестве эквивалента используется уже существующее слово или словосочетание, обладающее достаточной общностью с исходным словом [Коптев, 2022, с. 22–23]. Например, термин *magnetic resonance imaging* переводится как «магнитно-резонансная томография». В данном случае, словосочетание «магнитно-резонансная» является эквивалентом английского *magnetic resonance*, а «томография» – общепринятым термином для обозначения метода, используемого для создания изображений в медицинской диагностике.

Вариантное соответствие является таким соответствием, при котором у слов имеются несколько значений или словарных соответствий [Нелюбин, 2003, с. 28]. Важно подчеркнуть, что в рамках вариантных соответствий рассматриваются лексические единицы переводящего языка, обладающие многозначностью и широкой семантикой. Многозначные слова составляют значительную часть английской лексики. Каждому многозначному слову в русском языке соответствуют несколько эквивалентов, зачастую совершенно отличных друг от друга, которые определяются по контексту. Например, термин *lockjaw* имеет значение «столбняк», а также – «тризм» (спазм жевательных желез). Первичным значением слова *lockjaw* было проявление заболевания – тризм. В дальнейшем признак заболевания был использован для обозначения самого заболевания. При этом оба значения сосуществуют, не вытесняя друг друга [Вольфберг, 2017, с. 75]. Вариантное соответствие медицинских терминов в разных языках может зависеть не только от контекста, но и от стилистических особенностей медицинской терминологии. Например, *myocardial infarction* «инфаркт миокарда» или «сердечный приступ», *high blood pressure* «гипертония» или «повышенное артериальное давление», *stroke* «инсульт» или «острое нарушение мозгового кровообращения», *migraine* «мигрень» или «головная боль мигренозного типа», *cancer* «рак» или «онкологическое заболевание».

В процессе работы было выяснено, что чаще при переводе медицинской лексики используется транскодирование (56%). В некоторых случаях используется сразу несколько межъязыковых трансформаций. Помимо этого, можно встретить описательный перевод (16%), калькирование (16%), вариантное соответствие (12%). Необходимость точной и адекватной передачи значений терминов в медицине, которые не имеют эквивалентов в русском языке, оправдывает использование приведенных методов перевода. В результате продолжительного и неоднородного развития медицинской терминологии как в английском, так и в русском языках обозначилось огромное количество международных терминов, которые, в основном, используются при переводе, несмотря на наличие множества исконных слов данной тематики. Однако последние намного реже употребляются в научных трудах медицины. В наше время, когда технологии и инновации постоянно развиваются, переведенный материал должен содержать тщательно подобранную медицинскую терминологию, чтобы избежать неточной диагностики, неправильной интерпретации научных достижений и грубых ошибок в профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой англо-русский и русско-английский медицинский словарь / под ред. И. Ю. Марковиной. М.: Живой язык, 2009. – 592 с.
- Величкова С. М., Таранова Е. Н. Структурно-семантические особенности медицинской терминологической лексики (на материале немецкого языка)// Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – № 18 (137). Выпуск 15. – С. 47–54.
- Вольфберг Д. М. Полисемия и омонимия в английской медицинской терминологии//Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017 – № 3(69). – С. 75.
- Деревлева Н. В. Транскрипция и транслитерация как продуктивные способы образования новых медицинских терминов// Журнал ГрГМУ. – 2010. – №4 – С. 114–115.
- Комиссаров В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский. – Часть II – М.: 2005. – С. 287.
- Коптев Г. Е. Терминосистема в англоязычном медицинском дискурсе в переводческом аспекте (на материале научных статей по анестезиологии): Дипломная работа (проект) специалиста по направлению подготовки// Перевод и переводоведение – Томск: [б.и.], 2022. – С. 22–23.
- Купова Ю. Н., Купов С. С. Роль калькирования в переводе медицинской лексики // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. – 2009.
- Матвеева О. В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации: Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов. – 2005.
- Миронов А. Н., Бунятян Н. Д., Саканян Е. И., Губарева О. Н., Матюшин А. А. К вопросу о гармонизации фармацевтической терминологии // Ведомости научного центра экспертизы средств медицинского применения. – 2013. – № 2. – С. 33–37.
- Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учебное пособие: [16+] / Л. Л. Нелюбин. – 6-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2018. – С. 216.
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – с. 320.
- Новый англо-русский медицинский словарь / под ред. В. Л. Ривкина, М. С. Бенюмовича. М.: Руссо, 2004. – 873 с.
- Талабзода М. С., Талабова Т. М., Талабова М. М. Особенности перевода англоязычных медицинских терминов//Вестник науки и образования. – 2019. – № 20-3 (74). – С. 29.
- Эрдибаева Д. Э. Приемы и способы перевода терминов в области оптических приборов (на материале немецкого и русского языков) / Д. Э. Эрдибаева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 8 (112). – С. 1195–1199. URL: <https://moluch.ru/archive/112/28781/> (дата обращения: 14.03.2023).

Stogova, E. V.; Gorskaya, S. O.

Saint Petersburg State University

**STRATEGIES FOR TRANSLATING TERMS
IN THE FIELD OF MEDICINE AND PHARMACOLOGY
(BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND RUSSIAN)**

The paper is devoted to studying the main characteristics of medical terminology and identifying its features and main problems in translation into English and Russian. The current strategies of translation of medical terms are also investigated. The main directions of solving the problem of narrowly focused texts in the field of medicine and medical terminology are determined.

Term, medical terminology, translation, techniques and methods of translation, translation transformations

Материалы
Двенадцатой межвузовской научно-практической конференции
с международным участием «Актуальные проблемы языкознания»
Санкт-Петербург, 17 – 18 апреля 2023 года

Редколлегия:

Беседина Е. И., Кузьмич И. В., Курганская Е. В., Малышева В. Н., Рамантова О. В.,
Степанова Н. В., Тихонова Е. С., Ульяницкая Л. А., Флакسمан М. А., Шумков А. А.

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать _____. Формат 60*84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 3.
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5

